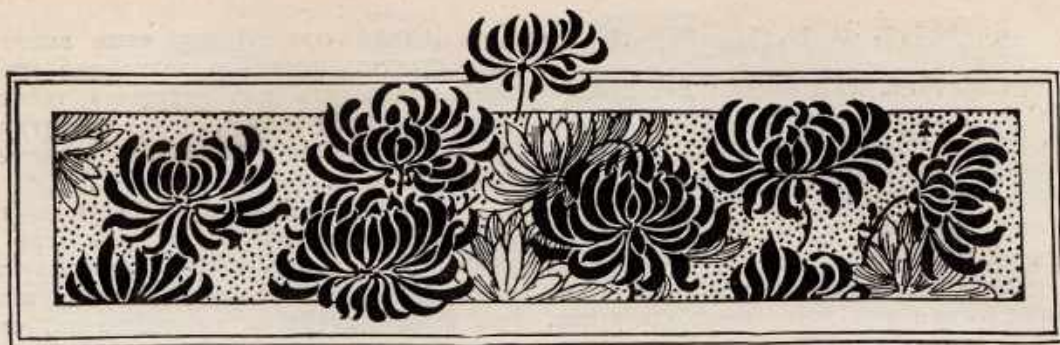

Дѣйствіе первое.

СЦЕНА I.

Улица въ Лондонѣ.

Входитъ Глостеръ.

Глостеръ. Наконецъ-то зима нашихъ невзгодъ, благодаря солнцу Йорка, превращается въ ликующее лѣто, и всѣ густыя облака, висѣвшія надъ нашимъ домомъ, похоронены въ глубокихъ нѣдрахъ океана. Головы наши увѣнчаны побѣдоносными лаврами, наши иззубренные мечи развѣшаны по стѣнамъ, какъ трофеи; устрашающій громъ битвъ смѣнился веселыми пиршествами, а ласкающая слухъ музыка танцевъ замѣнила грозные возгласы нашихъ трубъ, сопровождавшіе наши походы. Суровый образъ войны разгладилъ свое морщинистое чело и на будущее время этотъ образъ, вмѣсто того, чтобы пугать души боязливыхъ противниковъ, скача на закованныхъ въ желѣзо коняхъ, будетъ, въ комнатѣ красивой женщины, живо припрыгивать подъ чарующіе и сладострастные звуки лютни. Только мнѣ, сотворенному не для упражненій, требующихъ ловкости, и не для того, чтобы сладко заглядываться въ зеркало любви,—только мнѣ, сложенному слишкомъ грубо и лишенному необходимой для любви величавости, поэтому не умѣющему красиво рисоваться передъ горделивыми и легкомысленными нимфами,—только мнѣ, обиженному обманщицей-природой относительно соразмѣрности членовъ и какой бы то ни было внѣшней привлекательности,—мнѣ, искривленному, недодѣланному, мнѣ, выброшенному въ дышащій міръ прежде

времени, dokonченному едва только до половины,—мнѣ, до того безобразному, до того уродливому, что, глядя на меня, даже собаки лаютъ, когда я ковыляю мимо нихъ на хромоу ногѣ, да, только одному мнѣ въ текущую пору безсильнаго и изнѣженнаго мира дано испытать развѣ то только наслажденіе, чтобы, ради препровожденія времени, любоваться на солнцѣ своею тѣнью и подсмѣиваться надъ своимъ безобразіемъ. Такъ вотъ, будучи не въ состояніи сдѣлаться обожателемъ этого похваляемаго всѣми мира, я рѣшился сдѣлаться злодѣемъ и смущать пошлое веселье текущихъ дней. Не мало уже затѣяно мною коварныхъ ухищреній, чтобы при помощи разныхъ предсказаній и клеветъ, при помощи пьянаго бреда отуманенныхъ виномъ людей, возбудить между моимъ братомъ Клэрэнсомъ и королемъ смертельную ненависть; поэтому, если король Эдвардъ окажется настолько честнымъ, прямымъ и справедливымъ, насколько я вкрадчивъ, лукавъ и изроломъ, Клэрэнсъ не позже, какъ сегодня, будетъ подвергнутъ безпощадному заключенію вслѣдствіе предсказанія, гласящаго, что наслѣдники короля будутъ убиты кѣмъ-то, чье имя начинается съ буквы „Г.“ Однако, мысли мои, окупитесь снова въ глубину моей души! Вотъ идетъ Клэрэнсъ (*Входятъ окруженный стражей Клэрэнсъ и Бркенбюри*). Здравствуй, любезный братъ! Что значить эта вооруженная стража, окружающая твою особу?

Клэрэнсъ. Король, заботясь о моей безопасности, приказалъ стражѣ проводить меня въ башню.

Глостеръ. За что же?

Кларенсъ. За то, что меня зовутъ Георгомъ.

Глостеръ. Ахъ, бѣдный мой принцъ! Да развѣ это твоя вина? Королю слѣдовало бы подвергнуть заключенію не тебя, а твоихъ воспріемниковъ. Ужъ не намѣренъ ли его величество учинить надъ тобою въ башнѣ вторичное крещеніе. Въ чемъ же, однако, дѣло, Кларенсъ? Могу я это узнать?

Кларенсъ. Да, Ричардъ, но только тогда, когда я самъ хоть что-нибудь узнаю, потому что, даю тебѣ честное слово, до сихъ поръ я не знаю ничего ровно. Впрочемъ, насколько я могъ понять, король обращаетъ вниманіе на всякія пророчества, на всякія нелѣпныя бредни. Ему хочется теперь вычеркнуть изъ азбуки букву „Г“, ссылаясь на то, что какой-то прорицатель предупредилъ его, что все его потомство будетъ уничтожено, благодаря кому-то, чье имя начинается съ буквы „Г“, а такъ-какъ меня зовутъ Георгомъ,—слѣдовательно мое имя тоже начинается съ „Г“,—онъ мысленно рѣшилъ, что будущій убійца его дѣтей никто иной, какъ я. Вотъ, какъ я слышалъ, эта-то нелѣпность и множество другихъ, подобныхъ ей, заставили его величество рѣшиться подвергнуть меня тюремному заключенію.

Глостеръ. Да, всегда бываетъ такъ, когда мужчины дозволяютъ, чтобы ими руководили женщины. Не самъ король управляетъ тебя, Кларенсъ, въ башню, а его жена—миледи Грэй. Она-то и заставляетъ его прибѣгать къ подобнымъ крайностямъ. Кто же, какъ не она, сообщая съ своимъ братомъ, съ почтеннѣйшимъ добрячкомъ Энтони Уидвиллемъ, устроила такъ, что лордъ Гестингсъ былъ тоже посаженъ въ башню, откуда онъ освобожденъ только какъ разъ сегодня? Мы далеко не въ безопасности, Кларенсъ, далеко не въ безопасности!

Кларенсъ. Самимъ небомъ клянусь, что, по моему мнѣнію, ни одинъ человѣкъ здѣсь не въ безопасности, кромѣ родни королевъ да тѣхъ ночныхъ пословъ, которые безпрестанно спуютъ между королемою и мистрисъ Шоръ. Развѣ ты не слыхалъ, съ какими униженными просьбами Гестингсъ обращался къ ней, моля объ освобожденіи?

Глостеръ. Униженныя воззванія къ такому божеству, какъ она, возвратили свободу лорду-камергеру. Знаешь-ли, мнѣ кажется, что и намъ, чтобы остаться у короля въ милости, слѣдовало бы надѣть ея ливрею. Она и ревнивая, помятая годами вдова стала при здѣшнемъ дворѣ могущественнѣйшими кумушками съ тѣхъ поръ, какъ король возвелъ ихъ въ санъ благородныхъ леди.

Брэкенбюри. Прошу ваше высочество простить меня. Его величество строжайше запретилъ мнѣ допускать тайные разговоры между его братомъ и другими лицами, какъ бы ни были высоко поставлены эти лица.

Глостеръ. Если такъ, не угодно-ли принять участіе въ нашемъ разговорѣ и вамъ? Между нами, любезнѣйшій другъ, рѣчь идетъ не объ измѣнѣ. Мы говоримъ, что король мудръ и добродѣтеленъ, что королева по годамъ достаточно почтенна, что она хороша собою и нисколько не ревнива. Мы говоримъ такъ-же, что у жены Шора ножка прехорошенькая, ротикъ, какъ вишня, глаза обворожительные и разговоръ даже болѣе, чѣмъ очаровательный; говоримъ такъ же, что родственники королевъ возведены въ дворянское достоинство. Что же скажете вы на это, сэръ? Можете вы отрицать справедливость всего этого?

Брэкенбюри. Мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла, милордъ.

Глостеръ. Нѣтъ никакого дѣла до мистрисъ Шоръ? Говорю тебѣ отъ чистаго сердца, пріятель, что всякому, кто, кромѣ одного, захотѣлъ-бы имѣть съ нею дѣло, слѣдовало-бы совершать это въ величайшей тайнѣ.

Брэкенбюри. Кто-же этотъ одинъ, милордъ?

Глостеръ. Кто-же, бездѣльникъ, какъ не ея мужъ? Ужъ не хочешь-ли ты донести на меня?

Брэкенбюри. Прошу вашу свѣтлость простить меня, но въ то-же время прекратить свой разговоръ съ благороднымъ герцогами.

Кларенсъ. Мы знаемъ, Брэкенбюри, что ты обязанъ исполнять приказанія выше, поэтому повинемся.

Глостеръ. Всѣ мы холопы королевъ, поэтому обязаны повиноваться... Прощай, любезный братъ. Я иду къ королю, и чтобы ты мнѣ ни поручилъ, — даже назвать сестрою вдову короля Эдварда, для того, чтобы освободить тебя, исполню все въ точности. Между тѣмъ оскорбленіе, нанесенное тебѣ, какъ брату, огорчаетъ меня сильнѣе, чѣмъ ты можешь вообразить.

Кларенсъ. Я знаю, что оно не можетъ прійтись по вкусу никому изъ насъ.

Глостеръ. Будь покоенъ; твое заключеніе продлится не долго; я или освобожу тебя, или займу твое мѣсто. Не теряй только терпѣнія.

Кларенсъ. Поневоля приходится имъ вооружиться. Прощай (*Кларенсъ, Брэкенбюри и стража уходятъ*).

Глостеръ. Ступай, неосмотрительный, глупый Кларенсъ! Ступай туда, откуда тебѣ

не будетъ болѣе возврата. Любовь моя къ тебѣ такъ велика, что я въ самомъ короткомъ времени отправлю тебя на небеса, если только имъ угодно будетъ принять изъ нашихъ рукъ такой подарокъ. Кто-же это, однако, идетъ сюда?.. А! Только-что освобожденный Гестингсъ.

Входитъ Гестингсъ.

Гестингсъ. Добраго утра милостивѣйшему моему герцогу!

Глостеръ. Того-же самого желаю и я добрейшему лорду-камергеру... да и не только я, но и самый чистый воздухъ. Какъ перенесли вы заключение?

Гестингсъ. Какъ и слѣдуетъ заключенному, благородный лордъ:—съ полнымъ терпѣнiемъ... Тѣмъ не менѣе я всю жизнь посвящаю на то, чтобы благодарить тѣхъ, кому я былъ обязанъ этимъ заключенiемъ.

Глостеръ. О, конечно, конечно!.. да и Кларенсъ тоже. Видь у васъ съ нимъ враги одни и тѣ-же... Они одолѣли его такъ-же, какъ и васъ.

Гестингсъ. Зачѣмъ заперать въ тюрьмы орловъ, когда коршуны и сарычи хищничаютъ на волѣ?

Глостеръ. Какіе слухи изъ-за границы?

Гестингсъ. И вѣстiя, и внутреннiя извѣстiя одинаково скверны. Король нездоровъ; онъ слабѣетъ, тоскуетъ и врачи сильно за него боятся.

Глостеръ. Клянусь святымъ Павломъ, извѣстiе это не изъ особенно прiятныхъ. Онъ слишкомъ долго не зналъ никакого воздержанiя и всякими излишествами не въ мѣру истощалъ свою царственную особу. Грустно даже подумать объ этомъ... Скажите, онъ не встаетъ съ постели?

Гестингсъ. Да, не встаетъ.

Глостеръ. Ступайте впередъ; я тотчасъ-же послѣдую за вами (*Гестингсъ уходитъ*). Надѣюсь, что жить ему осталось недолго, но ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ умереть, слѣдуетъ на почтовыхъ отправить Георга на тотъ свѣтъ. Отправляюсь къ королю и постараюсь еще сильнѣе разжечь его ненависть противъ Кларенса; пушу въ ходъ ложь, подкрѣпленную самыми вѣскими доводами, и если на мою долю и на долю моего глубокаго замысла не выпадетъ полной неудачи, Кларенсу болѣе не прожить ни одного дня. Когда-же это будетъ исполнено, да приметъ Господь и Эдварда въ свои милостивыя объятiя, а мiръ съ его тревоженiями предоставитъ мнѣ... Тогда я женюсь на младшей дочери Уорика. Какое дѣло до того, что я былъ причиной смерти и мужа ея, и отца? Самое лучшее средство умиловить бабенку—заступить ей мѣсто мужа и отца, а я намѣренъ слѣ-

латься тѣмъ и другимъ не столько изъ-за любви, сколько въ виду тайной цѣли, которой я достигну женитьбой. Однако, я забѣгаю на рынокъ ранѣе своей лошади:—Кларенсъ еще живъ; Эдвардъ тоже еще живъ и царствуетъ. Вотъ, когда ихъ не станетъ, тогда и мы сочтемъ свои барыши (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Другая улица въ Лондонѣ.

Тѣло короля Генриха VI несутъ въ открытомъ гробѣ, окруженномъ тѣлохранителями, вооруженными алебардами. За гробомъ въ глубокомъ траурѣ слѣдуетъ леди Анна.

Анна. Поставьте, поставьте на землю свою почтенную ношу, если только можетъ лежать въ гробу то, что достойно почтенiя, а мнѣ дайте еще палиться въ горькихъ сѣтованiяхъ о безвременной кончинѣ добродѣтельнаго Ланкастра. О, бѣдный, холодный, какъ ключъ, обликъ святого короля! Блѣдный прахъ дома Ланкастровъ! Безкровные останки царственной крови! да будетъ мнѣ дозволено обратиться съ мольбою къ твоей тѣни, чтобы она выслушала вопли бѣдной Анны, жены твоего Эдварда, убитаго твоего сына, умерщвленнаго тою-же рукою, которая нанесла и эти раны! Смотри, безпомощнымъ бальзамомъ, струящимся изъ моихъ глазъ, я орошаю отдушины, изъ которыхъ вытекла твоя жизнь. О, будь проклята она, та рука, что произвела эти отверстiя! Проклятiе тому сердцу, у котораго достало духа это сдѣлать! Проклятiе той крови, которая обезкровила это тѣло! Пусть самая ужасная бѣдствiя, какія только можно пожелать ехиднамъ, паукамъ, жабамъ, всѣмъ существующимъ на свѣтѣ пресмыкающимся ядовитымъ тварямъ, обрушатся на того, кто твоею смертию повергъ насъ въ безысходное горе! Если онъ когда-либо готовъ будетъ сдѣлаться отцомъ, пусть, вмѣсто того, чтобы родиться ребенку, произойдетъ выкидышъ, а если преждевременно явившiйся на свѣтъ ребенокъ останется живъ, пусть онъ окажется уродомъ, чудовищемъ, пугающимъ своимъ отвратительнымъ видомъ, приводящимъ въ ужасъ родившую его мать, съ такою надеждой ожидавшую его рожденiя, и пусть этотъ ребенокъ унаслѣдуетъ всѣ несчастiя, которыхъ достоинъ убійца—отецъ! Если у него будетъ жена, пусть его смерть повергнетъ ее въ еще большее отчаянiе, чѣмъ повергла меня

смерть юнаго моего супруга и твоя!.. Теперь принятую вами въ храмъ святаго Павла священную пошу несите далѣе въ Чертси, гдѣ она должна быть предана землѣ; если-же вы все-таки чувствуете усталость, отдохните здѣсь еще, а я буду продолжать стонать надъ трупомъ Генриха! *(Носильщики поднимаютъ трупъ на руки и намреваются идти дальше)*

Входитъ Глостаръ.

Глостаръ. Стойте вы, несущіе гробъ, и поставьте его на землю!

Анна. Какой злобный колдунъ вызвалъ сюда этого демона, мѣшающаго довести до конца святое дѣло любви?

Глостаръ. Поставьте, негодни, трупъ на землю, иначе, клянусь святымъ Павломъ, ослушникъ тотчасъ-же самъ обратится въ трупъ!

1-й носильщикъ. Посторонитесь, милордъ, и дайте дорогу гробу.

Глостаръ. Когда я приказываю, сторонись ты самъ, неучъ! Сторонись самъ, гнусный пещъ! Прочь аллебарду отъ моей груди! или, —клянусь святымъ Павломъ! — я повергну тебя, подлый нищій, на землю и за твою дерзость растопчу тебя ногами! *(Носильщики опускаютъ гробъ на землю).*

Анна. Какъ? Вы испугались, дрожите передъ нимъ? Увы, я не могу осуждать васъ, потому что вы люди смертные, а глаза смертныхъ не выносятъ лицемерія дьявола! Сгинь, отвратительное исчадіе ада! Ты имѣлъ власть только надъ браннымъ его тѣломъ, но надъ его душою ты этой власти имѣть не можешь! Поэтому — вонъ отсюда! Исчезни!

Глостаръ. Прелестная праведница, именемъ человѣколюбія молю тебя — перестань проклинать!

Анна. Гнусный дьяволъ, отъ имени Бога говорю тебѣ: — прочь отсюда и не смѣй намъ мѣшать, потому что кто-же, какъ не ты, превратилъ счастливую землю въ адъ, переполнивъ ее криками проклятій и возгласами глубокаго отчаянія? Если созерцаніе гнусныхъ дѣяній доставляетъ тебѣ наслажденіе, любуйся вотъ на этотъ образчикъ своихъ злодѣйствъ. О, смотрите, смотрите всѣ! Раны убитаго Генриха снова раскрываютъ свои помертвѣвшія уста и изъ нихъ опять сочится кровь! Краснѣй, краснѣй, гнусное скопище всевозможныхъ безобразій! Твое присутствіе вызываетъ кровь изъ этихъ пустыхъ, холодныхъ жилъ, въ которыхъ уже нѣтъ живой крови. Твои безчеловѣчныя, противоестественныя дѣла вызываютъ это противоестественное-же изліяніе. О, Боже, алившій живую кровь въ это созданіе, отомсти за него! О, земля, впитавшая въ себя его кровь, отомсти за

нее! Или ты, о, небо, порази своею молніею убійцу на смерть, или ты, земля, развернись шире и скорѣе поглоти самого злодѣя, какъ поглотила кровь этого добраго короля, убитаго послушною аду рукою этого изверга!

Глостаръ. Миледи, вы забываете законы милосердія, предписывающіе воздавать за зло добромъ и благословеніями за проклятія.

Анна. Извергъ, тебѣ одинаково неизвѣстны законы и Бога, и людей! Нѣтъ ни одного самаго лютаго звѣря, которому небыло бы доступно чувство состраданія!

Глостаръ. Мнѣ оно недоступно, поэтому я не звѣрь.

Анна. О, чудо! Дьяволъ говорить правду!

Глостаръ. Еще большее чудо, когда ангелы такъ-же гнѣваются, какъ вы! Благословите, божественный образецъ полнѣйшаго совершенства женщины, позволить мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы оправдаться передъ вами въ несправедливо взводимыхъ на меня преступленіяхъ.

Анна. Нѣтъ, ты, прогнѣвшее насквозь безобразіе мужчины, позволь мнѣ воспользоваться случаемъ, чтобы за эти всѣми дознанныя преступленія отвести душу, проклиная тебя, проклятаго!

Глостаръ. О, ты, болѣе прекрасная, чѣмъ въ силахъ выразить языкъ, вооружись терпѣніемъ и дай мнѣ представить мои извиненія.

Анна. А ты, чудовище, болѣе отвратительное, чѣмъ въ силахъ вообразить сердце, скажи, въ чемъ можешь ты найти себѣ извиненіе? Развѣ въ томъ, что повѣсился?

Глостаръ. Такое проявленіе отчаянія обратилось-бы въ обвиненіе противъ меня самого.

Анна. Нѣтъ, отчаяніе послужило-бы для твоего оправданія, еслибы ты заслуженно наказалъ себя за то, что незаслуженно убивалъ другихъ.

Глостаръ. А что было-бы, если-бы я ихъ не убилъ?

Анна. Что? Они были-бы живы до сихъ поръ, но они умерли, благодаря тебѣ, гнусный прислужникъ дьявола.

Глостаръ. Вашего мужа я не убивалъ.

Анна. Значить, онъ живъ?

Глостаръ. Нѣтъ, онъ умеръ; его убила рука Эдварда.

Анна. Твоя гнусная глотка лжетъ! Королева Маргарита видѣла, какъ твой преступный мечъ еще дымился его кровью; ты даже обратилъ этотъ мечъ противъ нея, когда твои братья отвратили лезвіе отъ ея груди.

Глостэръ. Я былъ вызванъ на это ея злорѣчивымъ языкомъ, старавшимся свалить ихъ преступленіе на мою ни въ чемъ неповинную голову.

Анна. Тебя на это вызвала твоя кровавая душа, вѣчно мечтающая объ однихъ только звѣрскихъ злодѣяніяхъ. Не ты-ли умертвилъ и этого короля?

Глостэръ. Да, въ этомъ я сознаюсь.

Анна. Сознаешься, гнусный ежъ? О, Господи, покарай его за это ужасное дѣло! О, какъ добръ былъ король, какъ привѣтливъ, кротокъ и добродѣтеленъ!

нашего остроумія и поговоримъ спокойно о болѣе важномъ дѣлѣ. Скажи, то, что было причиною смерти обоихъ Плантагенетовъ, Генриха и Эдварда, развѣ не настолько преступно, какъ и орудіе казни?

Анна. Ты самъ та причина, которая привела къ такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ.

Глостэръ. Главною поведшею къ нимъ причиною была твоя красота, да, твоя красота, не дающая мнѣ покоя даже и во снѣ. Я готовъ загубить весь міръ, лишь бы хотъ на одно мгновеніе прижаться къ прелестной твоей груди!

Глостэръ. Болѣе пригодный король для неба, чѣмъ для земли.

Анна. Какъ ты для ада! Тебѣ не знать иного мѣста!

Глостэръ. Есть еще одно мѣстечко, которое меня ожидаетъ. Я даже могу назвать его, если ты позволишь.

Анна. Острогъ? Тюрьма?

Глостэръ. Нѣтъ, твоя спальня.

Анна. Покойдабѣжить изъ той комнаты, въ которой ты расположишься спать.

Глостэръ. Покоя и не будетъ, пока я буду оставаться съ тобою.

Анна. Надѣюсь.

Глостэръ. А я увѣренъ... Слушай, прелестная Анна! прекратимъ состязаніе

Анна. Я вотъ этими ногтями содрала бы красоту съ своего лица, если-бы повѣрила твоимъ словамъ, убійца!

Глостэръ. Мои глаза не потерпѣли-бы, чтобы красотѣ наносили такую обиду! Въ моемъ присутствіи вы-бы себя не обезобразили. Она живить меня, какъ солнце живить вселенную; она мой свѣтъ дневной, моя жизнь!

Анна. Пусть этотъ свѣтъ превратится въ непроглядную ночь, какъ самая твоя жизнь и смерть!

Глостэръ. Не проклинай самое себя, прелестное созданье: ты и свѣтъ, и мракъ, и жизнь, и смерть!

Анна. Желала-бы я, чтобы было такъ; это дало-бы мнѣ возможность отомстить тебѣ.

Глостэръ. Я не знаю ничего болѣе противонестественнаго, какъ мщеніе тому, кто тебя любитъ.

Анна. Желаніе мстить тому, кто убилъ моего мужа, вполне естественно и разумно.

Глостэръ. Знай, прелестное созданіе, что тотъ, кто лишилъ тебя мужа, сдѣлалъ это съ цѣлью доставить тебѣ другого, лучшаго, болѣе достойнаго.

Анна. Лучшаго? Такого на землѣ не существуетъ.

Глостэръ. Есть нѣкто, любящій тебя сильнѣе, чѣмъ могъ любить твой мужъ.

Анна. Назови его.

Глостэръ. Онъ Плантагенэтъ.

Анна. Это было его имя.

Глостэръ. Имя то-же самое, но тотъ, кто носитъ его теперь, достоинѣе того, кто его носилъ.

Анна. Гдѣ-же этотъ человѣкъ?

Глостэръ. Здѣсь (*Леди Анна плюетъ ему въ лицо*). Зачѣмъ плюешь ты на меня?

Анна. Желала-бы я, чтобы моя слюна превратилась для тебя въ смертельный ядъ.

Глостэръ. Ядъ никогда не сохранялся въ такомъ очаровательномъ сосудѣ.

Анна. Никогда онъ не попадалъ на болѣе омерзительную жабу! Прочь съ моихъ глазъ! Ты для нихъ служишь предметомъ отвращенія!

Глостэръ. А твои чарующіе глаза поранили меня въ сердце.

Анна. Жалѣю я, что они не умертвили тебя на мѣстѣ, какъ взгляды василиска.

Глостэръ. Я самъ жалѣю, что они не убили меня сразу, потому что теперь они поражаютъ меня постоянно оживляющею смертью. Смотри, отъ твоихъ взглядовъ на мои глаза навернулась соленая влага, опозоривъ ихъ струями ребяческихъ слезъ!... Никогда еще не увлажнялись они ни одной каплей, вызванной состраданіемъ. Они оставались сухи даже и тогда, когда отецъ мой Юркъ и Эдвардъ оба рыдали, слыша мучительные вопли Рютленда, на котораго сыпались смертоносные удары чернолицаго Клиффорда; такъ-же сухи оставались они, когда твоей войнолюбивый отецъ передавалъ мнѣ грустную повѣсть о кончинѣ моего отца, разъ двадцать принимаясь всхлипывать и рыдать, какъ ребенокъ, между тѣмъ какъ щеки всѣхъ присутствовавшихъ были смочены слезами, какъ листья деревьевъ дождемъ. Даже въ эти страшныя минуты мужественные глаза не упились до того, чтобы пролить хотя-бы одну

слезинку, и вотъ—чего не въ силахъ было исторгнуть изъ меня горе, то сдѣлала твоя красота:—благодаря ей, меня ослѣпили слезы! Никогда не обращался я съ мольбою ни къ другу, ни къ недругу; никогда съ моего языка не сорвалось ни одного ласковаго, утѣшительнаго слова, но теперь твое сердце—та награда, къ которой я стремлюсь, мое гордое сердце молить и заставляетъ говорить мой языкъ (*Анна смотритъ на него съ презрѣніемъ*). Не придавай своимъ устами такого презрительнаго выраженія, потому что, прекрасная леди, они созданы для поцѣлуевъ, а не для такого чувства!.. Если твое мстительное сердце не можетъ простить, я предлагаю тебѣ вотъ этотъ заостренный мечъ. Когда у тебя есть на то желаніе, вонзи его въ эту вѣрную грудь и вырви изъ нея боготворящую тебя душу!.. Смотри, я обнажаю грудь для смертельнаго удара и, покорно склонивъ колѣни, молю тебя о смерти! (*Онъ обнажаетъ грудь, на которую Анна направляетъ мечъ*). Скорѣй!.. Не медли!.. Потому что,—если я и убилъ короля Генриха,—это преступленіе было вызвано твоею красотой! Кончай же скорѣе!—Да, вѣдь, я закололъ молодого Эдварда... (*Она опять направляетъ мечъ на его грудь*)... Но при этомъ руку мою направили твои небесныя черты (*Она роняетъ мечъ*). Подними мечъ опять и помоги мнѣ встать.

Анна. Встань, притворщикъ! Хотя я и желаю твоей смерти, но сама я не буду палачемъ.

Глостэръ. Такъ прикажи, чтобы я самъ убилъ себя, и я это исполню.

Анна. Я уже приказывала.

Глостэръ. Да, въ минуту дикаго гнѣва. Повтори это опять, и по твоему слову эта рука, которая изъ-за любви къ тебѣ убила твою любовь, изъ-за любви же къ тебѣ положить конецъ еще болѣе страстной любви, и ты лвишься главною виновницею обѣихъ смертей.

Анна. О, если-бы я могла ясно читать въ твоемъ сердцѣ!

Глостэръ. Оно все у меня на языкѣ.

Анна. Я боюсь ихъ:—оба они лживы.

Глостэръ. Если такъ, ни одинъ мужчина не былъ правдивъ и вѣренъ.

Анна. Хорошо, хорошо... Вложи мечъ въ ножны.

Глостэръ. Однако, могу-ли я надѣяться?

Анна. Мнѣ кажется, что всѣ люди живутъ не иначе, какъ надеждою.

Глостэръ. Носи вотъ это кольцо.

Анна. Согласиться носить чужое—не то же, что отдать свое (*Объясняетъ кольцо на палецъ*).

Глостеръ. Какъ это кольцо охватываетъ твой палецъ, такъ и твоя грудь охватываетъ мое сердце. Бери ихъ обоихъ, потому что оба они—твоя собственность. Теперь, если твоему несчастному и преданному слугѣ дозволено молить твою доброту еще объ одной милости, ты навсегда сдѣлаешь его счастливымъ.

Анна. Какая-же это милость?

Глостеръ. Предоставь исполненіе этого печальнаго обряда тому, кто имѣетъ несравненно болѣе основанія скорбѣть о происшедшемъ, чѣмъ ты, и удались въ Кросби, куда я покорнымъ рабомъ явлюсь къ тебѣ тотчасъ-же, какъ только въ Чертейскомъ монастырѣ торжественно предамъ землѣ останки благороднаго короля и орошу его могилу слезами раскаянія. По многимъ, еще невѣдомымъ тебѣ причинамъ, умоляю тебя, окажи мнѣ эту милость.

Анна. Отъ всей души. Мнѣ такъ отрадно видѣть твое раскаяніе. Трессель и вы, Беркли, идите со мною!

Глостеръ. Не уходи, не простившись.

Анна. Это было-бы не заслуженною еще наградою. Но разъ ты уже научишь меня обманывать тебя, пожалуй, вообрази, будто я съ тобою простилась (*Уходитъ. За нею Трессель и Беркли.*)

Глостеръ. Продолжайте свой путь, господа.

1-й носильщикъ. Попрежнему направляясь въ Чертси?

Глостеръ. Нѣтъ, въ Уайтъ—Фрайарсъ и ждите моего прихода (*Всѣ остальные уходятъ, унося гробъ*). Виданное-ли дѣло, чтобы кто-нибудь добивался любви женщины такимъ образомъ? Виданное-ли дѣло, чтобы кто-нибудь счумѣлъ такимъ образомъ добиться любви? Я буду ее имѣть, но не стану пользоваться этимъ долго. Какъ! Мнѣ, убившему ея мужа и его отца, удастся завладѣть ея сердцемъ въ ту самую минуту, когда ненависть ея въ полномъ разгарѣ, когда съ ея устъ сыплются проклятія и когда главная причина ея ненависти находится тутъ-же, рядомъ, когда противъ меня и Богъ, и совѣсть, когда меня въ моихъ исканіяхъ не поддерживаетъ никто, кромѣ дьявола и моихъ лицемерныхъ взглядовъ... Я покоряю ее, цѣлый міръ и покоряю ничѣмъ!.. Какъ! Неужто она уже успѣла забыть своего мужа, прекраснаго принца Эдварда, котораго я какихъ-нибудь три мѣсяца тому назадъ, въ порывѣ дикаго иступленія, закололъ подъ Тюксбюри, закололъ самаго милаго, самаго достойнаго любви принца, котораго природа съ такою расточительною щедростію надѣлила и молодостію, и отвагой, и такою поистинѣ царственною мудростію, что во

всей необъятной вселенной не скоро родится другой, подобный ему! и вдругъ она унизила себя до того, что низвела взоры свои до меня, подкосившаго золотую весну прекраснаго принца, сдѣлавшаго ее жалкою вдовою, тоскующею на опустѣвшемъ ложѣ! До меня, кто, взятый цѣликомъ, не стоитъ и половины Эдварда, до меня, хромого и, какъ видите, уродливаго до нелзя! Я готовъ прозакладывать свое герцогство противъ нищенскаго динарія, что до сихъ поръ сильно ошибался въ своей наружности. Клянусь жизнью, что она находитъ меня красивѣйшимъ мужчиною, хотя самъ я этого не нахожу. Прибѣгну къ зеркалу, заставлю дюжину или двѣ портныхъ придумывать наряды такого покроя, чтобы они служили украшеніемъ для моего изуродованнаго тѣла. Разъ примирившись съ своею наружностью, какъ не дозволить себѣ небольшихъ расходовъ, чтобы оставаться съ нею въ ладахъ? Такъ! Но прежде упрячемъ того молодца въ могилу, а затѣмъ будемъ изливаться въ сѣтованіяхъ къ предмету моей любви. Свѣти-же, ясное солнце, чтобы я могъ на ходу любоваться хоть своею тѣнью, пока еще не купилъ себѣ зеркала. (*Уходитъ*)

С Ц Е Н А III.

Лондонъ; комната во дворцѣ.

Входятъ: королева Елизавета, лордъ Райверсъ и лордъ Грэй.

Райверсъ. Вооружитесь терпѣніемъ, королева: нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ его величеству въ самомъ скоромъ времени вернется обычное его здоровье.

Грэй. Ваша тревога только разстраиваетъ короля и усиливаетъ его болѣзнь. Поэтому примите на себя болѣе спокойный видъ и поддерживайте бодрость короля беззаботными и веселыми разговорами.

Королева Елизавета. Что будетъ со мною, если онъ умретъ?

Грэй. Васъ постигнетъ потеря такого супруга; другой бѣды я не предвижу.

Королева Елизавета. Въ такой потерѣ совѣщаются всѣ несчастія.

Грэй. На тотъ случай, если короля не станетъ, небо, въ утѣщеніе вамъ, благословило васъ прекраснѣйшимъ сыномъ.

Королева Елизавета. Онъ такъ еще молодъ и на время его несовершеннолѣтія опека надъ нимъ поручена Ричарду Глостеру, человѣку, который не любитъ ни меня, ни кого-бы то ни было изъ насъ.

Грэй. Развѣ то, что онъ будетъ почителемъ—дѣло уже рѣшенное?

Королева Елизавета. Если не вполне рѣшенное, то, по крайней мѣрѣ, такое предположеніе существуетъ. Если умретъ король, почителемъ непременно будетъ Глостеръ.

Входятъ Бокингемъ и Стэнли.

Грэй. Вотъ идутъ лорды Бокингемъ и Стэнли.

Бокингемъ. Доброго утра вашей королевской милости.

Стэнли. Да возвратить вамъ небо прежнія радость и веселье.

Королева Елизавета. Добрѣйшій лордъ, герцогиня Ричмондская едва-ли бы сказала „аминь“ на ваше пожеланіе. Впрочемъ, Стэнли, хотя она вамъ и жена и хотя меня она не любитъ, будьте увѣрены, любезнѣйшій лордъ, что я, за все ея гордое высокомеріе, не питаю къ вамъ ни малѣйшей ненависти.

Стэнли. Умоляю ваше величество не вѣрить завистливымъ клеветамъ лживыхъ ея обвинителей. Если-же въ томъ, что о ней рассказываютъ, есть доля правды, будьте снисходительны къ ея слабостямъ, скорѣе простекающимъ изъ ея болѣзненнаго состоянія, чѣмъ изъ обдуманной и закоснѣлой злобы.

Королева Елизавета. Скажите, лордъ Стэнли, видѣли вы сегодня короля?

Стэнли. Мы съ лордомъ Бокингемомъ сейчасъ отъ его величества.

Королева Елизавета. Есть-ли какая-нибудь надежда на его выздоровленіе?

Бокингемъ. Да, государыня, даже очень большая. Его величество разговаривалъ очень весело.

Королева Елизавета. Дай Богъ, чтобы онъ выздоровѣлъ. Разговаривали вы съ нимъ о чемъ-нибудь важномъ?

Бокингемъ. Да, разговаривали. Онъ желаетъ примирить герцога Глостера съ вашими братьями, а ихъ съ лордомъ камергеромъ; поэтому онъ уже послалъ за ними.

Королева Елизавета. Какъ-бы я желала, чтобы это удалось; этого никогда не будетъ. Я боюсь, что ваше счастье дошло до высшаго своего предѣла.

Входятъ Глостеръ, Гестинсъ и Дорсетъ.

Глостеръ. Они стараются мнѣ вредить, а сносить этого я не намѣренъ. Кто тѣ, которые дерзаютъ жаловаться королю, будто бы я ихъ не люблю и смотрю на нихъ косо? Клянусь святымъ Павломъ, что доводящіе до короля такіа глупыя и рѣзущія ухо сплетни, въ сущности, весьма мало любятъ его величество. Развѣ изъ за того что я не умѣю льстить, говорить медото-

чивыхъ рѣчей, улыбаться каждому въ лицо, лицемерить, поддѣлываться ко всѣмъ съ французскою вѣжливостью и съ обезьяньими ужимками, меня слѣдуетъ считать врагомъ всѣхъ и каждого, полнымъ закоснѣлой злобы? Неужто человекъ прямой, искренній, у котораго на умѣ нѣтъ ничего дурного, не можетъ жить спокойно, безъ того, чтобы разные вкрадчивые, льстивые, вѣчно замышляющіе козни холопы не оскорбляли его за его искренность и не истолковывали вкривъ и вкось каждый изъ его поступковъ?

Грэй. Къ кому-же изъ присутствующихъ относятся слова вашей свѣтлости?

Глостеръ. Къ тебѣ, въ комъ нѣтъ ни чести, ни благородства. Оскорбилъ-ли я тебя когда и чѣмъ бы то ни было, сдѣлалъ-ли тебѣ хоть малѣйшее зло? Такъ-же и тебѣ, и тебѣ или кому-нибудь изъ вашихъ? Будьте всѣ вы прокляты! Его величество, — да сохранитъ Господь его дни долѣе, чѣмъ всѣ вы того желаете! — не можетъ спокойно вздохнуть ни минуты безъ того, чтобы вы тревожили его своими вздорными жалобами.

Королева Елизавета. Вы, братъ нашъ Глостеръ, представляете себѣ это дѣло совѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Король потребовалъ васъ къ себѣ не по чьему-либо постороннему домогательству. Вѣроятно, выводя изъ вашего вѣшняго обращенія заключеніе, что вы внутренно ненавидите моихъ дѣтей, меня самое и моихъ братьевъ, онъ рѣшился послать за вами, чтобы изслѣдовать причину вашего недоброжелательства къ намъ и, если возможно, положить этому конецъ.

Глостеръ. Не знаю, право, что сказать:—свѣтъ извратился до того, что крапивники хищничаютъ тамъ, куда не дерзаютъ проникать даже орлы. Съ тѣхъ поръ, какъ чуть не каждый холопъ дѣлается джентльменомъ, сколько джентльменовъ превратилось въ холоповъ!

Королева Елизавета. Довольно, братъ нашъ Глостеръ, довольно! Мы васъ понимаемъ! Вы завидуете моему повышенію и повышенію моихъ друзей. Дай Богъ, чтобы намъ никогда не пришлось въ васъ нуждаться.

Глостеръ. А между тѣмъ мы, по волѣ Божіей, вынуждены нуждаться въ васъ. Благодаря вашимъ проискамъ, братъ мой заключенъ въ башню, самъ я въ немилости, а къ дворянству относятся съ пренебреженіемъ, между тѣмъ какъ всякія почести ежедневно сыплются на такихъ облагороженныхъ людей, которымъ, еще два дня тому назадъ, вся цѣна была не больше мелкой монеты.

Королева Елизавета. Тѣмъ, кто изъ скромной доли, гдѣ я наслаждалась счастьемъ, возвеличилъ меня до этихъ высотъ, полныхъ заботы, клянусь, что я никогда не только не возстановляла его величество противъ герцога Клеранса, но, напротивъ, старалась вступить за него, усердно говорила въ его пользу, и вы, милордъ, наносите мнѣ такимъ гнуснымъ подозрѣніемъ жесточайше оскорбленіе.

Глостеръ. Вы, пожалуй, станете утверждать, что не вы были причиной недавняго заключенія лорда Гестингса.

Райверсъ. Да, она можетъ это утверждать, потому что...

Глостеръ. Кто-же, лордъ Райверсъ, не знаетъ, что она это можетъ. Она можетъ сдѣлать даже болѣе, чѣмъ отпереться отъ этого. Напримѣръ, она можетъ помочь вамъ достигнуть самыхъ высокихъ должностей, а затѣмъ отрицать, что вашему возвышенію помогла ея благодѣтельная рука, и утверждать, будто вы всѣмъ обязаны не ей, а собственнымъ вашимъ блестящимъ заслугамъ. Чего она только не можетъ? Можетъ, конечно, все; можетъ, если захочетъ, даже можетъ...

Райверсъ. Что-же она такое можетъ?

Глостеръ. Вамъ угодно знать; что именно?—Можетъ еще разъ выйти замужъ за короля, къ тому-же молодого, красиваго, словомъ—сдѣлать прекрасную партію, чего,—насколько извѣстно,—никакъ нельзя сказать про выборъ вашей бабушки.

Королева Елизавета. Лордъ Глостеръ, я слишкомъ долго выносила ваши грубые упреки и горькія насмѣшки. Клянусь небомъ, что я доведу до свѣдѣнія короля всѣ дерзкія обиды, которымъ я подвергалась безпрестанно. Я бы скорѣе предпочла быть деревенской служанкой-поденщицей, чѣмъ великой королевой, поставленной въ положеніе, какъ я, и обязанной выносить обиды, оскорбленія, преслѣдованія! (*Королева Маргарита входитъ и останавливается въ глубинѣ*). Не велики тѣ радости, которыя принесъ мнѣ санъ королевы Англіи.

Королева Маргарита. О, Боже мой, молю Тебя, уменьши еще эту долю радостей, потому что и величіе, и санъ, и престолъ ея должны по всѣмъ правамъ принадлежать мнѣ!

Глостеръ. А, вы грозите все пересказать королю? Ничего:—пересказывайте, не щадите меня, но помните:—все, что я утверждалъ здѣсь, я повторю и при королѣ. Я не побоюсь попасть въ башню. Пора перестать молчать:—всѣ заслуги мои забыты.

Королева Маргарита. Лжешь, дьяволь, мнѣ онѣ памяты слишкомъ хорошо!

Ты моего мужа Генриха убилъ въ башнѣ, а бѣднаго моего сына Эдварда въ Тюксбюри.

Глостеръ. Прежде, чѣмъ вы сдѣлались королевой и даже ранѣе, королемъ вашъ мужъ, я во всѣхъ важныхъ дѣлахъ служилъ ему вьючною лошадью, вырывалъ съ корнемъ высокомерныхъ его враговъ и щедро награждалъ его друзей. Для того, чтобы обратить его кровь въ королевскую, я не щадилъ своей.

Королева Маргарита. Не щадилъ и другой, которая была много лучше и его, и твоей.

Глостеръ. Тѣмъ временемъ и сами вы, и мужъ вашъ Грай дѣятельно хлопотали въ пользу дома Ланкастровъ; то же дѣлали и вы, Райверсъ. Развѣ вашъ первый мужъ, королева, не былъ убитъ при Сентъ-Ольбэнѣ, сражаясь въ рядахъ Маргариты? Если вы это забыли, такъ я напомню вамъ, чѣмъ вы были когда-то и чѣмъ стали теперь; напомню такъ-же, чѣмъ былъ я, и чѣмъ сталъ.

Королева Маргарита. Ты всегда былъ гнуснымъ убійцей; тѣмъ-же остаешься и до сихъ поръ.

Глостеръ. Бѣдный Клерансъ, — да простить его Всевышній, — бросилъ своего тестя Уорика на произволъ судьбы и нарушилъ данную клятву.

Королева Маргарита. Да покараетъ его за это Господь!

Глостеръ. Онъ передался на сторону Эдварда, чтобы добыть для него корону, и вотъ бѣднякъ заключенъ теперь за это въ башню. Я очень былъ бы благодаренъ Богу, еслибы у меня въ груди таилось такое же каменное сердце, какъ у Эдварда, или чтобы у Эдварда было такое же нѣжное и сострадательное сердце, какъ у меня! Я слишкомъ по-дѣтски глупъ, чтобы жить на этомъ свѣтѣ.

Королева Маргарита. Убѣги, архидемонъ, отъ стыда въ адъ и избавь этотъ свѣтъ отъ своего присутствія! Въ аду настоящее твое царство!

Райверсъ. Въ тѣ трудные дни, лордъ Глостеръ, о которыхъ вы напоминаете, чтобы обвинить насъ во враждѣ къ вамъ, мы слѣдовали за нашимъ тогдашнимъ повелителемъ, за нашимъ законнымъ государемъ. Если вы сдѣлаетесь нашимъ королемъ, мы будемъ вѣрны и вамъ.

Глостеръ. Если сдѣлаюсь? Нѣтъ, я скорѣе согласился бы сдѣлаться мелкимъ разносчикомъ. Прочь отъ моего сердца самая мысль объ этомъ!

Королева Елизавета. Вы сами говорите, милордъ, что вступленіе на престолъ Англіи доставило бы вамъ мало ра-

достей; теперь судите сами, какъ мало нашла ихъ я, сдѣлавшись королевой этой страны.

Королева Маргарита. Да у королевы Англіи радостей мало! Я это знаю, потому что я эта королева и не вижу никакихъ радостей!.. Терпѣнію моему конецъ! (*Выступаетъ впередъ*). Выслушайте меня, сварливые пираты, готовые драться изъ-за добычи, награбленной у меня. Кого изъ васъ, при взглядѣ на меня, не броситъ въ дрожь? Если я, королева, свергнутая вами съ престола, не могу заставить васъ преклоняться передо мною, какъ подданныхъ, развѣ я все-таки не заставляю васъ дрожать, какъ мятежниковъ? Не отворачивайся, высокопоставленный злодѣй!

Глостѣръ. Отвратительная сморщенная кодунья, что хочешь ты мнѣ показать?

Королева Маргарита. Повтореніе твоихъ гнусныхъ дѣяній, и я не выпущу тебя отсюда, пока не покажу

Глостѣръ. Развѣ ты не изгнана подѣ страхомъ смертной казни?

Королева Маргарита. Да, но я нахожу, что изгнаніе болѣе мучительно, чѣмъ смерть, которой я могу подвергнуться, оставаясь здѣсь. Ты отнялъ у меня мужъ и сына и долженъ мнѣ ихъ возвратитъ! Ты должна вернуть мнѣ королевство, а всѣ вы обязаны быть моими вѣрноподданными. Всѣ огорченія, которыя переносишь я, по праву принадлежать вамъ, всѣ радости, которыя вы похитили незаконно, должны принадлежать мнѣ!

Глостѣръ. Проклятія, которыми осыпалъ тебя благородный мой отецъ, когда ты увѣчала его воинственное чело бумажною короной и своими издѣвательствами вызвала изъ его глазъ потоки слезъ, а для того, чтобы утереть эти слезы, дала ему тряпицу, пропитанную ни въ чемъ невиноватою кровью милаго Рютленда, да, всѣ эти проклятія, вызванные тобою изъ глубины горько скорбящей души, всѣ обрушились теперь на тебя, и самъ Богъ наказалъ тебя за кровавый поступокъ, а не мы.

Королева Елизавета. Такъ правосудіе Божіе караетъ за безвинныхъ!

Гестингсъ. Убить этого ребенка было гнуснѣйшимъ дѣломъ; мнѣ никогда не слышивалъ о такомъ безжалостномъ злодѣйствѣ.

Райверсъ. Тираны и тѣ плакали, слушая о немъ рассказы.

Дорсѣтъ. Нѣтъ ни одного человѣка, который не пророчилъ бы, что за него будетъ отмщено жестоко.

Бокингемъ. Норсомберлендъ былъ этому свидѣтелемъ и горько плакалъ.

Королева Маргарита. Что это значить? До моего прихода вы грызлись, готовы были схватить другъ друга за горло, а теперь вся ваша ненависть обратилась противъ меня! Неужели страшное проклетіе Юрка такъ сильно подѣйствовало на небеса, что смерть Генриха, смерть моего любезнаго Эдварда, утрата ихъ королевства, мое печальное изгнаніе — только отмстка за гибель дрянного этого мальчишки. Развѣ проклетія могутъ прорываться сквозь облака и проникать на самыя небеса? Если такъ, черныя тучи, дайте дорогу моимъ крылатымъ проклетіямъ! Пусть за отсутствіемъ войны, вашъ король погибнетъ отъ разврата, какъ загубленъ былъ убійствомъ нашъ король, чтобы очистить этому дорогу къ трону! Пусть твой сынъ Эдвардъ, теперешній принцъ Уэльскій, умретъ молодымъ, падетъ жертвою грубаго насилія за нашего сына Эдварда, еще такъ недавно бывшаго принцемъ Уэльскимъ. Пусть тебѣ самой, теперешней королевѣ, суждено будетъ пережить дни блеска и величія, чтобы сдѣлаться такою-же несчастной и жалкой, какъ я! Пусть небеса пошлютъ тебѣ продолжительную жизнь для того, чтобы ты долѣ оплакивала смерть своихъ дѣтей, чтобы ты могла увидеть, какъ другая облечется въ твои права, какъ ты облеклась въ мои! Пусть дни твоего счастія умрутъ много ранѣе, чѣмъ настанетъ смерть для тебя самой! И пусть ты послѣ долгихъ лѣтъ отчаянія умрешь, болѣе не будучи ни матерью, ни женой, ни королевой Англіи! Ты, Райверсъ, и ты, Дорсѣтъ, оба находились тамъ, и ты, лордъ Гестингсъ, тоже присутствовалъ при томъ, когда мой сынъ палъ подѣ ударами ихъ кровавыхъ кинжаловъ. Молю Бога, чтобы ни одинъ изъ васъ не дожилъ до естественнаго предѣла жизни, а былъ подкошенъ какою-нибудь неожиданною случайностью!

Глостѣръ. Окончила ты свои заклинанія, ненавистная, несахлая корга? Молчи!

Королева Маргарита. Чтобы отпустить тебя, не такъ-ли?.. Нѣтъ, стой, песъ! Ты выслушаешь до конца! Если у неба есть въ запасѣ кары болѣе жестока, чѣмъ тѣ, которыя я могу тебѣ пожелать, о, пусть оно побережетъ ихъ до той поры, когда твои преступленія созрѣютъ вполнѣ и пусть оно тогда все свое негодованіе обрушитъ на тебя, какъ на нарушителя мира несчастной вселенной! Пусть червь укорюетъ совѣсти вѣчно гложетъ твою душу! Пусть тебѣ, покуда живъ, постоянно будетъ суждено подозревать своихъ друзей въ измѣнѣ и избирать себѣ отъявленныхъ предателей въ самые дорогие друзья! Пусть некогда сонъ не сомкнетъ твоихъ смертоносныхъ глазъ,

а если и сомкнетъ, то для того только, чтобы послать на тебя ужасающія, удручающія сновидѣнія, съ дѣлымъ адомъ отвратительнѣйшихъ дьяволовъ! Недоносокъ, отмѣченный самымъ княземъ тьмы! Омерзительная, роющая землю свинья! Отмѣченный съ самаго рожденія, чтобы быть рабомъ природы и сыномъ ада! Гнусный позоръ беременной утробы твоей матери! Гнусное исчадіе чреслъ твоего отца! Тряпица чести! Ты, ненавистный...

Глостѣръ. Маргарита!

Королева Маргарита. Ричардъ!

Глостѣръ. Что тебѣ?

Королева Маргарита. Я тебя не зову.

Глостѣръ. Если такъ, извини. Мнѣ показалось, что всѣ эти гнусныя наименованія ты относишь ко мнѣ.

Королева Маргарита. Такъ оно и есть, но я не требовала, чтобы ты откликнулся!.. О, дай мнѣ излить весь остальной запасъ моихъ проклятій!

Глостѣръ. Я уже положилъ имъ конецъ именемъ Маргариты.

Королева Елизавета. Итакъ, ваши проклятія обращаются противъ васъ-же самихъ.

Королева Маргарита. Жалкая на-малеванная королева, пустой отблескъ моего былого счастья, зачѣмъ прикармливаешь ты этими сластями прожорливаго паука, опутывающаго тебя со всѣхъ сторонъ своею ядовитою паутиной? Безумная ты, безумная! Ты сама оттачиваешь ножъ, который тебя убьетъ. Настанетъ день, когда ты будешь желать, чтобы я помогла тебѣ проклинать отвратительную жабу, съгорбонъ, переполненнымъ ядомъ!

Глостѣръ. Лживая прорицательница, прекрати свои безумныя проклятія! Не подвергай, на бѣду себѣ, нашего терпѣнія чрезчуръ сильному испытанію!

Королева Маргарита. Позоръ всѣмъ вамъ! Мое терпѣніе вы давно уже истощили.

Райверсъ. Если бы съ вами захотѣли поступить, какъ слѣдуетъ, васъ съумѣли бы научить вашимъ обязанностямъ.

Королева Маргарита. Поступить со мною, какъ слѣдуетъ, можно только, воздавъ мнѣ должное, то-есть, вспомнивъ, что я ваша королева, а вы мои подданные. О, поступайте же со мною, какъ слѣдуетъ, и не забывайте своихъ обязанностей относительно меня.

Дорсѣтъ. Что съ нею разговаривать? Она сумасшедшая.

Королева Маргарита. Молчите, господинъ маркизъ, вы невѣжа! Вашъ новоотчеканенный санъ находится въ обраще-

ніи слишкомъ еще недавно. О, пусть когда-нибудь ваша юная знатность узнаетъ, что значить потерять ее и впасть въ несчастіе! Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе потрясаютъ его буйные порывы вѣтра, и если эти люди падаютъ, они разбиваются въ дребезги.

Глостѣръ. Урокъ, чортъ возьми, не дуренъ! Запомните его, маркизъ; запомните хорошенько.

Дорсѣтъ. И столько же относится къ вамъ, какъ и ко мнѣ.

Глостѣръ. Даже ко мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ къ вамъ. Но я рожденъ такъ высоко, что гнѣздо мое, свитое на вершинѣ кедровъ, шутить съ вѣтромъ и пренебрегается солнцемъ.

Королева Маргарита. И даже отбрасываетъ на солнце тѣнь. О, горе, горе! Примѣромъ тому мой сынъ, погруженный теперь въ густую тѣнь могилы!—да, мой сынъ, чьи лучезарно яркіе лучи затмилась, благодаря грозной тучѣ твоего гнѣва, повергшаго его въ вѣчный мракъ. Свое гнѣздо вы свили въ нашемъ гнѣздѣ, О, Боже, Ты, видящій все это, не попускай такой несправедливости! Пусть приобрѣтенное кровью погибнетъ тоже отъ крови!

Бокингемъ. Замолчите, замолчите, если не ради христіанской любви, такъ хоть ради стыда!

Королева Маргарита. Не ждите отъ меня ни христіанской любви, ни стыда. Вы поступили со мною безбожно и безъ всякаго стыда одѣлались палачами моихъ надеждъ. Та христіанская любовь, которую ко мнѣ выказываютъ—однѣ оскорбленія, а самое мое существованіе—однѣ позоры! О, пусть хоть сознаніе позора поддерживаетъ во мнѣ все изступленіе моей скорби!

Бокингемъ. Перестаньте, перестаньте!

Королева Маргарита. О, почти царственный Бокингемъ, я поцѣлую твою руку въ знакъ дружбы и въ знакъ заключеннаго союза. Пусть полный утѣхъ всегда и всюду ожидаетъ и тебя, и твой благородный домъ! Твои одежды не обагрены нашею кровью, поэтому мои проклятія къ тебѣ не относятся.

Бокингемъ. Да и ни къ кому изъ находящихся здѣсь. Проклятія не идутъ далѣе твоихъ устъ, съ которыхъ онѣ срываются.

Королева Маргарита. А я хочу вѣрить, что онѣ доносятся до небесъ и что онѣ пробуждаютъ Господа отъ его тихой и мирной дремоты. О, Бокингемъ, берегись этого пса! Видишь-ли, онъ ластится только за тѣмъ, чтобы укунить, а когда онъ укунить, ядовитый его зубъ жжетъ и убиваетъ. Не имѣй съ нимъ никакихъ дѣлъ! Остерегайся его! Преступленіе, смерть и

адъ заклеили его своими печатями, и всѣ ихъ служители повинуются ему съ полною покорностью.

Глостэръ. Что говорить она, лордъ Бокингемъ?

Бокингемъ. Ничего, благородный лордъ, на что стоило-бы обратить вниманіе.

Королева Маргарита. Какъ? На мои дружескіе совѣты ты отвѣчаешь пренебреженіемъ и ласкаешься къ тому дьяволу, противъ котораго я тебя предостерегаю? О, вспомни мои слова въ тотъ день, когда, благодаря ему, твое сердце готово будетъ разорваться отъ страданія и хоть тогда скажи:—„Да, бѣдная Маргарита была пророчица!“ Пусть на васъ обрушивается его ненависть, его ненависть на васъ, а Божій гнѣвъ на всѣхъ! (*Уходитъ*).

Гестингсъ. У меня волосы становятся дыбомъ отъ ея проклятій.

Райверсъ. И у меня тоже. Удивляюсь, какъ ее оставляютъ на свободѣ.

Глостэръ. Я не могу ее осуждать. Клянусь святою Матерью Божіею, она вынесла много неправдъ и я глубоко раскаяваюсь, что и самъ частью виноватъ въ сдѣланномъ ей злѣ.

Королева Елизавета. Я, насколько мнѣ извѣстно, никакого зла ей не сдѣлала.

Глостэръ. Но всѣ выгоды отъ ея несчастія выпали вамъ. Я слишкомъ горячо старался упредить счастье человѣка, который теперь вспоминаетъ объ этомъ слишкомъ холодно. Вотъ Клэрэнсъ,—онъ получилъ превосходную награду: его за его труды заперли въ хлѣвъ и откармливаютъ теперь на убой! Да проститъ Богъ тѣхъ, кто въ этомъ виноватъ.

Райверсъ. Молитесь за сдѣлавшихъ намъ зло—благородно; это вполне христіанская черта.

Глостэръ. Я всегда поступаю именно такъ по здравому размысленію (*про себя*), потому что еслибы я и вздумалъ кого-нибудь проклинать, то именно самого себя.

Входитъ Кэтсби.

Кэтсби. Государыня, его величество прислалъ за вами, а также и за вами, принцъ, и за вами, милорды.

Королева Елизавета. Я сейчасъ приду, Кэтсби. А вамъ, милорды, угодно будетъ пойти со мною?

Райверсъ. Мы слѣдуемъ за вашимъ величествомъ (*Всѣ уходятъ, кромѣ Глостэра*).

Глостэръ. Я дѣлаю зло и, право же, браню себя за это. Каждое втайнѣ придуманное мною злодѣяніе сваливаю на другихъ и оно ложится на нихъ тяжкимъ бременемъ. Передъ такими простаками, какъ

Стэнли, Гестингсъ, Бокингемъ, я оплакиваю судьбу Клэрэнса, тогда какъ кто же, какъ не я самъ, повергъ его въ мрачную бездну несчастія. Я увѣряю ихъ, что противъ моего брата, герцога, короля возстановили королева и ея родственники; они же вѣрятъ и подстрекаютъ меня мстить Райверсу, Вогену и Грѣю. А я со вздохами говорю, что Богъ велитъ платить добромъ за зло; такъ наготу моей злобы я прикрываю старыми лоскутьями, понахватанными изъ священнаго писанія, и тогда именно кажусь имъ праведникомъ, когда на самомъ дѣлѣ изображаю чорта. Но, тише, вотъ идутъ мои палачи (*Входятъ двое убійцъ*). Ну, что, храбрые, ни передъ чѣмъ не отступающіе, мои пріатели, вы готовы?

1-й убійца. Готовы, принцъ. Мы пришли за письменнымъ удостовѣреніемъ, безъ котораго насъ не пропустятъ.

Глостэръ. Хорошо, что подумали. Удостовереніе при мнѣ, а когда кончите, приходите въ Кросби. Только кончайте, господа, дѣло скорѣе, разомъ; будьте безпощадны, не слушайте его моленій. Онъ краснорѣчивъ и, если вы ему дадите волю разговаривать, онъ съумѣетъ васъ разстрогать.

1-й убійца. Будьте покойны, милордъ, болтать мы съ нимъ не станемъ; болтуны плохіе исполнители приказаній; мы пустимъ въ ходъ руки, а не языкъ, будьте въ этомъ увѣрены.

Глостэръ. Я знаю, изъ вашихъ глазъ скорѣй посыпятся жернова, чѣмъ слезы, такъ какъ проливать слезы способны одни только глупцы. Итакъ, скорѣй, скорѣй за дѣло! Ступайте.

1-й убійца. Ваши приказанія, благородный лордъ, будутъ исполнены (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната въ башнѣ.

Входятъ Клэрэнсъ и Брэкенбюри.

Брэкенбюри. Почему у васъ, благородный лордъ, сегодня такой удрученный видъ?

Клэрэнсъ. Потому что я провелъ сегодня мучительную ночь. Она до того была полна страшныхъ сновидѣній, безобразныхъ зрѣлищъ, что я,—говорю какъ вѣрный христіанинъ,—не желалъ бы пережить другую такую же, даже и въ томъ случаѣ, еслибы за нею долженъ былъ послѣдовать цѣлый міръ счастливыхъ дней, до того много переиспыталъ я всякихъ ужасовъ.

Брэкенбюри. Просту васъ, милордъ, расскажите мнѣ, что вамъ снилось?

Кларенсъ. Мнѣ грезилось, что я бѣжалъ изъ башни и сѣлъ на корабль, чтобы перебраться въ Бургундію вмѣстѣ съ братомъ моимъ Глостеромъ, заманившимъ меня изъ каюты на палубу. Наши взгляды обращены были въ сторону Англіи и мы припоминали тысячи тяжелыхъ минутъ, пережитыхъ нами во время войнъ Йорка съ

оцѣненныхъ алмазовъ, разбросанныхъ по морскому дну. Драгоценностями этими были наполнены мертвыя головы и тѣ впадины, въ которыхъ когда-то помѣщались глаза; взгляды этихъ глазъ замѣнялся теперь заземнымъ блескомъ драгоценныхъ камней, словно съ насмѣшкою смотрѣвшихъ на грязное, илестое дно бездны и издѣвавшихся надъ разбросанными вокругъ нихъ мертвыми костями.

Ланкастромъ. Пока мы прохаживались по шаткимъ доскамъ палубы, мнѣ показалось, что Глостеръ оступился и падаетъ, а пока я старался поддержать его, онъ пытался выбросить меня за бортъ, чтобы погрузить въ бушующія волны океана. О, Боже мой, какъ мучительно было тонуть, какой страшный шумъ производила вода въ моихъ ушахъ, какъ отвратительно было для моихъ глазъ зрѣлище смерти! Мнѣ казалось, что я вижу безчисленное множество корабельныхъ остововъ, сокрушенныхъ бурей, тысячи труповъ, пожираемыхъ рыбами, слитки золота, громадные якоря, цѣлую груду жемчуга, драгоценнѣйшихъ камней и не-

Брэкенбюри. Неужто въ это страшное предсмертное мгновеніе вы всетаки успѣли разсмотрѣть всѣ тайны моря?

Кларенсъ. Да, мнѣ казалось, будто успѣлъ, хотя душа много разъ рвалась изъ тѣла, но ревнивая стихія продолжала ее удерживать и мѣшала ей выбраться въ пустое и свободное пространство воздуха, душила ее въ моей сдавленной груди, готовой разорваться отъ напрасныхъ усилій изрыгнуть эту душу въ море.

Брэкенбюри. И вы не проснулись отъ этой мучительной агоніи?

Кларенсъ. Нѣтъ, мой сонъ переходилъ за предѣлы жизни. О, тогда мучи-

тельная буря продолжалась уже въ моей душѣ. Мнѣ грезилось, что зловѣщій перевозчикъ, о которомъ говорятъ поэты, переправлялъ мою душу черезъ мрачный потокъ въ царство вѣчной ночи. Первый, кто привѣтствовалъ тамъ мою странническую душу, былъ великій мой тестъ, по имени Уорикъ. Онъ громко говорилъ: „посмотримъ, какую новую муку выдумаетъ это черное царство для измѣнника Клэренса за его клятвопреступленіе“. Затѣмъ, Уорикъ исчезалъ, а на его мѣсто являлась блуждающая тѣнь, похожая на ангела съ лучезарными кудрями, на которыхъ заперлась кровь. Эта тѣнь восклицала: „А, явился, вѣроломный бѣглець, Клэренсъ, Клэренсъ—клятвопреступникъ, заколовшій меня на полѣ битвы при Тюксбери! Схватите его, фуріи, и подвергните заслуженнымъ пыткамъ“. Тотчасъ мнѣ показалось, что меня окружилъ цѣлый легіонъ отвратительныхъ демоновъ, кричавшихъ мнѣ прямо въ уши такіе отвратительные ужасы, что я при этомъ шумѣ проснулся, дрожа, словно листъ. Это сновидѣніе произвело на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я еще нѣсколько мгновеній продолжалъ думать, будто я въ самомъ дѣлѣ находился въ аду.

Брэкенбюри. Нисколько неудивительно, милордъ, что такое сновидѣніе привело васъ въ ужасъ; отъ одного вашего рассказа меня самого бросило въ страхъ.

Клэренсъ. О, Брэкенбюри! Все то, что является теперь обличителемъ моей души, я совершилъ изъ-за любви къ Эдварду, и смотри, какая мнѣ отъ него награда. О, Господи, если мои искреннія мольбы не могутъ укротить Твоего гнѣва и если мои злодѣянія достойны кары, пусть гнѣвъ Твой обратится на меня одного. О, пощади мою ни въ чемъ не виноватую жену и моихъ бѣдныхъ дѣтей. Прошу тебя, добрый мой сторожъ, останься со мной; на душѣ у меня тяжело и мнѣ хотѣлось бы уснуть (*Удается въ глубину театра и бросается на постель*).

Брэкенбюри. Пошли Богъ вашей свѣтлости спокойный сонъ. Горе спутываетъ время и часы отдыха. Оно превращаетъ ночь въ утро, а день въ ночь. Что помимо титуловъ и вѣнскихъ почестей дано великимъ міра сего за внутреннія страданія? Взамѣнъ неосязаемыхъ плодовъ воображенія, въ удѣлъ имъ нѣрѣдко достаются цѣлыя бездны неумолимыхъ заботъ, такъ что между ихъ громкими титулами и самымъ обыкновеннымъ именемъ только и существуетъ одна разница: вѣншій шумъ.

Входятъ двое убійцъ.

1-й убійца. Эй, кто-нибудь!

Брэкенбюри. Что тебѣ нужно, приятель? Какъ попалъ ты сюда?

1-й убійца. Мнѣ хотѣлось-бы поговорить съ Клэренсомъ, а пришелъ я сюда на своихъ ногахъ.

Брэкенбюри. Это уже слишкомъ коротко.

2-й убійца. Тѣмъ лучше, что коротко, иначе вышло-бы скучно. Покажи ему наше удостовѣреніе, тѣмъ и конецъ разговору.

1-й убійца (*Передаетъ бумагу Брэкенбюри; тотъ ее читаетъ*).

Брэкенбюри. Эта бумага предписываетъ мнѣ передать въ ваши руки благороднаго Клэренса. Не хочу обсуждать значенія этого распоряженія, такъ какъ желаю остаться ни въ чемъ не виноватымъ. Вотъ герцогу лежить и спать, а вотъ ключи. Самъ-же я отправлюсь къ королю и объясню ему, что свои обязанности передалъ вамъ.

1-й убійца. Это, сэръ, вы можете и поступите очень благоразумно. Будьте здоровы (*Брэкенбюри уходитъ*).

2-й убійца. Что-жъ, развѣ мы убьемъ его соннаго?

1-й убійца. Нѣтъ. Онъ при пробужденіи сказалъ-бы, что мы поступили плохо.

2-й убійца. При пробужденіи? Ахъ, дуракъ! Проснется-то онъ только въ часъ страшнаго суда.

1-й убійца. Ну, что-жъ! Тогда-то и скажетъ, что мы убили его соннаго.

2-й убійца. Однако, одна мысль о страшномъ судѣ пробуждаетъ въ моей душѣ что-то въ родѣ упрека совѣсти.

1-й убійца. Что-жъ, начинаешь трусить?

2-й убійца. Нѣтъ, убить его мнѣ не страшно; у насъ, вѣдь на это есть предписаніе, но насъ на томъ свѣтѣ за убійство ждетъ наказаніе, отъ котораго никакое предписаніе насъ не избавитъ.

1-й убійца. Я думалъ, ты рѣшился на все.

2-й убійца. Я и рѣшился; оставить его въ живыхъ.

1-й убійца. Я вернусь къ герцогу Глостэру и сообщу ему объ этомъ.

2-й убійца. Нѣтъ, прошу тебя, пожди немного. Я надѣюсь, что этотъ благочестивый порывъ пройдетъ; онъ никогда у меня долѣе двадцати секундъ не продолжается.

1-й убійца. Ну, а теперь, въ какомъ ты настроеніи?

2-й убійца. У меня въ груди шевелится еще какой-то осадокъ совѣсти.

1-й убійца. Подумай, какая насъ ждетъ награда, когда это дѣло будетъ исполнено.

2-й убійца. Хорошо, пусть умреть. Я совсѣмъ забылъ о вознагражденіи.

1-й убійца. Гдѣ же теперь твоя совѣсть?

2-й убійца. Въ кошелькѣ у герцога Глостера.

1-й убійца. Какъ только онъ развяжетъ кошелекъ, чтобы расплатиться съ нами, твоя совѣсть улетучится?

2-й убійца. Все равно, пускай летитъ, куда знаетъ. У нея или очень много или совсѣмъ нѣтъ надежды найти себѣ гдѣ-нибудь пристанище.

1-й убійца. А что, если она снова вернется къ тебѣ?

2-й убійца. Я не захочу имѣть съ ней никакого дѣла. Она превращаетъ людей въ трусовъ; человѣкъ не можетъ украсть безъ того, чтобы она не обвиняла его; человѣкъ не можетъ ни клясться, ни ругаться безъ того, чтобы она не укоряла его; человѣкъ не можетъ поспать съ женой сосѣда безъ того, чтобы совѣсть не возмущалась; она не болѣе, какъ вѣчно блѣднѣющій отъ стыда призракъ, заводящій распри въ груди человѣка; онъ воздвигаетъ передъ человѣкомъ тѣмную преграду; она какъ-то заставила меня вернуть по принадлежности случайно найденный мною кошелекъ, полный золота; она заставляетъ превращаться въ ничтога каждаго, кѣмъ она овладѣетъ; она, какъ нѣчто весьма опасное, изгоняется изъ всѣхъ городовъ и селеній, и только тотъ можетъ провести всю жизнь спокойно, кто рѣшится полагаться только на самого себя и обходится безъ нея.

1-й убійца. Ахъ, чертъ возьми, вотъ она толкаетъ меня подъ локоть, убѣждая не убивать герцога.

2-й убійца. Прогони ее, чертовку, изъ своихъ мыслей и не вѣрь ей; она только затѣмъ и пристаётъ къ тебѣ, чтобы заставить тебя вздыхать.

1-й убійца. Я сотворютъ крѣпко, со мной ей не справиться.

2-й убійца. Ты говоришь, какъ рослый молодецъ, чувствуящій уваженіе къ своей доброй славѣ. Ну, чтожь, приниматься за дѣло?

1-й убійца. Хвати его хорошенько по головѣ рукояткой его-же меча, а затѣмъ мы утопимъ его въ бочкѣ съ мальвазіей, стоящей въ сосѣдней комнатѣ.

2-й убійца. Выдумка недурна, и это будетъ настойка совершенно новаго рода.

1-й убійца. Тихе, онъ просыпается.

2-й убійца. Ну, скорѣе.

1-й убійца. Нѣтъ, лучше съ нимъ прежде потолковать.

Клэрэнсъ. Гдѣ же ты, добрый мой стражъ? Дай мнѣ кубокъ вина.

1-й убійца. Сейчасъ, милордъ, у васъ будетъ вина, сколько душѣ угодно.

Клэрэнсъ. Ради Бога, скажи, кто ты?

1-й убійца. Такой-же человѣкъ, какъ и вы.

Клэрэнсъ. Но не царской крови, какъ я?

1-й убійца. Но за то вполне честный, чего нельзя сказать про васъ.

Клэрэнсъ. Твой голосъ гремитъ, словно громъ, но во взглядѣ есть что-то покорное.

1-й убійца. Голосъ мой—голосъ короля, а взглядъ мой собственный.

Клэрэнсъ. Значеніе словъ твоихъ не ясно и полно мрака. Въ глазахъ вашихъ я читаю угрозу; почему вы такъ блѣдны, кто прислалъ васъ сюда, и зачѣмъ вы пришли?

Оба убійцы. Пришли затѣмъ, чтобы...

Клэрэнсъ. Убить меня?

Оба убійцы. Да, да.

Клэрэнсъ. У васъ едва хватаетъ силъ это высказать, а исполнить это совсѣмъ не хватить. Въ чемъ-же провинился я передъ вами, друзья мои?

1-й убійца. Передъ нами ни въ чемъ. Велѣлъ король.

Клэрэнсъ. Я съ нимъ примирюсь.

2-й убійца. Нѣтъ, никогда этого не будетъ. Приготовьтесь умереть.

Клэрэнсъ. Неужто вы избранны изъ числа людей, готовыхъ лишить жизни виновнаго? Въ чемъ мое преступленіе? Гдѣ доказательство моей вины? Какой законный составъ присяжныхъ высказалъ суровому судѣ своей приговоръ? Кто произнесъ несчастному Клэрэнсу горькій приговоръ, осуждающій его на смерть? Раньше, чѣмъ во мнѣ явится полное убѣжденіе, что всѣ формы закона соблюдены, я буду считать угрожающую мнѣ смерть величайшимъ беззаконіемъ. Именемъ искупленія, на которое вы, разумѣется, рассчитываете, и драгоцѣнной крови Христа, пролитой за наши грѣхи, я приказываю вамъ уйти и не поднимать на меня рукъ. Дѣянія, на которыя вы рѣшаетесь, достойны полнаго проклятія.

1-й убійца. То, что мы намѣрены дѣлать, мы дѣлаемъ по чужому приказанію.

2-й убійца. А это приказаніе исходитъ отъ нашего короля.

Клэрэнсъ. Безумный, введенный въ заблужденіе вассалъ! Великій Король изъ королей внесъ въ скрижали своихъ законовъ слѣдующее: „не убій“. Такъ неужто вы готовы преступить заповѣдь Всевышняго, чтобы исполнить приказаніе человѣка? Берегитесь, въ рукахъ у Всевышняго ка-

ра, которую Онъ можетъ разразиться надъ головами преступающихъ Его законы.

2-й увійца. Вотъ этой-то карой Онъ и разражается надъ тобою, какъ надъ виновнымъ въ клятвопреступленіи и убійствѣ. Ты далъ обѣтъ сражаться за домъ Ланкастера.

1-й увійца. И, какъ клятвопреступникъ передъ Богомъ, ты нарушилъ этотъ обѣтъ. Своимъ вѣроломнымъ мечомъ ты распоролъ утробу сына твоего государя.

2-й увійца. А между тѣмъ ты поклялся любить его и защищать.

1-й увійца. И ты дерзаешь упоминать о заповѣдяхъ Всевышняго, когда самъ нарушилъ ихъ такъ страшно,

Клэрэнсъ. О, Боже мой! Для кого-же я свершилъ это преступленіе, какъ не для моего брата Эдварда? Нѣтъ, за такую вину онъ не послалъ-бы васъ убивать меня, въ ней онъ такъ же виновенъ, какъ и я. Если-же наказать меня угодно самому Господу, развѣ вы не знаете, что Онъ могъ-бы покарать меня открыто? Предоставьте мѣсть Всемогушей рукъ. Чтобы карать преступниковъ, Ему не надо никакихъ тайныхъ, безконечныхъ путей.

1-й увійца. А чья кровавая воля натолкнула тебя нанести смертельный ударъ юному, храброму, доблестному принцу Плантагенету?

Клэрэнсъ. Любовь моя къ брату, дьяволъ и собственная ярость!

1-й увійца. Если такъ, наша любовь къ твоему брату, наша обязанность и твои преступленія теперь наталкиваютъ насъ на то, чтобы убить тебя.

Клэрэнсъ. Если вы любите моего брата, вы не должны ненавидѣть меня. Я его братъ и люблю его всею душою. Если вамъ назначена плата—уйдите Я направляю васъ къ моему брату Глостеру и онъ, за оставленіе меня въ живыхъ, наградитъ васъ щедрѣе, чѣмъ Эдвардъ за извѣстіе о моей смерти.

2-й увійца. Ошибаетесь, вашъ братъ Глостеръ васъ ненавидитъ.

Клэрэнсъ. О, нѣтъ! онъ любитъ меня, я ему дорогъ. Отправляйтесь сейчасъ-же прямо къ нему.

Ова увійцы. Мы и такъ пойдемъ.

Клэрэнсъ. И скажите ему отъ меня, что въ ту минуту, когда нашъ царственный отецъ, принцъ Йоркскій, благословляя своей побѣдоносной рукой троихъ своихъ сыновей, отъ всей души предписывалъ имъ любить другъ друга, онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы въ нашей привязанности явился разладъ. Напомните это Глостеру, и онъ навѣрное прослезится.

1-й увійца. Нѣтъ, изъ его глазъ посыпятся жернова, а не слезы: вотъ какъ онъ училъ насъ плакать.

Клэрэнсъ. Не клеветайте на него. онъ добръ.

1-й увійца. Какъ градъ для жатвы. Вы глубоко ошибаетесь, онъ-то и послалъ насъ сюда, чтобы покончить съ вами.

Клэрэнсъ. Быть этого не можетъ! Онъ горько плакалъ при видѣ постигшаго меня несчастья; онъ обнималъ меня и, рыдая, клялся, что онъ всѣми силами будетъ добиваться моего освобожденія.

2-й увійца. А что-же онъ и дѣлаетъ, какъ не это? Онъ освобождаетъ васъ отъ рабства на землѣ и желаетъ дать вамъ вкусить всѣ радости неба.

1-й увійца. Заключите миръ со Всевышнимъ, милордъ, такъ какъ вамъ суждено сейчасъ-же умереть.

Клэрэнсъ. Какъ? вашей душѣ доступна святая мысль совѣтовать мнѣ примириться съ Богомъ, а между тѣмъ вы настолько глухи къ требованіямъ собственной своей души, чтобы убивъ меня, подвергнуть себя гнѣву Создателя? Нѣтъ, господа, подумайте хорошенько. Тотъ, кто толкнулъ васъ на этотъ поступокъ, первый-же возненавидитъ васъ за то, что вы его совершили.

2-й увійца. Что-же дѣлать?

Клэрэнсъ. Послушайтесь внушенія милосердія и спасите тѣмъ свою душу. Кто изъ васъ, будучи сыномъ монарха, какъ я теперь, лишенный свободы, вида двоихъ такихъ убійцъ, какъ вы, не сталъ-бы молить васъ не покушаться на его жизнь? Какъ нищенски молили-бы вы, если-бы находились въ моемъ печальномъ положеніи.

1-й увійца. Послушать внушенія милосердія было-бы признакомъ трусости, поступкомъ, достойнымъ женщины.

Клэрэнсъ. А не послушаться—достойно скота, дикаря или дьявола.—Другъ мой, я замѣчаю въ твоихъ глазахъ проблески состраданія. О, если глаза твои не лгутъ, стань на мою сторону и умолай вмѣстѣ со мною. О, какой нищій не почувствовалъ-бы жалости, слушая мольбы принца, умоляющаго, словно нищій.

2-й увійца. Отвернитесь, милордъ.

1-й увійца. Вотъ тебѣ, и вотъ, и вотъ еще. *(Наноситъ кинжаломъ удары Клэрэнсу)*. А если этого мало, я утоплю тебя въ бочкѣ съ мальвазіей *(Уходитъ, унося раненаго Клэрэнса)*.

2-й увійца. Какое кровавое дѣланіе и какъ оно проворно устроено! Какъ желалъ-бы я, подобно Пилату, умыть руки отъ

этого прискорбнаго и въ высшей степени беззаконнаго убійства.

Первый убійца возвращается.

1-й убійца. Что-жъ ты стоишь, какъ истуканъ, и даже не подумалъ помочь мнѣ? Клянусь небомъ, герцогъ узнаетъ, какого труса ты изъ себя разыгралъ.

2-й убійца. Ахъ, какъ жаль, что онъ не можетъ узнать, что я спасъ его брата. А ты бери свое вознагражденіе и повтори

ему то, что я глубоко раскаяваюсь въ убійствѣ герцога.

1-й убійца. А я нисколько. Ступай, трусь ты и больше ничего! (2-й убійца уходитъ). Теперь, пока герцогъ не сдѣлалъ еще распоряженія о погребеніи брата, я спрячу трупъ въ какую-нибудь нору, а когда получу условленную плату, живо исчезну изъ Англіи, потому что дѣло это разгласится и мнѣ оставаться здѣсь опасно (Уходитъ).

Дѣйствіе второе.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Короля Эдварда вводятъ больного подъ руки; за нимъ идутъ: королева Елизавета, Дорсэтъ, Райверсъ. Гестингсъ, Бокингемъ, Грэй и придворные.

Король Эдвардъ. Такъ хорошо. Сегодняшній день не пропасть у меня даромъ: все-таки сдѣлалъ дѣло. А вы, перы, продолжайте хранить намѣченный мною союзъ. Я каждый день жду посла отъ моего Искупителя, который искупить меня изъ этого міра. Успокоенная душа моя съ миромъ отлетитъ на небеса, сознавая, что на землѣ я водворилъ миръ между моими друзьями. Райверсъ и Гестингсъ! пожмите другъ другу руки, отгоните отъ себя ненависть и поклянитесь любить другъ друга.

Райверсъ. Клянусь небомъ, моя душа очистилась отъ всякой ненависти, а рука скрѣпляетъ заявленіе искренней привязанности, заключенной въ моемъ сердцѣ.

Гестингсъ. Пусть я на столько-же буду счастливъ въ жизни, на сколько искрененъ даваемый мною теперь обѣтъ.

Король Эдвардъ. Остерегайтесь притворяться въ присутствіи вашего короля, берегитесь, чтобы Царь надъ всѣми царями не уличилъ васъ въ скрытомъ притворствѣ и не обрекъ на гибель одного при помощи другого.

Гестингсъ. Да будетъ и благоценствіе мое на столько-же прочно, на сколько моя привязанность.

Райверсъ. А я пусть буду на столько-же счастливъ, насколько сердечно полюбилъ Гестингса.

Король Эдвардъ. Государыня, во всемъ этомъ дѣлѣ вы тоже безупречны, такъ же, какъ и сынъ Дорсэта и вы, Бокингемъ,—всѣ вы виноваты одни передъ другими. Жена моя, расположись душою къ лорду Гестингсу, дай ему поцѣловать твою руку и пусть то, что вы сдѣлаете, будетъ исполнено безъ задней мысли.

Королева Елизавета. Вотъ моя рука, Гестингсъ. Какъ своимъ счастьемъ, такъ счастьемъ всѣхъ близкихъ мнѣ людей клянусь, что забываю прежнюю ненависть.

Король Эдвардъ. Дорсэтъ, обнимите Гестингса. Гестингсъ, любите маркиза (*Гестингсъ и Дорсэтъ обнимаются*)

Дорсэтъ. Клянусь хранить свято и ненарушимо этотъ обѣтъ дружбы.

Гестингсъ. Тотъ-же обѣтъ даю и я.

Король Эдвардъ. Теперь, царственный Бокингемъ, скрѣпи этотъ союзъ, обнявъ родственниковъ моей жены и пусть меня осчастливитъ ваше полное согласіе.

Бокингемъ (*Королеву*). Пусть Господь пошлетъ мнѣ въ наказаніе ненависть со стороны тѣхъ, отъ которыхъ я жду наименьше любви, если въ сердцѣ Бокингема когда-нибудь снова пробудится неприязнь противъ васъ, государыня, если въ душѣ его не будетъ пламенѣть законная привязанность какъ къ вамъ, такъ и ко всѣмъ вашимъ родственникамъ. Пусть если такъ, въ ту самую минуту, когда я наиболѣе буду нуждаться въ дружбѣ челоуѣка и буду наиболѣе сильно рассчитывать на его дружбу, пусть его привязанность ко мнѣ окажется пустою, обманчивой, полною лукавства. Вотъ какого наказанія я молю у небесъ, если привязанность моя къ вамъ и

вашимъ родственникамъ окажется холодной, бездушной (*Обнимаетъ Райверса и др.*).

Король Эдвардъ. Твой обѣтъ, царственный Бокингемъ, является превосходнымъ плѣбнымъ средствомъ для моей больной души. Теперь недостаетъ здѣсь одного только нашего брата Глостера, чтобы его присутствіе служило какъ-бы печатью этому желанному примиренію.

Бокингемъ. Вотъ какъ разъ и благородный герцогъ.

Входитъ Глостеръ.

Глостеръ. Желаю добраго утра и всякаго благополучія и вамъ, моему королю, и вамъ, королева, и вамъ, благородные лорды.

Король Эдвардъ. На нашу долю, въ самомъ дѣлѣ, выпало сегодня необыкновенное счастье. Намъ, Глостеръ, удалось сдѣлать доброе дѣло: намъ удалось примирить такъ жестоко враждовавшихъ между собою перовъ и обратитъ ихъ ненависть въ любовь.

Глостеръ.

Дѣйствительно, мой повелитель, дѣлоэтохорошее. Если въ этомъ высочомъ собраніи есть кто-нибудь

или по лживымъ навѣтамъ, или по несправедливымъ подозрѣніямъ считающій меня своимъ врагомъ, если мнѣ, самому того не созная, когда-либо случилось въ порывѣ бѣшенства нанести кому-нибудь оскорбленіе при этомъ дворѣ—я теперь самъ прошу у него дружескаго примиренія. Для меня мысль, что у меня могутъ быть враги—хуже смерти. Я это ненавижу, и имѣть среди честныхъ людей однихъ только друзей—самое искреннее мое желаніе. Начнемъ съ васъ, государыня: я прошу у васъ самаго сердечнаго примиренія и взаимнаго этого воздамъ вамъ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью. Того-же, если между нами когда-нибудь закрадывалось недоразумѣніе или недовольство, прошу я и у васъ, благородный кузенъ мой, Бокингемъ, и у васъ, лордъ Райверсъ, и у васъ, Дорсэтъ, всегда смотрящихъ на меня недоувѣрчивымъ окомъ, безъ всякой вины съ моей стороны. Того-же прошу и у васъ, лордъ Удвиль, и у

васъ, лордъ Скейлсъ, и у васъ, герцоги, графы, лорды и джентельмены. Во всей Англіи не найдется ни одного человѣка, къ кому я чувствовалъ бы болѣе неприязни, чѣмъ къ едва родившемуся ребенку, и благодарю Всевышняго за свое смиреніе.

Королева Елизавета. Этотъ день станетъ на будущее время считаться въ числѣ праздниковъ. Дай Богъ, чтобы всѣ наши согласія уладились навсегда. А васъ, государь мой и повелитель, умоляю вернуть вашу милость Клэрренсу, брату вашего величества.

Глостеръ. Что вы говорите, королева? Неужто я только затѣмъ предложилъ свою любовь, чтобы надо мною издѣвались въ присутствіи короля? Кто-же не знаетъ, что

благородный герцогъ уже умеръ (*всѣ поражены*). Смияться надъ его трупомъ безбожно.

Король Эдвардъ. Какъ кто не знаетъ, что онъ умеръ? Нѣтъ, кто знаетъ, что онъ умеръ?

Королева Елизавета. О, все видящее небо, что-же это за миръ!

Бокингемъ. Лордъ Дорсэтъ, неужто и я такъ же блѣденъ, какъ и всѣ другіе?

Дорсэтъ. Да, добрый мой лордъ, въ этомъ собраніи нѣтъ ни одного человѣка, у котораго румяна и краска не сбѣжали-бы съ лица.

Король Эдвардъ. Неужели Клэрренсъ въ самомъ дѣлѣ умеръ? Приказаніе было отмѣнено.

Глостеръ. Однако, онъ, несчастный, лишился жизни на основаніи вашего перваго приказанія, доставленнаго въ башню крылатымъ Меркуріемъ; съ отмѣною этого приказанія, вѣроятно, тащился какой-нибудь расслабленный и приболѣвъ на мѣсто только къ погребенію. Дай Богъ, чтобы кому-нибудь, менѣе честному и благородному, болѣе проникнутому кровожадными мыслями и менѣе близкому по крови королю, кому-нибудь, на кого еще не успѣло пасть подозрѣніе, не выпала на долю еще болѣе тяжелая кара, чѣмъ несчастному Клэрренсу.

Входитъ Стэнли.

Стэнли. Государь, молю васъ о великой милости, объ одной только милости за всѣ мои услуги.

Король Эдвардъ. Прошу объ одномъ, оставь меня въ покоѣ. Сердце мое переполнено скорбью.

Стэнли. Не встану до тѣхъ поръ, пока вы меня не выслушаете.

Король Эдвардъ. Если такъ, говори скорѣе, въ чемъ твоя просьба.

Стэнли. Молю васъ, государь, пощадить жизнь моего слуги, убившаго сегодня одного буйнаго джентльмэна, принадлежавшаго до сихъ поръ къ свитѣ герцога Норфолька.

Король Эдвардъ. Мой языкъ произнесъ смертный приговоръ моему брату, неужто тотъ же языкъ произнесетъ теперь помилованіе рабу? Мой братъ никого не убивалъ, а между тѣмъ онъ казнень жестокою смертью. Обратился-ли ко мнѣ кто-нибудь съ просьбой за него, преклонилъ-ли кто-нибудь колѣни предо мною, разгнѣваннымъ, умоляя меня одуматься? Напомнилъ-ли кто о любви, о братствѣ, наемкнули-ли, что несчастный отрекся отъ могущественнаго Уорика, чтобы сразиться за меня? Напомнилъ-ли мнѣ кто-нибудь, какъ подъ Тьюксбюри, когда Оксфордъ повергъ меня на землю, Клэрэнсъ выручилъ меня, воскликнувъ: „Живи, братъ, и будь королемъ!“ Напомнилъ-ли мнѣ кто-нибудь, какъ онъ—когда мы оба, полузамерзшіе, лежали на полѣ битвы—укрывалъ меня своей одеждой, а себя, полюбившаго, подвергалъ оцѣняющему холоду ночи? Скотская злоба изгладилла изъ моей безсовѣстной памяти все прошлое и ни у кого изъ васъ не хватило человеколюбія напомнить мнѣ объ этомъ. Но вотъ теперь одинъ изъ подвластныхъ намъ вассаловъ въ пьяномъ видѣ изувѣчилъ священный образъ и подобіе нашего глубоко почитаемаго Искупителя, и вы тотчасъ-же склоняете колѣни, прося за него пощады... Пощады! И я, какъ это ни несправедливо, обязанъ исполнить вашу просьбу. За брата-же моего никто не хотѣлъ замолвить ни слова. Даже самъ я, благодарный, не вступился за бѣднаго Клэрэнса. При его жизни каждый, даже самый высокоумный изъ васъ, непременно былъ ему хоть чѣмъ-нибудь обязанъ и ни одинъ изъ васъ не вступился за его жизнь. О, Создатель, боюсь, что Твое правосудіе покараетъ за это и меня, и васъ, и моихъ, и вашихъ ближнихъ. Пойдемъ, Гестингсъ, проводи меня въ мою комнату. О, бѣдный, бѣдный Клэрэнсъ! (*Уходитъ; за нимъ королева, Райверсъ, Дорсетъ и Грэй*).

Глостаръ. Вотъ онъ, плодъ поспѣшности. Неужто вы не замѣтили, какъ всѣ преступные родственники королевы поблѣднѣли, узнавъ о смерти Клэрэнса? Они требовали ее у короля неотступно. Богъ отмститъ за него. Идемте, милорды, идемте утѣшать своимъ присутствіемъ короля Эдварда.

Бокингемъ. Мы слѣдуемъ за вашимъ высочествомъ (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входитъ герцогиня Горкская съ сыномъ и дочерью Клэрэнса.

Сынъ. Скажите, добрая бабушка, умеръ нашъ отецъ?

Герцогиня. Нѣтъ, дитя мое.

Дочь. Почему-же вы безпрестанно плачете, колотите себя въ грудь и восклицаете: „О, Клэрэнсъ, несчастный мой сынъ“?

Сынъ. Почему-же, если благородный отецъ нашъ все еще живъ, вы безпрестанно плачете и, качая головой, называете насъ несчастными, безпомощными сиротами?

Герцогиня. Милыя дѣтки, вы оба ошибаетесь. Плачу я оттого, что меня тревожитъ болѣзнь короля и сокрушаетъ страхъ потерять его, а не смерть вашего отца. О томъ, что утрачено навсегда, скорбѣть бесполезно.

Сынъ. Вотъ вы, бабушка, сами проговорились, что онъ умеръ, и во всемъ этомъ виноватъ нашъ дядя король. Его накажетъ за это Богъ и я буду молить Создателя, чтобы Онъ его наказалъ.

Дочь. И я также.

Герцогиня. Молчите, дѣти, молчите. Король очень васъ любитъ, вы такъ еще неопытны и простосердечны, что вамъ и въ голову не можетъ придти, что именно было причиною смерти вашего отца.

Сынъ. Нѣтъ, бабушка, можетъ. Добрый дядя Глостаръ говорилъ мнѣ, что королева научила короля заключить нашего отца въ тюрьму. Говоря это, онъ плакалъ, жалѣлъ обо мнѣ, цѣловалъ меня, просилъ на него надѣяться, какъ на родного отца, и увѣрялъ, что будетъ любить меня, какъ своего сына.

Герцогиня. О, страшно подумать, что коварство въ состояніи принимать прекрасный образъ, прикрывать свою гнусность личиною добродѣтели. Онъ мой сынъ и въ то же время мой позоръ, но не изъ моей груди онъ высосалъ это гнусное коварство.

Сынъ. Такъ вы, бабушка, думете, что дядя притворяется?

Герцогиня. Да, мое дитя.

Сынъ. Не можетъ быть.—Что это за шумъ? Королева Елизавета обѣгаетъ въ полномъ отчаяніи; за нею слѣдуютъ Райверсъ и Дорсетъ.

Королева Елизавета. О, кто дерзнетъ теперь говорить, чтобы я не плакала, не стонала, не проклинала своей судьбы и не старалась сокрушить самой себя! Вступлю противъ своей души въ союзъ съ чернымъ отчаяньемъ и сдѣлаюсь врагомъ самой себя.

Герцогиня. Зачѣмъ проявлять такую непристойную горячность?

Королева Елизавета. Чтобы мое горе послужило заключеніемъ тяжелой трагедіи. Нашъ король Эдвардъ, мой супругъ и твой сынъ скончался. Зачѣмъ-же зеле-

поддерживавшіе меня, костыля, т. е. Клэренса и Эдварда. Ты видишь, твоя скорбь равняется только половинѣ моей, и у меня, болѣе чѣмъ у тебя, есть достаточныя причины плакать и заглушать своими стонами твои стenanія.

Сынъ. Вы, тетушка, не плакали, когда умеръ нашъ отецъ, и мы не можемъ вамъ помочь нашими слезами.

Дочь. Вы не стekali о нашемъ сиротствѣ, и мы не отзовемся на ваше вдовье горе.

Королева Елизавета. Для того, чтобы стenanъ и плакать, помощниковъ мнѣ не нужно. Я не такъ еще бесплодна, чтобы не разразиться проявленіями отчаянія. Всѣ источники возвращаютъ потоки своихъ водъ къ моимъ глазамъ; подъ вліяніемъ дождливаго мѣсяца, я могу залить цѣлый міръ рѣками слезъ о моемъ супругѣ, о моемъ без-

нѣютъ еще вѣтви, когда корень погибъ? что-же не завянутъ лишенные сока листья! Если хотите жить—стenaйте, если желаете умереть—спѣшите исполнить это, чтобы ваши души могли догнать душу короля и, словно послушные вѣроподданные, слѣдовать за нею въ новое ея царство, въ царство вѣчнаго покоя.

Герцогиня. Ахъ, и въ твоей скорби я хочу имѣть такую же долю, какою пользовалась въ правахъ на твоего благороднаго мужа. Почтивъ слезами смерть достойнаго супруга, я только и жила тѣмъ, что любовалась его подобіемъ, и вотъ два зеркала, въ которыхъ отражался его царственный образъ, теперь разбиты вдребезги злобой смертью. Теперь, въ утѣшеніе мнѣ, осталось одно зеркало и то фальшивое, которое жестоко печалитъ меня, когда я вижу въ немъ отраженіе своего позора. Ты вдова, но ты всетаки мать, у тебя еще есть утѣшеніе—дѣти, а у меня смерть, вырвавшая изъ моихъ объятій любимаго супруга, вырвала изъ моихъ слабыхъ рукъ и оба-

цѣнномъ Эдвардѣ.

Дѣти. А нашъ отецъ! Дорогой нашъ принцъ Клэренсъ!

Герцогиня. И Эдвардъ, и Клэренсъ, оба мои сына умерли!

Королева Елизавета. Другой опоры, кромѣ Эдварда, у меня не было, и вотъ теперь ея не стало.

Дѣти. У насъ не было другой опоры, кромѣ Клэренса, и вотъ его тоже не стало.

Герцогиня. Какая опора была у меня кромѣ ихъ двоихъ? И вотъ я ихъ лишилась!

Королева Елизавета. Никогда ни одна вдова не несла такой тяжелой утраты.

Дѣти. Никогда сироты не утрачивали такого горячо любимаго существа!

Герцогиня. Никогда потеря матери не была такъ ужасна. Увы, я мать всѣхъ этихъ скорбей! На ихъ долю выпадаетъ только часть скорби, а мнѣ она принадлежитъ всецѣло.—Она оплакиваетъ Эдварда и я тоже. Я оплакиваю Клэренса, а она нѣтъ.—Эти малютки оплакиваютъ Клэренса и я плачу съ ними; но я оплакиваю и

Эдварда, а они нѣтъ. О! вы трое выплачете всѣ свои слезы обо мнѣ, трижды несчастной. Я кормилица вашей скорби и питаю ее рыданіями.

Дорсетъ. Успокойтесь, дорогая матушка. Господь можетъ прогнѣваться, что вы съ такой неблагодарностью относитесь къ его дѣяніямъ. Если въ обыкновенномъ обиходѣ жизни называется неблагодарностью съ неудовольствіемъ возвращать заемъ тому, кто выручилъ насъ съ радужною готовностью, то еще болѣе благодарно возставать противъ небесъ за то, что они обратили потребовали отъ насъ свою царственную осуду, которая когда-то выручила насъ.

Райверсъ. Вы, королева, вспомните, какъ заботливая мать, о молодомъ принцѣ — нашемъ сынѣ. Пошлите сейчасъ-же за нимъ и пусть его вѣнчаютъ на царство; въ немъ живетъ все ваше утѣшеніе. Утопите отчаяніе и печаль въ могилѣ умершаго Эдварда и воздвигните всѣ ваши радости на престолѣ живущаго Эдварда.

Входятъ: Глостэръ, Бокингемъ, Стэнли, Гестингсъ, Ратклиффъ и другіе.

Глостэръ. Утѣшьте, сестра. Мы всѣмъ имѣемъ основаніе оплакивать затмѣніе нашей свѣтлой звѣзды, но горькими стонами никто еще не излечивалъ своей скорби. Ахъ, извините, матушка, я не замѣтилъ, что ваше величество здѣсь. Смирненно, на колѣняхъ, прошу васъ благословить меня.

Герцогиня. Да благословитъ тебя Богъ и да вдохнетъ онъ въ твою грудь кротость, любовь, послушаніе и покорность долгу.

Глостэръ. Аминь (*Про себя*). Странно, что моя мать не окончила своего благословенія желаніемъ, чтобы я умеръ добрымъ, старымъ джентльменомъ. Да, странно, что ея величество упустило это изъ виду.

Бокингемъ. Вы, отуманенные горемъ принцы и скорбящіе душою пары, удрученные тяжестью всѣмъ намъ общей печали, постараемся-же находить общее утѣшеніе во взаимной любви другъ къ другу. Хотя вмѣстѣ съ умершимъ королемъ мы утратили надежду на настоящую жатву, но за то въ его сынѣ зрѣетъ для насъ надежда на жатву другую. Когда ненависть, переполнявшая ваши сердца, изъ нихъ вырвана, когда всѣ вывихи и переломы залечены, какъ слѣдуетъ, станемъ теперь съ осторожностью и съ любовью оберегать только что возникшій союзъ. Мнѣ кажется, надо-бы сейчасъ-же послать въ Лудло, за молодымъ королемъ, и въ сопровожденіи небольшой свиты доставить его въ Лондонъ, чтобы вѣнчать на царство.

Райверсъ. Зачѣмъ именно небольшой, милордъ Бокингемъ?

Бокингемъ. А затѣмъ, чтобы въ большомъ стеченіи народа человѣческая злоба не разбредила едва залеченную рану. Опасность была-бы тѣмъ болѣе велика, что едва народившееся государство еще слабо и плохо устроено. Если отпустить повода у всѣхъ лошадей, онѣ получаютъ возможность мчаться, куда имъ заблагоразсудится, а по моему мнѣнію слѣдуетъ такъ же заботливо предупредить опасность зла, какъ и самое зло.

Глостэръ. Мнѣ кажется, что король водворилъ миръ между всѣми нами; у меня, крайней мѣрѣ, примиреніе твердо и искренно.

Райверсъ. И у меня тоже, да я думаю и у всѣхъ насъ. Однако, такъ-какъ оно еще слишкомъ свѣжо, его не слѣдуетъ подвергать опасности разрыва, что было-бы очень возможно среди большой толпы; поэтому я, какъ и благородный Бокингемъ, нахожу приличнѣе послать за молодымъ королемъ ограниченное количество народа.

Гестингсъ. Я нахожу тоже.

Глостэръ. Пожалуй; рѣшимъ теперь, кого-же слѣдуетъ немедленно отправить въ Лудло. Надѣюсь, что и вы, государыня, и вы, уважаемая матушка, не лишите насъ своего совѣта въ такомъ важномъ дѣлѣ (*Всѣ уходятъ, кроме Бокингема и Глостэра*).

Бокингемъ. Кто-бы, милордъ, ни отпавился за принцемъ, мы съ вами все-таки не останемся дома. Въ дорогѣ я непременно отыщу случай удалить отъ принца высокомерныхъ родственниковъ королевы, и это будетъ первымъ шагомъ къ достиженію того, о чемъ мы съ вами недавно разговаривали.

Глостэръ. Ты другое мое собственное „я“, мой мудрый совѣтникъ, мой оракулъ, мой пророкъ. Любезный кузенъ, я, какъ ребенокъ, подчиняюсь вашему влиянію. Да, ѣдемъ въ Лудло; здѣсь мы не останемся (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Лондонъ. Улица.

Входятъ два гражданина и встрѣчаются

1-й гражданинъ. Доброе утро, соседъ. Куда такъ торопишься?

2-й гражданинъ. Честное слово, я и самъ едва это знаю. Слышалъ ты новость?

1-й гражданинъ. Да; король умеръ.

2-й гражданинъ. Клянусь Пречистой Дѣвой, что новость прескверная; молодые рѣдко бываютъ лучше старыхъ; боюсь я, боюсь, что все пойдетъ совсѣмъ навыворотъ.

Входитъ третій гражданинъ.

3-й гражданинъ. Богъ въ помощь, сосѣди!

1-й гражданинъ. Доброго утра, сэръ.

3-й гражданинъ. Подтвердилось извѣстiе о смерти добраго короля Эдварда?

2-й гражданинъ. Къ несчастью, это слишкомъ вѣрно. Сжался надъ нами, Господи!

3-й гражданинъ. Если такъ, господа, слѣдуетъ ожидать большихъ бѣдъ.

1-й гражданинъ. Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! Богъ милостивъ, на престолъ вмѣсто отца вступитъ сынъ.

3-й гражданинъ. Горе той странѣ, гдѣ управляетъ ребенокъ.

2-й гражданинъ. Почему-же не надѣяться, что свѣтъ во время малолѣтства короля, а затѣмъ и самъ онъ, когда сдѣлается совершеннолѣтнимъ, будетъ управлять государствомъ, какъ слѣдуетъ.

1-й гражданинъ. Положенiе государства было точно такое-же, когда Генрихъ VI восьмилѣтнимъ ребенкомъ былъ коронованъ въ Парижѣ.

3-й гражданинъ. Нѣтъ, друзья, самъ Богъ свидѣтель, что теперь положенiе совсемъ другое; тѣ времена были богаты славными и мудрыми совѣтниками, у короля было нѣсколько людей, людей доблестныхъ и добродѣтельныхъ.

1-й гражданинъ. Что-же, и у новаго короля, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны ихъ нѣсколько.

3-й гражданинъ. Лучше, если-бы они всѣ были съ отцовской стороны, или ихъ совсемъ не было-бы ни одного, и, если только Господь не предотвратитъ этой бѣды, ихъ соперничество—кому стать ближе къ королю—непремѣнно задѣнетъ и насъ. Герцогъ Глостеръ—человѣкъ очень опасный, сыновья и братья королевы горды и надменны. Если-бы не они управляли, а управляли-бы ими самими, нашему болному государству многому вернулось-бы его прежнее здоровье.

1-й гражданинъ. Перестань, перестань, тебѣ все мерещится въ черномъ цвѣтѣ. Увидишь, все пойдетъ, какъ нельзя лучше.

3-й гражданинъ. Когда на небѣ скопляются тучи, человѣкъ надѣваетъ плащъ: если начнутъ падать крупныя, поблѣкшія листья—знай, что зима близко, а когда садится солнце, всякій видитъ, что близится ночь; при безвременныхъ буряхъ—ожиданiе неурожая и дороговизна. Можетъ быть, это и на самомъ дѣлѣ уладится; если такъ, то окажется, что Господь милосерднѣе къ намъ, чѣмъ я ожидалъ и чѣмъ мы того стоимъ.

2-й гражданинъ. Въ самомъ дѣлѣ, сердца у всѣхъ переполнены страхомъ. Кого-бы вы не встрѣтили, у каждаго на лицѣ вы прочтете выраженiе какой-то тревоги, какого-то опасенiя.

3-й гражданинъ. Такъ всегда бываетъ наканунѣ переворотовъ. Человѣкъ, по какому-то, вложенному въ него Богомъ, чутью, предчувствуетъ наступающую опасность; такъ передъ грозною бурей волны вздымаются сами собой. Предоставимъ, однако, все это на волю Создателя. Куда вы теперь?

2-й гражданинъ. Мы получили повѣстки изъ суда.

3-й гражданинъ. И я тоже. Отправляйтесь вмѣстѣ (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: архіепископъ Йоркскій, малолѣтній герцогъ Йоркскій, королева Елизавета и герцогиня Йоркская.

Архіепископъ. Какъ я слышалъ, они вчерашнюю ночь провели въ Норсептонѣ, сегодня вечеромъ будутъ въ Стони-Стретфордѣ, а завтра или послѣзавтра будутъ здѣсь.

Герцогиня. Я всей душой желаю видѣть принца; надѣюсь, что онъ очень выросъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались.

Королева Елизавета. А я слышала, что нѣтъ; говорятъ, что сынъ мой, Йоркскій, теперь уже одного роста съ нимъ.

Герцогъ Йоркскій. Это правда, матушка, но я желалъ-бы, чтобъ было не такъ.

Герцогиня. Почему, милый внучекъ? Рости хорошо.

Герцогъ Йоркскій. Какъ-то вечеромъ, бабушка, пока мы сидѣли за ужинамъ, мой дядя Глостеръ сказалъ: „Только низкорослыя растенiя бываютъ красивы, лишь однѣ сорныя травы растутъ высоко“. Съ тѣхъ поръ мнѣ все хочется рости медленно, потому что душистые цвѣты растутъ медленно, а сорныя травы вытягиваются быстро.

Герцогиня. Однако, это изреченiе не оправдалось на томъ, кто его высказалъ, и самъ онъ является исключенiемъ изъ правила. Въ юности онъ былъ такъ тщедушенъ, росъ такъ медленно и развивался такъ поздно, что если-бы высказанная имъ мысль была справедлива, онъ долженъ былъ-бы блистать необыкновенной красотой.

Архіепископъ. Если, милостивая милая, онъ и не отличается красотой вѣшной, — за-то сіяетъ красотой душевной.

Герцогиня. Будемъ надѣяться, что такъ; однако, душу матери мучить сомнѣніе.

Герцогъ Йоркскій. Если-бы мнѣ тогда-же пришло въ голову, я даль-бы дядѣ отзвѣвъ насчетъ его роста получше, чѣмъ онъ насчетъ моего.

Герцогиня. Прошу тебя, хорошенькій мой Йоркъ, скажи мнѣ, что бы ты ему отвѣтилъ?

Герцогъ Йоркскій. Говорятъ, будто дядя росъ такъ быстро, что черезъ два часа послѣ рожденія въ состояніи былъ грызть корки; у меня-же первый зубъ показался только на второмъ году, а это, неправда-ли, бабушка, было-бы очень злой шуткой.

Герцогиня. Скажи мнѣ, милый внучекъ, кто сообщилъ тебѣ это?

Герцогъ Йоркскій. Его кормилица, бабушка.

Герцогиня. Кормилица? Какъ-же это можетъ быть? Ты еще не родился, когда она умерла.

Герцогъ Йоркскій. Если не она, такъ, право, не знаю кто.

Королева Елизавета. Болтливый мальчуганъ, ты слишкомъ дерзокъ!

Архіепископъ. Добрѣйшая королева, не сердитесь на своего сыночка.

Королева Елизавета. Даже у ковровъ на стѣнахъ есть уши.

Архіепископъ. Вотъ идетъ гонецъ. (*Входитъ гонецъ*). Что скажешь?

Гонецъ. Милордъ, я принесъ такіа извѣстія, что ихъ тяжело выговорить.

Королева Елизавета. Какъ здоровье принца?

Гонецъ. Какъ пельзя лучше, государыня: онъ совершенно здоровъ.

Герцогиня. Какія-же извѣстія?

Гонецъ. Лордъ Райверсъ и лордъ Грей, а съ ними сэръ Томасъ Вогенъ, какъ узники, отправлены въ Помфреть.

Герцогиня. Кто-же смѣлъ подвергнуть ихъ заключенію?

Гонецъ. Могущественный герцогъ Глостэръ и Бокингемъ.

Архіепископъ. За какую вину?

Гонецъ. Я сообщилъ вамъ все, что знаю; за что, на какомъ основаніи взяты подъ стражу благородные лорды, это мнѣ, ваше преподобіе, совершенно неизвѣстно.

Королева Елизавета. Увы! Я въ этомъ предвижу гибель моего рода; тигръ схватилъ кроткую лань, наглое самоуправство уже начинается попираетъ невинный и беззащитный тронъ. Привѣтъ вамъ, опустошеніе, насилие, убійство! Мнѣ конецъ всего представляется такъ-же ясно, какъ будто онъ нарисованъ на картинѣ.

Герцогиня. Проклятіе тебѣ, гибельное время распрей, междоусобицъ! Сколько, благодаря тебѣ, мои глаза видѣли черныхъ дней! Супругъ мой, дожидаясь королевскаго вѣнца, лишился жизни, а сыновья сколько разъ то возвышались, то падали, то радовали меня побѣдами, то сокрушали пораженіемъ. Наконецъ, они восторжествовали, враги сокрушены и началась война между побѣдителями; возстали братья на брата, кровь на кровь. О, противояственная, изступленная ненависть, пусть твоя бѣшеная злоба остановится на этомъ! Если она на этомъ не остановится, Господь, пошли мнѣ смерть, чтобы мнѣ не видать смерти.

Королева Елизавета. Пойдемъ, пойдемъ, дитя мое, отправимся искать спасенія въ святилище. Будьте здоровы, государыня!

Герцогиня. Постой, я пойду съ вами.

Королева Елизавета. У васъ нѣтъ основанія уходить.

Архіепископъ (*Королеву*). Отправляйтесь скорѣй, добрѣйшая государыня, возьмите съ собой всѣ ваши сокровища; я съ своей стороны вручаю вашему величеству государственную печать, хранителемъ которой я состоялъ до сихъ поръ. Награди меня Богъ такимъ же счастьемъ, какого я желаю вамъ и всѣмъ вашимъ. Идемте, я васъ провожу (*Уходитъ*).

Дѣйствіе третье.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Улица.

При громъ трубъ входятъ: принцъ Уэльсскій, Глостеръ, Бокингемъ, кардиналъ Бурчардъ и другіе.

Бокингемъ. Свѣтлѣйшій принцъ, привѣтствую ваше прибытіе въ Лондонъ, въ вашу королевскую палату.

Глостеръ. И мой привѣтъ вамъ, дорогой племянникъ, вамъ властелину всѣхъ моихъ думъ. Вѣроятно, усталость съ дороги дѣлаетъ васъ такимъ печальнымъ, принцъ?

Принцъ. Нѣтъ, дядя, не сама дорога, а встрѣтившіяся на ней непріятности сдѣлали ее скучной, утомительной, тягостной. Отчего я не вижу здѣсь другихъ моихъ дядей, которые должны-бы привѣтствовать меня?

Глостеръ. Добрѣйшій принцъ, ничѣмъ еще не омраченная чистота и невинность вашего возраста не даютъ вамъ возможности сразу увидать всю гнусность этого вѣроломнаго міра и о человѣкѣ, вы можете только судить по его внѣшности, а эта внѣшность, какъ то знаетъ Богъ, рѣдко совпадаетъ съ его внутренней стороной. Ваши дяди, объ отсутствіи которыхъ вы скорбите, были люди опасные; вы, ваше высочество, внимали ихъ слащавымъ рѣчамъ, но не замѣчали яда, таившагося въ ихъ сердцахъ. Да сохранить васъ Создатель и отъ нихъ, и отъ такихъ же лживыхъ друзей, какъ они.

Принцъ. Да сохранить меня Создатель отъ лживыхъ друзей, но они-то не были лживы.

Глостеръ. Принцъ, лордъ-мэръ идетъ васъ привѣтствовать.

Входитъ лордъ-мэръ и его свита.

Лордъ-мэръ. Да пошлетъ вамъ Создатель доброе здоровье и счастливые дни.

Принцъ. Благодарю васъ, добрѣйшій лордъ, благодарю также и всѣхъ васъ (*Лордъ-мэръ и его свита удаляются*). Я думалъ, что мать и братъ мой Йоркъ встрѣтятъ меня на пути еще задолго до моего прибытія въ Лондонъ. Какъ неповоротливъ этотъ Гестингсъ: изъ-за него я не могу до сихъ поръ узнать, прибудутъ-ли сюда мать и братъ.

Входитъ Гестингсъ.

Бокингемъ. Лордъ Гестингсъ легокъ на поминѣ, вотъ онъ идетъ; онъ весь въ поту.

Принцъ. Привѣтъ вамъ, милордъ! Скажите, скоро-ли прибудетъ моя мать?

Гестингсъ. Не я, а только одинъ Богъ знаетъ, по какой причинѣ ваша матушка съ вашимъ братомъ, герцогомъ Йоркскимъ, внезапно удалась въ святилище. Ласковому принцу очень хотѣлось вмѣстѣ со мной отправиться къ вамъ на встрѣчу, но ваша матушка удержала его силой.

Бокингемъ. Фи, какой это неумѣстный и непохвальный поступокъ съ ея стороны. Не угодно-ли вамъ убѣдить королеву, чтобы она сейчасъ-же отпустила герцога Йоркскаго къ его царственному брату; если-же она не согласится, вы, лордъ Гестингсъ, ступайте съ кардиналомъ и вырвите принца силой изъ ея ревнивыхъ рукъ.

Кардиналъ. Если мое слабое краснорѣчіе, лордъ Бокингемъ, можетъ исторгнуть герцога Йоркскаго изъ рукъ его матери, я сейчасъ-же явлюсь съ нимъ сюда, но если королева будетъ сопротивляться и не захочетъ слушать моихъ увѣщаній, то да избавитъ меня Богъ отъ необходимости нарушить священныя права святилища. За все это государство я не соглашусь взять на душу такого страшнаго грѣха.

Бокингемъ. Вы, милордъ, слишкомъ безсмысленно упрямы, слишкомъ шепетильны и слишкомъ вѣрны преданію. Сообразите, что, принявъ во вниманіе данное время, вы, завладѣвъ принцемъ, нисколько не нарушите правъ святого убѣжища: для того, кто по своимъ дѣламъ въ немъ нуждается, кто ищетъ защиты подъ его кровомъ, право это остается въ полной силѣ. Герцогъ-же ни въ какой защитѣ не нуждается и ему нечего ея искать. По моему мнѣнію, убѣжище это для него даже и не святилище, и, взявъ отсюда ребенка, вы не нарушите никакого права, никакихъ преимуществъ, присвоенныхъ ему обычаемъ. Я не разъ слыхалъ, что взрослые люди ищутъ убѣжища въ святилищѣ, но, чтобы такъ поступали дѣти, не слыхивалъ никогда.

Кардиналъ. На этотъ разъ вы меня убѣдили вполне. Лордъ Гестингсъ, угодно вамъ отправиться со мной?

Гестингсъ. Иду, милордъ.

Принцъ. Пожалуйста, добрейшіе лорды, поторопитесь, на сколько возможно (*Кардиналъ и Гестингсъ уходятъ*). Скажите, дядя Глостеръ, гдѣ-же мы будемъ жить до моего вѣнчанія на царство, если придетъ братъ?

Глостеръ. Гдѣ будетъ угодно вашему высочеству. Впрочемъ, день или два я посоветовалъ-бы вамъ отдохнуть въ башнѣ, а потомъ живите, гдѣ найдете болѣе удобнымъ и пріятнымъ.

Принцъ. Для меня нѣтъ мѣста ненавистнѣе башни. Правда-ли, милордъ, что ее построилъ Юлій Цезарь?

Бокингемъ. Правда, добрейшій принцъ, Юлій Цезарь положилъ ей основаніе, достроили-же ее въ слѣдующіе вѣка.

Принцъ. Скажите, извѣстно по лѣтописямъ, что ее началъ строить Юлій Цезарь, или только по преданіямъ, переходящимъ изъ рода въ родъ?

Бокингемъ. По лѣтописямъ, свѣтлѣйшій лордъ.

Принцъ. А если-бы лѣтописи даже умолчали объ этомъ событіи, я думаю, истина все-таки переходила-бы изъ вѣка въ вѣкъ и передавалась-бы изъ устъ въ уста до самаго дня страшнаго суда.

Глостеръ (*про себя*). Такъ уменъ итакъ юнъ; говорить, такіе не долговѣчны.

Принцъ. Что вы говорите, дядя?

Глостеръ. Говорю, что даже и безъ всякой письменности слава долговѣчна (*про себя*). Я словно первобытный поронокъ: ложь втискиваетъ два смысла въ одно и то-же слово.

Принцъ. Юлій Цезарь, это былъ человекъ великій; то, чѣмъ его доблесть обогатила его умъ, послужило его уму средствомъ придать долготѣ его доблести. Смерть не побѣдила побѣдителя, потому что онъ продолжаетъ жить, если не дѣйствительною жизнью, то въ сіяніи своей славы. Я скажу вамъ, любезный кузень мой, Бокингемъ...

Бокингемъ. Что такое, милостивѣйшій лордъ?

Принцъ. Если я доживу до той поры, когда сдѣлаюсь взрослымъ человекомъ, я хочу, чтобы права наши снова восторжествовали надъ Франціей, и, проведя всю жизнь королемъ, умереть, подобно воину.

Глостеръ (*про себя*). Лѣто, послѣ слишкомъ ранней весны, непродолжительно.

Входятъ: герцогъ Йоркскій, Гестингсъ и кардиналъ.

Бокингемъ. А, къ счастью, вотъ, наконецъ, и герцогъ Йоркскій.

Принцъ. Ричардъ Йоркскій, скажите, какъ поживаетъ нашъ возлюбленный братъ?

Герцогъ Йоркскій. Прекрасно, грозный нашъ повелитель, потому что съ нынѣшняго дня я обязанъ называть васъ именно такъ.

Принцъ. Да, милый братъ, и къ нашему, и къ твоему великому горю. Кончина того, кому по праву принадлежалъ этотъ титулъ, котораго, умирая, лишился нашъ царственный родитель, произошла такъ еще недавно.

Глостеръ. Какъ здоровье нашего племянника, благороднаго лорда Йоркскаго?

Герцогъ Йоркскій. Благодарю, добрейшій дядя. О, милордъ, вы говорили, что сорныя травы растутъ быстро: смотрите, смотрите, какъ переросъ меня принцъ, мой братъ.

Глостеръ. Правда, милордъ.

Герцогъ Йоркскій. Значитъ, онъ тоже негодная трава?

Глостеръ. Нѣтъ, милѣйшій племянникъ, говорить этого я не смѣю.

Герцогъ Йоркскій. Значитъ, онъ имѣетъ основаніе обижаться твоими словами менѣе, чѣмъ я?

Глостеръ. Онъ можетъ повелѣвать мною, какъ мой государь, тогда какъ ты имѣешь на меня только права родственника.

Герцогъ Йоркскій. Прошу васъ, дядя, подарите мнѣ этотъ кинжалъ.

Глостэръ. Мой кинжалъ, племянникъ? Съ удовольствіемъ.

Принцъ. Братъ, какъ не стыдно спрашивать, словно ты нищій!

Герцогъ Йоркскій. Что за бѣда, я вѣдь прошу у дяди и притомъ такую вещь, которую, какъ я увѣренъ, онъ отдастъ мнѣ безъ всякаго сожалѣнія; вѣдь, это не болѣе, какъ игрушка.

Глостэръ. Я хочу подарить тебѣ, племянникъ, нѣчто болѣе значительное.

Глостэръ. Тебѣ, я вижу, очень хотѣлось бы имѣть мой мечъ, маленький лордъ.

Герцогъ Йоркскій. Да, хотѣлось бы, чтобы отблагодарить васъ за то названіе, которое вы мнѣ даете.

Глостэръ. Какое названіе?

Герцогъ Йоркскій. Маленькій.

Принцъ. Герцогъ Йоркскій всегда очень боекъ на языкъ. Вы, дядя, отлично знаете, какъ къ нему относиться.

Герцогъ Йоркскій. Не знаю что—относиться ко мнѣ, или носиться со мною. Дядя, братъ, разомъ насмѣхается и надъ

Герцогъ Йоркскій. Болѣе значительное? Ужъ не мечъ-ли въ придачу къ кинжалу?

Глостэръ. Да, подарилъ бы, если бы онъ былъ полегче.

Герцогъ Йоркскій. О, я вижу, вы щедры только на легковѣсные подарки, если же зайдетъ рѣчь о чемъ-нибудь болѣе вѣскомъ, вы отвѣтите: „ни подъ какимъ видомъ“.

Глостэръ. Носить его тебѣ было бы не подъ силу.

Герцогъ Йоркскій. Я бы носилъ его очень легко, еслибы онъ былъ еще тяжелѣе.

вами, и надо мною: изъ-за того, что я малъ, какъ обезьянка, онъ думалъ, что вамъ слѣдуетъ носить меня на плечахъ.

Бокингемъ. Какъ остроумны и колки его возраженія. Чтобы смягчить насмѣшку, обращенную къ дядѣ, онъ мило и ловко смѣется самъ надъ собой; такъ молодъ и такъ находчивъ, это просто удивительно.

Глостэръ. Добрѣйшій принцъ, не угодно-ли вамъ продолжать? Я же и кузенъ мой Бокингемъ отправимся къ вашей родительницѣ и станемъ умолять ее присоединиться къ вамъ въ башнѣ, чтобы тамъ привѣтствовать ваше прибытіе.

Герцога Йоркскій. Какъ, вы, милордъ, намѣреваетесь отправиться въ башню?

Принцъ. Лордъ-попечитель находитъ, что такъ слѣдуетъ.

Герцогъ Йоркскій. А мнѣ въ башнѣ не уснуть спокойно.

Принцъ. Почему? Чего бы ты сталъ тамъ бояться?

Герцогъ Йоркскій. Какъ чего? Разгнѣваннаго призрака моего дяди Клэренса. Бабушка говорила мнѣ, что онъ былъ тамъ умерщвленъ.

Принцъ. Я не боюсь умершихъ дядей.

Герцогъ Йоркскій. Да и живыхъ, на-
дѣюсь, тоже.

Принцъ. Если-бы они еще находились въ живыхъ, я убѣжденъ, что мнѣ бы нечего было ихъ бояться. Однако, идемте, милорды, далѣе и, съ сокрушеннымъ сердцемъ думая объ умершихъ, отправимся въ башню (*принцъ Уэльскій, герцогъ Йоркскій, Гестингсъ, Кардиналъ и другіе придворные уходятъ*).

Бокингемъ. Что скажете, милордъ, объ этомъ маленькомъ болтунѣ? Всѣ на-
смѣшки, которыми онъ такъ нагло осыпалъ васъ, разумѣется, внушены ему его лукавой притворщицей—матерью.

Глостаръ. Разумѣется, безъ всякаго сомнѣнія. Этотъ словоохотливый мальчишка смѣлъ, живъ, изобрѣтателенъ, самона-
дѣянъ и богато одаренъ способностями,—онъ весь, съ ногъ до головы, уродился въ мать.

Бокингемъ. Хорошо, оставимъ ихъ въ покоѣ. Подойди сюда, Кетсби. Ты клялся исполнять неукоснительно всѣ наши на-
мѣренія и свято держать въ тайнѣ то, что мы тебѣ довѣрили. Ты дорогой слышалъ, что заставляетъ насъ поступать такимъ образомъ. Что же ты обо всемъ этомъ думаешь? Не будетъ-ли слишкомъ трудно заставить лорда Уильяма Гестингса дѣйствовать съ нами сообща, то-есть, утвердить этого благороднаго герцога на престолѣ нашего прославленнаго острова?

Кетсби. Онъ такъ свято чтитъ память покойнаго отца, принцъ, что, ради благо-
получія сына, слѣпо пойдетъ на все.

Бокингемъ. А что скажешь ты насчетъ Стэнли? Этотъ захочетъ-ли согласиться?

Кетсби. Онъ во всемъ поступитъ такъ-
же, какъ Гестингсъ.

Бокингемъ. Итакъ, остановимся вотъ на чемъ: дорогой Кетсби, отправься къ лорду Гестингсу, выпитай его мнѣніе насчетъ нашихъ намѣреній, разумѣется, говоря о нихъ только намеками, какъ о не-
сбыточныхъ предположеніяхъ, и скажи ему, чтобы онъ завтра непременно былъ въ башнѣ, чтобы присутствовать при корона-

ваніи. Если найдешь, что онъ расположенъ въ нашу пользу, отнесись къ нему одоб-
рительно и понемногу сообщи ему, что за-
ставляетъ насъ поступать такъ, какъ мы поступаемъ. Если онъ окажется твердымъ, какъ свинецъ, и холоднымъ, какъ ледъ, будь такимъ-же и ты; оборви сразу разго-
воръ и приди тотчасъ-же сообщить намъ, какъ онъ смотритъ на наше предпріятіе, такъ какъ завтра у насъ будетъ еще дру-
гой совѣтъ, въ которомъ ты безъ дѣла не останешься.

Глостаръ. Кланяйся отъ меня лорду Уильяму; скажи ему, Кетсби, что опасная шайка его закоренѣлыхъ враговъ завтра въ замкѣ Помфретъ подвергнется сильному кровопусканію, и посоветуй ему, чтобы онъ, получивъ такое пріятное извѣстіе, на ра-
достяхъ поѣхалъ поцѣловалъ мистрисъ Шорръ. Надѣюсь, добрыйшій Кетсби, что ты исполнишь все это, какъ слѣдуетъ.

Кетсби. Добрыйшіе милорды, я сдѣ-
лаю все, что отъ меня зависить.

Гло аръ. Будемъ-ли мы имѣть из-
вѣстіе отъ васъ, Кетсби, ранѣе, чѣмъ ля-
жемъ въ постель?

Кетсби. Будете, милордъ.

Глостаръ. Ты обоихъ насъ найдешь въ Кросби (*Кетсби уходитъ*).

Бокингемъ. Теперь, милордъ, ска-
жите, какъ-же намъ поступить, если мы замѣтимъ, что Гестингсъ не хочетъ при-
мкнуть къ нашему заговору?

Глостаръ. Милѣйшій мой, намъ оста-
нется отрубить ему голову и этимъ мы сдѣ-
лаемъ именно то, что нужно. Если пре-
столъ Англіи достанется мнѣ, ты будешь имѣть право требовать отъ меня графство Гирфордъ и все движимое имущество, ко-
торымъ владѣлъ покойный братъ мой, ко-
роль.

Бокингемъ. Я не премину напомнить
вашему высочеству объ этомъ обѣщаніи.

Глостаръ. Будь увѣренъ, что я исполню
его отъ всей души. Пойдемъ, поужинаемъ
пораньше, чтобы потомъ, какъ слѣдуетъ,
переварить наши замыслы (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Передъ домомъ лорда Гестингса.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ (*Стучитъ въ дверь*). Милордъ,
милордъ!

Гестингсъ (*За сценой*). Кто тамъ сту-
чится?

Гонецъ. Посланный отъ лорда Стэнли.

Гестингсъ (*За сценой*). Который часъ?

Гонецъ. Только что пробило четыре.
(*Гестингсъ входитъ*).

Гестингсъ. Развѣ твой господинъ не можетъ спать въ такія длинныя ночи?

Гонецъ. Судя по тому, что я имѣю вамъ сказать, кажется, что такъ. Во-первыхъ, онъ шлетъ привѣтъ вашей милости.

Гестингсъ. А далѣе что?

Гонецъ. А далѣе онъ велѣлъ вамъ передать, что ему нынѣшнюю ночью снилось, будто кабанъ сорвалъ съ него шлемъ и что, помимо этого, сегодня состоится два совѣта, при чемъ то, что будетъ постановлено однимъ изъ этихъ совѣтовъ, можетъ заставить васъ и его раскаяться, что вы участвовали въ другомъ. Вотъ онъ и поручилъ мнѣ узнать, не угодно-ли вашей милости сейчасъ-же вмѣстѣ съ нимъ съѣсть на коня и, чтобы избѣжать тѣхъ опасностей, которыя предчувствуетъ его душа, во весь опоръ направиться къ сѣверу.

Гестингсъ. Ступай, другъ мой, вернись къ своему господину и скажи ему, чтобы различные два совѣта его не смущали: его милость и я участвуемъ въ одномъ совѣтѣ, а въ другомъ находится милѣйшій мой другъ Кетсби; поэтому мнѣ будетъ тотчасъ-же извѣстно все, что тамъ ни произошло бы. Скажи ему также, что его опасенія безразсудны и лишены всякаго основанія. Что-же касается его сновидѣній,—меня удивляетъ его слабость принимать за что-то важное всѣ пустяки, навѣяемые тревожнымъ сномъ; бѣжать отъ кабана ранѣе, чѣмъ онъ началъ насъ преслѣдовать, значило-бы возбудить въ этомъ кабанѣ рѣшимость пуститься за нами въ погоню и направить свои стопы на такую дорогу, на которую онъ ранѣе и не намѣревался ступать. Ступай и скажи своему господину, чтобы онъ скорѣе вставалъ и тотчасъ-же явился ко мнѣ; мы вмѣстѣ отправимся въ башню, гдѣ онъ увидитъ, что кабанъ обойдется съ нами какъ нельзя болѣе милостиво.

Гонецъ. Иду, милордъ, и въ точности повторю ему ваши слова (*Уходитъ; появляется Кетсби*).

Кетсби. Тысячу разъ желаю вамъ добраго утра, благороднѣйшій мой лордъ!

Гестингсъ. Здравствуйте, Кетсби! вы сегодня на ногахъ съ очень раннихъ поръ. Да, что новаго въ нашемъ шатающемся государствѣ?

Кетсби. Да, дѣйствительно, милордъ, оно сильно шатается и, мнѣ кажется, на ногахъ укрѣпится оно только тогда, когда корона очутится на головѣ Ричарда.

Гестингсъ. Какая корона? Неужто королевская?

Кетсби. Да, именно такъ, добрѣйшій мой лордъ.

Гестингсъ. Нѣтъ, скорѣе вотъ эта корона упадетъ съ моихъ плечъ, чѣмъ другая, королевская, очутится на такомъ неподобающемъ для нея мѣстѣ. Скажите, неужто у васъ явилось подозрѣніе, что онъ этого добивается?

Кетсби. Да, клянусь жизнью, что такъ. Онъ даже надѣется, что увидитъ васъ въ передовыхъ рядахъ той партіи, при помощи которой онъ рассчитываетъ добиться желаемого. Затѣмъ онъ просилъ меня сообщить вамъ слѣдующую пріятную для васъ вещь: не далѣе, какъ сегодня, вашимъ врагамъ, то-есть родственникамъ королевы, суждено умереть въ Помфретѣ.

Гестингсъ. Неужто это правда? Я, конечно, изъ-за такого извѣстія не облекусь въ трауръ: они всегда были моими противниками; но чтобы я подаль свой голосъ за Ричарда и тѣмъ преградилъ потомкамъ моего короля и властелина путь къ законному ихъ наслѣдію—этому не бывать никогда. Самъ Богъ видитъ, что я этого не сдѣлаю никогда, если-бы даже пришлось заплатить за это жизнью.

Кетсби. Да поможетъ вашей милости Господь всегда оставаться при такихъ благородныхъ намѣреніяхъ.

Гестингсъ. Что-же касается тѣхъ, которые навлекли на меня гнѣвъ моего властелина, я цѣлыхъ двѣнадцать мѣсяцевъ подрядъ буду хохотать отъ радости, что мнѣ суждено было дожить до трагической развязки ихъ судьбы. Знайте, Кетсби, что я и на двѣ недѣли не стану старше, какъ подвергну той-же участи многихъ, которые совѣтъ этого не ожидаютъ.

Кетсби. Милостивѣйшій мой лордъ, смерть, вообще, дѣло печальное; еще печальнѣе становится она, когда является неожиданно, когда мы къ ней не приготовлены.

Гестингсъ. О, она чудовищна, чудовищна! Вотъ она-то и постигаетъ теперь и Райверса, и Вогена, и Грэй; то же будетъ и съ другими, считающими себя въ полной безопасности, потому что они, такъ же, какъ вы и я, пользуются расположеніемъ принца Ричарда и Бокингема.

Кетсби. Вы очень высоко стоите во мнѣніи обоихъ принцевъ (*Про себя*). Такъ высоко, что тебѣ не сносить на плечахъ головы.

Гестингсъ. Я это знаю и, конечно, заслужилъ такую милость (*Входитъ Стэнли*). Милости просимъ, милости просимъ. Однако, милѣйшій мой, гдѣ-же ваша рогатина? Бойтесь кабана, а сами выходите къ намъ на встрѣчу безъ всякаго оружія.

Стэнли. Здравствуйте, милордъ, здравствуйте, Кетсби. Вы можете смѣяться надо мною, но, клянусь святымъ крестомъ Спасителя, двойственность этихъ совѣтовъ совѣмъ мнѣ не по вкусу.

Гестингсъ. Милордъ, я дорожу своею жизнью и клянусь, что она никогда не была мнѣ дороже, чѣмъ въ настоящую минуту. Неужели вы думаете, что я былъ-бы такъ безпеченъ и веселъ, какъ теперь, еслибы не такъ глубоко вѣрилъ въ нашу общую безопасность?

Стэнли. Лорды, находящіеся теперь въ Помфретѣ, тоже вѣрили въ свою безопасность и, уѣзжая на коняхъ изъ Лондона, были тоже очень веселы, да и опасаться-то имъ, казалось, было рѣшительно нечего. Однако, не смотря на это, вы сами видите, какъ померкъ для нихъ дневной свѣтъ. Эти внезапные взрывы мщенія меня сильно пугаютъ. Я говорю, что былъ-бы очень радъ, еслибы оказался только безсмысленнымъ трусомъ. Пойдемте, однако, въ башню; солнце уже высоко.

Гестингсъ. Полноте, полноте, успокойтесь. А знаете-ли вы, милордъ, что тѣ люди, о которыхъ вы сейчасъ говорили, сегодня-же были казнены?

Стэнли. А между тѣмъ имъ, право, за ихъ честь и вѣрность скорѣе прилично было-бы носить на плечахъ голову, чѣмъ нѣкоторымъ изъ ихъ обвинителей носить свои шапы. Идемте-же, милордъ.

Входитъ младшій герольдъ.

Гестингсъ. Ступайте впередъ, мнѣ нужно сказать слова два съ этимъ милѣйшимъ человѣкомъ (*Стэнли и Кетсби уходятъ*). Ну, какъ поживаешь, какъ идуть дѣла?

Младшій герольдъ. Тѣмъ болѣе успѣшно, что вашей милости угодно освѣдомиться объ этомъ.

Гестингсъ. Я тоже могу сообщить тебѣ, пріятель, что и мои дѣла идуть несравненно лучше, чѣмъ въ то время, когда мы въ послѣдній разъ видѣлись здѣсь съ тобой. Тогда я отправлялся въ башню въ качествѣ узника и это благодаря родственникамъ королевы, но теперь я могу тебѣ сказать—только, чуръ, держи это про себя—теперь моихъ враговъ уже нѣтъ въ живыхъ, а я въ лучшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо.

Младшій герольдъ. Дай Богъ, чтобы и далѣе все шло согласно желаніямъ вашей милости.

Гестингсъ. Благодарю за пожеланія, пріятель! Вотъ тебѣ деньги, выше за мое здоровье (*Бросаетъ ему кошелькъ*).

Младшій герольдъ. Премного благодаренъ вашей милости (*Уходитъ; появляется священникъ*).

Священникъ. Какая пріятная встрѣча, милордъ. Я очень счастливъ, что вижу вашу милость.

Гестингсъ. Благодарю, добрейшій сэръ Джонъ, благодарю отъ всего сердца. Я еще въ долгу у васъ за послѣднюю вашу службу. Приходите въ будущій субботній день, и вы останетесь мною довольны (*Входитъ Бокингемъ*).

Бокингемъ. Какъ, лордъ камергеръ, я застаю васъ въ разговорѣ съ священникомъ! Вашимъ друзьямъ въ Помфретѣ священникъ необходимъ, но вамъ самимъ исповѣдываться теперь же нѣтъ никакой настоятельной надобности.

Гестингсъ. Когда я встрѣтился съ этимъ святымъ человѣкомъ, даю вамъ честное слово, всѣ мысли мои были заняты тѣми, о которыхъ вы сейчасъ упомянули. Что-жъ, и вы тоже въ башню?

Бокингемъ. Да, милордъ, но не могу оставаться тамъ долго и уйду оттуда ранѣе, чѣмъ ваша милость.

Гестингсъ. Очень можетъ быть, потому что я, вѣроятно, останусь тамъ обѣдать.

Бокингемъ (*Про себя*). Да и ужинать тоже, хотя ты объ этомъ ничего еще не знаешь (*Громко*). Что же, идете вы?

Гестингсъ. Иду, милордъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Въ Помфретѣ. Передъ замкомъ.

Входитъ Рэтклифъ въ сопровожденіи конвоя, ведущаго на казнь Райверса, Грэя и Воена.

Рэтклифъ. Ну, выводите заключенныхъ.

Райверсъ. Слушай, сэръ Ричардъ Рэтклифъ, дай мнѣ высказать тебѣ вотъ что: сегодня ты будешь свидѣтелемъ, какъ вѣрнопопдаанный умереть за правду, за право и за вѣрность.

Грэй. Да избавитъ Богъ принца отъ всей вашей своры. Всѣ вы—только шайка проклятыхъ вампировъ.

Вогенъ. Настанетъ день, когда вамъ придется жестоко поплатиться за то, что вы остались живы.

Рэтклифъ. Ну, живѣе, вы уже перешли за опредѣленный вамъ жизненный предѣлъ.

Райверсъ. Помфретъ, Помфретъ, ты, кровавая тюрьма, всегда приносила несчастье благороднымъ перамъ. Здѣсь, за твоими преступными стѣнами, Ричардъ II былъ изрубленъ въ куски и чтобы еще

болѣе усилить твое позорное значеніе, мы напоимъ тебя своей безвинной кровью.

Грэй. Вотъ теперь обрушивается на наши головы проклятіе Маргариты, брошенное ею въ лицо и Гестингсу, и вамъ, и мнѣ за то, что мы безмолвно присутствовали при томъ, какъ Ричардъ убивалъ ея сына.

Райверсъ. Она проклѣла тоже и Ричарда, проклѣла и Бокингема, проклѣла Гестингса. О, великій Боже, помоги исполниться ея проклятію и противъ нихъ, какъ оно теперь исполняется противъ насъ. Что же касается моей сестры и ея царственныхъ сыновей, удовольствуйся, мило-

рите, когда-же назначить этотъ царственный день?

Бокингемъ. Все уже готово для царственной церемоніи?

Стэнли. Да, все; остается только назначить минуту.

Епископъ Эллійскій. По моему мнѣнію, слѣдовало-бы назначить завтрашній день, какъ день счастливый.

Бокингемъ. Не знаетъ-ли кто-нибудь на этотъ счетъ мнѣнія протектора? Кто изъ присутствующихъ пользуется наибольшимъ довѣріемъ герцога?

Епископъ Эллійскій. На сколько мнѣ кажется, его мысли лучше всего из-

сердный Боже, одною нашей чистой кровью, которая, какъ Тебѣ извѣстно, будетъ пролита безъ всякой вины съ нашей стороны.

Ратклифъ. Ну, скорѣе; часъ, назначенный для вашей смерти, уже прошелъ.

Райверсъ. Идемъ, Грэй; идемъ, Вогенъ. Обнимемся еще разъ на землѣ, чтобы встрѣтиться потомъ на небесахъ (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната въ башнѣ.

Входятъ Бокингемъ, Стэнли, Гестингсъ, епископъ Эллійскій, Кетси, Ловель и другіе совѣтники; всѣ садятся вокругъ стола; приставы совѣта находятся тутъ-же.

Гестингсъ. Итакъ, благородные лорды, мы собрались сюда, чтобы рѣшить вопросъ о коронованіи. Ради самаго Господа, гово-

вѣстны вашей милости.

Бокингемъ. Мы отлично знаемъ въ лицо другъ друга; что же касается нашихъ душъ, то ему моя душа извѣстна такъ-же мало, какъ и вамъ, а ваша мнѣ. Лордъ Гестингсъ, вы очень близки съ герцогомъ.

Гестингсъ. Я знаю, что герцогъ меня очень любитъ и глубоко за это благодаренъ его свѣтлости, но его мнѣнія насчетъ дня коронованія я не спрашивалъ, а онъ не высказалъ мнѣ ни слова о своихъ намереніяхъ на этотъ счетъ. Однако, благороднѣйшій лордъ, вы можете назначить день коронованія, когда вамъ будетъ угодно, а я подамъ голосъ отъ имени герцога. Смѣю утверждать, что, каково-бы ни было ваше рѣшеніе, оно не вызоветъ неудовольствія герцога.

Епископъ Эллійскій. Вотъ, кстати, и самъ герцогъ.

Входитъ Глостэръ.

Глостэръ. Привѣтъ вамъ всѣмъ, благородные лорды и мой кузень. Я сегодня долго проспалъ, но я надѣюсь, что мое

отсутствіе не заставило отложить ни одного важнаго вопроса, который подвергся-бы обсужденію, еслибы я находился здѣсь.

Бокингемъ. Если-бы вы не вошли сюда именно въ эту минуту, лордъ Гестингсъ высказался-бы за васъ, то есть сообщил-бы намъ свое мнѣніе насчетъ коронованія.

Глостэръ. Никто, кромѣ лорда Гестингса, не могъ-бы взять на себя такой смѣлости: его милость хорошо меня знаетъ и очень меня любитъ. Милордъ епископъ Элліскій, послѣдній разъ, когда я былъ въ Гольборнѣ, я видѣлъ у васъ въ саду прекрасную землянику; потрудитесь распорядиться, чтобы мнѣ прислали нѣсколько ягодъ.

Епископъ Элліскій. Съ величайшей готовностію, милордъ (*Уходитъ*).

Глостэръ (*Отводя Бокингема въ сторону*). Одно слово, кузень Бокингемъ. Кетсби старался допытаться мнѣнія Гестингса о нашемъ дѣлѣ. Кетсби находить, что упрямецъ слишкомъ горячо принялъ къ сердцу это дѣло и объявлялъ, что скорѣе разстанется съ жизнью, чѣмъ согласится, чтобы сынъ его властелина — какъ онъ набожно до сихъ поръ его называетъ — утратилъ свои права на престолъ Англіи.

Бокингемъ. Удалитесь отсюда на минуту; я выйду за вами (*Глостэръ и Бокингемъ уходятъ*).

Стэнли. Однако, день торжества нами еще не назначенъ; по моему мнѣнію, завтра будетъ слишкомъ скоро. Что касается меня, я не настолько хорошо приготовленъ, какъ былъ-бы, если-бы день былъ отложенъ (*Епископъ Элліскій возвращается*).

Епископъ Элліскій. Гдѣ-же герцога Глостэръ? Я послалъ для него за землянкой.

Гестингсъ. Его свѣтлость, кажется, сегодня въ очень веселомъ и пріятномъ настроеніи духа. Если судить по тому, какъ онъ радушно поздоровался съ нами, можно придти къ заключенію, что въ головѣ его возникла очень нравящаяся ему мысль. Не знаю, можно-ли найти во всемъ христіанскомъ мірѣ человѣка, менѣе его способнаго скрывать свои любовь и ненависть. По его лицу вы тотчасъ-же можете узнать, каково душевное его настроеніе.

Стэнли. Къ какому-же заключенію пришли вы насчетъ его душевнаго настроенія, глядя сегодня на выраженіе его лица?

Гестингсъ. А вотъ къ какому: никто изъ присутствующихъ здѣсь не возбуждаетъ въ немъ гнѣва. Если-бы было не такъ, это тотчасъ-же отразилось бы въ его взглядѣхъ (*Глостэръ и Бокингемъ возвращаются*).

Глостэръ. Обращаюсь ко всемъ вамъ съ вопросомъ: чего заслуживаетъ тотъ, кто, желая моей смерти, задумалъ извести меня дьявольскими чарами и кто на самомъ дѣлѣ успѣлъ повліять на мое тѣло своимъ бѣсовскимъ колдовствомъ?

Гестингсъ. Милордъ, нѣжная привязанность моя къ вашей свѣтлости даетъ мнѣ смѣлость произнести виновнымъ обвинительный приговоръ, не познакомившись даже съ мнѣніемъ этого благороднаго собранія. Кто бы ни были эти виновные, я прямо говорю, что они достойны смерти.

Глостэръ (*Показываетъ свою лѣвую руку, обнаженную до плеча*). Пусть ваши собственные глаза будутъ свидѣтелями сдѣланнаго мнѣ зла. Смотрите, какъ подѣйствовали на меня чары колдуновъ! смотрите, рука моя высохла, какъ надломленный сукъ; и это дѣло жены Эдварда, этой чудовищной колдуньи, и ея сообщницы, непотребной потаскушки Шорръ, оставившихъ на мнѣ слѣды своихъ волхованій.

Гестингсъ. Благороднѣйшій лордъ, если онѣ, дѣйствительно, въ этомъ виноваты...

Глостэръ. Если! И ты, покровитель этой проклятой твари, смѣешь произносить слово „если“! Ты измѣнникъ! Отсѣчь ему голову! Клянусь святымъ Павломъ, что до тѣхъ поръ не сяду за обѣдъ, пока не увижу, что голова эта свалилась съ его плечъ. Ловель, Кетсби позаботьтесь о томъ, чтобы это было исполнено. Что-же касается другихъ, пусть тѣ, кто любятъ меня, встанутъ и идутъ за мною (*Глостэръ и Бокингемъ уходятъ; за ними другіе совѣтники*).

Гестингсъ. Горе, горе тебѣ, Англія, но никакъ не за мою гибель! А между тѣмъ, я, скудоумный, могъ предовать его. Стэнли видѣлъ во снѣ, что кабанъ срывалъ съ него племъ, а я надъ этимъ только посмѣялся и съ пренебреженіемъ отвергъ мысль о бѣгствѣ; мой пышный, изукрашенный конь споткнулся сегодня три раза, а завидя башню, онъ даже всталъ на дыбы, какъ-бы отказываясь везти на эту бойню. О, теперь мнѣ нуженъ тотъ духовникъ, съ которымъ я встрѣтился утромъ; теперь раскаиваюсь, что я съ торжествомъ рассказывалъ герольду о томъ, какъ сегодня казнили въ Помфретѣ моихъ враговъ, и что самъ я, болѣе чѣмъ когда либо, въ милости при дворѣ. О, Маргарита, Маргарита! вотъ какъ твое подавляющее проклятіе обрушивается на жалкую голову несчастнаго Гестингса.

Кетсби. Ну, живѣе, милордъ; герцогу скорѣе хочется сѣсть за обѣдъ. Покайтесь наскоро, потому что герцога съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы вамъ отсѣкли голову.

Гестингсъ. О, какъ скоротечно милостивое расположеніе смертныхъ, за которымъ мы гоняемся съ еще большимъ рвеніемъ, чѣмъ за милостью Господней! Тотъ, кто основываетъ свое благоденствіе на человѣческихъ ласковыхъ взглядахъ, похожъ на пьянаго матроса, стоящаго на вершинѣ мачты, тогда какъ каждый малѣйшій толчекъ можетъ низринуть его въ роковыя нѣдра морской пучины.

Ловель. Ну, живѣе, живѣе! полно разглагольствовать, это ни къ чему не поведетъ.

Гестингсъ. О, кровожадный Ричардъ! злополучная Англія, я предсказываю тебѣ самыя страшныя бѣды; такихъ еще никогда не видалъ этотъ несчастный вѣкъ. Идемте, ведите меня на плаху и отсеките мнѣ голову. Я вижу, что многіе, улыбающіеся теперь моему паденію, сами скоро очутятся въ числѣ мертвыхъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Лондонъ. На стѣнахъ башни.

Входятъ Глостэръ и Бокингемъ, облеченные въ ржавыя доспѣхи, надѣтые на нихъ крайне безпорядочно.

Глостэръ. Скажи, кузенъ, какъ можешь ты и дрожать, и мѣняться въ лицѣ, прерывать дыханіе посреднѣйшаго слова, начинать снова и снова останавливаться, словно ты совсѣмъ обезумѣлъ отъ ужаса.

Бокингемъ. О, я умѣю изображать изъ себя великаго трагика: говорить, оглядываться назадъ, озирается во все стороны, дрожать и содрогаться при всякихъ пустякахъ, какъ будто мнѣ грозитъ самая страшная опасность. Выражать ужасъ мнѣ такъ-же легко, какъ и улыбаться притворно. И ужасъ, и улыбка, смотря по надобности, къ моимъ услугамъ во всякое время. А что, Кетсби уѣхалъ?

Глостэръ. Да. Да вотъ, кстати, онъ возвращается съ лордомъ—мэромъ.

Входятъ Кетсби и лордъ—мэръ.

Бокингемъ. Предоставьте мнѣ поговорить съ нимъ. Лордъ—мэръ...

Глостэръ. Не упускайте изъ виду подземный мостъ.

Бокингемъ. Слушайте, слушайте; бѣгутъ въ барабаны.

Глостэръ. Вы, Кетсби, осмотрите укрѣпленія.

Бокингемъ. Лордъ—мэръ, причиной, вставившей насъ послать за вами...

Глостэръ. Оглянись назадъ, защитайся—вотъ непріятель.

Бокингемъ. Насъ защищаетъ и сохраняетъ Богъ и наша невинность.

Входятъ Ловель и Ратклифъ, неся голову Гестингса.

Глостэръ. Не тревожься, это Ратклифъ и Ловель, оба они намъ друзья.

Ловель. Вотъ голова гнуснаго измѣнника, этого опаснаго человѣка, къ которому относились недостаточно подозрительно.

Глостэръ. Я такъ нѣжно любилъ этого человѣка, что теперь не могу удержаться отъ слезъ. Я постоянно считалъ его самымъ искреннимъ созданіемъ, самымъ безвреднымъ христіаниномъ, когда либо дышавшимъ на землѣ. Я сдѣлалъ изъ него книгу, куда душа моя вносила самыя сокровенныя мысли. Онъ прикрашивалъ свои пороки такимъ подобіемъ добродѣтели, что, кромѣ виднаго и всемъ извѣстнаго проступка,—я говорю объ его отношеніяхъ къ женѣ Шорра,—даже тѣмъ подозрѣніямъ не могла его запятнать.

Бокингемъ. Ну, будетъ, будетъ, это былъ самый хитрый изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ измѣнниковъ.—Могли-ли бы вы вообразить или даже повѣрить,—если бы услышали не отъ насъ, только одною милостью Божіей оставшихся въ живыхъ, какъ-бы нарочно затѣмъ, чтобы сказать вамъ это,—что этотъ вкрадчивый злодѣй замышлялъ сегодня-же убить въ залѣ совѣта меня и добрейшаго моего лорда Глостэра?

Лордъ—мэръ. Можетъ-ли это быть?

Глостэръ. Что-же, вы считаете насъ за турокъ или за язычниковъ? Развѣ мы рѣшились-бы пренебречь формами закона и поскорѣе покончить съ бездѣльникомъ, если-бы насъ не вынудили такія важныя обстоятельства, какъ спокойствіе Англіи и наша личная безопасность.

Лордъ—мэръ. Да хранить васъ Господь! Гестингсъ достоинъ былъ смерти, и вы поступили прекрасно. Такимъ поступкомъ вы и другихъ измѣнниковъ предостерегли отъ подобныхъ-же замысловъ. Я не ждалъ отъ него рѣшительно ничего хорошаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ связался съ женою Шорра.

Бокингемъ. Однако, мы совсѣмъ не желали, чтобы онъ лишился жизни въ отсутствіи вашей милости, но ревностное участіе нашихъ друзей опередило, въ данномъ случаѣ, наше желаніе. Намъ очень хотѣлось, чтобы вы, милордъ, сами выслушали робкое признаніе измѣнника, сами узнали-бы всѣ подробности коварнаго замысла, а затѣмъ сообщили все это гражданамъ, которые теперь, пожалуй, пере-

толкуютъ это въ дурную сторону и даже станутъ жалѣть о немъ.

Лордъ-мэръ. Я настолько вѣрю словамъ вашей свѣтлости, что считаю себя какъ-бы очевидцемъ всего происшествія. Будьте увѣрены, благородные лорды, я объясню вѣрнымъ гражданамъ, какъ справедливо поступили вы въ данномъ случаѣ.

Глостэръ. Мы и присутствія-то вашего желали именно затѣмъ, чтобы избѣжать клеветъ злоязычнаго свѣта.

Бокингемъ. Но такъ какъ вы, къ сожалѣнію, опоздали, засвидѣтельствуйте, по крайней мѣрѣ, что слышали отъ насъ. Затѣмъ прощайте, благородный лордъ-мэръ. *(Лордъ-мэръ уходитъ).*

Глостэръ. Ступай скорѣй за нимъ, ступай скорѣй, любезный Бокингемъ. Лордъ-мэръ спѣшитъ теперь въ ратушу; тамъ, если представится случай, намеки присутствующимъ о незаконнорожденности дѣтей Эдварда. Напомни, какъ Эдвардъ казнилъ одного изъ гражданъ за то, что тотъ сказалъ, будто-бы сдѣлаетъ своего сына наследникомъ королевскаго вѣнца, тогда какъ гражданинъ этотъ имѣлъ въ виду только вывѣску надъ своимъ домомъ. Помимо этого выставте на видъ его скотское необузданное любопытствіе, не щадившее ни слуганокъ, ни дочерей и женъ черни, и предававшееся неистовству всюду, гдѣ только представлялась пожива его всемогуществу, его неукротимому нраву; потомъ, если представится необходимость, перенесите вниманіе слушателей лично на меня; скажите имъ, что въ то время, когда моя мать забеременѣла ненасытнымъ Эдвардомъ, благородный герцогъ Йоркскій, мой августѣйшій родитель, воевалъ во Франціи, а потому ему совсѣмъ не трудно было сообразить, что самъ онъ нисколько не виноватъ въ происхожденіи на свѣтъ этого потомка. Вислѣдствіе онъ могъ вполне убѣдиться въ справедливости своего подозрѣнія: для этого ему стоило только взглянуть на черты ребенка, нисколько не похожаго лицомъ на благороднаго герцога, которому я обязанъ жизнью. На это, однако, ты намекаешь только слегка, какъ-бы мимоходомъ: вѣдь моя мать-родительница жива до сихъ поръ.

Бокингемъ. Повѣрьте, милордъ, что я также усердно буду разыгрывать изъ себя оратора, какъ будто дѣло касается золотой награды лично для меня. Затѣмъ, милордъ, прощайте.

Глостэръ. Если дѣло окончится для тебя успѣшно, приведи ихъ въ замокъ Бейнардъ, гдѣ ты встрѣтишь меня въ кругу преподобныхъ отцовъ и ученыхъ епископовъ.

Бокингемъ. Я ухожу. Можете разсчитывать, что между тремя и четырьмя часами вы получите извѣстія изъ Гильдголя *(Уходитъ).*

Глостэръ. Ловель, отправься какъ можно скорѣе къ доктору Шау, а ты, Кетсби, бѣги скорѣе къ брату Пэнкеру. Скажите и Шау, и Пэнкеру, чтобы они оба не позже какъ черезъ часъ явились ко мнѣ въ замокъ Бейнардъ *(Ловель и Кетсби уходятъ)*. Теперь необходимо скрыть отъ всѣхъ взоровъ мелюзгу, оставшуюся послѣ Клэренса, и распорядиться, чтобы никто не могъ проникнуть къ принцу въ какой-бы то ни было часъ дня и ночи. *(Уходитъ).*

СЦЕНА VI.

Улица.

Входитъ приставъ.

Приставъ. Вотъ обвинительный актъ, вслѣдствіе котораго казненъ добрый лордъ Гестингсъ, перебѣленный самымъ четкимъ и красивымъ почеркомъ, дабы его удобно было прочесть сегодня въ церкви св. Павла. Какъ все это, однако, мало вяжется съ другимъ. Кетсби прислалъ мнѣ обвинительный актъ вчера вечеромъ; я за перепиской просидѣлъ цѣлыхъ одиннадцать часовъ; вѣроятно, на составленіе подлинника потребовалось не меньше времени, а между тѣмъ не болѣе, какъ пять часовъ тому назадъ, лордъ Гестингсъ былъ живъ, никто не думалъ ни обвинять его, ни допрашивать, и онъ свободно дышалъ свѣжимъ воздухомъ. Ну, свѣтъ-то каковъ, нечего сказать—хорошъ! Кто же будетъ на столько тупоуменъ, чтобы не разглядѣть въ этомъ явнаго обмана и въ то же время у кого хватить смѣлости сказать: „я вижу все“. Да, свѣтъ воли; всему скоро настанетъ конецъ, если на такія дѣянія суждено только смотрѣть глазами мысли и молчать *(Уходитъ)*.

СЦЕНА VII.

Лондонъ. Дворъ передъ замкомъ Бейнардъ.

Входятъ Глостэръ и Бокингемъ.

Глостэръ. Ну, что? Какъ относятся къ этому дѣлу граждане?

Бокингемъ. Клянусь пречистой Дѣвой, граждане не говорятъ ни слова, точно всѣ онемѣли.

Глостэръ. Намекнулъ ты имъ о незаконности дѣтей Эдварда?

Бокингемъ. Разумѣется. Не преминулъ также упомянуть о его помолвкѣ съ леди Люси и брачномъ договорѣ, который онъ, черезъ своего уполномоченнаго посла, заключилъ во Франціи. Говорилъ я также о его ненасытной похотливости, о насиліяхъ надъ гражданками, о жестокихъ казняхъ за всякіе пустяки, о собственномъ его незаконномъ появленіи на свѣтъ, такъ какъ онъ былъ зачатъ въ то время, когда вашъ отецъ находился во Франціи и, наконецъ, о томъ, что онъ липомъ совсѣмъ не былъ похожъ на герцога Йоркскаго; не забылъ я упомянуть и о томъ, что вы во всемъ живое подобіе вашего родителя, какъ по внѣшности, такъ и по благородству души: я напомнилъ слушателямъ о вашихъ побѣдахъ въ Шотландіи, о вашемъ искусствѣ въ военномъ дѣлѣ, о вашей мудрости въ мирныя времена, о вашей щедрости, о вашей добродѣтели и, наконецъ, о вашемъ поразительномъ смиреніи; словомъ, я въ своей рѣчи не оставилъ безъ вниманія, не упустилъ изъ виду ничего, что могло служить въ пользу вашихъ намѣреній. Когда-же воззваніе пришло къ концу, я ко всѣмъ желающимъ блага своей родины обратился съ предложеніемъ кричать: „да хранить Господь Ричарда, короля Англіи“.

Глостэръ. И что-же, они послушались?

Бокингемъ. Богъ свидѣтель, что нѣтъ. Они не проронили ни слова, а стояли словно нѣмыми изваянія или одушевленные камни и, блѣдные какъ смерть, пристально смотрѣли другъ на друга. Увидавъ это, я обратился къ нимъ съ порицаніемъ и спросилъ лорда-мэра, что значить такое упорное молчаніе. Въ отвѣтъ онъ мнѣ пояснилъ, что народъ не привыкъ къ тому, чтобы къ нему съ воззваніемъ обращался кто-нибудь другой, кромѣ докладчика. Тогда этому докладчику поручено было повторить мою рѣчь. „Вотъ что говорить герцогу!

Вотъ что заключаетъ герцогъ!“ восклицалъ онъ, но самъ отъ себя не прибавилъ ни одного слова одобренія. Когда-же онъ кончилъ, нѣсколько человѣкъ изъ моей свиты, спрятавшіеся въ глубинѣ зала, стали бросать въ воздухъ шапки, и человѣкъ десять крикнуло: „да хранить Господь короля Ричарда!“ Я тотчасъ воспользовался этими криками и сказалъ: „Благодарю васъ, друзья мои и сограждане; эти восторженные одобренія и единодушные крики радости доказываютъ и вашу мудрость, и вашу любовь къ Ричарду“. На этомъ я покончилъ и ушелъ.

Глостэръ. Что за безязычные чурбаны! Итакъ, говорить они не захотѣли? А мэръ со своей свитой придетъ сюда?

Бокингемъ. Сейчасъ будетъ здѣсь, милордъ. Притворитесь, что васъ что-то страшитъ и позвольте имъ обратиться къ вамъ съ рѣчью только послѣ усиленныхъ просьбъ съ ихъ стороны. Позаботьтесь также о томъ, чтобы въ это время имѣть въ рукахъ молитвенникъ и появитесь передъ ними не иначе, какъ имѣя около себя двухъ служителей церкви, такъ какъ

это дастъ мнѣ поводъ прочесть самую умилительную проповѣдь. Склоняйтесь-же на наши просьбы не вдругъ, разыграйте изъ себя дѣлственницу, отвѣчайте все „нѣтъ“, и все-таки согласитесь.

Глостэръ. Я пока уйду, и если ты также ловко будешь ходатайствовать за нихъ, какъ я отвѣчать тебѣ „нѣтъ“ за самого себя, нѣтъ никакого сомнѣнія, что исходъ дѣла окажется самымъ благопріятнымъ.

Бокингемъ. Ступайте скорѣе на галерею, вотъ стучится лордъ мэръ (*Глостэръ уходитъ; появляются лордъ-мэръ, ольдерманы и граждане*). Добро пожаловать, господа, а самъ жду здѣсь достаточно давно; мнѣ кажется, что герцогъ ни съ кѣмъ не желаетъ разговаривать (*Входитъ Кетсби*). О, Кетсби! Что отвѣтилъ вамъ господинъ на мою просьбу?

Кетсби. Онъ проситъ, добрый мой лордъ, повидаться съ нимъ завтра или послѣзавтра; онъ теперь заперся съ двумя преподобными отцами, углубился въ духовное созерцаніе, и ничто мірское не въ состояніи отвлечь его отъ душеспасительнаго занятія.

Бокингемъ. Добрый Кетсби, вернитесь къ милостивому герцогу, скажите ему, что я самъ, лордъ-мэръ и ольдермэны, всѣ пришли къ нему по дѣлу величайшей важности, отъ котораго зависитъ наше общее благо.

Кетсби. Я ему доложу (*Уходитъ*).

Бокингемъ. Да, господа, этотъ принцъ не то что Эдвардъ; онъ не нѣжится на мягкомъ ложѣ, но, стоя на колѣняхъ, возносится душою къ Господу; онъ занятъ не любезничаемъ съ прелестницами, а набожно бесѣдой со святыми отцами, не утучняетъ сномъ лѣниваго тѣла, но обогащаетъ молитвами свою вѣчно бордствующую душу. Счастлива была-бы Англія, если-бы добродѣтельный этотъ принцъ согласился принять тягостное бремя короны. Но я не думаю, чтобы онъ склонился на наши просьбы.

Лордъ-мэръ. Дай Богъ, чтобы онъ намъ не отказалъ.

Бокингемъ. А я боюсь, что такъ и будетъ. Вотъ возвращается Кетсби (*Входитъ Кетсби*). Ну, Кетсби, что говоритъ его свѣтлость?

Кетсби. Герцогъ съ удивленіемъ спрашиваетъ, зачѣмъ вы пришли къ нему со всею этой толпой гражданъ. Такъ какъ вы ни словомъ не предупредили объ этомъ герцога, то онъ опасается, пѣтъ-ли у васъ относительно него недобрыхъ намѣреній.

Бокингемъ. Мнѣ очень прискорбно, что благородный мой кузень подозрѣваетъ меня въ желаніи ему чего-бы то ни было недобраго. Самъ Богъ видитъ, что мы явились къ нему съ намѣреніемъ, полнымъ любви. Вернитесь опять къ его свѣтлости и скажите это ему (*Кетсби уходитъ*). Когда богобоязненные и набожные люди перебираютъ четки, ревностныя ихъ молитвы до того сладостны, что молящихся не легко отвлечь отъ этого занятія.

На одной изъ верхнихъ галлерей появляется Глостаръ; рядомъ съ нимъ два монаха и Кетсби.

Лордъ-мэръ. Смотрите, вотъ гдѣ его свѣтлость; съ нимъ два служителя церкви.

Бокингемъ. Они служатъ христоролюбивому принцу добродѣтельной опорой, чтобы уберечь его отъ паденія въ сѣти суеты. Смотрите, смотрите, у него въ рукахъ молитвенникъ, а по этому признаку легче всего узнать праведнаго человѣка,—Про-

славленный Плантагенетъ, милостивѣйшій принцъ, склонилъ къ нашей молбѣ благоклонное ухо и прости, что мы прерываемъ твое набожное, вполне христіанское занятіе.

Глостаръ. Вамъ, милордъ, извиняться не за что; скорѣй я долженъ просить у васъ прощенія, что, занятый бѣсѣдой съ Господомъ, забылъ о моихъ друзьяхъ. Ну, будетъ объ этомъ; скажите, что вамъ отъ меня угодно?

Бокингемъ. Угоднаго Богу и всѣмъ хорошимъ людямъ нашего нѣкъ не управляемаго острова.

Глостаръ. Должно быть, я провинился чѣмъ нибудь передъ гражданами, что вы пришли пожурить меня за мое неразуміе.

Бокингемъ. Да, герцогъ, провинились, но если-бы, внявъ нашимъ молбамъ, вашей свѣтлости угодно было поправить свою вину...

Глостаръ. О, готовъ съ радостью; для чего-же я и существую въ христіанскомъ мірѣ?

Бокингемъ. Узнайте-же, что вина ваша состоитъ въ томъ, что вы отказываетесь отъ верховной власти, отъ величаваго трона, отъ царственнаго скипетра, отъ сана, слѣдуемаго вамъ по рожденію, отъ законнаго наслѣдія вашего царственнаго дома въ пользу гнуснаго отпрыска полустгнившаго дерева. Пока ваша полусонная мысль радуется быть можетъ пріятному для васъ смиренію, которое мы стараемся страхнуть съ васъ во имя блага нашей страны, славный этотъ островъ лишается своихъ полезнѣйшихъ членовъ; лицо его обезображивается позорными рубцами; къ царственному стеблю прививаются гнусныя растенія. Вы чуть не съ головой окунулись въ зіяющую бездну чернаго равнодушія и глубокаго забвенія. Чтобы спасти родину, мы отъ всей души молимъ васъ, милостивѣйшій лордъ, лично принять на себя бразды правленія и не въ званіи протектора, намѣстника или повѣреннаго, обязаннаго подчиняться выгодамъ другого, но какъ ваше законное наслѣдіе, ваше государство, вашу неотъемлемую собственность по крови и по рожденію. Вотъ зачѣмъ я, по убѣдительнымъ просьбамъ хорошихъ и истинно преданныхъ вамъ гражданъ, явился сюда и теперь вмѣстѣ съ ними горячо умоляю васъ склониться на наши молбы и согласиться на нашу вполне законную просьбу.

Глостаръ. Право не знаю, что было бы приличнѣе моему сану и вашему положенію: уйти-ли отсюда молча или отвѣтить вамъ горькими упреками? Если я оставляю вашу просьбу безъ отвѣта, вы, быть мо-

жетъ, подумаете, что мое честолюбіе, связывая мой языкъ, легко даетъ согласіе носить позолоченное ярмо верховной власти, которую вы такъ безумно стараетесь мнѣ навязать. Если-же, съ другой стороны, я упреками отвѣчу на ваше желаніе, въ которомъ сказывается такая искренняя привязанность ко мнѣ — я обижу друзей. И такъ, чтобы, говоря избѣгнуть первой опасности и чтобы своими словами не подвергнуться другой, вотъ вамъ окончательный мой отвѣтъ: ваша любовь достойна благодарности, но мои личные заслуги и достоинства далеко не стоятъ на высотѣ того призванія, какое вы желаете мнѣ навязать. Если-бы даже всѣ препятствія, которыя могутъ мнѣ встрѣтиться на пути, были изглажены; если-бы тропинка, ведущая меня къ царственному вѣнцу, лежала предо мной совершенно открыто, и я могъ-бы воспользоваться зрѣлыми плодами моего рожденія, — умственное мое убожество такъ велико, а недостатки мои такъ многочисленны, что я, утлая ладья, неспособная плыть по разъяренному морю, скорѣе способенъ совсѣмъ уклониться отъ величія, чѣмъ подвергнуть крушенію самое это величіе, въ дыму моей славы. Однако, благодареніе Богу, вы не имѣете во мнѣ особенной надобности, а если моя помощь была вамъ дѣйствительно необходима, мнѣ самому потребовалось-бы весьма многое. Царственное дерево оставило намъ царственный плодъ; благодаря незамѣтно бѣгущему времени, плодъ этотъ созрѣетъ, окажется достойнымъ царственного престола и, вѣроятно, осчастливитъ насъ всѣхъ своимъ правленіемъ. На него-то я возлагаю то, что вы стараетесь возложить на меня. то есть, то благополучіе, которое посылаетъ ему по праву его счастливая звѣзда. Избави Богъ, чтобы я когда нибудь старался исторгнуть изъ его рукъ то, что безспорно принадлежитъ ему.

Бокингемъ. Милордъ, все это служить несомнѣннымъ доказательствомъ вашей совѣстливости, но если хорошенько разсмотрѣть всѣ обстоятельства, всѣ ваши колебанія зиждутся на очень легковѣсныхъ и даже на совсѣмъ ничтожныхъ основаніяхъ. Вы говорите, что ребенокъ этотъ — сынъ брата нашего Эдварда. Да. Но въ то-же время онъ не сынъ законной его жены, такъ-какъ Эдвардъ еще ранѣе обручился съ лэди Люси. Ваша матушка еще жива и можетъ засвидѣтельствовать данное ей сыномъ обѣщаніе. Далѣе: онъ по довѣренности былъ обрученъ съ лэди Вонной, сестрой французскаго короля. Обѣихъ ихъ отстранила бѣдная просительница, мать многочисленныхъ дѣтей, вдова съ заплакан-

нымъ лицомъ и съ уже поблекшими престѣлами. Но, не смотря на увяданіе своей красоты, она завлекла его до наклонной плоскости гнуснаго многоженства. Отъ этого незаконнаго ложа родился тотъ Эдвардъ, котораго мы изъ вѣжливости называемъ принцемъ. Я могъ-бы разобрать это дѣло еще подробнѣе и сказать еще болѣе, если-бы уваженіе къ нѣкоторымъ особамъ, находящимся еще въ живыхъ, не сдерживало мой языкъ. Примите - же, благородный лордъ, предлагаемую вамъ корону, если не для того, чтобы осчастливить насъ, то для блага нашей родины или, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы избавить престолъ Англіи отъ той порчи, которой подвергло ее несчастливое время.

Лордъ-мэръ. Примите наше предложеніе, добрый лордъ; васъ объ этомъ умоляютъ ваши граждане.

Бокингемъ. Не отказывайтесь, могутъ осчастливить лордъ, отъ нашей любви.

Кетсви. Осчастливьте ихъ, принцъ; не откажите имъ въ законной ихъ просьбѣ.

Глостаръ. О, Боже мой, зачѣмъ хотите вы взвалить на меня всѣ эти заботы? Я рожденъ не для власти, не для величія. Умоляю васъ, не перетолковывайте моихъ словъ въ дурную сторону; я не могу, не хочу исполнить вашего желанія.

Бокингемъ. Если вы, — въ избыткѣ усердія и любви, хорошо извѣстной намъ сердечной нѣжности, почти женственной шепетильности, заставляющей васъ бояться укоровъ совѣсти, которую мы замѣчали въ васъ съ самаго вашего дѣтства относительно и родни вашей, и государства, — откажетесь отъ нашего предложенія, знайте, что сынъ вашего брата не будетъ нашимъ королемъ. Мы возведемъ кого-нибудь другого на вашъ престолъ, хотя-бы отъ этого и воспослѣдовала-бы гибель вашего дома. Вотъ то рѣшеніе, съ которымъ мы вамъ откланяемся. Идемте, граждане, намъ незачѣмъ умолять долѣе (*Бокингемъ и граждане уходятъ*).

Кетсви. Воротите ихъ опять, добрый принцъ, примите ихъ предложеніе. Если вы имъ откажете, на васъ вознегодуетъ вся страна.

Глостаръ. Ты хочешь, чтобы я взвалилъ на себя цѣлый міръ заботъ? Пожалуй, вороти ихъ. Я сотворенъ не изъ камня; ласковое ихъ предложеніе, хотя ему не сочувствуютъ ни моя душа, ни совѣсть, все-таки находятъ ко мнѣ доступъ (*Кетсви уходитъ; возвращаются Бокингемъ и остальные*). Если и тебѣ, кузень Бокингемъ, и вамъ, люди серьезные и умные, непременно хочется взвалить мнѣ на спину ненужное мнѣ величіе и заставить меня волей-не-

волей носить тяжесть власти, надо терпѣво покориться этой тяжелой необходимости. Но если черная клевета и гнусное на видъ порицаніе явятся слѣдствіемъ того, на что вы меня вынуждаете, меня отъ брызговъ ихъ грязи и отъ пятенъ обмоетъ то, что я прямо сдѣлался жертвой насилія. Богъ вѣдаетъ, да и вы сами можете отчасти видѣть, какъ я былъ далекъ отъ желанія королевской власти.

Лордъ-мэръ. Да благословить Создатель вашу свѣтлость! Мы видимъ все и все передадимъ другимъ.

Глостэръ. Передавая это, вы скажете одну только правду.

Бокингемъ. Если такъ, я привѣтствую васъ, какъ носителя королевскаго титула:

да здравствуетъ король Ричардъ, достойный король Англіи!

Лордъ-мэръ и всѣ другіе. Аминь.

Бокингемъ. Угодно вамъ, чтобы вѣнчаніе ваше на царство совершилось завтра-же?

Глостэръ. Хоть завтра, если вы этого желаете.

Бокингемъ. Мы завтра составимъ вашу свиту, а затѣмъ, полные радости, имѣемъ честь вамъ откланяться.

Глостэръ (*Епископамъ*). Пойдемте, вернемтесь къ нашимъ душеспасительнымъ дѣламъ (*Бокингему*). Прощай, добрый кузень, прощайте, дорогіе друзья! (*Всѣ уходятъ*)

Дѣйствіе четвертое.

СЦЕНА I.

Передъ башней.

Съ одной стороны входятъ: королева Елизавета, герцогиня Йоркская и маркизъ Дорсетъ, съ другой—лэди Анна съ маленькой дочерью Кларенса, которую она ведетъ за руку.

Герцогиня. Кто это идетъ сюда? А, внучка моя Плантагенетъ; ее за руку ведетъ добрая ея тетка Глостеръ. Клянусь душой, она, кажется, старается проникнуть въ башню, чтобы, движима сердечнымъ порывомъ, поздравить молодого принца.—Очень рада встрѣчъ съ тобой, милая моя дочь.

Лэди Анна. Да пошлетъ вамъ Богъ радость и счастье.

Королева Елизавета. Также и тебѣ, добрая сестра. Куда вы идете?

Лэди Анна. Въ башню и, если не ошибаюсь, затѣмъ же, затѣмъ и вы, а именно затѣмъ, чтобы поздравить юныхъ принцевъ.

Королева Елизавета. Благодарю, милая сестра, мы войдемъ всѣ вмѣстѣ (*Входитъ Бркенбюри*). А вотъ кстати и смотритель башни. Будьте добры, любезный комендантъ, скажите, какъ поживаетъ принцъ и младшій мой сынъ Йоркъ?

Бркенбюри. Какъ нельзя лучше, дорогая милэди. Но, простите меня, я не могу допустить васъ къ нему: это формальное приказаніе короля.

Королева Елизавета. Короля? Какого короля?

Бркенбюри. Я хочу сказать: лорда протектора.

Королева Елизавета. Да охранить его Господь отъ царственного титула. Неужто онъ воздвигъ преграду для взаимной любви моей и моихъ дѣтей? Я ихъ мать. Кто-же посмѣетъ разлучить меня съ ними?

Герцогиня. Я мать ихъ отца и хочу ихъ видѣть.

Лэди Анна. По родству я ихъ тетка, но по привязанности къ нимъ—ихъ мать. Отведи-же меня къ нимъ. Отвѣтственность за это я беру на себя и на свой страхъ избавляю тебя отъ исполненія обязанностей.

Бркенбюри. Нѣтъ, милэди, не могу я отказаться отъ возложенной на меня обязанности. Я связанъ клятвой, поэтому простите меня (*Уходитъ*).

Входитъ Стэнли.

Стэнли. Если-бы, уважаемая милэди, я встрѣтился съ вами хоть однимъ часомъ позже, я-бы имѣлъ возможность привѣтствовать васъ, свѣтлѣйшую герцогиню Йоркскую, мать и уважаемую воспитательницу двухъ прекрасныхъ королевъ (*Керцогиня Глостеръ*). Идемте, государыня, вамъ слѣдуетъ прямо отправиться въ Вестминстеръ, гдѣ васъ, какъ царственную подругу Ричарда, ожидаетъ коронованіе.

Королева Елизавета. Перерѣжьте стягивающій меня шнурокъ, чтобы славенное мое сердце могло биться свободнѣе. Если вы этого не сдѣлаете, я отъ этой громочной вѣсти лишусь чувствъ.

Лэди Анна. Какая прискорбная неожиданность, какое печальное извѣстіе!

Дорсэть. Мужайтесь, матушка! Какъ чувствуетъ себя ваше величество?

Королева Елизавета. О, Дорсэть, не разговаривай со мной; уйди! Смерть и всякія бѣды слѣдуютъ за тобою по пятамъ: имя твоей матери гибельно для ея дѣтей. Если ты хочешь, чтобы смерть потеряла твой слѣдъ, переплыви за море и живи съ Ричмондомъ тамъ, гдѣ тебя не сможетъ захватить рука ада. Бѣги, спасайся, спасайся отъ этой бойни, чтобы не увеличить собою число умершихъ, и чтобы я сама, не будучи болѣе ни матерью, ни женой, ни признанной королевой Англіи, не умерла рабою проклятія Маргариты.

Стэнли. Вашъ совѣтъ, государыня, какъ нельзя болѣе благоразуменъ.—Пользуйтесь безъ малѣйшаго промедленія тѣмъ преимуществомъ, которое даетъ вамъ время. Я васъ снабжу рекомендательными письмами къ моему сыну, который выйдетъ къ вамъ на встрѣчу. Итакъ, не теряйте ни минуты времени: всякое промедленіе можетъ быть гибельно.

Герцогиня. О, какъ ужасенъ этотъ вихрь несчастія, разгоняющій всѣхъ въ разныя стороны. Будь проклято мое чрево! Ты, гнѣздо смерти, выносило для міра этого василиска, который поражаетъ на смерть однимъ своимъ взглядомъ.

Стэнли (*Лэди Аннѣ*). Идемте-же, милэди, мнѣ приказано какъ можно скорѣе препроводить васъ.

Лэди Анна. Я готова слѣдовать за вами, но совѣмъ противъ воли. О, еслибы золотой обручъ, который долженъ увѣнчать мое чело, превратился въ раскаленное желѣзо и прожегъ меня до самаго мозга! Пусть наказаніемъ мнѣ послужилъ-бы смертоносный ядъ и сокрушилъ меня ранѣе, чѣмъ люди успѣютъ сказать: „да здравствуетъ королева“.

Королева Елизавета. Ступай, ступай, бѣдная душа. Я не завидую твоему блеску и даже, чтобы усилить свое горе, не пожелаю тебѣ никакого несчастія.

Лэди Анна. Не пожелаешь? Отчего-же не пожелать? Когда тотъ, кого я теперь называю своимъ мужемъ, съ едва омытыми отъ крови руками подошелъ ко мнѣ въ то время, когда я слѣдовала за гробомъ Генриха, этого ангела, бывшаго первымъ моимъ мужемъ, этого праведнаго покойника, за которымъ я слѣдовала вся въ слезахъ, очутившись лицомъ къ лицу съ Ричардомъ, вотъ чего я пожелала: „будь ты проклятъ,—воскликнула я,—за то что мнѣ, молодой, послалъ на долю старость

вдовицы! Пусть, когда ты женишься, горе безотлучно вѣшаетъ надъ твоимъ ложемъ, и пусть твоя жена, если только найдется женщина настолько безумная, чтобы стать твоей женою, познаетъ, благодаря твоей жизни, болѣе скорбей, чѣмъ познала ихъ я, когда ты лишилъ меня дорогого моего повелителя“. Увы, ранѣе чѣмъ я успѣла повторить это проклятіе, мое женское сердце успѣло въ такой короткій промежутокъ времени поддаться очарованію медоточивыхъ словъ, изъ-за которыхъ я сама предала себя проклятію. Съ этой минуты сонъ бѣжитъ отъ моихъ глазъ, никогда на ложѣ Ричарда я не вкусила ни одного часа освѣжающей росы золотого сна, такъ какъ меня постоянно пробуждали страшныя сновидѣнія. Къ тому-же Ричардъ ненавидитъ меня за то, что я дочь Уорика, и я насколько не сомнѣваюсь, что онъ скоро избавится отъ меня.

Королева Елизавета. Прощай, бѣдная душа, мнѣ тебя глубоко жаль.

Лэди Анна. Повѣрьте, что и мнѣ въ душѣ жаль васъ не менѣе.

Дорсэть. Прощай, несчастная, такъ печально идущая на встрѣчу величію.

Лэди Анна. Прощай и ты, бѣдный, прощающійся съ нимъ такъ грустно.

Герцогиня (*Дорсэту*). Слѣши къ Ричмонду, и пусть счастье будетъ твоимъ спутникомъ (*Лэди Аннѣ*). Слѣши къ Ричарду, и да послужатъ тебѣ охраной святые ангелы (*Королеву Елизавету*). Слѣши въ святилище, и да пошлетъ небо тебѣ тамъ утѣшеніе. А я сойду въ могилу и дай Богъ, чтобы я нашла тамъ миръ и спокойствіе. Цѣлыхъ восемьдесятъ тяжелыхъ лѣтъ прожила я въ печали, и недѣли страданій служили искупленіемъ за каждый часъ радости.

Королева Елизавета. Пойдите, обратимъ еще разъ свои взоры къ башнѣ. О, древніе камни, сжальтесь надъ нѣжнымъ возрастомъ этихъ дѣтей, которыхъ зависть заточила внутрь вашихъ стѣнъ. Эти стѣны—жесткая колыбель для этихъ хорошенькихъ малютокъ, грубыя и суровыя онѣ для нихъ кормилицы, мрачныя подружки игръ, слишкомъ старыя для такихъ молодыхъ принцевъ, будьте милостивы къ моимъ дѣтямъ, обращайтесь съ ними поласковѣ! О, камни, вотъ какъ съ вами прощается безумная скорбь (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тронный залъ во дворцѣ.

Трубы гремятъ. Ричардъ въ оплоти и въ королевскомъ облаченіи, садится на тронъ, подлѣ него Бокингемъ, Кетсби, пажъ и оружіе.

Король Ричардъ. Отойдите всѣ въ сторону. Кузень Бокингемъ!

Бокингемъ. Что прикажете, мой государь?

Король Ричардъ. Дай мнѣ руку. Тѣмъ, что король Ричардъ сидитъ такъ высоко, онъ исключительно обязанъ твоимъ совѣтамъ, твоей помощи. Но облачены мы во весь этотъ блескъ всего только на одинъ день или онъ останется съ нами и намъ можно радоваться ему безбоязненно?

Бокингемъ. Да не поблекнетъ онъ никогда и навсегда останется при васъ!

Король Ричардъ. Теперь, Бокингемъ, я сдѣлаюсь оселкомъ, на себѣ испытую, дѣйствительно-ли ты чистое золото. Юный Эдвардъ живъ; пойми, что я хочу сказать.

Бокингемъ. Говорите, государь, прямо.

Король Ричардъ. Я и говорю, что мнѣ хотѣлось-бы быть королемъ, Бокингемъ.

Бокингемъ. Но вѣдь вы, трижды славный мой властелинъ, и теперь уже король.

Король Ричардъ. Король, да, въ самомъ дѣлѣ. Но Эдвардъ все-таки живъ.

Бокингемъ. Да, живъ, благородный нашъ повелитель.

Король Ричардъ. Весьма прискорбно, если изъ этихъ словъ: „да, живъ, благородный нашъ повелитель“, слѣдуетъ вывести заключеніе, что Эдвардъ будетъ жить. Ты, кузень, никогда не былъ такъ недогадливъ. Неужто я долженъ высказывать все? Изволь, выскажу: я хочу смерти этихъ незаконнорожденныхъ ублюдковъ и хочу безотлагательно. Что скажешь ты теперь? Говори скорѣй и короче.

Бокингемъ. На все воля вашего величества.

Король Ричардъ. Ты нынче совсѣмъ ледъ; твоя преданность, кажется мнѣ, замерзаетъ. Говори, согласенъ ты на ихъ смерть?

Бокингемъ. Позвольте, государь, дайте мнѣ подумать, сообразить хоть минуту. Отвѣтомъ я не замедлю (*Уходитъ*).

Кетсби. (*Про себя*), Король разсерженъ; смотрите, какъ онъ кусаетъ губы.

Король Ричардъ. (*Сходя съ трона*). Нѣтъ, имѣть дѣло съ глупыми мѣдными лбами или съ беззаботными мальчишками — вѣрнѣе. Кто дерзнетъ взглянуть на меня пытливымъ окомъ, тотъ мнѣ не годится. Высокомѣрный Бокингемъ становится ужъ черезчуръ осмительнымъ. Пажъ!

Пажъ. Что прикажете, государь?

Король Ричардъ. Не знаешь-ли ты человѣка, котораго такой соблазнитель, какъ золото, могъ-бы подбить на тайное убійство?

Пажъ. Я знаю одного ничѣмъ недвольнаго человѣка, высокомѣрныя стремленія котораго находятся въ вѣчной враждѣ съ ограниченностью его средствъ. Золото подѣйствуетъ на него сильнѣе, чѣмъ цѣлыхъ двадцать ораторовъ. Я убѣжденъ, что его можно склонить, на что угодно.

Король Ричардъ. Какъ его зовутъ?

Пажъ. Его имя—Тиррэлъ, государь.

Король Ричардъ. Я немного его знаю. Ступай, приведи его ко мнѣ. (*Пажъ уходитъ*). Бокингемъ слишкомъ хитеръ и проицателенъ, потому ему болѣе не быть повѣреннымъ моихъ замысловъ. До сихъ поръ, работая заодно со мною, онъ былъ неутомимъ, а теперь вдругъ оказалось, что ему необходимо подумать. Пусть думаетъ (*Входитъ Стэнли*). Что скажете, лордъ Стэнли?

Стэнли. Государь, увѣряютъ, что маркизъ Дорсетъ бѣжалъ къ Ричмонду.

Король Ричардъ. Подойди сюда, Кетсби. Распусти слухъ, что жена моя Анна очень больна. Я приму мѣры, чтобы ее никуда не выпускали. Да, отыщи мнѣ какого-нибудь ничтожнаго дворянина, и я тотчасъ же выдамъ за него дочь Клэренса. Сынъ Клэренса глупъ и поэтому не страшенъ. Что-же ты стоишь? Повторяю: распусти слухъ, что моя жена, королева Анна, при смерти. Дѣйствуй провери! для меня чрезвычайно важно еще въ зародышѣ уннѣ тожить всѣ надежды, которыя могли-бы повредить мнѣ впоследствии (*Кетсби уходитъ*). Мнѣ необходимо жениться на дочери моего брата; безъ этого основаніемъ моего царственного престола служить хрупкое стекло. Прежде надо убитъ ея братьевъ, а затѣмъ жениться на ней. Путь къ достиженію желаемого не совсѣмъ вѣрный, но я ужъ до того погрязъ въ крови, что одинъ грѣхъ неминуемо влечетъ за собой другой; слезоточивыя состраданія несвойственны этимъ глазамъ (*Входитъ пажъ и Тиррэлъ*). Ты Тиррэлъ?

Тиррэлъ. Я—Джемъ Тиррэлъ, преданнѣйшій вѣрнопопдаанный вашего величества.

Король Ричардъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Тиррэлъ. Испытайте меня.

Король Ричардъ. Рѣшишься ты убить одного изъ моихъ друзей?

Тиррэлъ. Если это угодно будетъ вашему величеству, то я охотнѣе убилъ-бы двоихъ вашихъ враговъ.

Король Ричардъ. Такъ убей ихъ. У меня есть два неумолимые врага, два врага моего спокойствія, отгоняющіе отъ моихъ глазъ сладостный сонъ. Я желалъ-бы, чтобы ты занялся ими, Тиррэлъ. Я говорю о тѣхъ двухъ незаконнорожденныхъ, что сидятъ въ башнѣ.

Тиррэлъ. Дайте мнѣ возможность добраться до нихъ, и я тотчасъ-же положу конецъ вашему страху.

Король Ричардъ. Твои слова для меня сладостная музыка. Подойди ко мнѣ ближе. Вотъ съ этимъ удостовѣреніемъ тебя пропускать. Встань и ступай! (*Шепчетъ ему на ухо*). Скажи, что согласенъ и я награжу тебя своею любовью, возвеличу тебя.

Тиррэлъ. Все будетъ исполнено мною! (*Уходитъ*).

Входитъ Бокингемъ.

Бокингемъ. Государь, я обдумалъ все, касающееся предложеннаго мнѣ вами вопроса.

Король Ричардъ. Хорошо, оставимъ это. Дорѣшъ бѣжалъ, чтобы присоединиться къ Ричмонду.

Бокингемъ. Я только что слышалъ объ этомъ, государь.

Король Ричардъ. Стэнли! Ричмондъ сынъ твоей жены. Берегись!

Бокингемъ. Государь, дерзаю, какъ должнаго, просить у васъ обѣщанной награды: вы дали честное слово, даже клялись пожаловать мнѣ Гирфордское графство со всей его движимостью.

Король Ричардъ. Стэнли, наблюдай за своею женой. Если она вступитъ съ ними въ переписку, въ отвѣтъ будешь ты.

Бокингемъ. Чѣмъ-же вы, ваше величество, порѣшите справедливую мою просьбу?

Король Ричардъ. Я помню, когда Ричмондъ, былъ только едва виднымъ отъ земли капризнымъ мальчишкой, Генрихъ VI пророчилъ, что онъ будетъ современемъ королемъ... Королемъ!.. Пожалуй, и будетъ такъ.

Бокингемъ. Государь...

Король Ричардъ. Какъ, однако, не пришло пророку въ голову сказать мнѣ, что я его убью. Вѣдь я присутствовалъ тутъ-же.

Бокингемъ. Государь, ваше общаніе на счетъ герцогства...

Король Ричардъ. Ричмондъ! Въ послѣдній разъ, когда мнѣ случалось побывать въ Эксетерѣ, мэръ изъ любезности по-

казывая мнѣ замокъ, назвалъ меня Ружмономъ. При этомъ имени я невольно содрогнулся, потому что одинъ ирландскій бардъ, какъ-то предсказалъ мнѣ, что я проживу недолго послѣ того, какъ увижу Ричмонда.

Бокингемъ. Государь...

Король Ричардъ. А... Который теперь часъ?

Бокингемъ. Я осмѣливаюсь напомнить вашему величеству о моей просьбѣ.

Король Ричардъ. Который теперь часъ?

Бокингемъ. Сейчасъ пробьетъ десять.

Король Ричардъ. Ну, и пусть бьетъ.

Бокингемъ. Какъ, пусть бьетъ?

Король Ричардъ. Конечно. Ты здѣсь стоишь, словно автоматъ, обязанный выбивать часы и задерживаешь удары между своей просьбой и моими размышленіями. Я сегодня не въ такомъ расположеніи духа, чтобы дарить и жаловать.

Бокингемъ. Такъ отвѣтите мнѣ рѣшительно: угодно или не угодно вамъ сдержать данное слово?

Король Ричардъ. Ты мнѣ надоѣлъ, я сегодня не въ духѣ (*Уходитъ; за нимъ свита*).

Бокингемъ. А, вотъ какъ! Онъ такимъ-то презрѣніемъ воздастъ мнѣ за всѣ мои услуги. Неужто для этого возвелъ я его въ короли? Вспомнимъ про Гестингса, а затѣмъ въ Брэкнокъ, пока голова еще держится на плечахъ (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ-же.

Входитъ Тиррэлъ.

Тиррэлъ. Ужасное, кровавое дѣло совершенно. Эта страна еще никогда не видывала такого звѣрскаго злодѣянія. Даже такіе воплощенные негодяи, какъ мои помощники, палачи Дайтэнъ и Форрестъ, эти двѣ кровожадные собаки расчувствовались отъ состраданія и даже плакали, какъ дѣти, рассказывая печальныя подробности о смерти двоихъ бѣдныхъ дѣтей. „Вотъ какъ лежали несчастныя малютки“, говорилъ Дайтэнъ. „Да,—говорилъ Форрестъ,—онѣ лежали такъ, крѣпко обнявъ другъ друга невинными, блѣдными, какъ алебастръ, руками; губы ихъ цѣловались во снѣ и въ весенней красотѣ казались четырьмя алыми розами на одномъ стеблѣ“. На подушкѣ лежалъ молитвенникъ, „и это,—какъ говорилъ Форрестъ, чуть было совсѣмъ не уничтожило моей рѣшимости, но дьяволъ“...

Бездѣльникъ на этомъ словѣ остановился и вмѣсто него Дайтэнъ продолжалъ: „Мы задушили два прекраснѣйшія, совершеннѣйшія произведенія природы, какихъ она не создавала еще ни разу съ самаго сотворенія міра“. Терзаемые жалостью и совѣстью, они не могли болѣе говорить, и я ушелъ отъ нихъ, чтобы извѣстить объ этомъ кроваваго короля. Но вотъ нонѣ. Привѣтъ моему царственному повелителю!

Входитъ король Ричардъ.

Король Ричардъ. Какими вѣстями осчастливишь ты меня, любезный Тиррэлъ?

могу для тебя сдѣлать, и твое желаніе тотчасъ же будетъ исполнено. До свиданія.

Тиррэлъ. Поручаю себя вашей милости (*Уходитъ*).

Король Ричардъ. Сынъ Клэренса находится въ самомъ строгомъ заключеніи; дочь его я выдалъ замужъ за личность ничтожную; сыны Эдварда спятъ на лонѣ Авраама, а моя жена Анна сказала міру послѣднее прощаніе. Теперь, когда до моего свѣдѣнія дошло, что живущій въ Бретани Ричмондъ обращаетъ свои взоры на дочь моего брата, то есть, на юную Елизавету

Тиррэлъ. Если точное исполненіе важнаго приказанія можетъ васъ осчастливить, то вы должны быть счастливы: все кончено.

Король Ричардъ. Ты видѣлъ ихъ мертвыми?

Тиррэлъ. Видѣлъ, государь.

Король Ричардъ. И ихъ уже похорошили, милѣйшій мой Тиррэлъ?

Тиррэлъ. Да, это исполнилъ капелланъ башни, но гдѣ именно, право, и самъ не знаю.

Король Ричардъ. Приходи ко мнѣ, Тиррэлъ, тотчасъ послѣ ужина, и ты расскажешь мнѣ подробности ихъ смерти. Тѣмъ временемъ постарайся придумать, что я

и, благодаря этому союзу, имѣть дерзость мечтать о коронѣ, я, не теряя времени, представлюсь ей самъ, какъ веселый и любезный искатель ея руки.

Входитъ Кетсби.

Кетсби. Государь...

Король Ричардъ. Ты, должно быть, принесъ какія-нибудь очень важныя извѣстія, радостныя или печальныя, когда дерзаешь являться сюда такъ внезапно.

Кетсби. Вѣсти, государь, не утѣшительныя: Мортонъ передался на сторону Ричмонда; Бокингемъ, поддерживаемый смѣлыми уэльсцами, выступилъ въ походъ, и численность его войска увеличивается съ каждымъ днемъ.

Король Ричардъ. Присоединение Элли къ Ричмонду тревожитъ меня несравненно болѣе, чѣмъ то, что Бокингемъ такъ торопливо взялся за оружіе. Идемъ, я по опыту знаю, что не въ мѣру осторожное раздумье служить сонливой медлительности свинцовымъ рабомъ, и медленность, двигающаяся походкой улитки, ведетъ за собою нищенское безсиліе. Моимъ крыломъ, Меркуріемъ Юпитера, герольдомъ короля будетъ огненная бистрота. Ступай, собери скорѣй войско. Моимъ лучшимъ совѣтникомъ былъ мой умъ; не до раздумья, когда измѣнники уже храбро выступили въ поле.

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Передъ дворцомъ.

ходитъ королева Маргарита.

Королева Маргарита. Итакъ, ихъ благополучіе начинаетъ уже перезрѣвать и само уже валить въ гнилую пасть смерти. Ловко скрываясь здѣсь, я сторожила моихъ враговъ, поджидая минуты ихъ паденія. И вотъ, наконецъ, кажется дождалась. Я уже была свидѣтельницей начала осуществленія этихъ надеждъ и теперь отправлюсь во Францію въ полномъ убѣжденіи, что развязка будетъ такъ-же горька, мрачна и трагична. Удались отсюда, несчастная Маргарита, кто-то идетъ.

Появляется королева Елизавета и герцогиня Горкская.

Королева Елизавета. Ахъ, бѣдные мои принцы, нѣжные мои мальчики, мои цвѣты въ распуколькахъ, мои, только что нарождающіяся, благоуханія! Если ваши нѣжныя души рѣются въ воздухъ и Вѣчный Судъ не указалъ имъ еще опредѣленнаго мѣста, порхайте вокругъ меня на своихъ воздушныхъ крыльяхъ и слушайте горькія сѣтованія вашей матери.

Королева Маргарита. Да, порхайте вокругъ нея, нашептывайте ей, что ваша младенческая заря погружена во мракъ старухи-ночи, вполне согласно требованіямъ справедливости.

Герцогиня. Несчастія совѣмъ разбили мой голосъ, мой языкъ совершенно истощилъ свою силу на жалобы и теперь онъ неподвиженъ и нѣмъ. О, Эдвардъ Плантагенетъ, зачѣмъ ты умеръ?

Королева Маргарита. Плантагенетъ расплачивается за Плантагенета, Эдвардъ за Эдварда платитъ долгъ смерти.

Королева Елизавета. О. Создатель! Зачѣмъ отвратилъ ты свои взоры отъ этихъ невинныхъ агнцевъ и бросилъ ихъ въ пасть

волка! Или ты дремалъ, когда совершалось это ужасное дѣло?

Королева Маргарита. А что дѣлалъ онъ, когда мой святой Генрихъ и мой возлюбленный сынъ умерли?

Герцогиня. Мертвая жизнь! Слепое зрѣніе! Жалкій призракъ живаго существа! Скорбь, выставленная на посмѣяніе толпы! Позоръ вселенной! Собственность могилъ, незаконно похищенная жизнью! Пространный перечень и краткая лѣтопись дней несчастья!—пусть твое незнающее покоя существо найдетъ успокоеніе на англійской землѣ, на землѣ закона, которая, въ противность всѣмъ законамъ, до пьяна упилась невинной кровью! (*Садится на землю.*)

Королева Елизавета. О, зачѣмъ не можешь ты такъ-же скоро указать мнѣ могилу, какъ указываешь печальное мѣсто для отдохновенія; я-бы тогда совѣмъ зарыла мои кости и не дала-бы имъ времени отдыхать. О, кто, кромѣ насъ, имѣетъ основанія проливать слезы? (*Садится рядомъ съ герцогиней.*)

Королева Маргарита. Если самая застарѣлая скорбь достойна наибольшаго уваженія, предоставьте моимъ страданіямъ право старшинства и пусть онѣ займутъ почетное мѣсто (*Садится рядомъ съ обѣими другими.*). Если скорби свойственно переносить товарищества, высказывайте всѣ ваши несчастія, перечисляя мои: у меня былъ Эдвардъ и его убилъ Ричардъ; у меня былъ мужъ и его убилъ Ричардъ.—У тебя былъ Эдвардъ и его умертвилъ Ричардъ; у тебя былъ Ричардъ и его тоже умертвилъ Ричардъ.

Герцогиня. У меня былъ Ричардъ и ты его убила; былъ у меня еще Рютлендъ и ты помогла его убить.

Королева Маргарита. У тебя былъ еще Кларенсъ и Ричардъ его умертвилъ. Изъ собачьей конуры твоей утробы вырвался адскій песъ, который всѣхъ насъ травитъ насмерть, песъ, у котораго зубы явились прежде глазъ, чтобы разрывать на части агнцевъ и пить ихъ чистую кровь. Да, именно твое чрево изрыгнуло этого гнуснаго истребителя Господнихъ созданій, этого безпощаднаго величайшаго тирана земли, царящаго надъ распухшими глазами обливающихся слезами душъ, чтобы затравить насъ до самой могилы. О, праведный, правосудный Боже, какъ благодарна я тебѣ, что этотъ алчный песъ не щадитъ даже дѣтей собственной своей матери и дѣлаетъ ее причастной скорбямъ другихъ страдалицъ.

Герцогиня. О, жена Генриха, не относишься съ торжествомъ къ моимъ скорбямъ! Самъ Богъ свидѣтель, что я обливаюсь

искренними слезами при видѣ твоихъ утратъ.

Королева Маргарита. Не перебивай меня, я такъ долго алкала мести,—дай мнѣ насытиться ея лицеарзіемъ. Твой Эдвардъ, убившій моего Эдварда, умеръ. Другой твой Эдвардъ тоже умеръ въ возмездіе за моего Эдварда, а твой малютка Йоркъ не болѣе, какъ привѣсокъ, потому что даже и двоихъ твоихъ Эдвардовъ мало, чтобы твоя потеря сравнилась съ моей. Твой Кларенсъ, заколовшій моего Эдварда, умеръ не одинъ; за нимъ безвременно задохлись въ прахъ могилы и всѣ свидѣтели этого ужаснаго дѣла: и развратникъ Гестингсъ, и Райверсъ, и Вогентъ, и Грэй. Только Ричардъ, этотъ черный прислужникъ ада, одинъ еще живъ, чтобы, какъ маклеръ, закупать и отсылать въ преисподнюю бѣдныхъ души. Но уже близка и его омерзительная смерть, которая ни въ комъ не возбудитъ сожалѣнія. Пастъ земли уже разверзлась, адъ пылаетъ нетерпѣніемъ, демоны режутъ, а святые молятъ,—и все это въ страстномъ желаніи, чтобы Ричардъ скорѣе покинулъ этотъ міръ. О, и я умоляю тебя, милосердый Боже, расторгни скорѣе узъ, привязывающія его къ жизни, чтобы я ранѣе, чѣмъ умру, могла воскликнуть: „Проклятый пещъ издохъ“!

Королева Елизавета. О, я помню, ты пророчила, что настанетъ время, когда я сама буду прибѣгать къ помощи твоихъ проклятій, чтобы онѣ сокрушили этого толстобрюхаго паука, эту гнусную, горбатую жабу.

Королева Маргарита. Тогда я называла тебя пустымъ отраженіемъ моей судьбы, называла тебя жалкой тѣнью намалеванной королевы, жалкой поддѣлкой подъ ту, чѣмъ я была, безтолковымъ перечнемъ, разяснявшимъ то, что должно было-бы совершиться во время гнуснаго представленія. Выскачка, предназначенная быть свергнутой въ пропасть, только въ насмѣшку мать двухъ прелестныхъ малютокъ, только призракъ того, чѣмъ ты себя считаешь, ты, слишкомъ сильно бросающееся въ глаза знамя, на которое направлены всѣ стрѣлы! Ты только вывѣска величія, дождевой пузырь, пустое дуновение вѣтра, ты потѣшная королева, выведенная только затѣмъ, чтобы кѣмъ-нибудь наполнить подмостки! Гдѣ-же теперь твой мужъ, гдѣ братья, гдѣ дѣти, гдѣ всѣ твои радости? Кто теперь преклоняется передъ тобою и кто восклицаетъ съ мольбою: „Да здравствуетъ королева“! Гдѣ льстившіе тебѣ и пресмыкавшіеся передъ тобою щеры, гдѣ народъ, бѣгавшій за тобою толпами? Перебери все это въ памяти и представь себѣ, что ты теперь такое: вмѣсто счастливой жены, ты несчастливѣйшая вдова:

вмѣсто радующейся матери, ты осиротѣлая мать, стонущая отъ горя; вмѣсто того, чтобы къ тебѣ обращались съ просьбами, ты сама обратилась въ униженную просительницу; вмѣсто королевы, ты увѣнчанная горемъ рабыня; вмѣсто того, чтобы къ тебѣ обращались съ просьбами, ты сама обратилась въ униженную просительницу; вмѣсто королевы, ты увѣнчанная горемъ рабыня; вмѣсто того, чтобы издѣваться надъ мною, ты дала мнѣ возможность надъ тобою издѣваться; ты меня презирала, а теперь я презираю тебя; прежде ты могла повелѣвать всѣмъ, а гдѣ-же теперь тотъ человекъ, который-бы тебя послушался? Колесо правосудія повернулось. Оно сдѣлало тебя добычей времени, сохранившей только воспоминаніе о томъ, чѣмъ она была и, чтобы еще болѣе тебя терзать, сдѣлало тѣмъ, что ты есть. Ты незаконно завладѣла моимъ мѣстомъ, зачѣмъ бы тебѣ не завладѣть, на этотъ разъ уже законно, частью моихъ страданій. Твоя надменная шея теперь склоняется подъ половиною того ига, которое давило меня. Теперь усталая моя голова освободилась отъ тяжелой ноши, и я слагаю весь этотъ мучительный гнетъ на одну тебя. Прощай, жена Йорка, прощай, королева—неудачница! Несчастіе, переживаемое Англіей, заставитъ меня радостно улыбаться во Франціи.

Королева Елизавета. Повремени немного. Ты, искушавшаяся въ проклятіяхъ, научи и меня проклинать моихъ враговъ!

Королева Маргарита. Удерживайся отъ сна во время ночи и подвергай себя посту во время дня, сравнивай свое умершее счастье со своей оставшейся въ живыхъ судьбой, стараясь вообразить себѣ своихъ дѣтей еще болѣе красивыми, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, а убійцу ихъ еще омерзительнѣе, чѣмъ онъ есть. Старайся прикрасить утраченное и научиться видѣть виновника твоихъ утратъ въ еще болѣе отвратительномъ свѣтѣ и его проклинать.

Королева Елизавета. Мои слова тупы, отточи ихъ о свои.

Королева Маргарита. Ихъ отточить горе. Благодаря ему, и они станутъ такими-же острыми и колющими, какъ мои. (Уходитъ).

Герцогиня. Развѣ бѣдственное положеніе такъ нуждается въ многорѣчивыхъ изліяніяхъ?

Королева Елизавета. О, не удерживай меня отъ желанія прибѣгать къ заступничеству того ходатая, который принялъ на себя защиту такого кліента, какъ несчастіе. О, пусть эти воздушные послѣдники незавѣщанныхъ имъ радостей, пусть

эти бѣдные, едва дышашіе витѣи, говорящіе отъ имени скорби,—да, пусть они всё вопіють, и хотя отъ ихъ воплей особенной пользы нѣтъ, но все-жъ таки они облегчаютъ душу.

Герцогиня. О, если такъ, пусть ничто не связываетъ нашъ языкъ. Пойдемъ со мною и пусть цѣлый потокъ горькихъ словъ обрушится на моего проклятаго сына, умертвившаго твоихъ милыхъ малютокъ (*За сценой гремитъ барабанъ*). Это его барабанъ, не будь скупа на проклятія!
Входитъ король Ричардъ, за нимъ его вооруженная свита.

Король Ричардъ. Кто дерзаетъ преграждать мнѣ путь?

Герцогиня. Та, которая могла-бы со всѣмъ преградить тебѣ путь къ жизни, вадушивъ тебя въ проклятой своей утробѣ, и тѣмъ избавила-бы тебя, презрѣнная тварь, отъ всѣхъ совершенныхъ тобою преступленій.

Королева Елизавета. Ты золотымъ вѣнцомъ прикрылъ то чело, на которомъ, если-бы существовала справедливость, сохранилось то клеймо за убійство принца, которому этотъ вѣнецъ принадлежалъ по праву, за убійство моихъ бѣдныхъ сыновей и братьевъ. Отвѣчай, гнусный рабъ, гдѣ мои сыновья?

Герцогиня. Отвѣтъ, отвратительная жаба, гдѣ братъ твой, Клэренсъ, гдѣ его малютка сынъ, Нэдъ Плантагенетъ?

Королева Елизавета. Гдѣ добрый Райверсъ, Вогенъ, гдѣ Грэй?

Герцогиня. Гдѣ честный Гестингсъ?

Король Ричардъ. Трубы и барабаны, бейте громче тревогу, чтобы небеса не слышали, какъ эти сварливыя бабы ругаются надъ помазанникомъ Божиимъ. Гремите-же, говорю я (*Раскатъ трубъ и барабановъ*). Обуздайте вашъ гнѣвъ, говорите, не забывая приличій, или я заглушу ваши крики громкими и воинственными звуками.

Герцогиня. Сынъ-ли ты мнѣ?

Король Ричардъ. Да, благодаря Богу, отцу и вамъ.

Герцогиня. Если такъ, выслушай терпѣливо то, что внушаетъ мнѣ мое нетерпѣніе.

Король Ричардъ. Я не умѣю выслушивать укоровъ. Эта черта характера перешла мнѣ по наслѣдству отъ васъ,

Герцогиня. Нѣтъ, дай мнѣ высказаться.

Король Ричардъ. Пожалуй, но слушать я васъ не стану.

Герцогиня. Я въ своихъ рѣчахъ буду умѣренна, даже кротка.

Король Ричардъ. Но главное, будьте кратки, добрая матушка. Я тороплюсь.

Герцогиня. Ты торопишься, а Богъ свидѣтель, какъ долго я ожидала тебя среди невыносимой муки и агоніи.

Король Ричардъ. Но мое появленіе на свѣтъ, однако, послужило вамъ облегченіемъ.

Герцогиня. Нѣтъ, клянусь святымъ Крестомъ, никакого облегченія я отъ тебя не видала, такъ-какъ съ твоимъ появленіемъ земля превратилась для меня въ адъ. Твое рожденіе явилось для меня мучительнымъ бременемъ; въ дѣтствѣ ты былъ угрюмъ и сварливъ, а въ школьные годы: страшень, дикъ, сумасброденъ и золь дѣбшенства; первые годы юности смѣлъ, наглъ и предприимчивъ; въ зрѣломъ возрастѣ высокомеренъ, вкрадчивъ, лживъ и кровожаденъ, болѣе сдержанъ, чѣмъ прежде, но за то и болѣе опасенъ, потому что ты ласкаешь того, кого ненавидишь. Можешь-ли ты мнѣ указать хоть одинъ часъ облегченія и спокойствія, которые я вкусила-бы въ твоёмъ присутствіи?

Король Ричардъ. Не могу указать ни одного, кромѣ того, когда чувство голода заставляло васъ уходить завтракать и тѣмъ избавляло васъ отъ моего присутствія. Если мое лицемеріе для васъ тяжело, позвольте-же мнѣ продолжать путь, и вы избавитесь отъ моего неприятнаго для васъ вида. Пусть гремятъ барабаны.

Герцогиня. Нѣтъ, постой, выслушай меня еще.

Король Ричардъ. Въ вашихъ словахъ слишкомъ много горечи.

Герцогиня. Еще одно только слово. Я говорю съ тобой въ послѣдній разъ.

Король Ричардъ. Если такъ, пожалуй.

Герцогиня. Ты, по справедливому рѣшенію небесъ, или не выйдешь побѣдителемъ изъ начатой тобою войны, или я сама умру отъ старости и отъ горя. Итакъ, я ни въ какомъ случаѣ не увижу твоего лица. Унеси-же съ собой самое тяжелое, мое самое подавляющее проклятіе. Пусть въ день битвы оно покажется тебѣ тяжелѣе, чѣмъ тѣ тяжелые доспѣхи, въ которые ты теперь облеченъ. Моя молитва будетъ сражаться противъ тебя вмѣстѣ съ твоими противниками; тогда крошечныя души сыновъ Эдварда будутъ напентывать твоимъ врагамъ, обѣщая имъ успѣхъ и побѣду. Кровожадный человѣкъ, тебя и конецъ ожидаетъ кровавый! Позоръ, бывшій неизмѣннымъ спутникомъ твоей жизни, не оставитъ тебя и въ минуту смерти (*Уходитъ*).

Королева Елизавета. У меня хотя и болѣе основаній тебя проклинать, но гораздо меньше умѣнья, поэтому къ ея про-

клятвамъ я прибавлю слово „аминь“ (Хочетъ идти).

Король Ричардъ. Пойдите-ка, сударыня, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Королева Елизавета. У меня болѣе не осталось сыновей царской крови, которыхъ-бы ты могъ кровожадно умертвить; что-же касается моихъ дочерей, Ричардъ, онѣ будутъ вѣчно молящимися монахинями, а не вѣчно плачущими королевами; поэтому тебѣ не за чѣмъ посягать на ихъ жизнь.

Король Ричардъ. У васъ есть дочь, зовущаяся Елизаветой: она добродѣтельна, красива и отличается чисто царственной прелестью.

Королева Елизавета. Неужто за эти качества она должна умереть? О, не посягай на ея жизнь! Я изъ добродѣтельной сдѣлаю ее порочной, обезображу ея красоту, сама наклевету на себя, будто я не была вѣрна ложу Эдварда, и брошу на нее покровъ позора, лишь-бы она могла жить, и, чтобы прикосновеніе кроваваго убійства ея не коснулось, я признаюсь, что она не дочь Эдварда.

Король Ричардъ. Не позорьте ея рожденія, она—царской крови.

Королева Елизавета. Чтобы спасти ея жизнь, я скажу, что она плодъ моей измѣны мужу.

Король Ричардъ. Ея рожденіе важнѣйшая охрана для ея жизни.

Королева Елизавета. Такое рожденіе было причиной смерти ея братьевъ.

Король Ричардъ. Не оно, а созвѣздіе, враждебно смотрѣвшее на это рожденіе.

Королева Елизавета. Не созвѣздіе, а злые люди, которымъ это рожденіе стало поперекъ горла.

Король Ричардъ. Никто не въ силахъ отстраниться отъ предопредѣленія судьбы.

Королева Елизавета. Особенно когда умѣнье сопротивляться состраданію рѣшаетъ исполненіе такого приговора. Если-бы твоей душѣ была доступна хоть искра состраданія, мои малыши не умерли-бы такой ужасной смертью.

Король Ричардъ. Вы говорите такъ, какъ будто я самъ убилъ моихъ племянниковъ.

Королева Елизавета. Твоихъ племянниковъ! Кто-же, какъ не ихъ дядя, укралъ у нихъ все: счастье, царственный вѣнецъ, самую свободу и жизнь? Чья-бы рука не пронзила ихъ юныя сердца, эту руку непосредственно направляла твоя голова. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ножъ убійцы оказался-бы слишкомъ тупымъ и

совсѣмъ не годнымъ для такого преступленія, если-бы для того, чтобы вонзить его въ грудь моихъ агнцевъ, его не отточило твое каменное сердце. О, если-бы привычка къ горю не укрощала самого дикаго горя, мой языкъ до тѣхъ поръ не пересталъ-бы выкрикивать тебѣ имена моихъ сыновей, пока мои ногти, какъ якоря, не вонзились-бы въ твои глаза, и пока я сама, жалкая ладья, лишенная и кормила, и снастей, добравшись до безнадежной пристани—смерти, не разбилась-бы въ концѣ о твое твердое, какъ утѣсь, сердце.

Король Ричардъ. Добрѣйшая сударыня, дай Богъ, чтобы успѣхъ моего предпріятія и исходъ этой опасной, кровавой войны былъ для меня такъ-же несомнѣненъ, какъ несомнѣнно мое намѣреніе сдѣлать для васъ и для вашихъ близкихъ гесравненно болѣе добра, чѣмъ все то зло, которое я вамъ сдѣлалъ.

Королева Елизавета. Какое-же добро, задернутое отъ моихъ глазъ покровомъ небесъ, можетъ осчастливить меня, когда покровъ этотъ будетъ откинутъ?

Король Ричардъ. Возвеличеніе вашихъ дѣтей, добрѣйшая миледи.

Королева Елизавета. Возвеличеніе моихъ дѣтей до высоты плахи, чтобы на ней остались ихъ головы?

Король Ричардъ. Нѣтъ, до вершинъ почестей и счастья, чтобы онѣ достигли крайнихъ предѣловъ земного величія.

Королева Елизавета. Ты этими разсказами стараешься льстить моей скорби. Отвѣчай же, какого счастья, какихъ почестей, какого величія можетъ дожидаться кто-нибудь изъ моихъ дѣтей?

Король Ричардъ. Все, что имѣю, даже самого себя, я готовъ отдать одной изъ твоихъ дочерей, если только ты согласишься утопить въ волнахъ Леты гнѣвные воспоминанія твоей души о всемъ томъ злѣ, которое, какъ ты предполагаешь, я сдѣлалъ всѣмъ вамъ.

Королева Елизавета. Говори скорѣе, чтобы такое доброе настроеніе не разсѣялось раньше, чѣмъ ты успѣешь высказать свою мысль.

Король Ричардъ. Знайте-же, что я всею душою люблю вашу дочь.

Королева Елизавета. И мать моей дочери вѣритъ этому отъ всей души.

Король Ричардъ. Чему-же?

Королева Елизавета. Что ты и дочь мою любишь отъ всей души, какъ отъ всей души любилъ ея братьевъ. Всѣмъ сердцемъ благодарна тебѣ за такую любовь.

Король Ричардъ. Не возвращайте такъ опрометчиво смысла моихъ словъ Я,

дѣйствительно, люблю вашу дочь всею душою и желаю превратить ее въ королеву Англіи.

Королева Елизавета. Неужели? Кто же будетъ ея королемъ?

Король Ричардъ. Тотъ, кто посадить ее рядомъ съ собою на престолъ. Сдѣлать это можетъ только одинъ человекъ.

Королева Елизавета. Ты?

Король Ричардъ. Да, я. Что скажете вы на это, миледи?

Королева Елизавета. Чѣмъ-же надѣешься ты добиться ея согласія?

Король Ричардъ. Вотъ это-то я и желаю-бы узнать именно отъ васъ, такъ какъ вы лучше, чѣмъ кто-либо иной, знаете ея нравъ.

Королева Елизавета. И ты желаешь узнать это отъ меня?

Король Ричардъ. Да, миледи, желаю отъ всей души.

Королева Елизавета. Пришли ей съ человекомъ, убившимъ ея братьевъ, два окровавленныхъ сердца, на которыхъ будутъ запечатлѣны имена Эдварда и Йорка. Увидавъ это, она, безъ всякаго сомнѣнія, заплачетъ. Затѣмъ подари ей платокъ, совершенно схожій съ тѣмъ, который Маргарита подарила твоему отцу, то есть, весь обогранный кровью Рютланда. Скажи ей, что платокъ насквозь пропитанъ пурпуровой влагой, вытекшей изъ ранъ ея братьевъ, и попроси, чтобы она вытирала имъ свои слезы. Если это еще не будетъ въ силахъ возбудить ея любовь, пришли ей письменный перечень твоихъ славныхъ дѣяній; скажи, что ты умертвилъ ея дядю Кларенса, ея дядю Райверса, и что для ея-же счастья не задумался отправить на тотъ свѣтъ ея тетку Анну.

Король Ричардъ. Вы смѣтаете надолго, королева! Развѣ этимъ путемъ добьешься любви вашей дочери?

Королева Елизавета. Иной путь можетъ оказаться только въ томъ случаѣ, если ты въ состояніи будешь принять другой образъ и перестанешь быть тѣмъ Ричардомъ, который сдѣлалъ все, что сдѣлалъ ты.

Король Ричардъ. А что, если я скажу, что сдѣлалъ все изъ-за любви къ ней?

Королева Елизавета. Тогда нѣтъ никакого сомнѣнія, что она окончательно возненавидитъ тебя за то, какими жертвами она приобрѣла твою любовь, и ей будетъ уже невозможно избрать тебя въ мужья.

Король Ричардъ. Слушайте. Что сдѣлано, того не воротить. Люди иной разъ совершаютъ такіа дѣянія, въ которыхъ сами-же расканиваются по прошествіи нѣсколькихъ часовъ! Если я и отнял пре-

столь у вашихъ сыновей, я въ вознагражденіе хочу отдать его вашей дочери; если я сокрушилъ родъ, вышедшій изъ вашей утробы, я, чтобы оживить ваше потомство, намѣренъ при посредствѣ вашей дочери дать жизнь новой семьѣ вашей же крови. Въ любви имя бабушки мало чѣмъ уступаетъ страстному имени матери; это все-таки будутъ ваши дѣти, хотя однимъ колѣномъ ниже, отпрыски вашей-же плоти и крови. Такъ-же станеть болѣть за нихъ ваша душа, какъ и за родныхъ дѣтей, только не будетъ воспоминанія о ночи страданій и стоновъ, которые вмѣсто васъ вытерпятъ та, для которой вы подверглись такимъ-же страданіямъ. Собственные дѣти были мученіемъ вашей молодости, мои дѣти будутъ утѣшеніемъ вашей старости. Кого вы лишили? Сына, бывшаго королемъ, но, благодаря этой потерѣ, ваша дочь сдѣлается королевой. Я не могу предложить вамъ всѣхъ вознагражденій, какъ-бы этого ни желалъ, согласитесь-же принять то, что я въ состояніи вамъ предложить. Вашъ, смущенный духомъ, сынъ Дорсетъ, направилъ свои недовольныя стопы въ чужіе края. Этотъ счастливый союзъ быстро призоветъ его сюда, гдѣ его осыпятъ величайшими почестями. Король, который будетъ называть вашу прелестную дочь женою, станеть запросто называть вашего сына братомъ. Вы опять сдѣлаетесь матерью короля и всѣ ущербы, нанесенные временемъ, будутъ исправлены избыткомъ двойнаго благополучія. Повѣрьте, намъ предстоитъ пережить еще много счастливыхъ дней. Пролитыя вами слезы воротятся къ вамъ, превращенныя въ жемчужины, высокое счастье, увеличенное процентами, возвратится вамъ десятирицею. Итакъ, любящая мать, ступай, отыщи свою дочь, придай своей опытностью смѣлость ея застѣнчивой юности, приготовь ея слухъ слушать изъявленія любви, зажги въ ея нѣжномъ сердцѣ стремленіе къ золотому и царственному величію! Открой ей тайну всей прелести безмолвныхъ часовъ, проведенныхъ среди супружескихъ наслажденій, и когда моя рука покараетъ этого ничтожнаго мятежника, то есть, упрямаго Бокингема, я вернусь украшенный лаврами торжества, и поведу твою дочь на ложе побѣдителя! Свой трофей я передамъ ей, такъ что одна она окажется побѣдительницей, сама будетъ Цезаремъ надъ Цезаремъ.

Королева Елизавета. Какъ-же мнѣ высказать ей это лучше? Сказать-ли, что братъ ея отца желаетъ сдѣлаться ея мужемъ? Назвать-ли искателя ея руки ея дядей, или убійцей своихъ братьевъ и ея дядей? Какой-же предлогъ выбрать для того,

чтобы сватать ей вась? Какое имя позволить дать вамъ Богъ, законъ, моя честь и любовь моя къ дочери, чтобы ваши исканія ея руки не показались слишкомъ отвратительны юному ея возрасту?

Король Ричардъ. Скажите, что отъ этого союза зависитъ миръ Англіи.

Королева Елизавета. Миръ, который она должна купить, принесъ себя въ жертву безконечнымъ распрямъ.

Король Ричардъ. Скажите ей, что король, имѣющій право приказывать, умоляетъ ее.

Королева Елизавета. А сколько времени протянется ея счастливая жизнь?

Король Ричардъ. Столько времени, сколько угодно Богу и природѣ.

Королева Елизавета. Или столько времени, сколько будетъ угодно аду и Ричарду.

Король Ричардъ. Скажите ей, что я, властелинъ ея, буду ея покорнымъ подданнымъ.

Королева Елизавета. Но она, ваша подданная, съ отвращеніемъ отнесется къ такому властелину.

Королева Елизавета. Согласиться на то, что запрещаетъ самъ Царь царей!

Король Ричардъ. Скажите ей, что она будетъ великой и могущественной королевой.

Королева Елизавета. Чтобы оплакивать этотъ титулъ, какъ оплакиваетъ его ея мать?

Король Ричардъ. Скажите ей, что я буду любить ее вѣчно.

Королева Елизавета. Ну, а сколько времени протянется эта вѣчность?

Король Ричардъ. До самаго конца ея счастливой жизни моя нѣжность къ ней будетъ постоянно увеличиваться.

Король Ричардъ. Ради моей пользы пустите въ ходъ все ваше краснорѣчіе.

Королева Елизавета. Если предложеніе честно, его стоитъ высказать въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ, и оно будетъ принято.

Король Ричардъ. Если такъ, выскажи ей въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ, что я въ нее влюбленъ и ищу ея руки.

Королева Елизавета. Высказывать просто то, что нечестно, прямо безсвѣстно.

Король Ричардъ. Ваши возраженія слишкомъ поверхностны и слишкомъ легкомысленны.

Королева Елизавета. Ну, нѣтъ, онѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ глубоки и угрюмы, настолько-же глубоки и угрюмы, какъ могила бѣдныхъ моихъ дѣтей.

Король Ричардъ. Не касайтесь этой струны, миледи, все это прошлое.

Королева Елизавета. Нѣтъ, я буду касаться ея, пока струна сердца не лопнетъ.

Король Ричардъ. Если такъ, клянусь св. Георгомъ, моей подвязкой и моимъ вѣнцомъ...

Королева Елизавета. Перваго ты оскорбилъ кощунствомъ, покрылъ безчестьемъ вторую и безъ всякаго права похитилъ послѣдній.

Король Ричардъ. Клянусь...

Королева Елизавета. Нечѣмъ тебя клясться, потому что то, что ты говоришь, не можетъ быть принято за клятву. Твой поруганный св. Георгъ утратилъ свои священные достоинства; твоя опозоренная подвязка отдала въ закладъ свою рыцарскую доблесть; твой похищенный вѣнецъ запятналъ свою царственную славу. Если ты хочешь, чтобы повѣрили твоей клятвѣ, поклянись чѣмъ-нибудь, чего бы ты самъ не осквернилъ.

Король Ричардъ. Пожалуй... Клянусь міромъ...

Королева Елизавета. Онъ полонъ самыхъ отвратительныхъ злодѣяній.

Король Ричардъ. Смертью моего отца...

Королева Елизавета. Ты своею жизнью его опозорилъ.

Король Ричардъ. Если такъ, клянусь самымъ собою!

Королева Елизавета. Ты и самого себя покрылъ позоромъ!

Король Ричардъ. Ну, такъ Богомъ!

Королева Елизавета. Его ты оскорбилъ болѣе, чѣмъ кого-либо другого. Если бы ты боялся нарушить обѣтъ, данный во имя Его, союзъ, заключенный твоимъ братомъ—королемъ, не былъ-бы порванъ и мой братъ не былъ-бы задушенъ. Если бы ты боялся нарушить обѣтъ, данный во имя Бога, царственный металлъ, служащій тебѣ вѣнцомъ для твоего чела, красовался-бы на юномъ челѣ моего ребенка, и до сихъ поръ были-бы живы оба дорогіе мнѣ принца, тогда какъ теперь, лежа рядомъ въ прахѣ могилъ, благодаря твоему вѣроломству, они сдѣлались добычею червей! Итакъ, чѣмъ-же ты можешь еще поклясться?

Король Ричардъ. Вудущностью...

Королева Елизавета. Ты опозорилъ ее прошедшимъ. Мнѣ самой придется пролить еще много слезъ, чтобы смыть съ грядущихъ временъ твои прошлыя обиды.

Дѣти убитыхъ тобою родителей живутъ теперь, какъ безпріютныя сироты, чтобы плакаться на тебя даже въ старости. Родители зарѣзанныхъ тобою дѣтей прозябаютъ, какъ старыя, безплодныя растенія, чтобы проводить въ стенаніяхъ весь остатокъ своей жизни. Не клянись-же будущимъ, такъ какъ даже ранѣе, чѣмъ пользоваться имъ, ты уже злоупотреблялъ имъ не въ мѣру.

Король Ричардъ. Если не правда то, что я на будущее время намѣренъ жить раскаяніемъ, пусть на мою долю выпадетъ неуспѣхъ въ той опасной борьбѣ, къ которой я готовлюсь противъ вооруженнаго непріятеля. Пусть я уничтожу самъ себя! Пусть небо и фортуна не дадутъ мнѣ узнать ни одного радостнаго мгновенія! О, день, отказывай мнѣ въ свѣтѣ, а ночь—въ покоѣ! Пусть все, приносящія удачи, создѣдія воспротивятся всѣмъ моимъ начинаніямъ, если я простираю свои виды на твою царственную дочь не съ чистой любовью, съ незапятнанною богобоязненностью, не съ святыми помыслами! Отъ нея теперь зависитъ и мое счастье, и твое. Безъ нея я предвижу, что и меня самого, и тебя, и ее, и всю страну, и много христіанскихъ душъ ожидаютъ смерть, разореніе, гибель и опустошеніе. Ничто, кромѣ моего брака съ вашей дочерью, не можетъ отвратить такихъ печальныхъ послѣдствій. Итакъ, любезная матушка—такимъ именемъ мнѣ теперь приходится называть васъ—явится передъ ней ходатаемъ моей любви и, ходатайствуя за меня, описывайте меня такимъ, какимъ я намѣренъ сдѣлаться, а не такимъ, какимъ я былъ до сихъ поръ. Не говорите, чего я достоинъ, а чего я окажусь достоинъ. Упирайте на необходимость этого брака, вынуждаемаго временемъ и обстоятельствами, и не сопротивляйтесь моимъ великимъ намѣреніямъ.

Королева Елизавета. Неужто-же я уступлю обольщеніямъ дьявола?

Король Ричардъ. Должны, если дьяволъ склоняетъ васъ на доброе дѣло.

Королева Елизавета. И неужто, чтобы остаться сама собою, я должна забыть о себѣ самой?

Король Ричардъ. Да, помня о себѣ самой, вы только себѣ вредите.

Королева Елизавета. Ты убилъ моихъ дѣтей.

Король Ричардъ. Но похоронилъ ихъ въ чревѣ вашей дочери и въ этомъ-то благоухающемъ гнѣздѣ они, ради вашего утѣшенія, снова возродятся изъ пепла.

Королева Елизавета. Неужто я въ самомъ дѣлѣ должна склонять дочь на то, чтобы она приняла твое предложеніе?

Король Ричардъ. Это сдѣлаетъ васъ счастливою матерью.

Королева Елизавета. Хорошо, иду. Пришли мнѣ скорѣй вѣсти о себѣ и ты узнаешь, каковы мои намѣренія.

Король Ричардъ. Передай ей этотъ поцѣлуй, какъ залогъ искренней моей любви, и затѣмъ прощай! (*Целуетъ ее; королева Елизавета уходитъ*). Эта дура, кажется, на все согласна. Легкомысленная, измѣнчивая баба! (*Входитъ Рэтклифъ, за нимъ Кетсби*). Ну, говорите, какія вѣсти?

Рэтклифъ. Могущественный государь! на западномъ берегу показался громадный флотъ. Къ берегу спѣшнѣ цѣлая толпа малонадежныхъ, даже сомнительныхъ друзей, какъ будто намеревающихся отразить непріятели безъ всякаго оружія. Предполагаютъ, что во главѣ этого флота стоитъ Ричмондъ. На судахъ всѣ паруса убраны; очевидно ожидаютъ, что Бокингемъ поможетъ высадкѣ.

Король Ричардъ. Отправить сейчасъ къ герцогу Норфольку вѣрнаго человѣка! Отправься самъ или пошли Кетсби. Гдѣ Кетсби?

Кетсби. Здѣсь, государь.

Король Ричардъ. Кетсби, скажи скорѣе къ герцогу.

Кетсби. Не буду щадить ни себя, ни коня.

Король Ричардъ. А ты, Рэтклифъ, скажи въ Сольсбюри. Когда пріѣдешь туда... (*обращаясь къ Кетсби*). Глухой, безпечный человѣкъ, что-же ты стоишь и не спѣшишь сію-же минуту къ герцогу?

Кетсби. Могущественный государь, объясните мнѣ прежде, что угодно вашему величеству и что я долженъ передать герцогу Норфольку?

Король Ричардъ. Ты правъ, добрый мой Кетсби. Скажи ему, чтобы онъ по мѣрѣ силъ и какъ можно скорѣе собралъ самое внушительное войско и тотчасъ-же собрался съ нимъ въ Сольсбюри.

Кетсби. Спѣшу, сію минуту! (*Уходитъ*).

Рэтклифъ. А мнѣ что прикажете передать въ Сольсбюри?

Король Ричардъ. Въ Сольсбюри? Что тебѣ тамъ дѣлать безъ меня?

Рэтклифъ. Однако, вы, ваше величество, сказали, чтобы я ѣхалъ впередъ. (*Входитъ Стэнли*).

Король Ричардъ. Я передумалъ. Что скажетъ Стэнли?

Стэнли. Ничего на столько хорошаго, чтобы вы, ваше величество, выслушали меня съ удовольствіемъ, и ничего, на столько дурного, чего бы нельзя было передать вамъ, государь.

В. ШЕКСПИРЪ. Т. III.

Король Ричардъ. Ты говоришь загадками. Какъ могутъ быть вѣсти разомъ и не дурны, и не хороши? Къ чему скакать столько миль околицей, когда можно доставить свои вѣсти болѣе близкимъ путемъ! Еще разъ, что скажешь новаго?

Стэнли. Ричмондъ появился на морѣ.

Король Ричардъ. Хотѣ бы ему утопиться въ немъ, чтобы не онъ былъ на немъ, а оно. Съ какой стати появился тамъ этотъ отступникъ съ блѣдной печенью.

Стэнли. Навѣрное не знаю, могущественный государь, но кажется догадываюсь...

Король Ричардъ. Что-же именно?

Стэнли. Что благодаря подстрекательству Дорсета, Бокингема, и Мортона, онъ намѣренъ высадиться въ Англіи, чтобы требовать короны.

Король Ричардъ. Развѣ у насъ престолъ опустѣлъ? Развѣ нѣтъ руки, чтобы управлять мечомъ? Развѣ король умеръ? Развѣ государство остался безъ владѣльца? Развѣ существуетъ другой наслѣдникъ имени Іорка, кромѣ насъ? И кто же можетъ быть королемъ Англіи помимо наслѣдника великаго Іорка? Итакъ, скажи мнѣ, зачѣмъ Ричмондъ выступилъ въ море?

Стэнли. Если не зачѣмъ, что я говорилъ, государь, я ужъ право не знаю, зачѣмъ.

Король Ричардъ. Итакъ, ты предполагаешь, что Уэльсецъ спѣшитъ сюда зачѣмъ, чтобы сдѣлаться твоимъ властелиномъ, и никакой другой причины его прібытія ты найти не можешь? Мнѣ, право, кажется, что и ты намѣренъ возмутиться и перейти на его сторону.

Стэнли. Нѣтъ, могущественный государь, не оскорбляй меня сомнѣніемъ.

Король Ричардъ. Ну, а гдѣ-же твое войско, чтобы отразить непріятели? Гдѣ твои слуги и вассалы? Они, можетъ быть, находятся на западномъ берегу, чтобы прикрывать высадку мятежника?

Стэнли. Нѣтъ, добрый государь, всѣ лучшіе мои друзья на сѣверѣ.

Король Ричардъ. Я вижу, что всѣ лучшіе твои друзья ко мнѣ довольно холодны. Что дѣлаютъ они на сѣверѣ, когда ихъ государь нуждается въ ихъ услугахъ на западѣ?

Стэнли. Имъ, государь, не дано на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ приказаній. Если вашему величеству угодно будетъ отпустить меня, я соберу всѣхъ моихъ друзей и соединюсь съ вашимъ величествомъ, когда и гдѣ вамъ будетъ угодно.

Король Ричардъ. Понимаю, тебѣ хочется соединиться съ Ричмондомъ. Нѣтъ, сэръ, я вамъ не довѣряю.

Стэнли. У вашего величества нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ моей вѣрности: я никогда не былъ и никогда не буду измѣнникомъ!

Король Ричардъ. Такъ отправляйся и собирай войско! Но Джорджъ Стэнли, твой сынъ, останется здѣсь. Будь же мнѣ вѣренъ, если желаешь, чтобы его голова уцѣлѣла на плечахъ.

Стэнли. Онъ останется залогомъ моей вѣрности (*Уходитъ; появляется юнецъ*).

1-й гонецъ. Государь, я получилъ вѣрное извѣстіе, что сэръ Эдвардъ Кортни, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ, высококомѣрнымъ епископомъ Эксетерскимъ и съ множествомъ другихъ, поднялъ оружіе въ Девонширѣ (*Входитъ другой юнецъ*).

2-й гонецъ. Государь, гилфордцы возстали въ Кентѣ. Силы противниковъ растутъ съ каждымъ часомъ. (*Входитъ 3-й юнецъ*).

3-й гонецъ. Государь, войско Бокингема...

Король Ричардъ. Вонъ, зловѣщій филинъ! Кромѣ пѣсенъ смерти, отъ васъ ничего не услышишь (*Бьетъ его*). Вотъ тебѣ награда до лучшаго извѣстія!

3-й гонецъ. Я хотѣлъ сообщить вашему величеству, что отъ сильныхъ дождей, выпавшихъ совершенно неожиданно, рѣки вышли изъ береговъ, и войско Бокингема разсыяно разливомъ; самъ-же онъ бѣжалъ одинъ-одинехонекъ, но куда именно—никто этого не знаетъ.

Король Ричардъ. Прости меня. Вотъ тебѣ кошелекъ, чтобы онъ вознаградилъ тебя за мои удары. Назначена-ли награда за голову измѣнника?

3-й гонецъ. Назначена, государь, и объявлена (*Входитъ 4-й юнецъ*).

4-й гонецъ. Государь, сэръ Томасъ Ловель и милордъ маркизъ Дорсетъ, какъ увѣряютъ, подняли оружіе въ Йоркширѣ. Есть еще другая вѣсть, которая успокоитъ ваше величество: флотъ, прибывшій изъ Бретани, разсыянъ бурей. Ричмондъ направилъ ладью къ берегамъ Дорсетшира, чтобы спросить у прибрежныхъ жителей, за него-ли они, или противъ него. Они отвѣчали, что явились по зову Бокингема, чтобы его поддерживать, но онъ, не довѣряя имъ, расправилъ паруса и пустился въ обратный путь къ Бретани.

Король Ричардъ. Если все это вѣрно, нужно какъ можно скорѣе выступить

въ поле, такъ какъ мы уже приготовились къ борьбѣ, если не съ иноземнымъ непріятелемъ, то съ домашнимъ бунтовщикомъ (*Входитъ Кетсби*).

Кетсби. Государь, герцога Бокингема схваченъ. Эта вѣсть хорошая, но есть и очень дурная, которую, однако, надо все-таки высказать: Ричмондъ съ многочисленнымъ войскомъ высадился въ Мильфордъ.

Король Ричардъ. Скорѣй, впередъ, въ Сольсбюри! Пока мы праздно болтали, можно было выиграть или проиграть рѣшительное сраженіе. Кто-нибудь изъ васъ проводить Бокингема въ Сольсбюри, а другіе пусть идутъ за мною (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА V.

Комната въ домѣ Стэнли.

Входитъ Стэнли и сэръ Христофоръ Орсуикъ.

Стэнли. Сэръ Христофоръ, передайте отъ моего имени Ричмонду, что мой сынъ запертъ въ хлѣвъ кроваваго вепря и что въ случаѣ моего возстанія противъ Ричарда его голова немедленно спадетъ съ плечъ. Боязнь этого и мѣшаетъ мнѣ немедленно предложить принцу свою поддержку. Однако, скажите мнѣ, гдѣ теперь царственный Ричмондъ?

Христофоръ. Онъ или въ Пэмброкъ или въ Герфордъ-Уэстъ, то есть въ княжествѣ Уэльскомъ.

Стэнли. Кто изъ выдающихся личностей примкнулъ къ нему?

Христофоръ. Пользующійся военной извѣстностью сэръ Уольтеръ Гербертъ; затѣмъ сэръ Джильбертъ Тальботъ, сэръ Уильямъ Стэнли, Оксфордъ, внушающій къ себѣ страхъ Пэмброкъ, сэръ Джемсъ Блонтъ, Райсъ-анъ-Томасъ съ дружиной храбрыхъ приверженцевъ и множество другихъ не менѣе знаменитыхъ сподвижниковъ. Они прямо направляются въ Лондонъ, если ихъ не вынудятъ сразиться еще на дорогѣ.

Стэнли. Итакъ, спѣшите-же къ вашему принцу. Передайте мой привѣтъ ему и скажите, что королева съ радостью согласна выдать за него дочь свою Елизавету. Изъ этого письма онъ узнаетъ все подробно. Прощайте! (*Оба уходятъ*).

Дѣйствіе пятое.

СЦЕНА I.

Площадь въ Сольсбюри.

Входитъ Шерифъ, ведущій Бокингема на казнь.

Бокингемъ. Значить, король Ричардъ не соглашается дать мнѣ возможность поговорить съ нимъ?

Шерифъ. Не соглашается, милордъ. Поэтому вамъ лучше примириться съ судьбой.

Бокингемъ. О, ты, Гестингсъ, и вы, сыны Эдварда! Вы, Райверсъ и Грей! Ты, святой король Генрихъ, и ты, Эдвардъ, благородный его сынъ! Ты, Вогень, и вы все, попавшіеся въ ловушку чернаго беззаконія! Да, если ваши недовольныя и горько жалующіеся на судьбу души видятъ изъ-за облаковъ то, что происходитъ въ данную минуту на землѣ, отомстите тирану и посмѣйтесь надъ нимъ, содѣйствуя моему избавленію. Сегодня день усопшихъ, не такъ-ли, товарищъ?

Шерифъ. Точно такъ, милордъ.

Бокингемъ. Ну, значить, день умершихъ для брэннаго моего дѣла—день послѣдняго суда. Еще при жизни Эдварда я призывалъ этотъ день на мою голову, если когда-нибудь измѣню его дѣтямъ или родственникамъ его жены. Въ этотъ роковой день желалъ я погибнуть отъ вѣроломства того, кому довѣрялъ болѣе всѣхъ, и самый этотъ день, къ ужасу боязливой моей души, является крайнимъ предѣломъ въ моихъ проступкахъ. Всемогушій Богъ, видящій все, тотъ самый Богъ, надъ которымъ я

издѣвался, заставилъ обрушиться на мою голову мою притворную мольбу и на самомъ дѣлѣ послалъ мнѣ то, чего я просилъ, шути. Такъ обращаетъ Онъ мечи злыхъ противъ ихъ собственной-же груди. Проклятіе Маргариты всею своей тяжестью обрушилась на мою бѣдную голову. „Когда онъ станетъ терзать твою душу скорбью,—воскликнула она.—вспомни, что Маргарита была пророчицей!“ Идемте, господа, ведите меня на позорную плаху! Зло ведетъ только къ одному злу, а одна вина къ другой (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Равнина близъ Тэмуорса.

Съ распущенными знаменами и съ барабаннымъ боемъ входятъ. Ричмондъ, Оксфордъ, Блонтъ, Гербертъ и другіе; за ними слѣдуютъ войско.

Ричмондъ. Дорогіе товарищи по оружію и горячо любимые друзья, точно также какъ и я, подавленные гнетомъ тираніи, теперь безпрепятственно проникли въ самую внутренность государства, не встрѣчая до сихъ поръ на пути никакихъ преградъ. Здѣсь получили мы отъ нашего отца Стэнли нѣсколько строкъ, долженствующихъ возбудить въ насъ довѣріе и пожурить насъ. Гнусный тиранъ, этотъ кровавый вепрь, стремящійся захватить себѣ все, растопталъ вашу дѣтную жатву и ваши плодотворные виноградники. Онъ упиается вашею дымящеюся кровью, словно помоями,

обращая ваши выпотрошенные груди въ корсеты. Теперь, какъ насъ увѣдомляютъ, гнусный этотъ боровъ находится въ самомъ центрѣ острова, близъ Лэстера. Отъ Тэму-орса до Лэстера одинъ только день пути. Двинемся-же, во имя Бога, смѣло впередъ и, храбрые мои друзья, пожнемъ одной кровавою попыткой жатву вѣчнаго мира.

Оксфордъ. Въ сознаниі у каждаго изъ насъ таятся тысячи мечей, чтобы обратить ихъ противъ этого кровожаднаго человѣкоубійцы.

Гербертъ. Я не сомнѣваюсь, что всѣ его приверженцы перейдутъ на нашу сторону.

Блонтъ. Всѣ его друзья—друзья только изъ страха. Они отшатнутся отъ него при первомъ удобномъ случаѣ, когда ихъ содѣйствіе будетъ ему всего нужнѣе.

Ричмондъ. Все, какъ кажется, обращается въ нашу пользу. Итакъ, во имя Бога, впередъ! Справедливая надежда не медлитъ на пути, а летитъ на крыльяхъ ласточки. Королей она превращаетъ въ боговъ, а самыхъ скромныхъ личностей въ королей (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА III

Равнина передъ Босуорсомъ.

Входитъ король Ричардъ съ войскомъ; за нимъ герцогъ Норфолькъ, графъ Сорри и другіе.

Король Ричардъ. Здѣсь, на Босуорской равнинѣ раскинемъ мы наши палатки. Зачѣмъ смотрите вы такъ мрачно, лордъ Сорри?

Сорри. Я только наружно кажусь мрачнымъ, на душѣ же у меня въ десять разъ свѣтлѣе.

Король Ричардъ. Милордъ Норфолькъ...

Норфолькъ. Я здѣсь, милостивый мой повелитель.

Король Ричардъ. Норфолькъ, а намъ не миновать удара. Вѣдь такъ? Не миновать?

Норфолькъ. Горячо любимый государь, и мы будемъ наносить удары, и намъ станутъ отвѣчать тѣмъ-же.

Король Ричардъ. Разбить мою палатку здѣсь. Въ ней я проведу сегодняшнюю ночь (*Солдаты начинаютъ разбивать палатку короля*). Ну, а гдѣ мы почуемъ завтра? А впрочемъ, какое до этого дѣло? Узналъ-ли кто-нибудь численность измѣнниковъ?

Норфолькъ. Ихъ всего человѣкъ тысячь шесть или семь самое большое.

Король Ричардъ. Только-то? У насъ подъ руками втрое больше ихъ сидитъ. Къ тому-же имя короля такая крѣпость, которой недостаетъ его врагамъ. Разбивайте-же скорѣй палатку! Идемте, благородные джентльмены, и осмотримъ всѣ выгоды, которыя представляетъ намъ мѣстность; возьмемъ съ собою людей, знающихъ дѣло, и сдѣлаемъ всѣ нужныя распоряженія. Дѣйствовать надо безотлагательно, потому что завтра, милорды, намъ предстоитъ много дѣла (*Уходитъ со своей свитой*).

На другомъ концѣ поля появляется Ричмондъ, Уильямъ Брандонъ, Оксфордъ и другіе лорды; солдаты разбиваютъ палатку Ричмонда.

Ричмондъ. Усталое солнце погружается въ золото заката и лучезарный слѣдъ, оставляемый его огненный колесницей, общаетъ намъ на завтра великолѣпный день. Вы, сэръ Уильямъ Брандонъ, будете моимъ знаменосцемъ. Принесите въ мою палатку чернилъ и бумаги. Я начерчу планъ и порядокъ завтрашней битвы, опредѣлю для каждаго начальника отряда, что ему предстоитъ сдѣлать, и раздѣлю наши небольшія силы на равныя части. Вы, лордъ Оксфордъ, вы, сэръ Уильямъ Брандонъ, и вы, сэръ Уолтеръ Гербертъ, будете при мнѣ. Графъ Памброкъ остался около своего отряда. Добрѣйшій капитанъ Блонтъ, передайте графу, что я желаю ему покойной ночи, и скажите, что во второмъ часу утра я желаю видѣть его у себя въ палаткѣ. Еще, добѣйшій капитанъ, исполните одно мое порученіе: скажите, не знаете-ли вы, гдѣ расположился лордъ Стэнли?

Блонтъ. Если я сильно не ошибаюсь въ цвѣтъ его знаменъ,—а что я не ошибся, я убѣжденъ вполне,—его отрядъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ полумилѣ на югъ отъ могучихъ силъ короля.

Ричмондъ. Если это не подвергнетъ насъ, дорогой Блонтъ, слишкомъ большой опасности, найдите возможность переговорить со Стэнли и передать ему отъ меня вотъ эту крайне важную записку.

Блонтъ. Клянусь жизнью, милордъ, я попытаюсь это сдѣлать. А затѣмъ, да пошлетъ вамъ Создатель сегодня спокойнаго сна.

Ричмондъ. Доброй ночи, капитанъ Блонтъ (*Блонтъ уходитъ*). Пойдемте, господа, посоветуемся о томъ, что намъ предстоитъ сдѣлать завтра. Пройдемте въ мою палатку: на воздухѣ слишкомъ сыро и холодно (*Уходятъ въ палатку*).

*Король Ричардъ, Норфолькъ, Рэтклифъ.
Кетсви и другіе возвращаются къ королев-
скому шатру.*

Король Ричардъ. Который часъ?

Кетсви. Девять часовъ. Какъ разъ
время ужинать, государь.

Король Ричардъ. Сегодня я ужинать
не стану. Дайте мнѣ чернилъ и бумаги.
Что-жъ, уменьшили-ли тяжесть моего пле-
ма и унесли-ли мои доспѣхи въ палатку?

Кетсви. Все исполнено, государь.

Король Ричардъ. Добрѣйшій Нор-
фолькъ, отправься скорѣе къ своему посту.
Держи ухо остро и выбери надежныхъ ча-
совыхъ.

Норфолькъ. Иду, государь.

Король Ричардъ. Прекрасно. Подай-
же мнѣ кубокъ вина. Не знаю почему, но
сегодня я что-то далеко не такъ бодръ, не
такъ спокоенъ духомъ, какъ обыкновенно.
Поставь здѣсь. А гдѣ чернила и бумага?

Рэтклифъ. Здѣсь, ваше величество.

Король Ричардъ. Отдай строгое при-
казаніе, чтобы стража моя не дремала. Те-
перь оставь меня одного. Часу въ двѣнад-
цатомъ ночи приходи опять: ты поможешь
мнѣ вооружиться. Ступай (*Рэтклифъ и Кет-
сви уходятъ; полы палатки короля Ричар-
да закрываются*).

*Въ палаткѣ Ричмонда видны онъ самъ и
другіе лорды. Входитъ Стэнли.*

Стэнли. Да увѣщаютъ твой племъ

Король Ричардъ. Будь-же, любезный
Норфолькъ, на ногахъ завтра вмѣстѣ съ
пробужденіемъ жаворонка.

Норфолькъ. Будьте покойны, госу-
дарь (*Уходитъ*).

Король Ричардъ. Рэтклифъ!

Рэтклифъ. Что прикажете, государь?

Король Ричардъ. Пошли сейчасъ-же
гонца къ Стэнли, вели ему сказать, что
если онъ не желаетъ, чтобы сынъ его
Джорджъ упалъ въ слѣпую бездну вѣчной
ночи, то пусть приведетъ сюда свой от-
рядъ еще до восхода солнца. Налей мнѣ
кубокъ вина и принеси починки (*Обра-
щается къ Кетсви*). Осѣдлаете мнѣ къ
завтрашней битвѣ любимого моего бѣлаго
коня Сорри, да позаботься, чтобы древки
монхъ копій были крѣпки и не черезъ-
чуръ тяжелы... Рэтклифъ!

Рэтклифъ. Государь...

Король Ричардъ. Видѣлъ ты сегодня
угрюмаго Норсомберленда?

Рэтклифъ. Около того времени, когда
куры садятся на насѣсть, я видѣлъ, какъ
онъ вмѣстѣ съ графомъ Томасомъ Сорри
переходилъ отъ отряда къ отряду и обо-
дрялъ солдатъ.

счастье и побѣда.

Ричмондъ. Пусть всѣ тѣ блага, какія
можетъ принести темная ночь, она прине-
сетъ тебѣ, благородный мой отчимъ. Ска-
жи, какъ поживаетъ наша дрожайшая ро-
дительница?

Стэнли. Какъ ея представитель, я бла-
гословляю тебя отъ ея имени. Она неустан-
но молится о счастьѣ Ричмонда. Вотъ тебѣ
мой отвѣтъ. Часы молчанія бѣгутъ непри-
мѣтно и слой мрака рѣдѣетъ на востоцѣ.
Будемъ кратки, этого требуемъ минута.
Будь готовъ къ битвѣ, едва забрежитъ
день, и пусть кровавая схватка смертоно-
сной битвы рѣшитъ твою судьбу. Я-же не
могу поступать вполнѣ такъ, какъ-бы мнѣ
хотѣлось, но какъ только будетъ возмож-
ность, я воспользуюсь временемъ и обстоя-
тельствами, чтобы помочь тебѣ, когда на-
станетъ мигъ рѣшительнаго столкновенія
оружій. Перейти слишкомъ скоро на твою
сторону я немогу потому что иначе твой
братъ, кроткій Джорджъ, будетъ казненъ
на глазахъ отца. До свиданія. Передъ та-
кой краткостью времени и въ виду такой
опасности всѣ торжественныя увѣренія въ
любви становятся неумѣстными. Онъ ли-

шаютъ насъ возможности обмѣниваться нѣмыми рѣчами, которымъ такъ пріятно было бы отдаться людямъ, давно уже не видавшимъ другъ друга. Да пошлетъ намъ Господь досугъ для сладостныхъ изліяній любви. Еще разъ прощай, будь мужественъ и счастливъ!

Ричмондъ. Добрѣйшіе лорды, проводите моего отчима до его отряда. Чтобы успокоить тревогу мысли, я попытаюсь отдохнуть, боясь, какъ-бы свинцовый сонъ не овладѣлъ завтра мной въ ту минуту, когда надо будетъ собраться на побѣды. Еще разъ покойной ночи, дорогіе милорды и джентельмены (*Лорды, сопровождая Стэнли, уходятъ*). О Ты, чимъ военачальникомъ я самъ себя считаю, взгляни милостивымъ окомъ на мое войско! Вложи имъ въ руки всесокрушающее жезло твоего гнѣва, чтобы они тяжелыми ударами дробили самозванные шлемы нашихъ противниковъ! Избери насъ орудіемъ Твоей кары, дабы мы могли, одержать побѣду, прославлять твое имя! Тебѣ, ранѣе чѣмъ покровъ успеетъ опуститься на мои глаза, я поручаю мою встревоженную душу. Буду-ли я спать или бодрствовать—не отнимай у меня своей защиты (*Засыпаетъ*).

Призракъ принца Эдварда, сына Генриха VI, появляется между двумя палатками.

Призракъ принца (*Королю Ричарду*). Страшнымъ гнетомъ палягу я завтра на твою душу! Вспомни, какъ во время весны моей юности ты заколешь меня подъ Тьюксбюри! Вспомни, приди въ отчаяніе и умри! (*Ричмонду*). Вѣрь въ свою звѣзду, Ричмондъ, потому что оскорбленные души умерщвленныхъ принцевъ возстаютъ за тебя. Смычъ короля Генриха говоритъ тебѣ: „мужайся!“

Появляется призракъ Генриха VI.

Призракъ Генриха (*Королю Ричарду*). Когда я еще былъ смертнымъ, ты смертельными ранами изрѣшилъ помазанное мое тѣло! Вспомни-же башню, вспомни меня и, вспомнивъ, приди въ отчаяніе и умри! Генрихъ VI вызываетъ къ тебѣ и говоритъ: „приди въ отчаяніе и умри!“ (*Ричмонду*). А ты, добрый и праведный, будь повелителемъ! Генрихъ ободряетъ тебя во снѣ, предвѣщаетъ тебѣ, что ты будешь королемъ! Живи и процвѣтай!

Является призракъ Кларенса.

Призракъ Кларенса. (*Королю Ричарду*). Завтра я, Кларенсъ, преданный смерти твоимъ коварствомъ и захлебнувшись въ бочкѣ съ отвратительнымъ виномъ, тяжелымъ гнетомъ палягу на твою душу! Завтра во время битвы ты вспомнишь обо мнѣ и твоя рука опуститъ притупленный мечъ. Приди въ отчаяніе и

умри! (*Ричмонду*). Оскорбленные потомки йоркского дома молятъ за тебя, какъ за отпрыска дома Ланкастра. Да примутъ тебя во время битвы подъ свою защиту добрые ангелы! Живи и процвѣтай!

Появляются призраки Райверса, Грѣя и Вогена.

Призракъ Райверса (*Королю Ричарду*). Да поможетъ завтра Создатель мнѣ. Райверсу, умершему въ Помфретѣ, тяжелымъ гнетомъ налечь на твою душу. Приди въ отчаяніе и умри!

Призракъ Грѣя (*Королю Ричарду*). Помни Грѣя и пусть твоя душа придетъ въ отчаяніе!

Призракъ Вогена (*Королю Ричарду*). Помни Вогена и пусть, подъ тяжестью укоровъ совѣсти, копье выпадетъ завтра изъ твоихъ рукъ! Приди въ отчаяніе и умри!

Всѣ трое (*Ричмонду*). Пробудись и знай, что наше несчастье, виновникомъ котораго былъ Ричардъ, одержитъ надъ нимъ побѣду. Проснись и постарайся одержать побѣду!

Появляется призракъ Гестингса.

Призракъ Гестингса (*Королю Ричарду*). Запятнанный кровью и преступленіями, такимъ-же заклеяннымъ преступникомъ окончивъ ты сегодня жизнь въ кровавой битвѣ! Помни лорда Гестингса, приди въ отчаяніе и умри! (*Ричмонду*). Спокойная и ничѣмъ не смущенная душа, проснись, проснись! Возьмись за оружіе, сражайся и восторжествуй, ради блага прекрасной Англіи.

Появляются призраки обоихъ юныхъ принцевъ.

Призракъ принцевъ (*Королю Ричарду*). Вспомни своихъ племянниковъ, заданныхъ въ башнѣ! Мы на грудь твою наложимъ тяжелымъ свинцомъ! Души племянниковъ вызываютъ: приди въ отчаяніе и умри! (*Ричмонду*). Ты-же, Ричмондъ, спи спокойно и проснись на радость себѣ и другимъ. Святые ангелы Божьи сохраняютъ тебя отъ вепря! Живи и будь основателемъ длиннаго ряда королей! Несчастные сыны Эдварда говорятъ тебѣ: процвѣтай!

Появляется призракъ королевы Анны.

Призракъ Анны (*Королю Ричарду*). Ричардъ! жена твоя, несчастная Анна, та самая жена, которой и часа не удалось уснуть спокойно около тебя, является теперь, чтобы переполнить тревогой твоей сонъ. Завтра во время битвы ты вспомнишь обо мнѣ и рука твоя опуститъ находящійся въ ней притупленный мечъ. Приди въ отчаяніе и умри! (*Ричмонду*). А ты, спокойная душа, спи мирнымъ сномъ! Пусть тебѣ снятся успѣхъ и счастливая побѣда! Жена твоего врага молится за тебя!

Появляется призракъ Бокингема.

Призракъ Бокингема (*Королю Ричарду*). Я первый помогъ тебѣ добыть королевскій вѣнецъ и палъ послѣдней жертвой твоей тиранин. Во время битвы помни о Бокингеми и умри, въ ужасѣ сознавая свои преступленія. Пусть тебѣ грезятся и продолжаютъ грезиться кровавыя дѣянія и смерть. Терзайся, истомленный отчаяньемъ, и съ отчаяньемъ испусти послѣдній вздохъ! (*Ричмонду*). Я умеръ за то, что желалъ помочь тебѣ, но не былъ въ силахъ это исполнить. Однако, не теряй мужества и не поддавайся страху! Господь и добрые ангелы сражаются за Ричмонда, и Ричардъ скоро падетъ со всей высоты своей гордости (*Призраки исчезаютъ. Король Ричардъ пробуждается въ ужасѣ*).

Король Ричардъ. Ведите мнѣ другаго коня, перевяжите раны и сжалось надо мною, Спаситель! Но, тише... Это былъ только сонъ... О, трусливая совѣсть, какъ ты меня терзаешь! Пламя починка синѣетъ, теперь мертвая полночь... Все мое дрожащее тѣло покрыто холодными, вызванными ужасомъ, каплями. Какъ! Неужто я пугаюсь самого себя? Здѣсь, кромѣ меня, нѣтъ никого. Ричардъ любитъ Ричарда и здѣсь никто другой, а именно я. Ужъ нѣтъ ли здѣсь убійцы? Нѣтъ... Впрочемъ, усойца есть—я самъ. Если такъ, надо бѣжать! Бѣжать отъ кого? Отъ самого себя? Зачѣмъ же бѣжать, какая въ этомъ надобность? Чтобы не вздумалось отомстить самому себѣ? Какъ самому себѣ? Вѣдь я себя люблю, и за что мстить? Не за то-ли ничтожное добро, которое я сдѣлалъ самому себѣ, или нѣтъ... Я скорѣе готовъ возненавидѣть себя за то омерзительное зло, которое я сдѣлалъ другимъ. Я злодѣй... нѣтъ, нѣтъ, я лгу—я не злодѣй! Глупецъ, ты о себѣ долженъ отзываться хорошо! Нѣтъ, безмозглый дуракъ, не смѣй себѣ льстить! У моей совѣсти цѣлая тысяча языковъ и каждый языкъ рассказываетъ свою повѣсть и каждая повѣсть клеймитъ меня, какъ злодѣя! Я клятвопреступникъ — гнусный клятвопреступникъ, преступникъ... преступникъ высочайшей степени! Всѣ грѣхи, совершенные въ самыхъ ужасныхъ степеняхъ, тѣснятся къ столу судей и вопиютъ: „виновенъ, виновенъ!“ Какъ-же не придти отъ этого въ отчаянье! Нѣтъ въ мірѣ существа, которое бы меня любило... Умру, и не одна душа обо мнѣ не пожалѣетъ. Да и какъ пожалѣть, когда я къ самому себѣ не чувствую ни малѣйшаго состраданія. Мнѣ снилось, что души всѣхъ убитыхъ мною являлись къ моей палаткѣ и каждая призывала мщеніе на голову Ричарда.

Входитъ Рэтклифъ.

Рэтклифъ. Государь...

Король Ричардъ. Кто тамъ?

Рэтклифъ. Я, государь, я — Рэтклифъ. Недремлющій деревенскій пѣтухъ уже дважды привѣтствовалъ утро. Ваши приверженцы уже встали и облакаются въ доспѣхи.

Король Ричардъ. О, Рэтклифъ! Мнѣ грезился ужасающій сонъ... Какъ думаешь, останутся мнѣ вѣрными всѣ мои друзья?

Рэтклифъ. Безъ всякаго сомнѣнія, государь.

Король Ричардъ. Нѣтъ, Рэтклифъ, я боюсь, боюсь!

Рэтклифъ. Чего боится доблестный повелитель? Вѣдь не тѣней!

Король Ричардъ. Клянусь апостоломъ Павломъ, что за истекшую ночь безплотныя тѣни умершихъ нагнали болѣе ужаса на душу Ричарда, чѣмъ цѣлый десятокъ тысячъ несомнѣнно существующихъ солдатъ въ полномъ вооруженіи, которыхъ ведетъ за собою слабоумный Ричмондъ. Еще не разсвѣло; пойдемъ-же со мною, я примусь за промыселъ лазутчика, стану подслушивать у палатокъ, чтобы узнать, не намѣренъ-ли покинуть меня кто-нибудь изъ моихъ приверженцевъ (*Король Ричардъ и Рэтклифъ уходятъ*).

Ричмондъ просыпается; входятъ Оксфордъ и другіе лорды.

Лорды. Доброго утра, Ричмондъ!

Ричмондъ. Ахъ, простите меня, неуспѣшно бодрствующіе лорды и джентльмены, простите заспавшагося лѣнтяя, котораго вы видите передъ собой.

Лорды. Уснули вы, милордъ?

Ричмондъ. Съ самаго вашего ухода меня не покидалъ сладкій сонъ и такіа прекрасныя сновидѣнія, которыя едва-ли когда либо возникали въ спящемъ мозгу. Мнѣ грезилось, что всѣ души тѣхъ, чьи тѣла были убиты Ричардомъ, собрались вокругъ моей палатки и кричали: „впередъ, тебя ожидаетъ побѣда!“ Честное слово, сердце мое при одномъ воспоминаніи объ этомъ чудномъ снѣ переполнено радостью! Который теперь часъ, милорды?

Лорды. Теперь около четырехъ часовъ.

Ричмондъ. Значитъ, пора вооружаться и отдавать приказанія (*Направляется къ войскамъ*). Искренно любимые соотечественники! Время не терпитъ никакихъ отлагательствъ, не позволяетъ мнѣ распространяться на счетъ того, что мнѣ слѣдуетъ вамъ сказать. Однако помните одно: за насъ Богъ, наше святое право, съ нами молитва святыхъ и жестоко обиженныхъ душъ! Онѣ-то послужатъ намъ самымъ вѣр-

нимъ оплотомъ. Помимо Ричарда, всѣ, съ кѣмъ намъ придется сражаться, жаждутъ победы скорѣе намъ, чѣмъ тому, за кого они стоятъ. За кого стоятъ они на самомъ дѣлѣ? Вамъ, господа, это хорошо извѣстно — за кроваваго тирана, за челоуѣкоубійцу, возвеличившагося при помощи крови и, тоже при помощи крови, утвердившагося на престолѣ; — за челоуѣка, не пренебрегавшаго никакими средствами, чтобы достигнуть желанной цѣли; — за челоуѣка, умертвившаго всѣхъ тѣхъ, кто помогалъ ему въ достиженіи этихъ цѣлей, но негодный, фальшивый камень, превратившійся въ драгоценность, только благодаря блеску престола Англіи, этой великолѣпной оправѣ, которою онъ воровски украсилъ себя; — наконецъ, за челоуѣка, который былъ всегда врагомъ небесъ! Итакъ, если вы будете сражаться противъ врага Создателя и если вы пойдете на врага Господня, самъ Богъ защититъ васъ, какъ свое воинство. Если вы обольетесь потомъ, стараясь сокрушить тирана, — вы, когда тиранъ будетъ убитъ, насладитесь мирнымъ сномъ! Если вы сражаетесь противъ врага родной вашей страны, благосостояніе вашего отечества будетъ вамъ наградою за всѣ ваши труды. Если вы сражаетесь за спасеніе вашихъ женъ, — жены ваши при вашемъ возвращеніи встрѣтятъ васъ, какъ побѣдителей. Если вы мечомъ освободите своихъ дѣтей — дѣти вашихъ дѣтей воздадутъ вамъ за это въ вашей старости! Итакъ, во имя Бога и всѣхъ законныхъ правъ, распустите знамена и обнажите пламенеющіе мечи! Что же касается меня, то въ искупленіе смѣлаго своего предпріятія, я готовъ оставить свое похолодѣлое тѣло на холодной поверхности земли. Но если меня ожидаетъ успѣхъ, самый послѣдній изъ васъ будетъ имѣть долю отъ удачи моихъ предпріятій. Гремите же, трубы и барабаны, гремите смѣло и весело! Богъ и св. Георгъ! Ричмондъ и побѣда! (*Уходитъ*).

Возвращается король Ричардъ, за нимъ идутъ Рэтклифъ, приближенные и войско.

Король Ричардъ. Что говорилъ Норсмерлендъ про Ричмонда?

Рэтклифъ. Что онъ въ военномъ дѣлѣ челоуѣкъ крайне неопытный.

Король Ричардъ. Онъ говорилъ правду. А что прибавлялъ Сорри?

Рэтклифъ. Онъ улыбался и говорилъ, что тѣмъ лучше для насъ.

Король Ричардъ. И былъ правъ: это совершенно вѣрно (*Бытъ часъ*). Который же теперь часъ? Подайте мнѣ календарь. Кто видѣлъ сегодня солнце?

Рэтклифъ. Государь, я его не видалъ.

Король Ричардъ. Если такъ, значить сегодня оно не жаждетъ намъ свѣтить. Небо все хмурится и роняетъ слезы на наше войско. Я желалъ бы, чтобы эти слезы оказались только росой, поднявшейся изъ земли. Итакъ, солнце не жаждетъ показаться сегодня. Какое же мнѣ до этого дѣло? Вѣдь оно не показывается и Ричмонду. То же самое небо, которое покрывается тучами, имѣетъ такой же печальный видъ и для него (*Входитъ Норфолькъ*).

Норфолькъ. Къ оружію, скорѣй къ оружію, государь! Врагъ уже надменно красуется на полѣ!

Король Ричардъ. Живѣй, живѣй друзья, сѣдлайте мою лошадь! Скажите Стэнли, чтобы онъ примкнулъ къ намъ съ своими дружинами. Я самъ выведу свое войско на равнину и порядокъ сраженія будетъ слѣдующій: передовые мои отряды, состоящіе въ равномъ количествѣ изъ конницы и пѣхоты, вытнутъ въ одну линію; стрѣлки наши помѣстятся въ центрѣ; Иоаннъ, герцогъ Норфолькскій, и Томасъ, графъ Сорри, примутъ начальство надъ пѣхотой и надъ конницей. Расположивъ ихъ такимъ образомъ, мы съ главными силами арміи послѣдуемъ за ними и займемъ оба фланга съ лучшими нашими всадниками. Послѣ этого, да поможетъ намъ св. Георгъ! Что скажешь, Норфолькъ?

Норфолькъ. Планъ хорошъ, воинственный мой государь. Вотъ что я нашелъ сегодня утромъ у входа въ мою палатку (*Передастъ королю Ричарду бумагу*).

Король Ричардъ. (*Читаетъ*). „Жокей Норфолькъ! Воздержись отъ чрезмѣрныхъ радостей, потому что твой властелинъ Диконъ купленъ и проданъ“. Это выдумки непріятеля. Пусть каждый изъ васъ, господа, идетъ къ своему посту. Не допустимъ, чтобы болтливыя угрозы запугивали наши сердца. Совѣсть — только слово, къ которому прибѣгаютъ трусы, и выдуманно оно только для того, чтобы обуздывать могучихъ. Пусть наши сильныя руки будутъ нашей совѣстью, а мечи нашимъ закономъ! Смѣлѣй же впередъ, прямо въ пылъ схватки, а если изъ нея мы попадемъ не на небо, тогда рука объ руку очутимся въ аду. Что же добавлю я еще къ сказанному? Вспомните, съ кѣмъ вы будете имѣть дѣло! Съ толпою бродягъ, оборванцевъ, бѣглецовъ, съ накипью Бретани, съ гнусной чернью! Съ отвращеніемъ изрыгнуло ихъ отечество, чтобы искать отчаянныхъ приключеній и вѣрной гибели. Вы спали спокойно, а они повергаютъ васъ въ тревогу. У васъ есть помѣстья и, о, верхъ благополучія, прекрасныя жены. Они намѣреваются отнять у васъ первыхъ и опозорить вторыхъ. А по-

томъ, кто ведетъ ихъ за собою? Дрянной пошлякъ, долго жившій въ Бретани на счетъ нашей матери. Онъ нѣчто въ родѣ молочной похлебки. Этотъ мальчишка еще никогда не чувствовалъ холода снѣга подъ подошвами своей обуви. Прогонимъ ударами хлыстовъ всю эту сволочь за море, отхлещемъ и выгонимъ отсюда этихъ деранихъ французскихъ бродягъ, этихъ голодныхъ нищихъ, которымъ жизнь, очевидно, наскучила. Безъ мечты о такомъ безумномъ предпріятіи, жалкія крысы давно-бы повѣсились отъ недостатка средствъ къ существованію. Если-же суждено намъ быть завоеванными, то пусть завоевываютъ насъ хоть взрослые люди, а не жалкіе ублюдки бретанцевъ, которыхъ наши отцы столько разъ били, колотили и даже сѣкли въ ихъ собственномъ краю и въ довершеніе еще наградили этими наслѣдниками ихъ позора. Неужто такая сволочь завладѣетъ нашими землями, станеть дѣлить ложе съ нашими женами, позорить нашихъ дочерей! (*Вдали бой барабановъ*). Слышите, это ихъ барабаны. Благородные джентльмены Англіи, скорѣй въ битву! Въ битву, смѣлое ополченіе! Стрѣлки, тяните до самой головы тетивы отъ вашихъ луковъ, шпорьте сильнѣе рыаныхъ коней и топчите ихъ копытами окровавленную землю! Пусть само небо изумится обломкамъ вашихъ копій!

Входитъ ионецъ.

Что-же говорить лордъ Стэнли? Скорѣй придетъ онъ съ своимъ отрядомъ?

Гонецъ. Государь, онъ совсѣмъ отказывается идти къ намъ на помощь.

Король Ричардъ. Отрубить голову его сыну Джорджу.

Норфолькъ. Государь, непріятель уже перешелъ черезъ болото. Отложите казнь Джорджа Стэнли до окончанія битвы.

Король Ричардъ. О, я чувствую, будто тысячу сердецъ бьется въ моей груди! Впередъ, наши знамена! Горе нашимъ врагамъ! Пусть старый нашъ возгласъ: „Святой Георгъ“ вдохнетъ въ насъ ярость

огненныхъ драконовъ! Впередъ, побѣда увѣнчиваетъ наши шлемы“. (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть равнины.

На сцену вторгаются войска, — одни подъ начальствомъ Норфолька, другія подъ начальствомъ Кетсви.

Кетсви. На помощь, лордъ Норфолькъ! Скорѣй на помощь! Король дѣлаетъ чудеса. Онъ, какъ безумный, бросается въ самый пылъ опасности. Подъ нимъ убили коня и теперь, отыскивая Ричмонда въ самыхъ челюстяхъ смерти, онъ дерется пѣшій. Скорѣй же, милордъ, или день для насъ потерянъ! (*Вбѣгаетъ король Ричардъ*).

Король Ричардъ. Коня, коня! Все царство за коня!

Кетсви. Спасайтесь, государь, я сейчасъ добуду вамъ, добуду другого коня.

Король Ричардъ. Я всю жизнь свою поставилъ закладомъ въ игръ, такъ побоясь-ли я смерти! Въ полѣ, кажется, цѣлыхъ шесть Ричмондовъ. Пятыхъ

рыхъ я уже убилъ, а онъ еще живъ! Коня, коня! Все царство за коня! (*Уходитъ*).

Шумъ битвы продолжается; появляются и сражаясь, уходятъ король Ричардъ и Ричмондъ; трубы гремятъ отступленіе; возвращаются Ричмондъ, Стэнли, несущій корону, другіе лорды и войско.

Ричмондъ. Побѣдоносные друзья мои! Слава Господу и нашему оружію, побѣда осталась за нами! Кровожадный пещъ издохъ.

Стэнли. Храбрый Ричмондъ, ты справился съ своимъ дѣломъ на славу! Бери теперь этотъ вѣнецъ, который слишкомъ долго носилъ похититель. Я сорвалъ его съ мертвого чела кровожаднаго злодѣя, чтобы украсить имъ твою голову. Носи его, наслаждайся имъ и внуши къ нему уваженіе.

Ричмондъ. Великій Царь небесъ, скажи на все это: аминь. Но прежде всего повѣдайте мнѣ, живъ-ли еще юный Джорджъ Стэнли.

Стэнли. Да, государь, живъ и находится въ полной безопасности въ городѣ Лэйстерѣ, куда, если вамъ это будетъ угодно, можемъ удалиться теперь и мы.

Ричмондъ. Кто изъ людей, носящихъ громкое имя, погибъ съ обѣихъ сторонъ?

Стэнли. Джонъ, герцогъ Норфолькскій, Уолтеръ, лордъ Ферреръ, сэръ Робертъ Брэккенбюри и сэръ Уильямъ Брентонъ.

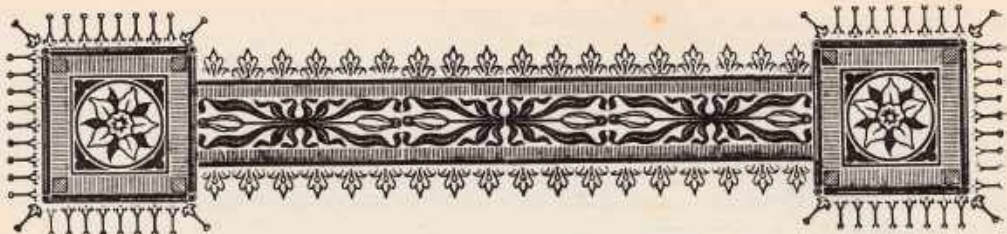
Ричмондъ. Пусть похоронятъ ихъ трупы, какъ подобаетъ людямъ ихъ происхожденія, и объявятъ полное прощеніе всѣмъ воинамъ бѣглецамъ, если они возвратятся къ намъ съ повинной. Затѣмъ, согласно данному нами обѣту на святомъ причастіи, мы заставимъ соединиться Бѣлую розу съ Алой. Пусть небеса, такъ долго омрачаемыя ихъ враждою, улыбнутся при видѣ ихъ счастливаго союза. Неужто въ числѣ всѣхъ, кто меня слушаетъ, найдется хоть одинъ измѣнникъ, который не

скажетъ аминь? Долго Англія, находясь въ умопомѣшательствѣ, рвала самую себя. Братъ слѣпо проливалъ кровь брата, изступленный отецъ убивалъ собственного сына, а сынъ въ отместку становился палачемъ родного отца! Благодаря страшнымъ распрямъ между домами Йоркскимъ и Ланкастерскимъ, разладъ царилъ посреди всѣхъ. А теперь пусть Ричмондъ и Елизавета, истинные наслѣдники царственного дома, вступятъ, благодаря милостивому рѣшенію Создателя, въ законный союзъ и пусть, если такова воля Божья, обогатятъ грядущія времена яснымъ лѣтомъ, улыбающимся изобиліемъ и прекрасными днями благодати. Милосердый Боже! притуши мечи измѣнниковъ, которые пожелали-бы снова вернуть прежніе мрачные дни и заставить бѣдную Англію снова проливать изъ глазъ цѣлые потоки крови. Не дай злодѣямъ, которые замыслили нарушить благодатный миръ этого государства, дожить до его благоденствія и насладиться имъ. Рана, нанесенная междоусобицей, перевязана. Миръ ожилъ снова. О, даруй ему, Господи, долгіе и безконечные дни! (*Уходитъ*)

❁ *Король Генрихъ VIII.* ❁

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VIII.

„Генрихъ VIII“ вошелъ въ изданіе in folio 1623 года, но тѣмъ не менѣе эта драматическая хроника возбуждаетъ большія сомнѣнія, и многіе весьма компетентные критики прямо или косвенно отрицаютъ ея принадлежность Шекспиру. По этому поводу докторъ Джонсонъ писалъ въ XVIII столѣтіи: „Хотя очень трудно судить о подлинности такихъ короткихъ произведеній, но я, однако, не могу не выразить предположенія, что ни прологъ, ни эпилогъ не принадлежатъ Шекспиру. Non vultus, non color. Мнѣ кажется, что, по всей вѣроятности, они были написаны въ дружескомъ сотрудничествѣ Бенъ Джонсона, котораго манеру они довольно точно напоминаютъ. Но возможно и другое предположеніе: какъ прологъ, такъ и эпилогъ этой пьесы могли быть написаны уже тогда, когда Шекспиръ оставилъ театръ, вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго возобновленія на сценѣ этой пьесы, и есть даже вѣроятность заключить, что тотъ, кто пересматривалъ пьесу, — кто-бы онъ ни былъ, — мало симпатизировалъ автору, такъ какъ пьеса эта рекомендуется публикѣ какъ-бы намекая на слабость другихъ произведеній Шекспира. Въ другихъ пьесахъ Шекспира столько „шутовства“, „сраженій“, столько „молдочковъ въ длинномъ пестромъ кафтанѣ, окаймленномъ желтымъ галуномъ“, что трудно предположить, чтобы самъ авторъ съ такимъ пренебреженіемъ могъ отзываться о своихъ прежнихъ произведеніяхъ. Предположеніе это должно быть, однако, принято въ большой осмотрительности, потому что мы не знаемъ, когда именно эта пьеса была написана, и не можемъ сказать, какимъ образомъ нашъ авторъ могъ измѣнить свою манеру или мѣтнія“. Къ этому заключенію доктора Джонсона, Меллонъ прибавляетъ: „Предположеніе доктора Джонсона, высказанное съ такой осторожностью, въ сильной степени подтверждается замѣткой Тирвайта, изъ которой слѣдуетъ, что эта пьеса была возобновлена на сценѣ въ 1613 году и нѣтъ сомнѣнія, что именно въ это время прологъ и эпилогъ были написаны Бенъ Джонсономъ или кѣмъ-либо другимъ“. Наконецъ Фермеръ прибавляетъ: „Я вполне согласенъ съ докторомъ Джонсономъ: я думаю, что именно Бенъ Джонсонъ написалъ прологъ и эпилогъ этой пьесы. Шекспиръ не задолго передъ тѣмъ помогъ постановкѣ пьесы

Бенъ Джонсона „Саянъ“, и Бенъ Джонсонъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы не отблагодарить за услугу. Весьма вѣроятно, что онъ именно и придумалъ постановку на сцену „крещенія“ со всеми подробностями, которыя были ему извѣстны, вслѣдствіе его положенія при дворѣ, и которыхъ Шекспиръ не могъ знать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствія я узнаю поправки Бенъ Джонсона“. Сомнѣнія въ принадлежности „Генриха VIII“ Шекспиру возникли вслѣдствіе значительныхъ недостатковъ этой пьесы. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, понять, какимъ образомъ могло случиться, что Шекспиръ завершилъ свою драматическую дѣятельность пьесой, представляющей только рядъ историческихъ сценъ, совершенно лишенныхъ какого-бы то ни было нравственнаго центра. Въ виду этого было сдѣлано предположеніе, что у поэта, уже жившаго идали отъ театра и Лондона, а можетъ быть еще раньше набросавшаго планъ этой драмы, выманилъ ее Барбеджи, чтобы еще разъ поставить на сцену новую пьесу Шекспира, содержание которой, къ тому-же, должно было возбуждать особый интересъ, благодаря столь близкимъ историческимъ отношеніямъ. Но и это предположеніе не разрѣшаетъ загадки. Не рациональнѣе-ли заключить, что это — юношеское произведеніе поэта и принадлежить къ тому періоду, къ которому принадлежатъ его первыя комедіи? Эта пьеса могла служить какъ-бы переходомъ къ историческимъ хроникамъ; на юношескую неопытность автора указываетъ именно неудачный выборъ сюжета, который, однако, могъ привлечь его своей современностью. Написанная такимъ образомъ въ юности, она не могла, однако, быть поставлена на сценѣ, вслѣдствіе цензурныхъ условій: Елизаветѣ не могло быть пріятно видѣть на сценѣ своего отца, изображеннаго въ сущности далеко не въ привлекательномъ видѣ. Съ другой стороны, королева Елизавета могла быть шокирована даже комплиментами автора по ея адресу. Оставшись въ рукописи не игранный, пьеса, однако, не была забыта, и въ 1613 году администрація театра „Глобусъ“ пожелала ее поставить и обратилась къ Шекспиру съ просьбой пересмотрѣть пьесу и исправить ее, если понадобится. Шекспиръ, уже жившій на покое въ Стратфордѣ, съ неохотой согласился на это; онъ испра-

вилъ языкъ, переработать, можетъ быть, всю роль Екатерины, кое-что, можетъ быть, измѣнилъ, и въ такомъ видѣ пьеса была дана. Она была дана 29 июня 1613 года, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ письмо Лоркона къ сэру Поксрингу. Въ немъ сообщается, что 29 июня 1613 года „труппой Барбеджи въ Глобушъ исполнена была „Генрихъ VIII“, при чемъ вспыхнулъ пожаръ и театръ сгорѣлъ“. Въ другомъ письмѣ (сэра Генри Уильтона) говорится, что пожаръ случился въ то время, когда „королевскіе актеры представляли новую пьесу подъ заглавіемъ „Все правда“

(a new play, called: All is Trues), которая изображала нѣкоторыя главныя сцены изъ царствованія Генриха VIII. Изъ сопоставленія этимъ двухъ свидѣтельствъ мы можемъ заключить, что пьеса первоначально носила названіе „All is True“ и только въ изданіи in folio была названа „Генрихомъ VIII“. Во второмъ письмѣ упоминаются и кое-какія подробности пьесы, между прочимъ великолѣпный маскарадъ, который Генрихъ устроилъ въ домѣ кардинала Вольсея и во время котораго отъ стрѣльбы изъ пушекъ и вспыхнулъ пожаръ.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VIII.
Кардиналъ Вольсей.
Кардиналъ Кампейусъ.
Капуциусъ, посолъ императора Карла V.
Кранмэръ, архіепископъ Кантерберійскій.
Герцогъ Норфолькъ.
Герцогъ Бокингемъ.
Герцогъ Соффолькъ.
Графъ Соррей.
Лордъ Камергеръ.
Лордъ Канцлеръ.
Гардинеръ, епископъ Винчестерскій.
Епископъ Линкольнскій.
Лордъ Эвергевни.
Лордъ Сэндсъ.
Сэръ Генри Гильфордъ.
Сэръ Томасъ Ловель.
Сэръ Антони Денни.
Сэръ Никлэсъ Во.
Секретарь Вольсея.
Кромвель, служитель Вольсея.
Гриситъ, гофмаршалъ королевы Екатерины.

Три дворянина.
Докторъ Ботсъ, врачъ короля.
Гартеръ, герольдъ.
Управитель герцога Бокингема.
Брандонъ и капитанъ стражи.
Придверникъ залы совѣта.
Привратникъ и его помощникъ.
Пажъ Гардинера.
Глашатай.
Королева Екатерина, жена Генриха VIII, впоследствии разведенная съ нимъ.
Анна Боллентъ, фрейлина королевы, впоследствии королева.
Старая лэди, другъ Анны Боллентъ.
Пациенція, прислужница королевы Екатерины.
Лорды, лэди, прислужницы королевы, духи, являющіеся королевѣ, писцы, офицеры, стража и пр.
Мѣсто дѣйствія: главнымъ образомъ въ Лондонѣ и Вестминстерѣ и одинъ разъ— въ Кимболтонѣ.

ПРОЛОГЪ.

Не смѣшить васъ прихожу я на этотъ разъ. Теперь мы изобразимъ передъ вами событія величественныя и серьезныя, печальныя, возвышенныя, трогательныя, полныя блеска и ужаса, величественныя сцены, которыя оросятъ глаза ваши слезами. Снособыны къ состраданію будутъ въ состояніи, если углубятся въ эти событія, пролить слезу, ибо предметъ заслуживаетъ этого. Дающіе деньги въ надеждѣ увидѣтъ нѣчто, достойное вѣры, найдутъ здѣсь истину. Даже и тѣ, которые приходятъ сюда на одну или двѣ картины и только при этомъ условіи считаютъ пьесу порядочной,—даже и они, если согласятся просидѣть тихо и терпѣливо какіе-нибудь два короткіе часа,—могу ихъ увѣрить, заплатятъ свой шиллингъ не даромъ. Только тѣ, которые ходятъ смотрѣть однѣ лишь смѣшныя и соблазнительныя пьесы, услышать стукъ щитовъ или посмотрѣть на молодца въ длинномъ пестромъ кафтанѣ, окаймленномъ желтымъ галуномъ,—только тѣ ошибутся

въ своемъ ожиданіи. Ибо, знайте, любезные зрители: примѣшивать къ исторіи, выбранной нами, какого-нибудь шута или сраженіе значило-бы не только унижить нашъ собственный умъ и приобретенную нами извѣстность, поддержать которую является единственнымъ нашимъ желаніемъ, но также лишиться навсегда всякаго понимающаго друга. Поэтому, ради неба, вы, первые и самые серьезные судьи города, будьте такъ серьезны, какъ мы бы этого желали; представьте себѣ, что видите дѣйствительныя лица нашей высокой исторіи, такія, какими они были при жизни; представьте себѣ, что вы ихъ видите во всемъ ихъ величіи, окруженными толпой тысячи друзей ихъ; а потомъ посмотрите, какъ быстро все это величіе сталкивается со всяческими бѣдствіями! И если, послѣ этого, вы въ состояніи быть веселыми, то я скажу, что человекъ можетъ плакать даже въ самый день своего брака.

Дѣйствіе первое.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Передняя во дворцѣ.

Входятъ: съ одной стороны герцогъ Норфолькъ, съ другой — герцогъ Бокингэмъ и лордъ Эбергенни.

Бокингэмъ. Доброго утра и пріятной встрѣчи! Какъ вы себя чувствовали послѣ нашего свиданія во Франціи?

Норфолькъ. Благодарю вашу милость, превосходно; я даже и теперь не перестаю восторгаться тѣмъ, что тамъ видѣлъ.

Бокингэмъ. Некстати явившаяся лихорадка удержала меня плѣнникомъ въ этой комнатѣ, когда эти два свѣта челоувѣчества встрѣчались въ Ардской долині.

Норфолькъ. Между Гиномъ и Ардомъ. Я присутствовалъ при этомъ; я видѣлъ, какъ они, верхомъ, привѣтствовали другъ друга, какъ, спѣшившись, они бросились въ объятія другъ другу и такъ крѣпко обнялись, что точно срослись; и еслибы они дѣйствительно срослись, то гдѣ можно было-бы найти четыре трона, которые могли бы перевѣсить этотъ одинъ сростокъ.

Бокингэмъ. Во все это время я былъ плѣнникомъ въ своей комнатѣ.

Норфолькъ. Вслѣдствіе этого вы упустили зрѣлище земного величія. Можно сказать, что великолѣпіе до тѣхъ поръ было пустымъ, но теперь вступило въ брачный союзъ съ тѣмъ, что гораздо выше его самого. Каждый слѣдующій день превосходилъ день прошлый, пока, наконецъ, послѣдній не присвоилъ себѣ чуда всѣхъ

прежнихъ дней. Сегодня французы, сверкая съ головы до ногъ золотомъ, точно языческіе боги, затемнили англичанъ; на завтра англичане превращали Британію въ Индію: каждый, вновь выступавшій, казался настоящимъ рудникомъ. Ихъ маленькіе пажи, точно херувимы, были позолочены; даже дамы, не привыкшія къ стѣсненію, потѣли подъ бременемъ того, что замѣняло имъ румяны. Маскарадъ, бывшій вчера, казался несравненнымъ, а слѣдующая почта дѣлала его ничтожнымъ и нищенскимъ. Оба короля, одинаково блестящіе, выигрывали или проигрывали, по мѣрѣ своего появленія; восторги относились къ тому, кто былъ на глазахъ; но когда оба вмѣстѣ появлялись, то всѣ говорили, что былъ только одинъ король, и ни одинъ цѣнитель не осмѣливался пошевелить языкомъ въ смыслѣ порицанія тому или другому. Когда-же эти солнца (ибо такъ называли ихъ), черезъ своихъ герольдовъ, созвали на турниръ благородныя сердца, то возникли невѣроятныя подвиги, такъ что всѣ старинныя баснословныя повѣствованія были признаны возможными и повѣрили даже Бевису.

Бокингэмъ. Ну, вы немного преувеличиваете.

Норфолькъ. Такъ же вѣрно, какъ я дорожу достоинствомъ дворянина и люблю честность въ почестяхъ,—все это теряетъ свой блескъ и жизнь даже въ искуснѣйшей передачѣ; ибо для всего этого великолѣпія нѣтъ лучше языка, какъ языкъ самого дѣйствія. Все было по царски: ничто не противорѣчило своему назначенію; порядокъ выдвигалъ на видъ каждую вещь.

Всѣ исполнявшіе вполнѣ отвѣчали своему назначенію.

Бокингэмъ. Но кто управлялъ всѣмъ этимъ? Я хочу сказать: кто приводилъ все тѣло и всѣ члены всего этого великаго торжества къ гармонической совокупности? Какъ вы думаете?

Норфолькъ. Тотъ, кто до сихъ поръ не обнаруживалъ ни малѣйшаго расположенія къ такому дѣлу.

Бокингэмъ. Но кто-же, любезный лордъ?

Норфолькъ. Все было устроено съ удивительнымъ знаніемъ высокопреподобнымъ кардиналомъ Йоркскимъ.

Бокингэмъ. Чортъ съ нимъ! Нѣтъ такого пирога, въ который онъ не соваль-бы свой честолюбивый налѣцъ! Ну, на какого чорта ему нужно было соваться во всю эту бѣшеную суету! Удивляюсь, какъ этотъ комъ сала можетъ своей тушей поглощать лучи благодѣтельнаго солнца и удерживать ихъ вдали отъ земли.

Норфолькъ. Безъ всякаго сомнѣнія, сэръ, въ немъ есть все необходимое для такихъ удачъ, ибо, не опираясь ни на предковъ, значеніе которыхъ облегчаетъ путь наслѣдникамъ, ни на величье заслугъ, оказанныхъ коронѣ, ни на могущественныя связи,—онъ, точно паукъ, извлекающій свою ткань изъ самого себя, доказываетъ намъ, что пролагаетъ себѣ дорогу одною лишь силой своихъ собственныхъ способностей, этимъ даромъ неба, который поставилъ его такъ близко къ королю.

Эвергенни. Не могу сказать, какой даръ неба онъ получилъ: открыть это и предоставляю болѣе проникательнымъ, чѣмъ я, но я не могу видѣть его гордость, проглядывающую изъ каждой части его тѣла. Откуда она у него взялась? Если это—не даръ ада, то видно дьяволъ соскрижничалъ, или-же отдалъ ему все, что у него было, и онъ принялся заводить свой собственный адъ.

Бокингэмъ. Но какъ могъ этотъ дьяволъ, въ этомъ посѣщеніи Франціи, взять на себя, безъ вѣдома короля, назначеніе тѣхъ, кто долженъ былъ ему сопутствовать? Одинъ онъ составилъ списокъ всей джен-три, и по большей части выбирая такихъ, на которыхъ онъ могъ возложить тяжелое бремя взамѣнъ предоставленной имъ незначительной почести, и простое письмо, написанное имъ, безъ всякаго согласія со стороны совѣта, заставляетъ ѣхать того, кому оно адресовано.

Эвергенни. Мнѣ извѣстно, изъ числа моихъ родственниковъ, по крайней мѣрѣ тронхъ, которые, такимъ образомъ, такъ

разстроили свое состояніе, что никогда уже не поправятъ его.

Бокингэмъ. О, да! многіе подломили свои хребты, вваливъ себѣ на спину всѣ свои помѣстья, ради этой торжественной поѣздки. И къ чему привело все это тщеславіе? Оно привело къ очень жалкому результату.

Норфолькъ. Съ грустью думаю, что миръ, заключенный между Франціей и нами, не стоитъ такихъ издержекъ.

Бокингэмъ. Каждый, послѣ наступившей ужасной бури, почувствовалъ себя вдохновеннымъ, и, не стовариваясь, всѣ рѣшили, что эта буря, похищая одѣяніе мира, предвѣщаетъ его внезапный разрывъ.

Норфолькъ. И къ этому дѣлу близится, потому что Франція уже нарушила договоръ и наложила запрещеніе на товары нашихъ купцовъ въ Бордо.

Эвергенни. Уже не потому-ли и посолъ не былъ принятъ?

Норфолькъ. Конечно.

Эвергенни. Чудесный мирный договоръ, и къ тому же купленный столь дорогой цѣной!

Бокингэмъ. И надо прибавить, что все это дѣло было сдѣлано нашимъ почтеннымъ кардиналомъ.

Норфолькъ. Да позволено мнѣ будетъ сказать, что все государство замѣтило ваши личные раздоры съ кардиналомъ. Я-бы посовѣтовалъ вамъ (примите этотъ совѣтъ, какъ идущій отъ сердца, которое желаетъ вамъ самаго прочнаго величія и счастья),—я-бы посовѣтовалъ вамъ обратить должное вниманіе не только на могущество кардинала, но и на его враждебность къ вамъ, а также на то, что его неизмѣримая ненависть ничѣмъ не сдерживается. Вамъ извѣстно, что по природѣ онъ мстителенъ; а я съ своей стороны знаю, что лезвие его меча чрезвычайно заострено; оно длинно и, можно сказать, далеко простирается, а куда не простирается, то онъ туда бросаетъ его. Примите мой совѣтъ,—вы его найдете благодѣтельнымъ. А! вотъ и подводный камень, котораго, какъ я только что сказалъ, слѣдуетъ вамъ избѣгать.

Входитъ Вольсей (передъ нимъ несутъ кошель); за нимъ слѣдуютъ нѣсколько толкочащихъ и два секретаря съ бумагами въ рукахъ. Проходя, кардиналъ бросаетъ на Бокингэма, а Бокингэмъ на него взгляды, полныя презрѣнія.

Вольсей. Управитель герцога Бокингэма? А гдѣ его допрость?

1-й секретарь. Здѣсь, благородный лордъ.

Вольсей. А самъ онъ готовъ?

1-й секретарь. Точно такъ.

Вольсей. Прекрасно, мы и еще, значить, кое-что узнаемъ, и Бокингемъ пославить свою спѣсь (*Вольсей и свита уходятъ*).

Бокингемъ. У этой собаки-мясника пасть ядовита, а у меня, къ несчастью, нѣтъ возможности положить на нее намордникъ; поэтому лучшее — не дразнить эту собаку. Педантство нищаго господствуетъ надъ дворянской кровью.

Норфолькъ. Какъ? неужели вы горчитесь? Испросите у Господа побольше хладнокровія; это—единственное лекарство противъ вашего недуга.

Бокингемъ. Я увидѣлъ новыя ковы противъ меня въ его взглядахъ. Его взоръ презрительно упалъ на меня, какъ на самый подлый предметъ; въ эту минуту онъ направляетъ противъ меня какой-нибудь ударъ. Онъ отправился къ королю; я послѣдую за нимъ и озадачу его.

Норфолькъ. Остановитесь, милордъ; позвольте вашему гнѣву посоветоваться съ вашимъ разумомъ насчетъ того, какъ вы должны поступить. Приходится идти съ самаго начала медленно, когда взбираешься на крутизну. Гнѣвъ—точно горячая лошадь: если ей дать волю, то самая ея пылкость истощитъ ее. Никто въ Англіи не можетъ быть для меня лучшимъ совѣтчикомъ, чѣмъ вы; такъ будьте же и для самого себя тѣмъ, чѣмъ вы всегда были для вашего друга.

Бокингемъ. Нѣтъ, я иду къ королю и устами чести принижу дерзость этого негодяя изъ Иисвича, или-же заявлю, что между людьми нѣтъ неравенства.

Норфолькъ. Подумайте хорошенько. Не разжигайте для вашего врага печи до такой степени, чтобы она могла ожечь и васъ. Благодаря бѣшеной скалкѣ, вы можете перешагнуть черезъ цѣль, къ которой стремитесь, и промахнуться вслѣдствіе слишкомъ большого рвенія. Развѣ вамъ неизвестно, что пламя, приподымающее жидкость до краевъ сосуда, хотя повидимому увеличиваетъ количество ея, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности уменьшаетъ? Подумайте хорошенько. Повторяю, во всей Англіи не найдется души, болѣе васъ способной руководить вами, если только сокомъ благоразумія вы потушите или, по крайней мѣрѣ, умѣрите пламя страсти.

Бокингемъ. Сэръ, благодарю васъ; я послѣдую вашему совѣту; но этотъ негодный нахаль (говорю о немъ не вслѣдствіе разлива желчи, а вслѣдствіе благороднаго негодованія), подкупленъ и измѣнникъ, и это я знаю изъ свѣдѣній и доказательствъ столь-же ясныхъ, какъ ясны источники въ

іюль, когда на днѣ ихъ мы можемъ разсмотрѣть каждую песчинку.

Норфолькъ. Не говорите, что онъ измѣнникъ.

Бокингемъ. Нѣтъ, я это докажу королю и этому заявленію дамъ твердость скалы. Слушайте, эта святоша-лиса или этотъ волкъ, или оба вмѣстѣ (потому что въ одинаковой мѣрѣ онъ и хищенъ, и хитеръ, столь же склоненъ ко злу, какъ и искусенъ осуществить его, ибо его душа и его санъ взаимно заражаютъ другъ друга),—такъ вотъ эта святоша-лиса или этотъ волкъ, съ единственной цѣлью блеснуть своимъ величіемъ во Франціи, какъ впрочемъ и здѣсь, посовѣтовалъ королю, нашему повелителю, устроить это свиданіе и заключить этотъ невыгодный союзъ, который поглотилъ столько сокровищъ и затѣмъ лопнулъ, какъ стаканъ, который лопается, когда его вытираютъ.

Норфолькъ. Да это правда, онъ лопнулъ.

Бокингемъ. Позвольте; послушайте меня, сэръ. Этотъ лукавый кардиналъ какъ хотѣлъ, такъ и составилъ пункты этого договора, и ему стоило лишь крикнуть: я такъ хочу,—чтобы каждый изъ этихъ пунктовъ былъ утвержденъ; а въ результатѣ—костыль, данный мертвецу. Но вѣдь это сдѣлано нашимъ графомъ-кардиналомъ, а потому прекрасно сдѣлано. Дѣло сдѣлано достойнымъ Вольсеемъ, который не можетъ ошибиться. А теперь посмотримъ на послѣдствія,—и тутъ-то я, главнымъ образомъ, вижу нѣчто въ родѣ пенка этой старой вѣдьмы, измѣны,—императоръ Карлъ, подъ предлогомъ повидаться съ своей теткой-королевой (потому что это былъ только предлогъ, а въ дѣйствительности онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы снюхаться съ Вольсеемъ) является сюда. Онъ боялся, чтобы свиданіе между Англіей и Франціей, устанавливая между ними союзъ, не повредило ему, потому что въ этомъ союзѣ скрывались нѣкоторыя опасности, которыя угрожали ему. И вотъ онъ тайно вступаетъ въ переговоры съ кардиналомъ. Въ этомъ я убѣжденъ, потому что я убѣжденъ, что императоръ платилъ, не дожидаясь общаній, такъ что его желаніе было исполнено прежде, чѣмъ оно было заявлено имъ. Но когда, такимъ образомъ, путь былъ расчищенъ и вымощенъ золотомъ, императоръ пожелалъ, чтобы ему было угодно измѣнить политику короля и уничтожить сказанный союзъ. Король долженъ узнать (и скоро онъ узнаетъ это черезъ меня), что кардиналъ торгуется по своему усмотрѣнію его честью ради собственной выгоды.

Норфолькъ. Очень сожалѣю, что слышу это о немъ; я-бы желалъ, чтобы относительно этого вы нѣсколько ошибались.

Бокингэмъ. Нѣтъ, я не ошибаюсь ни на одну букву. Я его представляю въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ является въ дѣйствительности.

Входитъ Брандонъ, предшествуемый капитаномъ стражи и нѣсколькими стражами.

Брандонъ. Капитанъ, исполняйте вашу обязанность.

Капитанъ. Сэръ, герцогъ Бокингэмъ, графъ Герфордскій, Стаффордскій и Нортемптонскій, именемъ нашего августѣйшаго короля, я арестую тебя какъ государственнаго измѣнника.

Бокингэмъ. Видите, любезный лордъ, стѣна уже упала на меня; я погибну жертвой злыхъ умысловъ и коварства.

Брандонъ. Сожалѣю, что принужденъ быть свидѣтелемъ, какъ вы лишаетесь свободы. По волѣ его свѣтлости вы должны быть отправлены въ Тоуэръ.

Бокингэмъ. Было-бы совершенно излишне защищать мою невинность: на меня легла такая окраска, которая дѣлаетъ черными и самыя бѣлыя мои части. Да исполнится воля Всевышняго въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ. О, лордъ Эвергенни, будьте здоровы!

Брандонъ. Нѣтъ, онъ долженъ сопровождать васъ (*къ Эвергенни*). Королю угодно, чтобы вы отправились въ Тоуэръ, гдѣ вы узнаете его дальнѣйшее распоряженіе.

Эвергенни. Какъ сказалъ герцогъ, да исполнится воля Всевышняго; я повинуюсь рѣшенію короля.

Брандонъ. Вотъ королевское повелѣніе арестовать лорда Монтегю и захватить духовника герцога, Джона де-ла-Каръ, Джильберта Пека, его канцлера...

Бокингэмъ. Ну, конечно, конечно; вотъ они—члены заговора. Надѣюсь, что нѣтъ другихъ.

Брандонъ. Еще—монахъ картезіанскаго монастыря.

Бокингэмъ. А! Никлэсъ Гонкинсъ?

Брандонъ. Онъ самый.

Бокингэмъ. Мой управитель—мошенникъ; слишкомъ всемогущій кардиналъ обольстилъ его золотомъ. Моя жизнь уже измѣрена. Я—только тѣнь несчастнаго Бокингэма, котораго формы принимаетъ уже эта туча, затмѣвающая мое лучезарное солнце... Прощайте, лорды (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Зала совѣта.

Трубы. Входятъ: король Генрихъ, кардиналъ Волисей, лорды совѣта, сэръ Томасъ Ловель, свита. Король взходитъ, облокотясь на плечи кардинала.

Король Генрихъ. Самая жизнь и самая лучшая моя любовь благодарить васъ за эту великую заботливость. Я находился подъ выстрѣлами убійственнаго заговора и благодарю васъ, что вы уничтожили его. Позвать этого служителя Бокингэма; мы лично выслашаемъ его показанія; онъ долженъ перечислить по пунктамъ всѣ преступленія своего господина.

Король садится на тронъ; лорды занимаютъ свои мѣста. Кардиналъ помыщается у ногъ короля, по правую сторону. За сценой раздаются крики: „дорогу королевы!“ Королева входитъ въ сопровожденіи герцоговъ Норфолька и Соффолька; она преклоняетъ колѣна. Король встаетъ, поднимаетъ ее и помыщается возлѣ себя.

Королева Екатерина. Нѣтъ, я должна стоять на колѣняхъ, потому что я—прислѣнительница.

Король Генрихъ. Встань и садись возлѣ насъ... Не говори намъ половины твоей просьбы: ты имѣешь половину нашей власти. Другая половина, прежде чѣмъ ты ее выскажешь, уже дана тебѣ. Выкажи твою волю и приведи ее въ исполненіе.

Королева Екатерина. Благодарю ваше величество. Чтобы вы любили себя и,

въ этой любви, забывали вашей славы и достоинства вашихъ обязанностей, — вотъ въ чемъ заключается предметъ моей просьбы.

Король Генрихъ. Королева, продолжайте.

Королева Екатерина. Ко мнѣ обращаются многія лица, изъ самыхъ достойныхъ, съ жалобами на то, что ваши подданные испытываютъ жестокия угнетенія. Въ народъ были разосланы повелѣнія, разбившія сердце ихъ преданности престолу, и хотя вслѣдствіе этого, мой добрый лордъ кардиналъ, ихъ важнѣйшіе упреки, главнымъ образомъ, относятся къ вамъ, какъ къ виновнику этихъ притѣсненій, однако и король, нашъ повелитель (да сохранить небо его честь отъ всякаго пятна), не избѣгаетъ непристойныхъ толковъ, которые разрываютъ бока преданности престолу и которые переходятъ почти въ явный бунтъ.

Норфолкъ. Не только переходятъ, а уже перешли. Вслѣдствіе этихъ новыхъ налоговъ суконщики, не будучи въ состояніи содержать всѣхъ рабочихъ, распустили прядильщиковъ, чесальщиковъ, валяльщиковъ, ткачей, и всѣ они, не имѣя въ рукахъ другого ремесла, вынуждаемые голодомъ и недостаткомъ всякихъ средствъ къ существованію, въ отчаяніи взявъ событіе за рога, находятся всѣ въ полномъ возстаніи и опасность служить въ ихъ рядахъ.

Король Генрихъ. Налоги? Какіе? Какого рода? Лордъ кардиналъ, вы здѣсь обвиняетесь такъ же, какъ и мы, — знаете ли вы, что это за налоги?

Вольсей. Государь, мнѣ извѣстна только часть того, что касается всего государства; я только иду въ колонніи, гдѣ многіе другіе шагаютъ вмѣстѣ со мной.

Королева Екатерина. Да, милордъ, вамъ извѣстно не болѣе, чѣмъ другимъ, но вы прибѣгаете къ мѣрамъ, которыя извѣстны всѣмъ, мѣрамъ, жестокимъ для всѣхъ тѣхъ, которые никогда не желали бы ихъ знать, но которые, однако, принуждены ихъ знать. Что же касается до притѣсненій, о которыхъ спрашиваетъ мой повелитель, то они даже для слуха убійственны; ихъ бремя можетъ надломить всякую спину. Говорятъ, что они выдуманы вами. Если это не такъ, то вы претерпѣваете ужасную клевету.

Король Генрихъ. Опять притѣсненіе! Но какого рода притѣсненіе? Объясните мнѣ, наконецъ, въ чемъ дѣло.

Королева Екатерина. Я слишкомъ отваживаюсь злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ, но меня ободряетъ обѣщаніе вашего прощенія. Жалобы вашихъ подданныхъ, кажется, заключаются въ учрежденіи комиссій, требующихъ отъ всякаго ше-

стую часть всего имущества, которая должна быть выдана немедленно, безъ всякихъ проволочекъ, а предлогомъ къ этому налогу является война съ Франціей. Это дѣлаетъ дерзкими уста; языки отвергаютъ долгъ, въ охладѣвшихъ сердцахъ мерзнетъ вѣрность престолу; проклетія поселились теперь тамъ, гдѣ прежде жили молитвы, и выходитъ, что всякое сговорчивое послушаніе становится рабомъ каждой раздраженной воли. Я бы желала, чтобы ваша свѣтлость, не отлагая дѣла, приняла это во вниманіе, потому что важнѣе этого дѣла нѣтъ ничего.

Король Генрихъ. Клянусь жизнью, все это — противъ нашихъ желаній.

Вольсей. Что касается меня, то во всемъ этомъ я только подаю простой голосъ, и я его подаю съ просвѣщенного одобренія судей. Если же на меня клеветаютъ невѣжественные языки, которые, не зная ни моихъ способностей, ни моей личности, берутся однакоже быть лѣтописцами моихъ дѣйствій, то позвольте мнѣ сказать, что судьба моего положенія — тернистый кустарникъ, черезъ который должна пробираться добродѣтель. Мы не должны останавливаться передъ необходимыми мѣрами изъ боязни навлекать на себя злобныя порицанія, которыя всегда, подобно хищнымъ рыбамъ, слѣдуютъ за вновь спущеннымъ кораблемъ, не приобѣтая ничего, кромѣ пустой зависти. Часто то, что мы дѣлаемъ самаго лучшаго, порицается болѣзненными или безтолковыми истолкователями; и также часто самое худое, поражая грубый умъ, провозглашается нашимъ лучшимъ дѣломъ. Если бы мы остались недѣятельными, изъ боязни, что малѣйшее наше движеніе будетъ осмѣяно или порицаемо, то мы бы приросли къ мѣсту, на которомъ находимся теперь, и сдѣлались бы такъ же неподвижны, какъ статуи.

Король Генрихъ. Дѣла, хорошо обдуманная, исполненные тщательно, сами по себѣ исключаютъ эти опасенія. Дѣла же, совершенно новыя, не имѣвшія примѣра въ прошломъ, въ своихъ послѣдствіяхъ могутъ быть опасны. Имѣется ли примѣръ такого налога? Я думаю, что такого примѣра не было. Мы не должны отрывая нашихъ подданныхъ отъ нашихъ законовъ, и привязывать ихъ къ нашему произволу. Шестая часть каждаго имущества! Такой налогъ приводитъ въ дрожь! Да вѣдь это значить, — съ каждаго дерева брать вѣтви, кору и часть ствола, и хотя мы оставляемъ дереву его корни, но при такомъ увѣчи воздухъ поглотитъ всѣ его соки. Да будетъ немедленно разослано во всѣ графства, о которыхъ идетъ рѣчь, прощеніе всякому,

кто возсталъ противъ введенія этого налога. Прошу васъ позаботиться объ этомъ; возлагаю на васъ эту заботу.

Вольсей (*Тихо секретарю*). Одно слово. Отправить въ каждое графство уведомленіе о милости и прощеніи короля. Обращенный народъ сильно ропщетъ на меня; распусти слухъ о томъ, что эта отмена и это прощеніе вызваны нашимъ заступничествомъ. Вскорѣ вы получите отъ меня новыя распоряженія на этотъ счетъ (*Секретарь уходитъ*).

Входитъ управитель.

Королева Екатерина. Очень жаль, что герцогъ Бокингемъ навлекъ на себя ваше неудовольствіе.

Король Генрихъ. Многихъ это огорчаетъ. Этотъ джентльменъ весьма ученъ и рѣдкій ораторъ; никого природа не одарила такъ, какъ его; его знанія такъ велики, что онъ можетъ просвѣщать и учить самыхъ великихъ ученыхъ, не прибѣгая ни къ какой чужой помощи. Однако, посмотрите, — когда всѣ эти благороднѣйшіе дары направлены въ дурную сторону, когда душа раз навсегда извращена, то всѣ эти дары сейчасъ же принимаютъ формы порока, которыя становятся въ десять разъ безобразнѣе, чѣмъ когда-то были прекрасны. Это столь совершенный человѣкъ, поставленный на ряду чудесъ, до такой степени очаровавшій насъ своею рѣчью, что мы принимали часы за минуты, этотъ человѣкъ, любезная королева, облекъ въ чудовищныя одежды свои дары и сталъ такъ черенъ, какъ если бы его замаралъ самъ адъ. Сядьте подлѣ насъ, и вы услышите (этотъ человѣкъ былъ его повѣреннымъ) вещи, оскорбляющія самую честь... Пускай онъ разскажетъ всѣ тѣ происки, которые онъ уже открылъ намъ, которымъ мы не можемъ приписывать слишкомъ малаго значенія и о которыхъ мы не можемъ слышать слишкомъ долго.

Вольсей. Пойди и разсказывай смѣло все, что, какъ вѣрный подданный, ты узналъ о герцогѣ Бокингемѣ.

Король Генрихъ. Говори свободно.

Управитель. Во первыхъ, онъ имѣлъ привычку ежедневно заражать свою рѣчь тѣмъ, что если король умретъ безъ потомства, то онъ позаботится о томъ, чтобы скипетръ перешелъ въ его руки. Эти самыя слова я слышалъ, когда онъ говорилъ ихъ своему зятю, лорду Эбергенни, и клялся, что отомститъ кардиналу.

Вольсей. Прошу ваше величество замѣтить весь ужасъ его замысловъ. Не поддерживаемая его желаніями, его воля глубоко враждебна вашей особѣ и угрожаетъ, послѣ васъ, вашимъ друзьямъ.

Королева Екатерина. Просвѣщенный лордъ кардиналъ, будьте снисходительнѣе.

Король Генрихъ. Говори: на чемъ основалъ онъ свои притязанія на корону послѣ нашей смерти? Не слыхалъ-ли ты чего-нибудь на этотъ счетъ?

Управитель. На эту мысль навело его безумное предсказаніе Никлэса Гентона.

Король Генрихъ. Кто такой этотъ Гентонъ?

Управитель. Государь, это — картезианскій монахъ, его духовникъ, который питалъ его постоянно общаніями верховной власти.

Король Генрихъ. Какъ ты объ этомъ узналъ?

Управитель. Вскорѣ послѣ отъѣзда вашего величества во Францію, герцогъ, находясь въ „Розѣ“, въ приходѣ Святого Лаврентія Полтнейскаго, спросилъ меня, что думаютъ въ Лондонѣ о поѣздкѣ во Францію? Я отвѣчалъ, что бояться опаснаго для короля коварства французовъ. Герцогъ сейчасъ же мнѣ сказалъ, что этого дѣйствительно слѣдуетъ бояться, и что могутъ оправдаться слова, сказанныя нѣкимъ святымъ монахомъ. „Часто, — прибавилъ онъ, — этотъ монахъ присылалъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я позволилъ моему капеллану Джону Де-ла-Кару выслушать отъ него нѣкоторое важное сообщеніе. И вотъ, подѣ видомъ исповѣди, потребовавъ отъ капеллана торжественной клятвы, что то, что онъ скажетъ, не будетъ передано ни одному живому существу, за исключеніемъ меня, этотъ монахъ, послѣ нѣкоторыхъ оговорокъ, сказалъ: „ни король, ни его потомство не будетъ процвѣтать (скажи это герцогу); посоветуй ему заслужить любовь народа; герцогъ будетъ править Англіей“.

Королева Екатерина. Если я хорошо тебя припоминаю, ты былъ управителемъ герцога и ты лишился этого мѣста вслѣдствіе жалобъ фермеровъ. Остерегайся обвинить по злобѣ благороднаго человѣка и погубить свою душу, еще болѣе благородную. Остерегайся, говорю тебѣ; да, сердечно прошу тебя.

Король Генрихъ. Оставь его... Продолжай.

Управитель. Кладу руку на сердце: я буду говорить только истину. Я сказалъ герцогу, что монахъ могъ быть обманываемъ дьявольскими внушеніями, что было бы опасно для него думать объ этомъ, что эти мысли могутъ его натолкнуть на какой-нибудь замыселъ, который, если онъ увлечетъ его, можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Онъ отвѣчалъ „Какія глупости! Это не можетъ мнѣ повредить!“ И затѣмъ

прибавилъ, что если-бы король не оправился отъ своей послѣдней болѣзни, то головы кардинала и сэра Томаса Ловеля навѣрное не уцѣлѣли бы.

Король Генрихъ. Какая злоба! Сколько коварства въ этомъ человѣкѣ! Можешь ли ты сообщить намъ еще что-нибудь?

Управитель. Да, государь.

Король Генрихъ. Ну, такъ продолжай.

Управитель. Будучи въ Гринвичѣ, когда ваше величество сдѣлали выговоръ герцогу по поводу сэра Вильяма Бломеръ...

Король Генрихъ. Да, я помню это обстоятельство; хотя этотъ Бломеръ находился у меня на службѣ, герцогъ взялъ его къ себѣ. Но продолжай: что же потомъ?

Управитель. „Если бы,—воскликнулъ онъ,—за это я былъ отправленъ въ Тоуэръ, то я все-таки думаю, сдѣлалъ бы то, что замышлялъ сдѣлать мой отецъ противъ Ричарда, похитителя престола: находясь въ Сольсбери, онъ просилъ аудіенціи у Ричарда и, если-бы былъ принятъ, то онъ, подъ видомъ покорности, вонзилъ бы свой кинжалъ въ его грудь“.

Королева Екатерина. Какой чудовищный измѣнникъ!

Вольсей. Спрашиваю теперь, государыня, можетъ-ли ваше величество чувствовать себя въ безопасности, и можетъ-ли этотъ человѣкъ не быть въ тюрьмѣ?

Королева Екатерина. Господь устроить все къ лучшему.

Король Генрихъ. У тебя есть еще кое-что сообщить намъ? Продолжай.

Управитель. Сказавъ о герцогѣ, своемъ отцѣ, и о кинжалѣ, онъ весь выпрямился, положилъ одну руку на свой мечъ, другую—на грудь; поднявъ глаза, онъ произнесъ страшную клятву, которая означала, что если съ нимъ поступить дурно, то онъ превзойдетъ своего отца на столько, на сколько исполненіе задуманнаго предпріятія превосходитъ несбывшееся намѣреніе.

Король Генрихъ. Такъ вотъ его цѣль! Вонзить въ нашу грудь кинжалъ! Но онъ арестованъ; судите его немедленно; если онъ можетъ найти прощеніе въ законѣ,—пусть будетъ такъ; если не найдетъ,—пусть не ищетъ прощенія въ насъ. Кланусъ днемъ и ночью, это—величайшій преступникъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ.

Входятъ: лордъ Камергеръ и лордъ Сэндсъ.

Лордъ Камергеръ. Неужели чары Франціи заставляютъ людей прибѣгать къ такимъ страннымъ нарядамъ?

Сэндсъ. Новые люди, какъ бы они ни были смѣшны, какъ бы ни были неприличны, всегда найдутъ послѣдователей.

Лордъ Камергеръ. Насколько я могъ замѣтить, всѣ выгоды, извлеченныя нашими англичанами изъ этой пофадки, ограничиваются двумя или тремя гримасами, но за то гримасы эти забавны, потому что, когда они ихъ дѣлаютъ, мы можемъ побожиться, что ихъ носы были совѣтниками Пешина или Клотара,—такъ величественно они вздергиваютъ ихъ.

Сэндсъ. У нихъ и ноги новыя, но хромыя; кто прежде не видалъ, какъ они ходятъ, подумаетъ, что всѣ они—въ шпаты.

Лордъ Камергеръ. Чортъ возьми, любезный лордъ, ихъ платья имѣютъ такой языческій покровъ, что навѣрное можно сказать, что они износили все свое христіанство... Что новаго, сэръ Ловель?

Входитъ сэръ Томасъ Ловель.

Ловель. Право, любезный лордъ, я знаю только, что новый указъ прибитъ къ дворцовымъ воротамъ.

Лордъ Камергеръ. Относительно чего?

Ловель. Относительно преобразованія нашихъ щеголеватыхъ путешественниковъ, наполняющихъ дворъ ссорами, болтовней и портными.

Лордъ Камергеръ. Очень радъ, теперь можно просить этихъ господъ согласиться, что англійскій придворный, даже и не побывавъ въ Луврѣ, можетъ не быть лишенъ адроваго смысла.

Ловель. Теперь имъ приходится (такъ требуетъ указъ) оставить всѣ остатки шутства и перья, привезенныя ими изъ Франціи, также какъ и всѣ свои почтенныя привычки и глупости, усвоенныя ими, какъ то дуэли и фейерверки; должны перестать подсмѣиваться надъ людьми, которые гораздо достойнѣе ихъ, съ высоты ихъ чужеземной мудрости; они должны отказаться начисто отъ страсти къ игрѣ въ мячи и къ длиннымъ чулкамъ, къ пузырьчатому нижнему платью и къ подобнымъ же новшествамъ, и вообще должны вести себя какъ приличествуетъ порядочнымъ людямъ; или, въ противномъ случаѣ, они должны забрать свои пожитки и отправиться къ своимъ прежнимъ шутамъ. Тамъ, я думаю, они

могутъ *cum privilegio* изнашивать то, что имъ еще остается отъ ихъ шутовства, и быть посмѣшищемъ.

Сэндсъ. Дѣйствительно, лекарство имъ необходимо; ихъ болѣзнь заразительна.

Лордъ Камергеръ. Но какая потеря для нашихъ дамъ: онѣ лишаются этихъ нарядныхъ хвастуновъ!

Ловель. О, конечно, не обойдется безъ истиннаго горя, господя. Эти лукавые сыновья потаскухъ обладаютъ удивительнѣйшей способностью заставлять дамъ спотыкаться.

Лордъ Камергеръ. Куда это вы направились, сэръ Томасъ?

Ловель. Къ кардиналу; да и вы тоже приглашены.

Лордъ Камергеръ. Ахъ, да, правда. Сегодня у него ужинъ, великолѣпный ужинъ. Лордовъ и лэди будетъ множество. Могу васъ увѣрить, тамъ будутъ красавицы всего государства.

Ловель. У этого прелата сердце, по истинѣ, щедрое. а рука его такъ же плодо-

Въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего лучше, какъ французская пѣсенка и скрипка!

Сэндсъ. Къ чорту ихъ скрипку! Я очень радъ, что они убираются отсюда, потому-что вѣрить въ ихъ исправленіе рѣшительно нельзя. Теперь честный провинціальнѣйшій лордъ, какъ я, напримѣръ, столько времени не допускаемый къ игрѣ, можетъ затянуть свою безыскусственную пѣсенку и заставить себя послушать чась—другой, и, клянусь Богоматерію, какъ музыкантъ, онъ не ударитъ лицомъ въ грязь.

Лордъ Камергеръ. Чудесно, лордъ Сэндсъ. Вы, должно быть, еще не потеряли молочныхъ зубовъ.

Сэндсъ. Да, любезный лордъ, и я ихъ не потеряю, пока во рту у меня будетъ хоть одинъ корешекъ.

носна, какъ и почва, питающая насъ: его роса на все нисходитъ.

Лордъ Камергеръ. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ щедръ; нужно быть злоязычнымъ, чтобы сказать противное.

Сэндсъ. Онъ можетъ быть щедрымъ,—есть съ чего; въ немъ бережливость была-бы грѣхомъ болѣе гнуснымъ, чѣмъ ересь. Люди его положенія должны быть самыми щедрыми; вѣдь они на то и поставлены, чтобы давать примѣръ.

Лордъ Камергеръ. Конечно, такъ, но не многіе въ наше время показываютъ такой великій примѣръ. Моя лодка ожидаетъ меня. Ваше лордство будетъ меня сопровождать... Вѣдѣте, сэръ Томасъ, а то, пожалуй, запоздаемъ, а этого мнѣ бы не хотѣлось, потому-что сэръ Генри Гильд-

фордъ и я назначены быть надзирателями на праздники.

Сэндсъ. Къ нашимъ услугамъ! (Уходятъ).

С Ц Е Н А IV.

Пріемная зала въ Іоркскомъ дворцѣ.

Трубы. Небольшой столъ подъ балдахиномъ для кардинала; болѣе длинный столъ для гостей. Въ одну дверь входитъ Анна Болленъ и нѣсколько лордовъ, лэди и нѣсколько знатныхъ дамъ, въ качествѣ гостей; въ другую дверь—сэръ Генри Гильдфордъ.

Гильдфордъ. Прекрасныя лэди, его свѣтлость привѣтствуетъ васъ. Эту ночь онъ посвящаетъ свѣтлой радости и вамъ; онъ надѣется, что никто изъ этого благороднаго собранія не принесъ съ собой заботъ извнѣ; прежде всего онъ-бы желалъ, чтобы всѣ были такъ веселы, какъ могутъ сдѣлать веселыми хорошее общество, хорошее вино и радушный пріемъ.

Входятъ: лордъ Камергеръ, лордъ Сэндсъ и сэръ Томасъ Ловель.

О, любезный лордъ, вы запоздали! одна лишь мысль объ этомъ прекрасномъ обществѣ придала мнѣ крылья.

Лордъ Камергеръ. Вы молоды, сэръ Генри Гильдфордъ.

Сэндсъ. Сэръ Томасъ Ловель, еслибы кардиналъ имѣлъ хотя бы вдвое меньше мірскихъ помысловъ, чѣмъ я имѣлъ ихъ, то многимъ изъ этихъ дамъ, до ихъ отхода ко сну, былъ-бы предложенъ такой увлекательный десертъ, что онъ поправился-бы имъ больше всего другого. Клянусь жизнью, вотъ блестящее собраніе красавицъ!

Ловель. Ахъ, любезный лордъ! если-бы вы могли быть сегодня духовникомъ одной или двухъ изъ этихъ дамъ!

Сэндсъ. О, да, я-бы хотѣлъ быть ихъ духовникомъ; я-бы назначалъ имъ самое легкое наказаніе!

Ловель. Легкое?

Сэндсъ. Да, такое легкое, какое можетъ доставить пуховое ложе.

Лордъ Камергеръ. Прекрасныя лэди, не угодно ли вамъ садиться? Сэръ Гарри, станьте на этой сторонѣ; я-же позабочусь объ этой. Его свѣтлость сейчасъ появится... Нѣтъ, вы не должны мерзнуть; двѣ дамы рядомъ—вѣдь это холодно. Лордъ Сэндсъ, съ вами онъ не будетъ скучать. Прошу васъ, сядьте между этими дамами.

Сэндсъ. Надѣюсь. Позвольте поблагодарить вашу свѣтлость... Съ вашего позво-

ленія, прекрасныя дамы (*Садится между Анною Болленъ и другой лэди*). Если вы замѣтите, что я начинаю бредить,—простите меня: это я унаследовалъ отъ отца.

Анна. А развѣ отецъ вашъ былъ помѣшанъ?

Сэндсъ. О, да, помѣшанъ, совершенно помѣшанъ, и именно въ любви, но онъ не кусался; совсѣмъ, какъ я: онъ цѣловалъ разъ двадцать, не переводя духа (*Целуетъ ее*).

Лордъ Камергеръ. Прекрасно сказано, любезный лордъ. Теперь всѣ размѣщены какъ слѣдуетъ... Джентльмены, вы будете наказаны, если эти прекрасныя лэди будутъ недовольны вами.

Сэндсъ. Что касается меня,—не беспокойтесь; только не мѣшайте мнѣ.

Трубы. Входитъ кардиналъ Вольсей со свитой; садится на свое мѣсто.

Вольсей. Привѣтствую васъ, дорогие гости! Кто изъ благородныхъ лэди или джентльменовъ не будетъ отъ души веселиться,—тотъ не изъ числа друзей моихъ. А вотъ и подтвержденіе моего привѣта: ваше здоровье (*Пьетъ*).

Сэндсъ. Ваша свѣтлость такъ пріятлива. Прикажите мнѣ дать кубокъ, который-бы вмѣстилъ въ себѣ всю благодарность; онъ избавитъ меня отъ лишннихъ словъ.

Вольсей. Лордъ Сэндсъ, благодарю васъ; займите вашихъ сосѣдокъ. Лэди, вы не веселы. Кто виноватъ изъ васъ, джентльмены?

Сэндсъ. Прежде всего, красное вино должно зарумянить ихъ прекрасныя щечки, благородный лордъ. Тогда и онѣ заговорятъ, да еще такъ, что повергнуть насъ въ безмолвіе.

Анна. Вы веселый собесѣдникъ, любезный лордъ Сэндсъ.

Сэндсъ. Да, когда веду свою игру. Теперь я обращаюсь къ вамъ, прекрасная лэди: я пью, и вы должны отвѣтить мнѣ, потому что дѣло касается кое-чего такого...

Анна. Что вы не можете мнѣ показать?

Сэндсъ. Развѣ не говорилъ я вашей свѣтлости, что онѣ сейчасъ-же заговорятъ? (*Трубы и барабаны за сценой. Пушечные выстрѣлы*).

Вольсей. Что это такое?

Лордъ Камергеръ. Узнайте (*Уходитъ одинъ изъ служителей*).

Вольсей. Какіе воинственные звуки! Что это можетъ означать? Нѣтъ, прекрасныя лэди, не пугайтесь, вы—виѣ всякой опасности, по всѣмъ правиламъ войны.

Служитель выходитъ.

Лордъ Камергеръ. Ну, что такое?

Служитель. Блестящее общество иностранцевъ, какъ по всему видно; они причалили къ берегу, выходятъ изъ лодокъ и направляются сюда, точно чрезвычайные послы иностранныхъ принцевъ.

Вольсей. Любезный лордъ Камергеръ. Привѣтствуйте ихъ, — вы говорите по французски, — и прошу васъ, примите ихъ съ почтеніемъ и приведите ихъ въ наше присутствіе; пусть это небо красоты всей силой своего свѣта озаритъ ихъ. Нѣсколько другихъ джентльменовъ будутъ вамъ сопутствовать *(Камергеръ уходитъ со свитой. Вѣсъ встаютъ. Столы отодвигаются)*. Пиръ прерванъ, но мы возобновимъ его. Желаю всѣмъ прекраснаго пищеваренія. Еще разъ примите мои привѣтствія.

Трубы. Входитъ Король и другіе, замаскированные пастушечками; введенные лордомъ Камергеромъ, они прямо отправляются къ кардиналу и любезно раскланиваются съ нимъ.

Вольсей. Какое благородное общество! Что ему угодно?

Лордъ Камергеръ. Такъ какъ они не говорятъ по англійски, то просили меня передать вашей свѣтлости, что, узнавъ о столь прекрасномъ и столь благородномъ обществѣ, которое должно было, по слухамъ, собраться здѣсь сегодня вечеромъ, они сочли своимъ долгомъ, изъ уваженія къ красотѣ, оставить стада свои и испрашиваютъ позволенія, подъ вашимъ любезнымъ покровительствомъ, насладиться лицезрѣніемъ этихъ дамъ и провести часъ въ бесѣдѣ съ ними.

Вольсей. Скажите имъ, лордъ Камергеръ, что они дѣлаютъ великую честь моему бѣдному дому, за что благодарю ихъ тысячу разъ и прошу ихъ принять участіе въ нашемъ увеселеніи.

Кавалеры выбираютъ дамъ для танцевъ. Король выбираетъ Анну Болленъ.

Король Генрихъ. Прекраснѣйшей руки я никогда еще не касался! О, красота, до сегодняшняго дня я не зналъ тебя! *(Музыка. Танцы)*.

Лордъ Камергеръ. Что прикажетъ ваша милость?

Вольсей. Потрудитесь сказать имъ отъ меня, что между ними должно быть одно лицо, по сану своему болѣе достойное занять это мѣсто, чѣмъ я; а потому, если я его узнаю, то предложу ему это мѣсто, вмѣстѣ съ моею любовью и преданностью.

Лордъ Камергеръ. Сейчасъ передамъ, благородный лордъ.

(Подходитъ къ маскамъ и говоритъ съ ними; потомъ возвращается).

Вольсей. Ну, что они отвѣтили вамъ?

Лордъ Камергеръ. Они говорятъ, что между ними, дѣйствительно, находится такое лицо, но они желаютъ, чтобы ваша свѣтлость узнали его, и тогда онъ займетъ это мѣсто.

Вольсей. Ну, такъ попробуемъ.

(Идетъ съ своего мѣста).

Вольсей. Съ вашего позволенія, джентльманъ, — вотъ мой царственный избранникъ.

Король Генрихъ *(снимая маску)*. Вы нашли его, кардиналъ. Вы соблали прекрасное общество, и прекрасно сдѣлали; но если бы вы не были служителемъ церкви, я бы вамъ сказалъ, кардиналъ, что составилъ себѣ о васъ довольно невыгодное мнѣніе.

Вольсей. Я счастливъ, что ваше величество въ такомъ хорошемъ расположеніи духа.

Король Генрихъ. Лордъ Камергеръ, пожалуйста, подойдите сюда. Кто эта прекрасная леди?

Лордъ Камергеръ. Съ позволенія вашего величества, это дочь сэра Томаса Боллена, виконта Рочфордскаго, одна изъ фрейлинь ея величества.

Король Генрихъ. Клянусь небомъ, она — лакомый кусокъ... Прекраснѣйшая, я оказался бы невѣждой, еслибы пригласилъ васъ танцевать, не поцѣловать васъ... Джентльмены, за здоровье въ круговую!

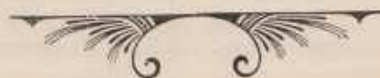
Вольсей. Сэръ Томасъ Ловель, приготовленъ ли столъ въ особомъ помѣщеніи? Ловель. Да, благородный лордъ.

Вольсей. Боюсь, что танцы нѣсколько разгорячили ваше величество.

Король Генрихъ. Да, немного, кажется.

Вольсей. Въ сосѣдней комнатѣ воздухъ нѣсколько свѣжій.

Король Генрихъ. Пусть каждый ведетъ свою даму. Прекрасная собесѣдница, я не долженъ разставаться съ вами. Позвольте намъ повеселиться, мой дорогой кардиналъ. Я долженъ выпить еще съ полдюжины тостовъ за здоровье этихъ прекрасныхъ леди, а затѣмъ и протанцевать съ ними, и тогда мы будемъ мечтать о томъ, кто изъ насъ болѣе другихъ очастливленъ ихъ благорасположеніемъ. Пусть играетъ музыка *(Уходятъ)*.

Дѣйствіе второе.

СЦЕНА I.

Улица.

Входятъ съ разныхъ сторонъ два джентльмена.

1-й джентльменъ. Куда вы такъ спѣшите?

2-й джентльменъ. О, да защитить васъ Господь! Иду въ судъ узнать, что будетъ съ благороднымъ герцогомъ Бокингамомъ.

1-й джентльменъ. Я могу избавить васъ отъ этого труда, сэръ. Все кончено, за исключеніемъ церемоніи, съ которой отведутъ плѣнника въ тюрьму.

2-й джентльменъ. Вы были тамъ?

1-й джентльменъ. Да, я былъ тамъ.

2-й джентльменъ. Скажите, прошу васъ, чѣмъ кончилось дѣло?

1-й джентльменъ. Вы и сами легко можете догадаться.

2-й джентльменъ. Онъ былъ объявленъ виновнымъ.

1-й джентльменъ. Да, объявленъ виновнымъ и осужденъ.

2-й джентльменъ. Очень жаль.

1-й джентльменъ. Какъ и многіе другіе.

2-й джентльменъ. Но какъ все это произошло, расскажите, пожалуйста?

1-й джентльменъ. Расскажу вамъ все въ нѣсколькихъ словахъ. Благородный герцогъ подошелъ къ перегородкѣ, на всѣ обвиненія постоянно отвѣчалъ, что не виновенъ, и привелъ множество очень искусныхъ оправданій, чтобы избѣжать кары

закона. Напротивъ того, королевскій атторней настаивалъ на показаніяхъ, доказательствахъ, признаніяхъ различныхъ свидѣтелей. Вслѣдствіе того герцогъ потребовалъ очной ставки съ ними, чтобы они обвиняли его въ его присутствіи, *viva voce*. Такимъ образомъ противъ него выступилъ его бывшій управитель, сэръ Джильбертъ Пэкъ, его канцлеръ, и Джонъ Каръ, его духовникъ, а затѣмъ все дѣло испортилъ этотъ проклятый монахъ Гопкинсъ.

2-й джентльменъ. Это тотъ, который подстрекалъ его своими предсказаніями?

1-й джентльменъ. Ну да, онъ самый. Всѣ они сильно его обвиняли; онъ старался опровергнуть ихъ показанія, но не могъ этого достигнуть. И тогда, на основаніи этихъ показаній, перы объявили его виновнымъ въ государственной измѣнѣ. Онъ много говорилъ, и съ большимъ умомъ, чтобы защитить свою жизнь, но все это вызывало лишь жалость къ нему или забывалось.

2-й джентльменъ. Ну, а послѣ этого, какъ онъ себя держалъ?

1-й джентльменъ. Когда его снова подвели къ перегородкѣ, чтобы выслушать свой похоронный звонъ, свой приговоръ, имъ овладѣло такое волненіе, что его бросило въ сильный потъ; онъ проговорилъ нѣсколько словъ очень быстро, гнѣвно, зло, но онъ скоро овладѣлъ собою и, наконецъ, успокоившись, все время обнаруживалъ самое благородное терпѣніе.

2-й джентльменъ. Я не думаю, чтобы онъ боялся смерти.

1-й джентльмэнъ. Конечно, нѣтъ. Онъ никогда не былъ еще такимъ впечатлительнымъ; но виной этому—причина его осужденія.

2-й джентльмэнъ. Разумѣется. Дѣло не обошлось безъ кардинала.

1-й джентльмэнъ. Весьма вѣроятно, если принять во вниманіе обстоятельства. Во-первыхъ, обвиненіе Кальдара, бывшаго депутатомъ отъ Ирландіи; когда онъ былъ устраненъ, туда отправили графа Соррея, чтобы онъ не могъ придти на помощь своему отцу.

2-й джентльмэнъ. Эта политическая шутка была глубоко коварна.

1-й джентльмэнъ. Конечно, послѣ своего возвращенія графъ отплатилъ ему за это. Было замѣчено, что всякій, кому король начинаетъ благоволить, получаетъ, благодаря кардиналу, мѣсто подальше отъ двора.

2-й джентльмэнъ. Весь народъ глубоко его возненавидѣлъ и, клянусь честью, желалъ бы его видѣть саженой десять подъ землей. Герцогъ, напротивъ, любимъ и уважаемъ всѣми; его называютъ великодушнымъ Бокингэмомъ, зеркаломъ всего возвышеннаго...

Входитъ Бокингэмъ изъ суда. Передъ нимъ — служители правосудія съ скирами, лезвіемъ обращенными къ нему; по бокамъ его стража съ алебардами; за ними — сэръ Томасъ Ловель, сэръ Никлэсъ Во, сэръ Вильямъ Сэндсъ и толпа.

1-й джентльмэнъ. Подождите здѣсь, сэръ, и взгляните на благороднаго несчастливца, о которомъ вы говорите.

2-й джентльмэнъ. Подойдемъ поближе и посмотримъ на него.

Бокингэмъ. Вы всѣ, добрые люди, пришедшіе сюда изъ состраданія ко мнѣ, послушайте, что я скажу, а потомъ разоидитесь по домамъ и покиньте меня на волю судьбы. Сегодня меня осудили, какъ измѣнника, и съ этимъ названіемъ я долженъ умереть, и однако, да будетъ небо мнѣ свидѣтелемъ, если во мнѣ есть совѣсть, то пусть она погрузитъ меня въ бездну, въ ту самую минуту, когда скира упадетъ на меня, если я измѣнникъ. Законъ не виновенъ въ моей смерти: по ходу дѣла онъ меня осудилъ справедливо, но тѣмъ, которые старались погубить меня, я бы желалъ, чтобы они были нѣсколько болѣе христианами. Кто бы они ни были, я прощаю имъ; однако, пусть они не добиваются славы во злѣ и не воздвигаютъ свои преступленія на могилахъ людей благородныхъ, потому что тогда моя невинная кровь будетъ вопіять противъ нихъ. На дальнейшую жизнь въ этомъ мірѣ я не рассчитываю

и не буду просить о помилованіи, хотя у короля болѣе милосердія, чѣмъ сколько я могъ бы сдѣлать преступленій. О, вы, немного любившіе меня, осмѣливающіеся оплакивать Бокингэма, его благородные друзья и товарищи, разставаніе съ которыми составляетъ мою единственную горечь, единственную смерть, — сопровождайте меня, какъ добрые ангелы, до мѣста казни, и когда желѣзо долгой разлуки падетъ на меня, сдѣлайте изъ вашихъ молитвъ одну сладостную жертву и вознесите душу мою къ небу... А теперь уведите меня, во имя Бога!

Ловель. Во имя милосердія, я умоляю вашу милость, если у васъ когда-либо скрывалось неудовольствіе противъ меня въ вашемъ сердцѣ, теперь простите меня чистосердечно.

Бокингэмъ. Сэръ Томасъ Ловель, я прощаю вамъ такъ же чистосердечно, какъ чистосердечно желалъ бы, чтобы и меня простили. Прощаю всѣмъ. Оскорбленія, которыми я подвергался, не такъ еще неизмѣримо велики, чтобы я не могъ примириться съ ними. Никакая черная зависть не запятнаетъ моей могилы. Передайте мой привѣтъ его величеству, и если онъ заговоритъ о Бокингэмѣ, то скажите ему, прошу васъ, что встрѣтили меня на полпути къ небу. Мои помыслы и молитвы принадлежатъ королю, и пока моя душа не оставитъ моего тѣла, она будетъ призывать на него одинъ лишь благословенія. Да проживетъ онъ больше лѣтъ, чѣмъ я успѣю насчитать ихъ. Пусть единственнымъ его правиломъ будетъ—быть любимымъ и любящимъ. А когда дряхлое время приблизитъ его къ концу, то пусть доброта и онъ займутъ одинъ и тотъ-же памятникъ.

Ловель. Я обязанъ провести вашу святость къ берегу воды; тамъ я передамъ мою обязанность сэру Никлэсу Во, который проводитъ васъ до мѣста вашей казни.

Во. Приготовьте все къ появленію герцога; обратите вниманіе на то, чтобы лодки были готовы и украшены соответственно его сану.

Бокингэмъ. Нѣтъ, сэръ Никлэсъ, оставьте это; мой санъ теперь — не болѣе, какъ насмѣшка надо мной. Когда я явился сюда, я былъ лордомъ, великимъ констаблемъ и герцогомъ Бокингэмомъ, а теперь я не болѣе, какъ бѣдный Эдуардъ Богонъ. И все-таки я богаче моихъ подлыхъ обвинителей, никогда не знавшихъ, что такое правда. Сегодня я запечатлѣю ее кровью, и эта кровь современемъ заставитъ стѣнать ихъ объ этомъ. Мой благородный отецъ, Генри Бокингэмъ, первый возставшій про-

тивъ Ричарда, похитителя престола, искалъ убѣжища у служителя своего Баннистера, — но въ своемъ несчастіи онъ былъ преданъ этимъ негодяемъ и погибъ безъ суда. Господь да успокоитъ его душу! Генрихъ Седьмой, занявшій затѣмъ престолъ, сожалѣя о гибели моего отца, съ истинно царскимъ великодушіемъ возвратилъ мнѣ почести и съ помощью развалинъ сдѣлалъ мое имя еще болѣе благороднымъ. Теперь его сынъ, Генрихъ Восьмой, однимъ ударомъ лишаетъ меня навсегда и жизни, и чести, и имени, и всего, что составляло мое счастье въ этомъ мірѣ. Меня судили и, я долженъ сказать, судили благородно. Этимъ я нѣсколько счастливѣе моего несчастнаго отца. Однако и въ этомъ наша судьба одинакова. Мы оба погибли отъ нашихъ служителей, отъ тѣхъ людей, которыхъ мы болѣе всего любили, — самая противно-естественная, самая вѣроломная услуга! — Небо во всемъ имѣетъ свою цѣль. Но вы, слушающіе меня, повѣрьте вѣрному совѣту умирающаго: не довѣряйтесь слишкомъ тѣмъ, которымъ расточаете любовь свою и совѣты, потому что именно тѣ, изъ которыхъ вы дѣлаете вашихъ друзей и которымъ отдаете ваши сердца, — при самомъ ничтожномъ толчкѣ вашему счастью отхлынутъ отъ васъ, какъ вода, и возвратятся для того лишь, чтобы утопить васъ. Добрые люди, молитесь за меня! Теперь я долженъ покинуть васъ. Послѣдній часъ моего долгаго и тягостнаго существованія отяготѣлъ надо мною. Прощайте... и когда захотите разсказать что-нибудь печальное, разскажите, какъ я погибъ... Я кончилъ... Да проститъ мнѣ Богъ... *(Бокингемъ и свита уходятъ)*.

1-й джентльмэнъ. О, какъ все это ужасно! Это призовесть, сэръ, много проклятій на головы виновниковъ.

2-й джентльмэнъ. Если герцогъ ни въ чемъ неповиненъ, то смерть его чревата несчастіями. И однако, я имѣю возможность намекнуть вамъ на грозящее намъ несчастіе, которое, если оно ниспадетъ на насъ, будетъ еще ужаснѣе.

Первый джентльмэнъ. Да отвратить его отъ насъ добрые ангелы! Что можетъ еще случиться? Надѣюсь, сэръ, вы не сомнѣваетесь въ моей скромности?

Второй джентльмэнъ. Тайна эта такъ важна, что требуетъ величайшей осторожности.

Первый джентльмэнъ. Довѣрьте мнѣ ее, — я не проговорюсь.

Второй джентльмэнъ. Не сомнѣваюсь въ этомъ. Итакъ, знайте, сэръ: не доходилъ-ли до васъ какъ-нибудь на этихъ

дняхъ слухъ о разводѣ короля съ Екатериной?

Первый джентльмэнъ. Да, я кое-что слыхалъ объ этомъ; но слухи эти не держались долго, потому-что, какъ только они дошли до короля, онъ сильно разгнѣвался и приказалъ лордъ-мэру немедленно прекратить эти слухи и заставить молчать языки, которые осмѣлятся распространять ихъ.

Второй джентльмэнъ. Ну, такъ я долженъ вамъ сказать, сэръ, что эта клевета теперь является дѣйствительностью; слухъ этотъ снова возникъ и растетъ съ болѣею еще силой. Считаютъ за несомнѣнное, что король рискнетъ на разводъ. Кардиналъ или кто-нибудь изъ окружающихъ его, изъ злобы къ королевѣ, внушилъ ему какія-то сомнѣнія, которыя погубятъ ее. Эти слухи подтверждаются недавнимъ прибытіемъ кардинала Кампейуса; думаютъ, что онъ пріѣхалъ именно по этому дѣлу.

Первый джентльмэнъ. Это — дѣло рукъ кардинала, и единственно изъ желанія отомстить императору, который не отдалъ ему, какъ это ему хотѣлось, архіепископство толедское.

Второй джентльмэнъ. Думаю, что вы вѣрно угадали, но не жестоко-ли, что за это должна расплачиваться королева? Кардиналъ хочетъ, чтобы его воля была исполнена, и она должна погибнуть.

Первый джентльмэнъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ; но здѣсь мы слишкомъ на открытомъ мѣстѣ, чтобы разговаривать объ этомъ; поговоримъ лучше обо всемъ этомъ въ болѣе уединенномъ мѣстѣ *(Уходятъ)*.

СЦЕНА II.

Передняя во дворцѣ.

Входитъ лордъ Камергеръ, читая письмо.

Лордъ Камергеръ. „Любезный лордъ! Лошади, которыхъ ваша свѣтлость требовали, были выбраны со всею заботливостью и тщаніемъ, на которыя я только способенъ; онѣ были обѣзжены и снабжены сбруей; были молоды, красивы и лучшей свѣрной породы. Когда онѣ были уже готовы къ отправкѣ въ Лондонъ, одинъ изъ служителей лорда-кардинала, по порученію его, снабженный всѣми полномочіями, захватилъ ихъ, сказавъ мнѣ, что его господинъ хочетъ, чтобы его требованія исполнялись раньше требованій всякаго другого подданнаго, если не требованій самого ко-

роля,—и это, сэръ, зажало намъ ротъ“. Боюсь, что действительно такъ и будетъ... Ну, что-жь? пусть себѣ присвоиваетъ ихъ. Вѣдь скоро онъ и все остальное присвоитъ себѣ.

Исходятъ: герцога Норфолкъ и Соффолкъ.

Норфолкъ. Счастливая встрѣча, лордъ Камергеръ.

Лордъ Камергеръ. Доброго утра, нашъ свѣтлость.

Соффолкъ. Чѣмъ занятъ король?

Лордъ Камергеръ. Я оставилъ его наединѣ съ самимъ собой, погруженного въ печальныя мысли и озабоченнаго.

Норфолкъ. По какой причинѣ?

Лордъ Камергеръ. Какъ кажется, его бракъ съ женой его брата слишкомъ тревожитъ его совѣсть.

Соффолкъ. Нѣтъ, я думаю, напротивъ, что его совѣсть слишкомъ тревожитъ нѣкую другую леди.

Норфолкъ. Конечно. Это дѣло рукъ кардинала, короля-кардинала: этотъ слѣпой попъ, какъ первенецъ фортуны, всѣмъ вертитъ по своему усмотрѣнію. Когда-нибудь и король узнаетъ это.

Соффолкъ. Дайто Богъ, а то, въ противномъ случаѣ, онъ никогда не узнаетъ самого себя.

Норфолкъ. Съ какимъ благочестивымъ видомъ онъ дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ! Съ какимъ тщаніемъ! Теперь, когда онъ разорвалъ союзъ между нами и императоромъ, этимъ могущественнымъ племянникомъ королевы, онъ вкрадывается въ душу короля и разсѣваетъ тамъ сомнѣнія, угрызенія совѣсти и все по поводу его брака; а чтобы избавить короля отъ всѣхъ этихъ заботъ, онъ совѣтуетъ ему разводъ,—бросить ту, которая, подобно драгоцѣнному камню, въ теченіи двадцати лѣтъ украшала собою его шею, никогда не теряя своего блеска, ту, которая любила его съ такою преданностью, какою любятъ добрые ангелы, ту, наконецъ, которая, когда падъ нею разразится ужасный ударъ судьбы, будетъ все еще благословлять короля! Не благочестивый-ли это поступокъ?

Лордъ Камергеръ. Избави Богъ отъ такого совѣтчика! Совершенно справедливо: эти новости распространены повсюду; всѣ

языки повторяютъ ихъ, и всѣ честныя сердца скорбятъ объ этомъ. Всѣ, кто осмѣливается поглубже вникнуть въ это дѣло, думаютъ, что концомъ всего будетъ сестра короля французскаго. Но небо когда-либо откроетъ королю глаза, столь долгое время закрытые, на этого дерзкаго и злого чело-вѣка.

Соффолкъ. Онъ освободитъ насъ отъ его ярма.

Норфолкъ. Мы должны молиться съ самымъ сердечнымъ усердіемъ объ избавленіи отъ него, или же, въ противномъ случаѣ, этотъ властный чело-вѣкъ всѣхъ насъ, принцевъ, сдѣластъ пажами. Всѣ чело-вѣческія почести лежатъ передъ нимъ,

какъ одинъ комъ, которому онъ придаетъ какую ему угодно форму.

Соффолкъ. Что касается меня, благородные лорды, то я ни люблю, ни боюсь его, — вотъ и весь мой символъ вѣры. Такъ какъ онъ не участвовалъ въ моемъ созданіи, то я останусь тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ былъ, если будетъ угодно королю. Какъ его проклятія, такъ и его благословія одинаково меня трогаютъ, — все это не болѣе, какъ пустое движеніе воздуха, на которое я не обращаю вниманія. Я его знаю

и знаю, а потому—представляю его тому, кто сдѣлалъ его столь надменнымъ,—папѣ.

Норфолкъ. Войдемъ и попробуемъ развлечь короля какимъ-нибудь другимъ занятіемъ, благодаря которому онъ бы могъ забыть эти печальныя мысли, которыя слишкомъ овладѣли имъ... Вы съ нами, благородный лордъ?

Лордъ Камергеръ. Извините меня; король далъ мнѣ другое порученіе; къ тому же вы выбираете очень неудачное время для развлечения его. Желаю вамъ всего хорошаго.

Норфолкъ. Благодаримъ васъ, лордъ Камергеръ (*Лордъ Камергеръ уходитъ*). Норфолкъ отдергиваетъ занавѣсъ двери, сквозь которую виденъ король, который сидитъ, углубленный въ чтеніе.

Соффолкъ. Какой у него печальный видъ! Должно быть, онъ сильно огорченъ.

Король Генрихъ. Кто тутъ? А?

Норфолькъ. Дай Богъ, чтобы онъ не разсердился.

Король Генрихъ. Кто тамъ, говорятъ вамъ? Какъ осмѣливаетесь вы нарушать мое уединеніе! Развѣ вы не знаете, кто я? А?

Норфолькъ. Милостивый король, прощающій всякій невольный проступокъ, нарушение нами вашего уединенія имѣетъ причиной дѣло государственной важности, насчетъ котораго мы пришли узнать вашу королевскую волю.

Король Генрихъ. Вы слишкомъ дерзки. Уйдите! я приучу васъ знать часы службы. Развѣ теперь часъ мірскихъ дѣлъ? А?

Входятъ: Вольсей и Кампейусъ.

Король Генрихъ. Кто тамъ? Мой добрый лордъ кардиналъ? О, мой Вольсей, успокоеніе моей раненой совѣсти! Ты—лѣкарство, нужное королю! (*Кампейусу*). Привѣтствую васъ, многоученый, почтенный сэръ, привѣтствую васъ въ нашемъ королевствѣ. Располагайте по вашему усмотрѣнію и нами, и имъ (*Вольсею*). Мой добрый лордъ, позаботьтесь, чтобы мои слова не были простой болтовней.

Вольсей. Этого, конечно, быть не можетъ,—я бы желалъ, чтобы ваше величество удѣлили намъ часъ времени для разговора наединѣ.

Король Генрихъ. (*Норфольку и Соффольку*). Мы заняты, оставьте насъ.

Норфолькъ (*въ сторону*). Неправда-ли, у этого попа нѣтъ и тѣни гордости?

Соффолькъ (*въ сторону*). Объ этомъ и говорить нечего. Я бы не хотѣлъ нажить себѣ такую болѣзнь, даже и за такое мѣсто, какъ его. Но это дальше не можетъ продолжаться.

Норфолькъ (*въ сторону*). Если такъ будетъ продолжаться, то я самъ рискну... Пусть остерегается.

Соффолькъ (*въ сторону*). Да и я тоже (*Норфолькъ и Соффолькъ уходятъ*).

Вольсей. Ваше величество преподали урокъ мудрости принцамъ, подвергнувъ, по собственному свободному вашему желанію, сомнѣнія вашей совѣсти рѣшенію церкви. Кто теперь можетъ быть недоволенъ? Какая зависть можетъ прикоснуться къ вамъ? Испанецъ, связанный съ нею узами крови и любви, долженъ теперь признать, если онъ хоть сколько-нибудь искрененъ, что судъ этотъ безпристрастенъ и благороденъ. Всѣ клерки, то есть, я хочу сказать, всѣ ученые всѣхъ христіанскихъ государствъ, подали свободно свой голосъ. Римъ, эта кормилица всяческаго осужденія, по вашему личному желанію, посылаетъ намъ всемірный органъ, этого добраго, высоко справедливаго и ученаго священника, кардина-

ла Кампейуса, котораго я еще разъ имѣю честь представить вашему величеству.

Король Генрихъ. А я еще разъ привѣтствую его въ моихъ объятіяхъ, принося мою признательность священному канклаву за его расположеніе ко мнѣ. Они послали мнѣ человѣка, какого я и самъ желалъ.

Кампейусъ. Ваше величество долженъ заслужить любовь всѣхъ племени. Вы такъ благородны. Въ руки вашего величества я передаю мои полномочія, которыми римскій дворъ присоединяетъ васъ, благородный лордъ кардиналъ Йоркскій, ко мнѣ, своему служителю, для безпристрастнаго суда по этому дѣлу.

Король Генрихъ. Два мужа равнаго достоинства! Королева будетъ немедленно извѣщена о причинѣ вашего прибытія. Идѣ Гардинеръ?

Вольсей. Я знаю, ваше величество всегда любилъ ее такъ нѣжно, что не откажете ей въ томъ, на что по закону имѣетъ право и женщина менѣе высокаго положенія.—ученыхъ законниковъ съ правомъ защищать ее свободно.

Король Генрихъ. Конечно, у ней будутъ самые лучшіе защитники, и наша особая милость будетъ принадлежать тому, кто лучше другихъ защититъ ее. Сохрани Богъ, чтобы было иначе. Кардиналъ, прошу васъ, позовите Гардинера, моего новаго секретаря (*Вольсей уходитъ*).

Входитъ Вольсей съ Гардинеромъ.

Вольсей. Дайте мнѣ вашу руку. Желаю вамъ счастья и милостей. Теперь вы служитель короля.

Гардинеръ (*кардиналу*). Но по прежнему къ услугамъ вашей свѣтлости, рука котораго меня возвысила.

Король Генрихъ. Подойди сюда, Гардинеръ (*Тихо говорятъ*).

Кампейусъ. Лордъ Йоркъ, не правдали, что это мѣсто занималъ передъ нимъ нѣкто докторъ Пэсъ?

Вольсей. Да.

Кампейусъ. Неправда-ли, что онъ считался человѣкомъ ученымъ?

Вольсей. Да.

Кампейусъ. Повѣрьте мнѣ, относительно васъ, лордъ кардиналъ, ходятъ неблагоприятные слухи.

Вольсей. Какъ? Относительно меня?

Кампейусъ. Осмѣливаются говорить, что вы завидовали ему, и что, боясь его возвышенія, ибо онъ былъ дѣйствительно человѣкъ добродѣтельный, вы постоянно держали его въ иностранныхъ государствахъ, и это такъ огорчало его, что подъ конецъ онъ сошелъ съ ума и умеръ.

Вольсей. Миръ душѣ его! Эти пожеланія достаточны для любви христіанской. Что-же касается живыхъ порицателей, то для нихъ существуютъ исправительныя заведенія. Это былъ просто дуракъ, потому что, во что-бы то ни стало, хотѣлъ быть добродѣтельнымъ. А вотъ этотъ добрый молодецъ слѣдуетъ моимъ приказаніямъ, какъ только я заявлю ихъ. Другихъ мнѣ не надо при королѣ. Поймите, любезный братъ, мы здѣсь не для того, чтобы намъ мѣшали низшіе.

Король Генрихъ. Передайте это королевѣ съ возможной мягкостію (*Гардинеръ уходитъ*). Самое приличное мѣсто для такого труднаго дѣла, мнѣ кажется, Блэкфрайерсъ; тамъ вы соберетесь для рѣшенія этого важнаго дѣла... Любезный Вольсей, поручаю вамъ все приготовленія. Ахъ, добрый лордъ, развѣ не грустно человѣку, еще полному силъ, отказаться отъ такой прелестной подруги? Но совѣсть, совѣсть... Да, это чувствительное мѣсто... И долженъ съ нею разстаться.

СЦЕНА III.

Передняя королевы.

Входятъ: Анна Болленъ и старая лэди.

Анна. Ни за что въ міръ... Все это ужасно: его величество жилъ съ нею такъ долго, а она—такая добродѣтельная, что никогда ни одинъ языкъ не могъ сказать ничего противъ ея чести,—клянусь жизнью, она никогда не умѣла сдѣлать злое дѣло... А теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ на тронѣ, все время возрастающаго величія и роскоши, лишеніе которыхъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ слаще ихъ пріобрѣтеніе,—послѣ всего этого отвергнуть! О, этимъ можете тронуться даже чудовище!

Старая лэди. Самыя безчувственныя сердца смягчаются и скорбятъ о ней.

Анна. Боже мой! Было-бы лучше, если-бы она не знала никакого величія. Какъ-бы это величіе ни было суетно, но когда сердитая судьба заставляетъ насъ развѣдаться съ нимъ, то для насъ это такое-же ужасное страданіе, какъ и отдѣленіе души отъ тѣла.

Старая лэди. Увы! несчастная, она опять чужестранка.

Анна. Тѣмъ болѣе нужно сожалѣть ее. Право, гораздо лучше работать въ низкой долѣ и жить въ довольствѣ съ бѣдняками, чѣмъ величаться въ блестящей печали и носить золотое горе.

Старая лэди. Быть довольнымъ—наше лучшее достояніе.

Анна. Клянусь честью и моею дѣвственностью, я-бы не желала быть королевою.

Старая лэди. Ахъ, какъ можно! Что касается меня, то я рискнула-бы даже дѣвственностью, лишь-бы только быть королевой; да и вы-бы сдѣлали то-же самое, не смотря на все гримасы вашего лицемѣрія. Вы обладаете самою прекрасною вишностью женщины, но и сердце у васъ тоже—сердце женщины, а сердце женщины всегда было блескъ, роскошь, властвованія, котормя, если уже говорить правду,—самыя великія блага, и эти блага,—хотя вы теперѣ и жеманитесь,—ваша совѣсть изнѣженнаго козленка весьма способна принять, если только вы захотите хоть нѣсколько растянуть ее.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ!

Старая лэди. Да, да, въ самомъ дѣлѣ, да. Ну, скажите, развѣ вы-бы не хотѣли быть королевой?

Анна. Нѣтъ, ни за какія блага, существующія подъ небомъ.

Старая лэди. Странно! А я такъ и за три пенса согласилась-бы быть королевой, какъ я ни стара. Но скажите мнѣ, какого вы мнѣнія, напримѣръ, насчетъ герцогини? Въ состояніи-ли вы перенести тяжесть этого титула?

Анна. Нѣтъ.

Старая лэди. Ну, слабеньки-же вы. Уменьшимъ еще тяжесть. Я не хотѣла-бы быть юнымъ графомъ, попавшимся вамъ на пути, который заставилъ-бы васъ болѣе, чѣмъ покраснѣть. Если ваша спина не въ состояніи вынести и этой тяжести, то вы слишкомъ слабы, чтобы родить мальчишку.

Анна. Какъ вы болтаете! Еще разъ увѣряю васъ, что ни за что на свѣтѣ не хотѣла-бы быть королевой.

Старая лэди. Ну, клянусь честью, за какую-нибудь крошечную Англію рискнули-бы; да и я рискнула-бы изъ-за какого-нибудь Карнарвоншира, еслибы даже и не было бы ничего другаго у короля... Кто это идетъ?

Входитъ лордъ Камергеръ.

Лордъ Камергеръ. Доброго утра, лэди. Что слѣдуетъ заплатить за тайну вашей бесѣды?

Анна. Добрый лордъ, не спрашивайте: тайна эта не стоитъ даже вашего вопроса. Мы скорбимъ о несчастіи нашей госпожи.

Лордъ Камергеръ. Это—великодушное занятіе, достойное женщины, истинно доброй. Есть однако надежда, что все пойдетъ къ лучшему.

Анна. Молю объ этомъ Бога!

Лордъ Камергеръ. Вы великодушны, а благословеніе неба всегда вознаграждаетъ такія существа. Но, прекрасная лэди, чтобъ доказать вамъ, что я говорю искренно и что высоко цѣнятся ваши многочисленныя добродѣтели, его королевское величество свидѣлствуетъ вамъ свое высокое уваженіе и жалуетъ вамъ титулъ маркизы Пемброкъ; къ этому титулу его величество прибавляетъ ежегодную пенсію въ тысячу фунтовъ!

Анна. Не знаю, чѣмъ могла-бы я выразить мою благодарность ему. Все, чѣмъ обладаю я,—ничто. Мои молитвы не достаточно святы, мои пожеланія—не болѣе, какъ пустыя слова; а вѣдь молитвы и пожеланія,—вотъ и все, что я могу отдать ему взаимъ этого. Умолю вашу свѣтлость благоволить выразить его величеству благодарность и преданность сконфуженной рабыни, молящейся о его здравіи и о его царствованіи.

Лордъ Камергеръ. Прекрасная лэди, не забуду еще болѣе возвеличить прекрасное мнѣніе, которое король составилъ себѣ о васъ (*Въ сторону*). Я хорошо ее разсмотрѣлъ. Красота и достоинство такъ сплелись въ ней, что плѣнили короля. И, кто знаетъ? можетъ быть изъ этой лэди выйдетъ драгоценный камень, который озаритъ своимъ блескомъ весь этотъ островъ?—Иду къ королю и скажу, что говорилъ съ вами.

Анна. Достойный лордъ...

Лордъ Камергеръ уходитъ.

Старая лэди. Ну, такъ и есть; посмотрите, посмотрите! Цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ кланяла я при дворѣ (да и теперь еще кланчу) и однако до сихъ поръ не умѣла найти середины между „слишкомъ рано“ и „слишкомъ поздно“ ни для одной изъ моихъ просьбъ о денежномъ пособіи, а вы (о, судьба!) еще совсѣмъ свѣжая рыба здѣсь (какой срамъ, какой срамъ такое навязчивое счастье!),—и вашъ ротъ наполненъ прежде, чѣмъ вы его открыли!

Анна. Это и мнѣ кажется страннымъ.

Старая лэди. А какъ оно на вашъ вкусъ? Горько? Держу сорокъ пенсовъ, что нисколько не горько. Жила-была однажды прекрасная лэди (это—старая сказка), которая не хотѣла быть королевой,—не хотѣла даже за всю грязь Египта... Слышали вы эту сказку?

Анна. Вы все шутите.

Старая лэди. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы, пожалуй, взлетѣла выше жаворонка. Маркиза Пемброкъ! Тысячу фунтовъ въ годъ! Изъ чистаго уваженія, безъ всякаго обязательства!.. Клянусь жизнью, это общается и впереди еще много другихъ тысячъ! Шлейфъ величья длиннѣе его юбки!

Теперь я знаю, что ваша спина можетъ снести и титулъ герцогини. Скажите, развѣ теперь вы не чувствуете себя сильнѣе, чѣмъ были прежде?

Анна. Моя добрая лэди! Забавляйтесь вашими фантазіями, но оставьте меня въ покоѣ. Я готова сейчасъ умереть, если это хоть сколько-нибудь волнуетъ мою кровь. Я прихожу въ ужасъ при одной мысли, что изъ этого можетъ выйти... Королева находится въ горѣ, и мы забываемъ ее, благодаря нашему долгому отсутствію.

Старая лэди. Да за кого-же вы меня принимаете! (*Она уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Зала въ Блэкфрайерсѣ.

Трубы и литавры. Входятъ два жезлоносца съ короткими серебряными жезлами; за ними—два писца въ докторскомъ одѣяніи; послѣ нихъ архіепископъ Кэнтерберійскій одинъ, а вслѣдъ за нимъ—епископы: Линкольнскій, Элійскій, Рочестерскій и Сентъ-Асафскій; за ними въ небольшомъ отъ нихъ разстояніи,—джентльмэнъ, несущій кошель, государственную печать и кардинальскую шапку; потомъ—два священника съ серебряными крестами; потомъ—придверникъ залы совѣта, съ непокрытой головой, и капитанъ стражи съ серебряной булавой; за ними—два джентльмена съ двумя большими серебряными жезлами; за ними рядомъ два кардинала: Вольсей и Кампейусъ; за ними два лорда съ мечомъ и жезломъ. За ними входятъ: король и королева съ ихъ свитами. Король садится подъ балдахиномъ; кардиналъ, какъ судья, садится ниже его. Королева—въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ короля. Епископы садятся по обѣимъ сторонамъ суда, напоминающаго собраніе консисторіи; пониже—писцы. Лорды садятся рядомъ съ епископами. Глашатаи и другіе служители размѣщаются съ установленнымъ порядкомъ.

Вольсей. Возвѣстите молчаніе во время чтенія полномочій, дарованныхъ намъ Римомъ.

Король Генрихъ. Зачѣмъ? Полномочья были уже читаны публично и ихъ подлинность была признана всѣми. А поэтому ихъ чтеніе будетъ только напрасная трата времени.

Вольсей. Да будетъ такъ. Приступайте.

Писецъ. Провозгласи: Генрихъ, король Англіи, предстанъ передъ судомъ.

Глашатай. Генрихъ, король Англіи, предстанъ передъ судомъ!

Король Генрихъ. Я здѣсь.

Писецъ. Провозгласи: Екатерина, королева Англіи, предстанъ передъ судомъ.

Глашатай. Екатерина, королева Англіи, предстанъ передъ судомъ!

Королева не отвѣчаетъ, встаетъ со своего мѣста, обходитъ судъ, подходитъ къ королю и преклоняетъ передъ нимъ колѣна.

Королева Екатерина. Государи, молю васъ оказать мнѣ справедливость и возстановить мое право, а также и быть ко мнѣ сострадательнымъ, потому-что я—бѣдная женщина и иностранка, родившаяся внѣ вашихъ владѣній, не имѣющая здѣсь безпристрастныхъ судей и не разсчитывающая на справедливое доброжелательство и на справедливый судъ. Увы, государь, чѣмъ могла я васъ оскорбить? Чѣмъ мое поведение могло вызвать вашъ гнѣвъ до такой степени, что вы рѣшились отвергнуть меня и лишить меня вашего добраго расположенія? Небо свидѣтель, что я всегда была вѣрной и покорной женой, всегда сообразовавшейся съ вашей волей, всегда боявшейся возбудить ваше неудовольствіе, подчинявшейся даже вашему состоянію духа,—печальному или веселому, по мѣрѣ того, какъ замѣчала измѣненія вашего лица. Были такой часъ, когда я противорѣчила-бы вашимъ желаніямъ или не дѣлала-бы ихъ моимъ собственнымъ желаніемъ? Кого изъ вашихъ друзей не старалась я любить, даже зная, что онъ мой врагъ? Кто изъ моихъ друзей когда-либо возбудилъ вашъ гнѣвъ, не лишившись въ тоже время моихъ милостей и не получивъ заявленія, что онъ ихъ лишился? Вспомните только, государь, что въ такой покорности я была вашей женой больше двадцати лѣтъ и что я имѣла счастье имѣть отъ васъ нѣсколько дѣтей. Если въ теченіи всего этого времени вы можете указать и доказать хотя что-нибудь пятнающее мою честь, мою вѣрность супруги, мою любовь и мое уваженіе къ вашей священной особѣ,—то во имя Бога прощу васъ, отвергните меня, и пусть тогда самое ужасное презрѣніе захопнетъ за мною дверь и предаетъ меня самому строгому суду. Государь, король—вашъ отецъ славился, какъ принцъ вполне благоразумный, съ проникательнымъ сужденіемъ и несравненнымъ пониманіемъ; Фердинандъ—мой отецъ, король Испаніи—почитался однимъ изъ самыхъ мудрыхъ принцевъ, когда-либо прежде царствовавшихъ въ этой странѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они собирали на совѣтъ, въ каждомъ изъ этихъ государствъ, наиболѣе мудрыхъ совѣтниковъ, рѣшившихъ, что нашъ бракъ вполне

законенъ. А поэтому покорно умоляю васъ пощадить меня до тѣхъ поръ, пока я не получу надлежащихъ совѣтовъ отъ моихъ друзей въ Испаніи, мнѣнія которыхъ я буду просить. Въ противномъ случаѣ,—во имя Бога, осуществляйте ваши желанія.

Вольсѣй. Передъ вами эти преподобные отцы, которыхъ вы сами избрали, люди рѣдкой честности и рѣдкой учености, краса всей страны; они здѣсь собраны, чтобы защищать васъ. Поэтому, бесполезно съ вашей стороны желать отсрочить рѣшеніе, столь необходимое какъ для вашего собственнаго спокойствія, такъ и для утѣшенія сомнѣній короля.

Кампейусъ. Ваша свѣтлость говорили хорошо и справедливо. А потому, государыня, приличествуетъ, чтобы это королевское дѣло было разсмотрѣно и чтобы, безъ малѣйшихъ отсрочекъ, было приступлено къ изложенію и обсужденію всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла.

Королева Екатерина. Обращаюсь къ вамъ, лордъ-кардиналъ.

Вольсѣй. Что угодно вамъ, государыня?

Королева Екатерина. Сэръ, я готова расплакаться, но думаю, что я королева (по крайней мѣрѣ, я долго грезилъ, что я—королева), убѣжденная въ томъ, что я—дочь короля, я теперь обращаю мои слезы въ искры пламени.

Вольсѣй. Но будьте терпѣливыѣ.

Королева Екатерина. Я буду терпѣлива, когда вы будете скромны; а впрочемъ, нѣтъ, раньше—или Богъ накажетъ меня. Важныя обстоятельства заставляютъ меня думать, что вы—мой врагъ, и поэтому отожгу васъ: вы не можете быть моимъ судьей, потому что вы именно вздули это пламя между моимъ господиномъ и мной,—да затушить его Господня роса! А потому, повторяю, я рѣшительно отвергаю и отъ всей души не признаю васъ моимъ судьей. Еще разъ повторяю,—что считаю васъ моимъ злѣйшимъ врагомъ и совсѣмъ не считаю васъ другомъ правды.

Вольсѣй. Я долженъ сознаться, что не узнаю васъ въ этихъ словахъ; вы всегда были снисходительны и обнаруживали доброту и мудрость, которая рѣдко можно встрѣтить въ женщинѣ. Вы оскорбляете меня, государыня; я ничего не имѣю противъ васъ, я не несправедливъ ни къ вамъ, ни къ кому-либо другому; я дѣйствовалъ и буду дѣйствовать, согласно предписаніямъ римской консисторіи. Вы обвиняете меня въ томъ, что я вздулъ это пламя,—я это отрицаю. Король здѣсь; если онъ находитъ, что я противорѣчу себѣ, то онъ по праву можетъ вознегодовать на мое коварство,—

да, вознегодовать такъ же легко, какъ вы вознегодовали на мою правдивость. Но если онъ знаетъ, что я не заслуживаю вашего обвиненія, то онъ точно также знаетъ, что я не защищенъ отъ клеветы. Такимъ образомъ, только онъ и можетъ залечить мою рану, а чтобы залечить ее—достаточно удалить отъ васъ эти мысли. Но прежде, чѣмъ его величество выскажется въ этомъ отношеніи, умоляю васъ, государыня, взять назадъ ваши слова и впередъ не говорить ничего подобнаго.

Королева Елизавета. О, лордъ лорды! я—простая женщина, слишкомъ слабая, чтобы бороться съ вашей хитростью. У васъ покорный и смиренный видъ. Вы исполняете ваши обязанности подъ покровомъ кротости и смиренія, но сердце ваше полно надменности, злобы, гордости. Благодаря счастью и милостямъ его величества, вы быстро прошли всѣ низкія ступени и теперь поднялись на такую высоту, гдѣ все зависитъ отъ васъ. Ваши слова, какъ ваши слуги, исполняютъ вашу волю во всемъ, что вамъ угодно предписать имъ. Я должна сказать вамъ, что вы гораздо болѣе заботитесь о вашемъ личномъ величій, чѣмъ о нашемъ духовномъ призваніи. Еще разъ, —я не признаю васъ моимъ судьей, и здѣсь, въ присутствіи всѣхъ васъ, я обращаюсь къ папѣ и переношу мое дѣло на судъ его святѣйшества.

(Преклоняетъ колѣна передъ королевою и собирается выйти).

Кампвейусъ. Королева упорствуетъ; она возстаетъ противъ суда, она готова обвинить его и не хочетъ подчиниться ему; это дурно. Она удаляется.

Король Генрихъ. Потребуйте ее снова.

Глашатай. Екатерина, королева Англіи, предстанъ передъ судомъ!

Грифитъ. Государыня, васъ призываютъ.

Королева Екатерина. Вамъ незачѣмъ обращать на это вниманіе; прошу васъ, идите своей дорогой; когда васъ позовутъ, вы вернетесь. О, да поможетъ мнѣ Господь! Они выводятъ меня изъ терпѣнія. Прощу васъ, идите; я не останусь здѣсь, — нѣтъ, никогда не появлюсь ни на одинъ изъ ихъ судовъ *(Королева уходитъ съ Грифитомъ и свитой)*.

Король Генрихъ. Ступай своей дорогой, Кэтъ. Если найдется въ мірѣ человѣкъ, который осмѣлится сказать, что у него жена лучше этой, не вѣрьте ему, — онъ солгалъ. Если бы всѣ твои рѣдкія качества, твоя ангельская доброта, твоя святая кротость, твое женственное достоинство, покорное во властвованіи, если бы другіи

твой добродѣтели, царственные и благочестивыя, замолвили слово за тебя, то ты была бы царицей царицъ всей земли... Она — благороднаго происхожденія, и въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ поступала согласно своему истинному благородству.

Вольскій. Государь, убѣдительнѣе прошу ваше величество заявить всѣмъ здѣсь присутствующимъ (потому-что, гдѣ я былъ ограбленъ и связанъ, тамъ я долженъ быть развязанъ, хотя это и не будетъ еще полнымъ удовлетвореніемъ), — я-ли внушилъ вашему величеству поднять это дѣло? Возбудилъ-ли я въ васъ какое-либо сомнѣніе, которое бы побудило васъ поднять это разслѣдованіе? Дѣлалъ-ли я когда-либо что-либо иное, какъ приносилъ благодареніе Господу за такую царственную королеву? Сказалъ-ли я вамъ хоть одно слово, которое могло-бы быть невыгодно для ея настоящаго положенія, или было-бы направлено противъ ея прекрасной личности?

Король Генрихъ. Лордъ-кардиналъ, я оправдываю васъ; да, клянусь честью, очищаю васъ отъ всѣхъ этихъ обвиненій. Вамъ, конечно, извѣстно, что у васъ много враговъ, которые не знаютъ, почему они ваши враги, но которые, подобно деревенскимъ псамъ, лаютъ, когда другіе лаютъ; нѣкоторыми изъ такихъ псовъ и королева были восстановлена противъ васъ. Вы оправданы, но хотите еще болѣе полного оправданія? Вы всегда желали усыпить это дѣло; вы никогда не старались возбудить его; напротивъ, часто вы затрудняли всякій приступъ къ нему. Клянусь честью, я свидѣтельствую это, мой добрый лордъ-кардиналъ, и оправдываю васъ. Но теперь, что именно побудило меня къ этому шагу? Объясню вамъ это, пользуясь вашимъ временемъ и вниманіемъ. Обратите вниманіе на ходъ моихъ мыслей въ этомъ вопросѣ. Вотъ какъ это случилось. Первое безпокойство и первое сомнѣніе, закравшееся въ мою совѣсть, было возбуждено нѣкоторыми намеками байенскаго епископа, бывшаго тогда французскимъ посланникомъ, который былъ присланъ для переговоровъ о бракѣ герцога Орлеанскаго съ нашей дочерью Маріей. Во время этихъ переговоровъ и до принятія окончательнаго рѣшенія, онъ (то-есть, епископъ) потребовалъ отсрочки, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ подвергнуть на обсужденіе своего короля вопросъ: дѣйствительно-ли наша дочь законна, въ виду того, что она родилась отъ нашего брака съ вдовствующей королевой, бывшей супругой нашего брата. Эта отсрочка сильно потрясла мою совѣсть, проникла въ нее съ сокрушительной силой и заставила трепетать всѣ области моего сердца; она проложила до-

рогу множеству размышлений, томивших меня своею тяжестью. Прежде всего, я подумалъ, что небо перестало мнѣ благопріятствовать, — небо, которое, повелѣвая природѣ, потребовало, чтобы чрево жизни моей, если она понесетъ отъ меня мальчика, дало ему не больше жизни, чѣмъ могила даетъ мертвымъ. И, дѣйствительно, всѣ ея дѣти мужскаго пола умирали или тамъ, гдѣ были зачаты, или вскорѣ послѣ того, какъ міръ обвѣялъ ихъ своимъ воздухомъ. Вслѣдствіе этого, я пришелъ къ мысли, что это — судъ Божій, что мое королевство, вполне достойное лучшаго наслѣдника міра, не будетъ, благодаря мнѣ, обрадовано никакимъ наслѣдникомъ. Послѣ этого я принужденъ былъ извѣстить опосность, которой подвергается мое государство, за неимѣніемъ у меня потомства; эта мысль повергла меня въ мучительное безпокойство. Такимъ образомъ, волнуемый бурнымъ моремъ моей совѣсти, я направлялъ мою ладью къ лекарству, ради котораго мы здѣсь собрались, то-есть, я хочу сказать, я хотѣлъ облегчить мою совѣсть, тяжелыя страданія которой я чувствовалъ, и которая и теперь еще страдаетъ, — хотѣлъ облегчить мудростью всѣхъ благочестивыхъ отцовъ государства и всѣхъ ученыхъ докторовъ. Прежде всего, я обратился за совѣтомъ къ вамъ, любезный лордъ — епископъ Линкольскій, и вы помните, какъ томился я подъ тяжестью этихъ сомнѣній, когда впервые я сдѣлалъ вамъ признаніе.

Линкольнъ. Прекрасно помню, мой повелитель.

Король Генрихъ. Я долго говорилъ; теперь можете отъ себя сказать, какъ вы удовлетворили меня.

Линкольнъ. Съ позволенія вашего величества я скажу, что дѣло это такъ сму-

тило меня важностью своихъ послѣдствій, что я предалъ сомнѣнію самый смѣлчій совѣтъ и умолялъ ваше величество принять тотъ путь, которому вы слѣдуете теперь.

Король Генрихъ. Послѣ этого я обратился къ вамъ, лордъ-архіепископъ Кентерберійскій, и получилъ ваше согласіе созвать это судилище. Во всемъ этомъ собраніи нѣтъ ни одного благочестиваго лица, съ которымъ я бы не совѣтовался; я дѣйствовалъ съ формальнаго согласія, скрѣпленнаго вашими подписями и печатями. Поэтому продолжайте ваше дѣло. Не какое-либо неудовольствіе противъ личности нашей доброй королевы, но колючіе терны приведенныхъ мною причинъ понуждаютъ меня къ этому. Докажите только, что нашъ бракъ законенъ, и, клянусь жизнью и моимъ королевскимъ достоинствомъ, мы будемъ счастливы закончить наше земное поприще съ нею, Екатериной, нашей королевой, и предпочтемъ ее самому совершеннѣйшему созданію, которымъ міръ этотъ украшенъ.

Кампейусъ. Съ позволенія вашего величества, такъ какъ королева отсутствуетъ, то необходимо на время отложить обсужденіе этого дѣла, и въ этотъ промежутокъ уговорить королеву не переносить этого дѣла на судъ его святѣйшества (*Всѣ встаютъ*).

Король Генрихъ (*въ сторону*). Мнѣ не трудно замѣтить, что эти кардиналы хитрятъ со мною. Я ненавижу эти змѣинныя проволочки и лукавства Рима. Мой ученый и любимый служитель, Краймъ, вернись поскорѣе, умоляю тебя. Съ тобою, я знаю, вернется ко мнѣ и мое спокойствіе. — Закройте засѣданіе. Удалитесь, говорю вамъ! (*Всѣ выходятъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ вошли*).

Дѣйствіе третье.

СЦЕНА I.

Дворецъ въ Бридуэлѣ. Комната въ отдѣленіи королевы.

Королева и нѣсколько ея женщинъ за работою.

Королева Екатерина. Возьми свою лютню, дѣвочка; душа моя печальна; пой и разсѣй мою печаль, если можешь. Брось работу.

Пѣсня.

Орфей своей лютней заставлялъ деревья
И ледяныя вершины горъ
Склоняться, когда онъ пѣлъ.
При его музыкѣ, растенія и цвѣты,
Не переставая, произрастали, точно солнце и дождь
Сдѣлали вѣчную весну.

Все, слышавшее его игру,
Даже волны океана
Склоняли головы и оставались неподвижными.
Таково искусство сладостной музыки,—
Убийственная забота и печаль сердца
Засыпаютъ или, слушая, умираютъ.

Входитъ джентльмэнъ.

Королева Екатерина. Что тебѣ?

Джентльмэнъ. Съ позволенія вашего величества, два благородные кардинала ожидаютъ въ пріемной.

Королева Екатерина. Они желаютъ меня видѣть?

Джентльмэнъ. Они поручили мнѣ передать вамъ это, государыня.

Королева Екатерина. Просите ихъ свѣтлости войти (*Джентльмэнъ уходитъ*).
Что имъ нужно отъ меня, бѣдной, слабой

женщины, впавшей въ немилость? Ихъ приходъ не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго, теперь, когда я думаю объ этомъ. Они должны были бы быть людьми добродѣтельными: ихъ обязанности такъ почтенны. Но клубокъ не дѣлаетъ еще монахомъ.

Входятъ: Вольсей и Кампейусъ.

Вольсей. Миръ вашему величеству.

Королева Екатерина. Ваши свѣтлости находите меня здѣсь за хозяйственными заботами; я бы совсѣмъ желала предаться имъ, избѣгая несчастій, могущихъ случиться. Что вамъ угодно, благочестивые лорды?

Вольсей. Не угодно-ли будетъ вашему величеству пройти въ вашъ кабинетъ; тамъ мы сообщимъ вамъ вполнѣ цѣль нашего прихода.

Королева Екатерина. Говорите здѣсь. По совѣсти, я не сдѣлала еще ничего такого, что требовало бы скрытыхъ угловъ. Я бы желала, чтобы и всѣ другія женщины могли сказать то же самое, съ такою же душевною свободою, какъ я. Благородные лорды, я не боюсь того (въ этомъ я счастливѣе многихъ), чтобы мои дѣйствія были разбираемы всѣми языками, были разсматриваемы всѣми глазами, если бы даже противъ нихъ возстали зависть и клевета,—до такой степени я увѣрена въ чистотѣ моей жизни. Если ваша цѣль разсмотрѣть мое поведеніе, какъ жены,—говорите смѣло: правда любить открытыя дѣйствія.

Вольсей. *Tanta est erga te mentis integritas, regina serenissima.*

Королева Екатерина. О, благородный лордъ, бросьте латынь. Съ моего

прѣзда сюда я не такъ еще измѣнилась, чтобы не выучиться языку страны, въ которой я живу. Чуждый языкъ дѣлаетъ и мое дѣло чуждымъ, подозрительнымъ. Прошу васъ, говорите по англійски; здѣсь найдутся многіе, которые поблагодарятъ васъ за ихъ бѣдную королеву, если вы скажете правду. Повѣрьте, она вынесла много несправедливостей. Лордъ-кардиналъ, самый предумышленный грѣхъ, совершенный когда-либо мною, можетъ быть отпущенъ на англійскомъ языкѣ.

Вольсей. Благородная королева, сожалѣю о томъ, что моя честность и моя преданность его величеству и вамъ породили столько подозрѣній, когда я такъ прямодушенъ. Мы являемся сюда не съ тѣмъ,

Королева Екатерина (съ стороны). Чтобы предать меня. Благородные лорды! Благодарю васъ обоихъ за ваше доброе ко мнѣ расположеніе; вы говорите какъ честные люди; дай Богъ, чтобы вы и на дѣлѣ оказались такими. Но, какъ могу я отвѣчать вдругъ въ дѣлѣ столь важномъ, которое такъ близко касается моей чести (и, боюсь, еще ближе моей жизни), при ограниченности моего сужденія, и притомъ же людямъ столь почтеннымъ, столь ученымъ? Право, я этого не знаю. Я занималась здѣсь работами вмѣстѣ съ моими женщинами и— Богу извѣстно—совсѣмъ не ожидала ни такихъ посѣтителей, ни такого разговора. Во имя того, чѣмъ я была (вѣдь я чувствую, что мое величіе близится къ концу), прошу

чтобы запятнать путемъ обвиненій добродѣтели, которыя благословляются всѣми добрыми, и не для того, чтобы увлечь васъ въ новыя огорченія; у васъ ихъ и безъ того слишкомъ много, добрая королева. Мы желаемъ только узнать, что вы намѣрены предпринять въ этомъ важномъ спорѣ, возникшемъ между королемъ и вами; мы бы желали также сообщить вамъ, какъ подобаетъ честнымъ и независимымъ людямъ, наше искреннее мнѣніе и предложить вамъ совѣты, полезные вашему дѣлу.

Кампейусъ. Глубоко-уважаемая королева! благородный лордъ Йоркъ, по благородству своей натуры, усердію и преданности вашему величеству, предавъ забвенію, какъ подобаетъ истинно добродѣтельному человѣку, ваши недавніе нападки какъ на него самого, такъ и на его правдивость (нападки слишкомъ жестокіе), предлагаетъ вамъ, точно также какъ и я, въ знакъ мира, свои услуги и свои совѣты.

ваши свѣтлости дать мнѣ время выбрать совѣтниковъ въ моемъ дѣлѣ. Увы! я женщина безъ друзей, безъ надежды!

Вольсей. Государыня! Вы оскорбляете любовь къ вамъ короля такой недоверчивостью. Ваши надежды и ваши друзья безчисленны.

Королева Екатерина. Въ Англіи лишь весьма немногіе могутъ быть мнѣ полезны. Думаете-ли вы, благородные лорды, что найдется англичанинъ, который бы осмѣлился быть моимъ совѣтникомъ? А еслибъ и нашелся такой отчаянный, чтобы быть правдивымъ, то могъ-ли бы онъ объявить себя моимъ другомъ противъ воли его величества и жить какъ вѣрный подданный? Конечно, нѣтъ. Мои друзья, которые могутъ облегчить мои печали, друзья, которые могутъ привлечь къ себѣ мое довѣріе, живутъ не здѣсь; они, какъ и всѣ другіе мои защитники,—живутъ далеко, на моей родинѣ, благородные лорды.

Кампейусъ. Я бы желать, чтобы ваше величество оставили свое недовѣріе и приняли мой совѣтъ.

Королева Екатерина. Какой совѣтъ, сэръ?

Кампейусъ. Предоставьте ваше дѣло на благоусмотрѣніе короля: онъ великодушенъ и милостивъ. Это будетъ гораздо лучше и для вашей чести, и для вашего дѣла, потому что, если законъ осудитъ васъ, то вы увидите отсюда обезчещенной.

Вольсей. Онъ говоритъ правду.

Королева Екатерина. Вы мнѣ советуете оба то, осуществленія чего вы бы больше всего желали, — моей гибели. Это ли христіанскій совѣтъ? И какъ не совѣстно вамъ! Небо, однако, по прежнему находится надъ всѣми; тамъ есть судья, котораго не можетъ подкупить никакой король.

Кампейусъ. Ваша горячность ошибается въ насъ.

Королева Екатерина. Тѣмъ хуже для васъ! Клинуся душой, я считала васъ людьми святыми, почтенными кардинальными добродѣтелями; но въ дѣйствительности вы только кардинальные пороки, фальшивыя сердца! Исправьтесь, благородные лорды, хотя бы изъ стыда! Таковы-то ваши утѣшенія! Таковъ-то цѣлебный напитокъ, подносимый несчастной женщинѣ, — женщинѣ, затерянной среди васъ, осмѣянной, презираемой! Даже и половины моихъ несчастій я не пожелаю вамъ: я добрею васъ. Но предостерегаю васъ, берегитесь, во имя Бога, берегитесь, чтобы бремя моихъ несчастій впоследствии не упало на васъ.

Вольсей. Государыня, это — чистое безуміе. Нашу преданность вы превращаете въ злобу.

Королева Екатерина. А вы превращаете меня въ ничто. Горе вамъ и всѣмъ лживымъ совѣтникамъ, какъ вы! Посовѣтовали-ли бы вы мнѣ (если бы въ васъ была какая-нибудь справедливость, какое-нибудь состраданіе, если-бы вы были дѣйствительно духовными лицами и не только по одеждѣ), посовѣтовали-ли бы вы мнѣ прятать мое хворое дѣло въ руки того, кто ненавидитъ меня? Увы! онъ изгналъ уже меня изъ своего ложа, отказавъ мнѣ въ любви еще задолго до этого. Я состарилась, благородные лорды, и единственная связь, которую я сохранила съ нимъ, — заключается въ моей покорности. Что можетъ случиться со мной, что было бы ужаснѣе этого несчастія? А вы всю свою ученость пускаете въ ходъ, чтобы найти мнѣ другое такое же несчастіе!

Кампейусъ. Ваши опасенія еще хуже.

Королева Екатерина. Но развѣ не была я (мнѣ по необходимости приходится самой говорить, если жъ добродѣтель не находитъ себѣ заступника) — въ теченіи такого продолжительнаго времени — женой, вѣрной женой, женщиной, — я это могу сказать безъ всякой похвалы, — которую никакое подозрѣніе не запятнало? Развѣ не окружала я постоянно короля всею моею любовью? Не любила-ли я его болѣе всего въ мірѣ, послѣ Бога? Не была-ли ему покорна? Свое восторженное поклоненіе не простирала-ли я до суевѣрія изъ нѣжности къ нему, забывши даже молитвы мои, лишь бы нравиться ему? И вотъ за все это я вознаграждена! Нехорошо, благородные лорды, нехорошо! Приведите мнѣ жену, вѣрную своему мужу, жену, не мечтавшую никогда о какой-либо радости, не согласной съ его желаніями, и эту женщину, когда она сдѣлаетъ все, что только было въ ея возможности, — да, я превзойду еще одной добродѣтелью — терпѣніемъ.

Вольсей. Государыня, вы удаляетесь отъ блага, которое мы ищемъ.

Королева Екатерина. Благородный лордъ, я ни за что не возьму на себя грѣха добровольно отказаться отъ великаго титула, съ которымъ соединилъ меня мой государь. Никто, кромѣ смерти, не разведетъ меня съ моимъ саномъ.

Вольсей. Умоляю васъ, выслушайте меня.

Королева Екатерина. Какъ хотѣла-бы я никогда не вступать на эту англійскую землю и не слышать лести, растущей на ней! У васъ лица ангеловъ, но небу знакомы ваши сердца! Что со мной будетъ теперь, несчастной! Я — несчастнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ (*къ своимъ прислужницамъ*). Увы! и вы, несчастныя, что будете съ вами, — претерпѣвъ кораблекрушеніе въ странѣ, гдѣ и для меня нѣтъ ни состраданія, ни друзей, ни надежды, гдѣ нѣтъ родственника, который бы всплакнулъ надо мной, гдѣ ждетъ меня одна лишь могила! Какъ лилія, которая царила и цвѣла въ полѣ, такъ и я поникну головой и погибну.

Вольсей. Если-бы ваше величество позволило убѣдить себя въ томъ, что мы стремимся къ благу вашему, вы бы почувствовали себя покойнѣе. Для чего, государыня, по какой причинѣ мы стали бы вредить вамъ? Увы! Наши обязанности, даже самый нашъ санъ запрещаютъ намъ это. Призваніе наше — врачевать такіа страданія, а не сѣять ихъ. Во имя неба, обратите вниманіе на то, что вы дѣлаете; какъ вы можете повредить себѣ такимъ поведеніемъ, рискуя окончательно оттолкнуть отъ себя короля! Сердца царей лобызаютъ покор

ность,—такъ она любезна имъ; но непокорные умы выводятъ ихъ изъ себя, и тогда они становятся грозными, какъ буря. Я знаю, что сердце ваше нѣжно и благородно, душа кроткая, какъ миръ. Умоляю васъ, признайте насъ тѣмъ, за что мы выдаемъ себя,—миротворцами, друзьями, готовыми служить вамъ.

Кампейусъ. Будущее, государыня, докажетъ вамъ это. Этой боязливостью слабой женщины вы вредите вашимъ добродѣтелямъ. Благородное сердце, какъ то сердце, которое носите вы въ груди вашей, должно отбросить отъ себя всѣ эти сомнѣнія, какъ фальшивую монету. Король любить васъ, страшитесь потерять его любовь. А относительно насъ, — если вамъ будетъ угодно довѣриться намъ, мы готовы служить вамъ самымъ ревностнымъ образомъ.

Королева Екатерина. Дѣлайте, какъ знаете, благородные лорды, и простите меня, прошу васъ, если я въ чемъ-либо оскорбила васъ. Вы знаете, я женщина простая, лишенная ума, необходимаго для того, чтобы отвѣчать такимъ особамъ, какъ вы. Прошу засвидѣтельствовать мою преданность его величеству; онъ по прежнему обладаетъ моимъ сердцемъ, и я буду по прежнему молиться за него, пока я жива. До свиданія, благородные лорды; не оставьте меня вашими совѣтами. Она проситъ милостыню теперь, та, которой и въ голову не приходило, когда она вышла на этотъ берегъ, что она такъ дорого должна купить свое величье.

СЦЕНА II.

Передняя въ отдѣленіи короля.

Входятъ: герцоги Норфолькъ и Соффолькъ, графъ Соррей и лордъ Камергеръ.

Норфолькъ. Если вы захотите соединить теперь всѣ ваши неудовольствія и подкрѣпите ихъ своей твердостью, то кардиналъ не въ состояніи будетъ устоять. Если же упустите этотъ благоприятный случай, я могу обѣщать вамъ только новыя немилости, кромѣ тѣхъ, которымъ вы уже подверглись.

Соррей. Я радъ всякому, даже самому ничтожному случаю, вспомнить, что герцогъ, мой тестъ, долженъ быть отомщенъ.

Соффолькъ. Найдется-ли кто-либо изъ пэровъ, который не былъ-бы оскорбленъ имъ, или, по крайней мѣрѣ, не пренебреженъ имъ? Уважилъ ли онъ въ комъ-либо

печать высокаго происхожденія, кромѣ самого себя.

Лордъ Камергеръ. Благородные лорды, легко вамъ это говорить. Я очень хорошо знаю, что онъ заслужилъ и отъ васъ, и отъ меня, но можемъ-ли мы что-нибудь противъ него (хотя обстоятельства и благоприятствуютъ намъ),—въ этомъ я сильно сомнѣваюсь. Если вы не въ состояніи лишить его доступа къ королю,—не принимайте ничего противъ него, потому что языкъ его имѣетъ способность очаровывать короля.

Норфолькъ. О, не бойтесь ничего! Это очарованіе прошло уже; король открылъ относительно его такія вещи, которыя навсегда испортили медъ его рѣчей. Нѣтъ, онъ такъ засѣлъ въ немилость, что освободиться отъ этого у него нѣтъ уже возможности.

Соррей. Сэръ, я радъ слушать подобныя новости ежечасно.

Норфолькъ. Будьте увѣрены, я не преувеличиваю. Всѣ его противорѣчивыя дѣйствія въ дѣлѣ развода были обнаружены, и теперь онъ во всемъ этомъ является такимъ, какимъ я бы желалъ всегда видѣть моего злѣйшаго врага.

Соррей. А какъ были обнаружены всѣ его продѣлки?

Соффолькъ. Самымъ страннымъ образомъ.

Соррей. Но какъ? какъ?

Соффолькъ. Письмо кардинала къ папѣ было перехвачено и попало въ руки короля. Тамъ было прочитано, что кардиналъ совѣтуетъ его святѣйшеству повременить съ рѣшеніемъ по дѣлу развода, потому что если разводъ послѣдуетъ, „то,—пишетъ онъ,—я замѣчалъ, что король увлеченъ одной изъ женщинъ королевны, Анной Болленъ“.

Соррей. И это письмо у короля?

Соффолькъ. Будьте въ этомъ увѣрены.

Соррей. И вы думаете, что оно сдѣлаетъ свое дѣло?

Лордъ Камергеръ. Изъ него король замѣтилъ, какъ кардиналъ обходитъ его и затрудняетъ ему дальнѣйшій путь. Но въ этомъ случаѣ,—всѣ его продѣлки бесполезны; онъ, такъ сказать, является съ лекаремъ тогда, когда больной уже умеръ. Вѣдь король повѣнчался уже съ своей возлюбленной.

Соррей. Это было-бы чудесно!

Соффолькъ. Вы можете быть вполне довольны, благородный лордъ, потому что ваше желаніе уже исполнилось.

Соррей. Моя радость привѣтствуетъ этотъ союзъ!

Соффолькъ. Да будетъ такъ!

Норфолькъ. И всѣ повторяютъ это за вами!

Соффолькъ. Приказанія уже отданы относительно коронаванія; но эта новость еще слишкомъ свѣжа и существуютъ уши, которымъ не слѣдуетъ ее слышать. Но, благородные лорды, она—прекрасное созданіе, совершенство и по уму, и по красотѣ. Я увѣренъ, что отъ нея ниспадаетъ на эту страну какое-нибудь благословеніе.

Соррей. Но если король перевертитъ это письмо кардинала! Тогда—не дай Богъ...

Норфолькъ. Еще-бы!

Соффолькъ. Нѣтъ, нѣтъ, не беспокойтесь. Много еще ось прожужжитъ у его носа, и жало этой осы онъ отлично почувствуетъ. Кардиналъ Кампейусъ уѣхалъ въ Римъ, не простившись съ королемъ; дѣло короля онъ оставилъ нерѣшеннымъ, — уѣхалъ въ качествѣ агента кардинала, чтобы помогать кардиналу оттуда въ его заговоръ. Могу васъ увѣрить, что, когда король узналъ объ этомъ, онъ воскликнулъ: А!

Лордъ Камергеръ. Господь еще больше воспламенитъ его, и тогда онъ еще громче будетъ кричать: А!

Норфолькъ. Но, благородный лордъ, когда-же Кранмеръ возвратится?

Соффолькъ. Онъ уже возвратился, не измѣнивъ своихъ взглядовъ; его совѣты совсѣмъ укрѣпили короля въ дѣлѣ относительно брака, мнѣніями всѣхъ знаменитѣйшихъ коллегій христіанства. Я думаю, что вскорѣ второй бракъ будетъ объявленъ, также какъ и коронація Анны. Екатерина будетъ называться уже не королевой, а вдовствующей принцессой, вдовой принца Артура.

Норфолькъ. Молодецъ-же этотъ Кранмеръ: онъ много потрудился въ дѣлѣ короля.

Соффолькъ. Конечно, и мы скоро увидимъ его архіепископомъ.

Норфолькъ. Я уже слышалъ объ этомъ.

Соффолькъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія... А вотъ и кардиналъ...

Входятъ Вольсей и Кромвель.

Норфолькъ. Посмотрите, посмотрите, какъ онъ угрюмъ!

Вольсей. Отдали-ли вы, Кромвель, этотъ пакетъ королю?

Кромвель. Въ собственныя руки, въ его спальнѣ.

Вольсей. Познакомился онъ съ содержаніемъ этой бумаги?

Кромвель. Онъ сейчасъ-же распечаталъ его, и съ первой-же строчки онъ сдѣлался серьезенъ; сосредоточенность была

видна на его лицѣ. Онъ приказалъ, чтобы всѣ ожидали его здѣсь сегодня утромъ.

Вольсей. Скоро онъ выйдетъ?

Кромвель. Я думаю, сейчасъ.

Вольсей. Оставьте меня на минуту (*Кромвель уходитъ*). Ну, да, это будетъ герцогиня Алансонская, сестра французскаго короля; она должна выйти за него замужъ, Анна Болленъ! Ну, нѣтъ! Анны Болленъ я не хочу для него: въ ней нѣтъ ничего, кромѣ хорошенькаго личика... Болленъ! мы совсѣмъ не хотимъ поколѣнія Болленъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я извѣстій изъ Рима... маркиза Пемброкъ!

Норфолькъ. Онъ, видимо, недоволенъ чѣмъ-то.

Соффолькъ. Можетъ быть, онъ уже слышалъ, что король точитъ свой гнѣвъ на него.

Соррей. Пусть-же будетъ онъ остеръ, какъ бритва,—Господи, ради Твоей справедливости!

Вольсей. Фрейлина бывшей королевы, дочь простого рыцаря, и будетъ повелительницей своей повелительницы, королевой королевы!.. Такая свѣчка скверно горитъ; я долженъ снять нагаръ съ нея, и тогда она погаснетъ... Я, конечно, знаю, что она добродѣтельна и нѣжна, но я знаю также, что она ревностная лютеранка, и для нашего дѣла нехорошо, чтобы она покоилась въ объятіяхъ нашего короля, съ которымъ и безъ того такъ трудно управляться. И безъ того уже появился еретикъ, самый ловкій еретикъ, Кранмеръ; онъ уже успѣлъ вползти въ милости короля и сдѣлался его оракуломъ.

Норфолькъ. Онъ чѣмъ-то раздраженъ?

Соррей. Я-бы желалъ, чтобы это нѣчто порвало жилу,—главную жилу его сердца!

Входитъ король, читая записку, и Ловель.

Соффолькъ. Король! король!

Король Генрихъ. Какую массу богатствъ накопилъ онъ для себя! И какъ много онъ расточаетъ ежегодно! Благодаря какимъ сбереженіямъ могъ онъ накопить столько? Ну, что, лорды, видѣли вы кардинала?

Норфолькъ. Государи! Мы здѣсь наблюдали за нимъ. Какое странное волненіе замѣчается въ его мозгу! Онъ кусаетъ себѣ губы и вздрагиваетъ, внезапно останавливается, устремляетъ взоръ на землю; потомъ прикладываетъ палецъ къ виску; вдругъ начинаетъ ходить быстрыми шагами, потомъ снова останавливается, бьетъ себя въ грудь и бросаетъ взоръ на луну; въ самыхъ странныхъ положеніяхъ мы его видѣли.

Король Генрихъ. Весьма можетъ быть: въ его мозгу бунтъ. Сегодня утромъ, онъ, по моему требованію, подалъ госу-

дарственные бумаги на разсмотрѣніе. И знаете-ли, что я чашель тамъ,—разумѣется, совершенно случайно? Описъ, съ перечисленіемъ всего его движимаго имущества, всѣхъ его сокровищъ, домашней утвари, богатыхъ одеждъ и украшеній, и въ этомъ я вижу такой избытокъ, который много превышаетъ всякое возможное достояніе подданнаго.

Норфолкъ. Божья воля! Какой-нибудь благотѣльный духъ сунулъ туда эту бумагу, чтобы ею осчастливить взоры ваши, государи!

Король Генрихъ. Если-бы мы думали, что его размышленія носятъ надъ землей и устремлены на какую-нибудь духовную цѣль, я-бы его предоставилъ его мечтаніямъ; но боюсь, всѣ его мысли —слишкомъ подлунны и недостойны его серьезнаго размышленія.

Садится и шепчется съ Повелемъ, который подходитъ къ Вольсею.

Вольсей. Да простить меня небо! Да благословить Господь ваше величество!

Король Генрихъ. Добрѣйшій лордъ, вы полны небесныхъ думъ и сохраняете въ вашемъ сердцѣ описъ, которую, вѣроятно, только что просматривали. Вы можете удѣлать только нѣсколько мгновеній отъ духовной работы на повѣрку вашихъ земныхъ счетовъ. Конечно, я васъ считаю плохимъ хозяиномъ и очень радъ, что въ этомъ отношеніи вы—компанія мнѣ.

Вольсей. Государь, у меня есть время и на мои духовныя обязанности, и на занятія тою частью трудовъ, которые на меня возложены государствомъ; но и природа требуетъ своего поддержанія, а потому и я, ея сынъ, слабѣйшій изъ всѣхъ моихъ смертныхъ братьевъ, я долженъ платить ей дань.

Король Генрихъ. Прекрасно сказано.

Вольсей. Я бы желалъ, чтобъ ваше величество всегда соединяли въ своей мысли мои добрыя дѣла съ моей хорошей рѣчью.

Король Генрихъ. Опять прекрасно сказано; а вѣдь и хорошая рѣчь есть уже нѣчто въ родѣ хорошаго дѣла, и однако слова—далеко еще не дѣло. Мой отецъ любилъ васъ; онъ говорилъ это, и для васъ онъ увѣнчалъ дѣломъ свое слово. Съ тѣхъ поръ, какъ я унаслѣдовалъ ему, я всегда держалъ васъ подлѣ моего сердца. Я не только давалъ вамъ такія должности, которыя могли принести вамъ огромныя выгоды, но не щадилъ и того, что имѣю, чтобы осыпать васъ своими милостями.

Вольсей. Что это значить?

Соррей. Да не оставитъ Господь втѣнъ этого дѣла.

Король Генрихъ. Не сдѣлалъ-ли я васъ первымъ чело-вѣкомъ въ государствѣ? Прошу васъ, скажите мнѣ, правда-ли то, что я утверждаю? И если вы можете сознаться въ этомъ, то скажите также: считаете-ли вы себя облагодѣтельствованнымъ нами, или нѣтъ? Что вы скажете?

Вольсей. Государь, сознаюсь, что ваши королевскія милости, которыми вы ежечасно осыпали меня, были неизмѣримо значительнѣе всего того, что я могъ заслужить; всѣ чело-вѣ-

ческія усилія всегда будутъ ниже этихъ милостей. Всѣ мои усилія всегда были ниже моихъ стремленій и соизмѣрялись только моими способностями. Мои личныя дѣла были моими только въ томъ, что всегда стремились къ благоденствію вашей священной особы и ко благу государства. За великія милости, которыми вы осыпали меня,—меня, жалкаго, недостойнаго,—я могу предложить вамъ только мою вѣрноподданническую признательность, мои молитвы небу за васъ и мою лояльную преданность, которая всегда возрастала и будетъ всегда возрастать, пока смерть, эта зима жизни, не умертвитъ ее.

Король Генрихъ. Прекрасный отвѣтъ; вѣрный и покорный подданный виденъ въ этихъ словахъ. Уваженіе, приобретаемое такими чувствами, есть уже награда, точно также, какъ позоръ противоп-

ложного чувства—наказаніе. Думаю, что если рука моя осмыала васъ щедротами, если сердце мое изливало на васъ любовь, если мое могущество окружало васъ почестями болѣе, чѣмъ кого-либо другого, — то ваша рука, ваше сердце, вашъ мовгъ, всѣ силы вашего существа должны быть мнѣ преданы не только по обязанности подданнаго, но и по совершенно особой любви ко мнѣ, вашему другу, болѣе чѣмъ кому-либо другому.

Вольсей. Клянусь, что я всегда работалъ ко благу вашего величества въ гораздо большей степени, чѣмъ къ моему собственному благу. Таковъ я теперь, такимъ былъ и такимъ останусь. Если-бы даже и весь міръ разорвалъ свои обязательства къ вамъ и вырвалъ-бы ихъ изъ моей души; если-бы меня окружила опасность такъ тѣсно, какъ только мы ее можемъ себя представить, и представала-бы передо мною въ самыхъ ужасающихъ формахъ, — моя преданность, подобно скалѣ среди бушующихъ волнъ, разбила бы этотъ яростный потокъ и непоколебимо осталась бы вѣрной вамъ.

Король Генрихъ. Благородныя слова! Будьте, лорды, свидѣтелями благородства его сердца, ибо всѣ видѣли, какъ онъ обнаружилъ его передъ вами (*Подавая ему бумаги*). Прочитайте это, потомъ это, а затѣмъ — отправляйтесь завтракать съ аппетитомъ.

Король уходитъ, бросивъ гнѣвный взоръ на кардинала; придворные толпой слѣдуютъ за нимъ, улыбаясь и перешептываясь.

Вольсей. Что это значитъ? Что означаетъ этотъ внезапный гнѣвъ? Какъ могъ я навлечь его? Онъ оставилъ меня съ нахмуренными бровями, точно брызнула изъ глазъ его моя гибель. Такъ смотритъ разъяренный левъ на дерзкаго охотника, ранившаго его, а потомъ — превращаетъ его въ ничто. Надо прочесть эту бумагу; боюсь, что она хранить его гнѣвъ... Ну да... эта бумага погубила меня. Это — опись всего того міра богатствъ, которые я скопилъ ради личныхъ моихъ цѣлей, и въ особенноти съ цѣлью добиться папства, для поддержки друзей въ Римѣ. О, небрежность, годная лишь на то, чтобъ опрокинуть глупца! Какой коварный демонъ заставилъ меня сунуть эту важную тайну въ этотъ пакетъ, отправленный мною королю? И никакой возможности исправить эту оплошность? Какая новая хитрость въ состояніи выбить это изъ его мозга? Я знаю, это должно было сильно раздражить его, и однако я знаю еще средство, которое при успѣхѣ выручитъ меня изъ этого затрудненія, даже на-

перекоръ судьбѣ... Что это?.. „Къ папѣ!“ Клянусь жизнью, это — письмо со всѣми обстоятельствами дѣла, которое я писалъ его свѣтѣйшему! Ну, значитъ, всему — конецъ! Я достигъ высшей точки моего величія и теперь, съ самаго меридіана моей славы, помчусь къ закату. Я паду, какъ блестящій вечерній метеоръ, и никто уже не увидитъ меня.

Возвращаются: герцоги Норфолькъ и Соффолькъ, графъ Соррей и лордъ Камергеръ.

Норфолькъ. Выслушайте волю короля, кардиналъ: онъ повѣлываетъ вамъ передать немедленно государственную печать въ наши руки и удалиться въ Ашеръ-Гоузъ, къ епископу винчестерскому, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ указаній его величества.

Вольсей. Подождите; гдѣ-же повелѣніе, лорды? Слова не могутъ имѣть такого важнаго авторитета.

Соффолькъ. Кто-же осмѣлится противодѣйствовать имъ, когда они несутъ волю короля, точно выраженную его устами.

Вольсей. Пока я не увижу нѣчто побольше воли и словъ (то есть вашей злобы), то знайте, услужливые сѣры, — я осмѣливаюсь и долженъ послушаться ихъ. Теперь я вижу, изъ какого грубаго металла вы вылиты, — изъ зависти! Какъ ревностно гонитесь вы за моимъ безчестіемъ, точно съ тѣмъ, чтобы напиться имъ! Какъ ловки и рѣзвы оказываетесь вы во всемъ, что можетъ причинить мое паденіе. Продолжайте же слѣдовать потоку вашей зависти, коварные люди; на это у васъ есть христіанское оправданіе, и нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ вы будете за это достаточно вознаграждены. Но печать, которую вы отъ меня требуете такъ настойчиво, — король (мой и вашъ повелитель) вручилъ мнѣ своими собственными руками, говоря мнѣ, чтобы я ее сохранилъ вмѣстѣ съ властью и почестями въ теченіи всей моей жизни, подкрѣпивъ эту милость своими грамотами. Кто-же, послѣ этого, можетъ ее отнять у меня?

Соррей. Король, который ее вручилъ.

Вольсей. Въ такомъ случаѣ самъ, собственной персоной.

Соррей. Ты надменный измѣнникъ, поплъ!

Вольсей. Ты лжешь, надменный лордъ! Какіе-нибудь сорокъ часовъ тому назадъ Соррей скорѣе сжегъ бы свой собственный языкъ, чѣмъ сказать это.

Соррей. Твое честолюбіе, твой пурпурный грѣхъ лишили оплакивающую страну благороднаго Бокингэма, моего тестя. Всѣ головы твоихъ собратій кардиналовъ (вмѣстѣ съ твоею собственною и со всѣмъ, что есть лучшаго въ ней) не стоятъ и

одного волоска его головы. Да погубить чума вашу политику! Ты услабь меня депутатомъ въ Ирландію, чтобы помѣшать мнѣ защитить его; удалилъ меня отъ короля, отъ всѣхъ, кто могъ испросить помилованія его въ преступленіи, которое ты ему приписалъ, между тѣмъ, какъ твоя безпредѣльная доброта изъ святаго состраданія отпускала всѣ грѣхи его—съ помощью топора.

Вольсей. И это, и все то, что этотъ болтливый лордъ можетъ мнѣ поставить въ вину, есть глупѣйшая ложь,—заявляю это. Герцогъ получилъ отъ закона то, чего заслуживалъ. До какой степени неповиненъ я въ какой-либо злобѣ къ нему, причинившей его паденіе, это могутъ засвидѣтельствовать его благородные судьи и самое его преступленіе. Если бы я любилъ болтать, лордъ, я бы сказалъ вамъ, что въ васъ столь же мало честности, сколь мало и чести, и что въ отношеніи вѣрности и преданности королю,—по-прежнему моему царственному повелителю,—я осмѣлюсь поспорить съ человѣкомъ болѣе основательнымъ, чѣмъ Соррей и всѣ тѣ, кто увлекается его легкомысліемъ.

Соррей. Клянусь честью, твоя длинная одежда защищаетъ тебя, попъ,—въ противномъ случаѣ, ты бы почувствовалъ мой мечъ въ живой крови твоихъ жилъ... Благородные лорды, и вы можете выносить подобную надменность со стороны этого молодца! Если мы уже настолько смиренны, что позволяемъ надъ собой издѣваться какому-нибудь клочку пурпура, то прощай, дворянство! Пусть его свѣтлость выступаетъ впередъ и дразнить насъ, точно жаворонковъ своей шляпой!

Вольсей. Все доброе—ядъ для твоего желудка.

Соррей. Да, все это доброе—собираніе силой всѣхъ богатствъ страны въ ваши руки, кардиналъ! Это—добро вашихъ перехваченныхъ писемъ, писанныхъ вами къ папѣ противъ короля! И это добро,—если уже вы вызвали меня,—будетъ оповѣщено всѣмъ и каждому. Лордъ Норфолькъ, во имя истиннаго вашего благородства, вашего уваженія къ общественному благу, къ нашему униженному дворянству, къ нашимъ дѣтямъ, которыя,—если онъ останется въ живыхъ, едва-ли даже джентльмэнами будутъ,—предъявите списокъ его грѣховъ, подробный списокъ его дѣяній. Я испугаю васъ сильнѣе, чѣмъ спугнулъ васъ священный колоколъ тогда, когда ваша смутная любовница пѣжилась въ вашихъ объятіяхъ, лордъ кардиналъ.

Вольсей. Какъ сильно, кажется мнѣ, я бы могъ презирать этого человѣка, если

бы не удерживала меня любовь къ ближнему!

Норфолькъ. Перечень этотъ, лордъ, находится въ рукахъ короля; могу только одно земѣтить: въ этомъ перечнѣ все достаточно преступно.

Вольсей. Тѣмъ прекраснѣе и чище обнаружится моя невинность, когда король узнаетъ истину.

Соррей. Это не спасетъ васъ. Благодаря моей памяти, я кое-что помню изъ этихъ дѣяній и сейчасъ-же приведу ихъ. И если вы, кардиналъ, способны еще краснѣть и объявить себя виновнымъ, кардиналъ, то обнаружите остатокъ совѣстливости.

Вольсей. Говорите, сэръ; я презираю ваши худшія обвиненія. Если я и краснѣю, то отъ того только, что вижу дворянина, не знающаго никакихъ приличій.

Соррей. Я предпочитаю не знать приличій, чѣмъ оставаться безъ головы. А теперь послушайте: во-первыхъ, безъ вѣдома и согласія короля, вы сдѣлали такъ, что васъ назначили легатомъ, и съ помощью этой власти вы исказили юрисдикцію всѣхъ епископовъ.

Норфолькъ. Кромѣ того, всѣ посланія, адресованныя вами въ Римъ или къ другимъ вноземнымъ принцамъ, носили надпись: *Ego et Rex meus*,—и такимъ образомъ какъ бы дѣлали короля вашимъ подчиненнымъ.

Соффолькъ. Кромѣ того, безъ вѣдома короля и совѣта, когда вы были отправлены посломъ къ императору, вы осмѣлились взять въ Фландрію государственную печать.

Соррей. Item, вы послали полномочія Григорію Кассалису для заключенія, безъ соизволенія короля и дозволенія государства, лиги между его величествомъ и Феррарой.

Соффолькъ. Изъ чистаго тщеславія вы приказали чеканить монету короля съ изображеніемъ вашей священной шляпы.

Соррей. Затѣмъ, вы отправили огромныя суммы (какими средствами приобрѣтенныя,—оставляю это на вашу совѣсть) въ Римъ съ тѣмъ, чтобы расчистить себѣ дорогу къ еще большимъ почестямъ, къ полной пагубѣ всего государства. Много есть еще и другихъ дѣлъ, которыми,—такъ какъ они принадлежать вамъ и гнусны,—я не хочу себѣ марать ротъ.

Лордъ Камергеръ. О, лордъ, не нападайте такъ жестоко на человѣка павшаго! Это—добродѣтель. Преступленія его подлежатъ закону; законъ, а не вы, должны карать его. Сердце мое рыдаетъ, видя его столь ничтожнымъ послѣ такого величія.

Соррей. Я прощаю ему.

Софолкъ. Лордъ кардиналъ, дальнѣйшая воля короля заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ все, что вы дѣлали за послѣднее время въ этомъ государствѣ, на основаніи вашей власти легата, подлежитъ „proemuniſe“, то вы будете присуждены къ лишенію всѣхъ вашихъ имѣній, земель, арендъ, движимаго и недвижимаго имущества и будете объявлены виѣ покровительства короля. Въ этомъ — мое порученіе.

Норфолкъ. А теперь мы оставляемъ васъ размышлять, какъ исправить вашу жизнь. Что же касается упорнаго отказа вручить намъ государственную печать, то король будетъ извѣщенъ объ этомъ и, безъ всякаго сомнѣнія, поблагодаритъ васъ за это. Итакъ, прощайте, мой маленькій, добрый кардиналъ!

Уходятъ, за исключеніемъ Вольсея.

Вольсей. Итакъ, прощай и то ничтожное добро, которое вы желали мнѣ. Прости, продолжительное прости и всему моему величію! Такова участь человѣка: сегодня онъ простираетъ нѣжные листья надежды; завтра онъ покрывается цвѣтами и накопляетъ на себѣ всѣ блестящіе почести; на третій день является морозъ, убійственный морозъ и, когда онъ мечтаетъ, наивный добрякъ, что его величіе созрѣваетъ, — морозъ подгрызаетъ его корень, и онъ падаетъ, какъ я упалъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, подобно тѣмъ шаловливымъ мальчикамъ, которые плаваютъ на пузыряхъ, я пукался въ море славы такъ далеко, что потерялъ берегъ; моя высоко-вздутая гордыня, наконецъ, лопнула подо мной и теперь оставила меня, состарившагося и изнуреннаго трудами, на произволъ яростнымъ волнамъ, которые должны поглотить меня навсегда. Суетныя почести и слова жалости, — я презираю васъ; я чувствую, что сердце мое открывается инымъ чувствамъ. О, какъ жалокъ бываетъ бѣдный человѣкъ, зависящій отъ милостей властителей! Между улыбкой, которой онъ жаждетъ, между благосклонными взглядами и его немилостью — гораздо болѣе мученій, чѣмъ бываетъ въ войнѣ или чѣмъ испытываютъ женщины! А когда онъ падаетъ, — онъ падаетъ какъ Люциферъ, навсегда лишенный надежды.

Входитъ Кромвель смущенный.

Вольсей. Ну, что еще, Кромвель?

Кромвель. Я не въ силахъ говорить, сэръ.

Вольсей. Ты испуганъ моими несчастьями? Можетъ-ли твой умъ удивляться при видѣ паденія великаго человѣка? Да, если вы плачете, то я, дѣйствительно, палъ.

Кромвель. Какъ себя чувствуетъ ваша свѣтлость?

Вольсей. Отлично. Никогда еще я не былъ такъ счастливъ, какъ теперь, мой добрый Кромвель. Теперь я знаю себя и чувствую въ самомъ себѣ миръ, превосходящій всѣ земныя почести, — спокойную, безмятежную совѣсть. Король вылечилъ меня, за это я смиренно благодарю его величество: съ этихъ плечъ, съ этихъ развалившихся колоннъ онъ, изъ состраданія, снялъ грузъ, который бы потопилъ и цѣлый флотъ, — избытокъ почестей. О, это бремя, Кромвель, бремя слишкомъ тяжелое для человѣка, который надѣется быть въ небѣ.

Кромвель. Я счастливъ, что ваша свѣтлость такъ спокойно приняла свои несчастья.

Вольсей. Надѣюсь, что спокойно принялъ. Теперь, кажется мнѣ (благодаря той твердости душевной, какую я чувствую въ себѣ), я способенъ вынести болѣе несчастій и болѣе жестокихъ, чѣмъ осмѣлятся меня подвергнуть мои слабодушные враги. Что новаго?

Кромвель. Самая важная и печальная новость — немилость къ вамъ короля.

Вольсей. Да благословить его Господь!

Кромвель. Другая новость заключается въ томъ, что сэръ Томасъ Моръ назначенъ лордомъ канцлеромъ вмѣсто васъ.

Вольсей. Ну, это ужъ слишкомъ поспѣшно; но онъ — ученый человѣкъ. Дай Богъ, чтобы онъ долго пользовался милостями его величества, совершалъ справедливость, какъ повелѣваютъ истина и совѣсть, такъ, чтобы его постъ, когда онъ совершитъ путь свой и когда уснетъ среди благословеній, — имѣлъ бы могилу, орошаемую слезами сиротъ! Ну, а еще что новаго?

Кромвель. Кранмэръ вернулся. Онъ былъ отлично принятъ и назначенъ архиепископомъ Кэнтерберійскимъ.

Вольсей. Вотъ это такъ дѣйствительная новость.

Кромвель. Наконецъ, лэди Анна, съ которою король давно уже тайно обвѣнчанъ, явилась сегодня въ церковь открыто, какъ королева, и теперь только и говорятъ, что о ея коронаціи.

Вольсей. Вотъ та тяжесть, которая погубила меня. О, Кромвель! Король обманулъ меня: всѣ мои почести я навсегда теряю въ этой одной женщинѣ! Солнце никогда уже не озаритъ моего прежняго величія, не озолотитъ благородной толпы, ожидавшей нѣкогда съ такимъ нетерпѣніемъ моей улыбки. Да, Кромвель, покинь и ты меня; теперь я несчастный, падшій бѣднякъ, уже недостойный быть твоимъ лордомъ и повелителемъ; пойдѣ къ коро-

лю, къ этому солнцу, которое, молю Бога, никогда не зайдетъ. Я говорилъ ему о тебѣ, о твоей преданности; онъ тебя возвыситъ. Небольшой остатокъ памяти обо мнѣ не позволить ему (я знаю его благородное сердце), чтобы твое полезное служеніе поггло. Добрый Кромвель, не пренебрегай этимъ; займись настоящимъ и подумай о твое будущей безопасности.

Кромвель. О, благородный лордъ, значить я долженъ потерять васъ? Значить, я долженъ оставить столь добраго, столь благороднаго, столь великодушнаго господина? Будьте свидѣтелями всѣ, въ комъ не желѣзное сердце, съ какой печалью Кромвель оставляетъ своего господина! Королю принадлежитъ моя служба, но мои молитвы на вѣчныя времена, да, на вѣчныя, принадлежать вамъ.

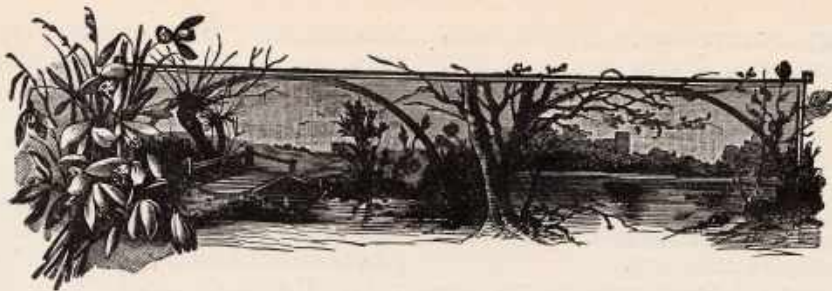
Вольсей. Кромвель, кажется, я не пролилъ ни одной слезинки изъ-за всѣхъ моихъ несчастій, но ты заставилъ меня, своей благородной преданностью, принять эту роль женщины. Пусть высохнутъ наши глаза. Выслушай меня до конца, Кромвель. Когда я буду забытъ всѣми, какъ это и должно быть, и усну подъ холоднымъ, мрачнымъ мраморомъ, гдѣ и самый слухъ обо мнѣ исчезнетъ, — скажи, что я училъ тебя, скажи, что Вольсей, который нѣкогда ступалъ по пути славы и извѣдалъ всѣ глубины и подводные камни почестей, указалъ тебѣ, самымъ кораблекрушеніемъ своимъ, путь къ величію, — путь вѣрный и

безопасный, съ котораго онъ, твой господинъ, однако сбился. Помни только мое паденіе и то, что погубило меня. Кромвель, совѣтую тебѣ, оттолкни отъ себя честолюбіе. Этотъ грѣхъ низвергъ ангеловъ: кажимъ-же образомъ человекъ, подобіе Создателя, можетъ выиграть благодаря честолюбію? Люби себя послѣ всѣхъ остальныхъ; благословляй сердца, которые ненавидятъ тебя. Испорченность далеко невыгоднѣе честности. Но не всегда въ твоей правой рукѣ кроткій миръ, чтобы заставить молчать завистниковъ. Будь справедливъ и не бойся ничего. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ имѣй въ виду твою родину, Бога и истину. И если тогда ты и падешь, о, Кромвель, то падешь, какъ благословляемый мученикъ. Служи королю и, прошу тебя, отведи меня домой. Тамъ сдѣлай опись всего того, что я имѣю, до послѣдняго пенни, — все это принадлежитъ королю. Моя надежда и мое упованіе на небо, — вотъ все, что я осмѣливаюсь называть своимъ. О, Кромвель, Кромвель! Если-бы я служилъ Господу хотя на половину такъ же ревностно, какъ я служилъ королю, онъ бы не предалъ меня, въ мои годы, беззащитнаго, моимъ врагамъ.

Кромвель. Добрый лордъ, имѣйте терпѣніе.

Вольсей. О, я терпѣливъ! Прощайте, придворныя надежды! Мои надежды обитаютъ на небѣ! (*Уходитъ*).

Дѣйствіе четвертое.

СЦЕНА I.

Улица близъ Вестминстера.

Входятъ два джентльмена съ разныхъ сторонъ.

Первый джентльменъ. Очень радъ этой новой встрѣчѣ.

Второй джентльменъ. И я также.

Первый джентльменъ. Вы, должно быть, пришли сюда посмотрѣть, какъ леди Анна будетъ возвращаться съ своей коронаціи?

Второй джентльменъ. Да, только для этого я и пришелъ. Въ послѣдній разъ, когда мы встрѣтились съ вами, герцогъ Бокингемскій возвращался послѣ своего осужденія.

Первый джентльменъ. Да, это правда. Но тогда былъ день печали, а сегодня — день всеобщей радости.

Второй джентльменъ. Ну, да. Я вполне увѣренъ, что граждане обнаружили зvon роялистскія чувства. Надо отдать имъ справедливость: они всегда готовы праздновать такой день, какъ сегодня, представленіями, играми и торжественными процессіями.

Первый джентльменъ. Никогда еще не было болѣе блестящихъ и, могу увѣрить васъ, лучше придуманныхъ, сэръ.

Второй джентльменъ. Могу я спросить, что содержитъ въ себѣ эта бумага, которую вы держите въ рукѣ?

Первый джентльменъ. Конечно. Это списокъ тѣхъ, которые должны участвовать, по своимъ обязанностямъ, согласно прави-

ламъ коронаванія. Герцогъ Соффолькъ — во главѣ всѣхъ; онъ занимаетъ должность великаго сенешаля; за нимъ слѣдуетъ герцогъ Норфолькъ, какъ графъ-маршалъ; остальныхъ и сами прочитаете.

Второй джентльменъ. Благодарю васъ, сэръ. Еслибы я не былъ знакомъ со всѣми этими обычаями, то вашъ списокъ былъ-былъ мнѣ очень полезенъ; но скажите, прошу васъ, что-же теперь Екатерина? вдовствующая принцесса? Какъ кончилось ея дѣло?

Первый джентльменъ. Это я могу сказать вамъ. Архіепископъ Кэнтерберійскій, въ сопровожденіи другихъ ученыхъ отцовъ его ордена, держалъ недавно судъ въ Донстаблѣ, въ шести миляхъ отъ Эмптхила, гдѣ жила принцесса. Къ суду ее вызвали много разъ, но она ни разу не явилась. Однимъ словомъ, вслѣдствіе ея неявки, а также вслѣдствіе недавнихъ тревогъ совѣсти короля, ихъ бракъ былъ признанъ незаконнымъ и разводъ былъ произнесенъ единогласно этими учеными мужами. Послѣ этого ее перевезли въ Кимболтонъ, гдѣ она и находится теперь, больная.

Второй джентльменъ. Бѣдная леди (Трубы). Трубы гремятъ. Подойдемъ ближе: приближается королева.

Порядокъ процессіи.

При громкихъ звукахъ трубъ входятъ:

- 1) Двое судей.
- 2) Лордъ-канцлеръ; передъ нимъ несутъ кошель и жезлъ.
- 3) Хоръ пѣвчихъ (музыка).

4) *Маръ Лондона, съ жезломъ. За ними король ордена Подвязки, въ колѣтъ и въ мѣдной позолоченной коронѣ на головѣ.*

5) *Маркизь Дорсетъ, съ золотымъ скипетромъ въ рукѣ и въ золотой полу-коронѣ на головѣ. Рядомъ съ нимъ графъ Соррей, съ серебрянымъ жезломъ, на верхнемъ концѣ котораго изображенъ голубь, въ графской коронѣ. Цѣпи ордена.*

6) *Герцогъ Софолькъ, въ торжественномъ одѣяніи, съ герцогской короной на головѣ, съ длиннымъ бѣлымъ жезломъ великаго сенешала въ рукѣ. Рядомъ съ нимъ герцогъ Норфолькъ съ маршалскимъ жезломъ въ рукѣ и въ герцогской коронѣ на головѣ. Цѣпи ордена.*

7) *Балдахинъ, несомый четырьмя баронами пяти гаваней. Подъ балдахиномъ — королева въ мантии, съ короной на головѣ, богато украшенной жемчугами. По бокамъ ея — епископы Лондонскій и Винчестерскій.*

8) *Старая герцогиня Норфолькъ, въ герцогской коронѣ, переплетенной цвѣтчи-ми, несетъ шлейфъ королевы.*

9) *Леди и графини, съ гладкими золотыми вѣнцами, безъ цвѣттовъ.*

Второй джентльмэнъ. По истинѣ, царская процессія. Вотъ этихъ я знаю. А кто несетъ скипетръ?

Первый джентльмэнъ. Маркизь Дорсетъ, а вотъ и графъ Соррей съ жезломъ.

Второй джентльмэнъ. Храбрый джентльмэнъ. А вотъ эготъ, должно быть, герцогъ Софолькъ?

Первый джентльмэнъ. Да, великій сенешалъ.

Второй джентльмэнъ. А эготъ — лордъ Норфолькъ?

Первый джентльмэнъ. Да.

Второй джентльмэнъ (глядя на королеву). Да благословить тебя небо! У тебя такое прекрасное лицо, какого я никогда еще не видѣлъ. Сэръ, клянусь душою, она — ангелъ! Въ своихъ рукахъ нашъ король держитъ всю Индію, и даже больше, когда обнимаетъ эту леди. Не могу винить его совѣсть.

Первый джентльмэнъ. Тѣ, которые несутъ балдахинъ, — четыре барона пяти гаваней.

Второй джентльмэнъ. Они счастливы, какъ и всѣ, находящіеся близъ нея. Думаю, что та, которая несетъ ея шлейфъ, — старая благородная дама, герцогиня Норфолькъ.

Первый джентльмэнъ. Дѣйствительно, и всѣ другія — графини.

Второй джентльмэнъ. Ихъ вѣнцы говорятъ это. Онѣ въ самомъ дѣлѣ звѣзды, и по временамъ — падающія звѣзды.

Первый джентльмэнъ. Не будемъ говорить объ этомъ.

(Процессія удаляется при громкихъ звукахъ трубъ).

Входитъ третій джентльмэнъ.

Первый джентльмэнъ. Здравствуй-та, сэръ. Гдѣ это вы такъ изжарились?

Третій джентльмэнъ. Среди толпы, въ аббатствѣ, гдѣ и пальца нельзя было бы просунуть. Я задыхался отъ чрезмѣрности ихъ ликованія.

Второй джентльмэнъ. Видѣли вы церемонію?

Третій джентльмэнъ. Конечно.

Первый джентльмэнъ. Ну, и какъ она показалась вамъ?

Третій джентльмэнъ. Она стояла того, чтобы посмотреть на нее.

Второй джентльмэнъ. Расскажите намъ, сэръ, что вы видѣли?

Третій джентльмэнъ. Постараюсь это сдѣлать, какъ умѣю! Властѣищій кортежъ лордовъ и леди, послѣ того, какъ довелъ королеву до ея мѣста, приготовленнаго на хорахъ, отошелъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе. Тамъ ея величество сѣла и отдыхала въ теченіи получаса или вродѣ этого, на богатомъ тронѣ, свободно обнаруживая народу красоту своей особы. Повѣрите, сэръ, это — прекраснѣйшая изъ женщинъ, когда-либо раздѣлявшихъ ложе съ мужчиной. Когда народъ хорошенько ее разсмотрѣлъ, то поднялся шумъ, подобный шуму корабельныхъ снастей въ морѣ во время бури, столь же сильный и столь же разнообразный. Шапки, плащи и даже, можетъ быть, куртки полетѣли вверхъ; еслибъ и головы можно было снимать, то, кажется, и головы были бы сегодня потеряны. Никогда раньше не видаль я еще такого ликованія. Бременныя женщины, которымъ оставалось, можетъ быть, не болѣе полунедѣли до ро-

довъ, точно тараны старинныхъ войнъ, ударили въ толпу, и она отступала передъ ними. Никто изъ живыхъ мужчинъ не могъ бы сказать: „вотъ моя жена!“ — такъ странно все слилось въ одну массу.

Второй джентльмэнъ. А что же слѣдовало затѣмъ?

Третій джентльмэнъ. Наконецъ, ея величество встала и скромными шагами пошла къ алтарю, преклонила колѣна и, точно святая, устремивъ свои прекрасные глаза къ небу, усердно стала молиться. Потомъ встала и поклонилась народу. Когда отъ архіепископа Кантерберійскаго она получила всѣ царскіе знаки королевы: святое муро, корону Эдуарда-Исповѣдника, скипетръ, типунъ мира и другіе эмблемы, — хоръ, сопровождаемый лучшими музыкантами всего королевства, грянулъ *Te Deum*. Послѣ этого церемонія отправилась назадъ въ Йоркскій дворецъ, гдѣ будетъ пиршество.

Первый джентльмэнъ. Сэръ, вамъ бы не слѣдовало называть этотъ дворецъ Йоркскимъ, — это названіе принадлежитъ прошлому, потому что со времени паденія кардинала дворецъ утратилъ это названіе. Теперь онъ принадлежитъ королю и называется Уайтгаллемъ.

Третій джентльмэнъ. Я это знаю, но переимѣна въ названіи совершилась еще такъ недавно, что старое названіе все еще свѣжо въ моей памяти.

Второй джентльмэнъ. Кто были эти два епископа, которые шли по сторонамъ королевы?

Третій джентльмэнъ. Стокли и Гардинеръ; одинъ — епископъ Винчестерскій, недавно возведенный въ это достоинство изъ секретарей короля; другой — епископъ Лондонскій.

Второй джентльмэнъ. Епископъ Винчестерскій, говорятъ, не принадлежитъ къ большимъ друзьямъ архіепископа — добродѣтельнаго Кранмера.

Третій джентльмэнъ. Это извѣстно всему государству; однако дѣло еще не дошло до открытаго разрыва; когда это случится, Кранмеръ найдетъ друга, который не оставитъ его.

Второй джентльмэнъ. Кто-же?

Третій джентльмэнъ. Томаса Кромвеля, человѣка, весьма уважаемаго королемъ и въ самомъ дѣлѣ достойнаго друга. Король сдѣлалъ его хранителемъ королевскихъ драгоценностей и, кромѣ того, онъ уже членъ тайнаго совѣта.

Второй джентльмэнъ. Онъ достоинъ и большаго.

Третій джентльмэнъ. Да, безъ всякаго сомнѣнія. Ну, господа, пойдемте со мной; я иду во дворецъ, и вы будете мо-

ими гостями. Тамъ меня знаютъ. Дорогой я и еще кое-что расскажу вамъ.

Первый и второй джентльмены. Располагайте нами, сэръ (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Кимбольтонъ.

Входятъ: Екатерина, одолевшая прицесса, больная; ее поддерживаютъ Грифитъ и Пациенція.

Грифитъ. Какъ вы себя чувствуете, ваше величество?

Екатерина. О, Грифитъ! совѣмъ умираю. Мои ноги, точно слишкомъ обремененныя вѣтви, клонятся къ землѣ, какъ бы стремясь освободиться отъ своей тяжести. Дайте стулъ... Вотъ такъ... Кажется, теперь мнѣ немного лучше... Не говорилъ-ли ты мнѣ, Грифитъ, когда велъ меня, что это исполнское дитя славы, кардиналъ Вольсей, умеръ?

Грифитъ. Да, королева. Но мнѣ показалось, что ваше величество, вслѣдствіе страданій, испытываемыхъ вами, не обратили вниманія на то, что я говорилъ.

Екатерина. Прошу тебя, добрый Грифитъ, расскажи мнѣ, какъ онъ умеръ. Если хорошо умеръ, то, можетъ быть, онъ опередилъ меня съ тѣмъ, чтобы послужить мнѣ примѣромъ.

Грифитъ. Говорятъ, что онъ умеръ прекрасно. Послѣ того, какъ рѣшительный графъ Норсэмберлендъ арестовалъ его въ Йоркѣ и повезъ его на допросъ (какъ человѣка сильно обвиненнаго), онъ внезапно заболѣлъ и такъ ослабѣлъ, что не могъ держаться верхомъ на своемъ мулѣ.

Екатерина. Увы! бѣдный!

Грифитъ. Наконецъ, дѣлая небольшіе переѣзды, онъ пріѣхалъ въ Лейстеръ и остановился въ аббатствѣ. Тамъ онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ преподобнымъ аббатомъ съ братьей. И тогда кардиналъ сказалъ ему: „О, отецъ аббатъ, старикъ, разбитый государственными бурями, пришелъ успокоить свои утомленные кости среди васъ; дайте ему клочокъ земли изъ человѣколюбія!“ Затѣмъ, онъ легъ въ постель; болѣзнь быстро усиливалась и на третью ночь, часу въ восьмомъ (онъ самъ предсказалъ, что умретъ въ эту ночь), въ раскаяніи и въ молитвахъ, въ слезахъ и страданіяхъ, онъ возвратилъ міру всѣ свои почести, безсмертную часть самого себя — небу и въ мирѣ уснулъ.

Екатерина. Пусть покоится тамъ; да будутъ прощены ему его грѣхи! Однако,

Грифитъ, позволь мнѣ сказать о немъ то, что я думаю, безъ всякой неприязни. Это былъ человѣкъ невѣроятной гордости, ставившій самого себя на одну доску съ принцами, человѣкъ, поработившій государство своими дѣянiями; онъ безъ всякаго стѣсненiя ввелъ святокупство; волю свою онъ считалъ закономъ; онъ гналъ, не смотря на очевидность; онъ всегда былъ двоедушнъ — и въ словахъ своихъ, и въ помыслахъ. Онъ былъ состоятеленъ только тогда, когда замышлялъ чью-либо гибель; его общанiя были такъ же великолѣпны, какъ и онъ самъ въ то время, но исполненiе ихъ было такъ же ничтожно, какъ и онъ въ настоящее время. Онъ даже тѣломъ грѣшилъ и былъ дурнымъ примѣромъ для духовенства.

Грифитъ. Благородная королева, пороки людей живутъ на бронзѣ, добродѣтели же мы записываемъ на водѣ. Не позволите-ли мнѣ теперь, ваше величество, сказать то хорошее, какъ я думаю о немъ?

Екатерина. Да, добрый Грифитъ, въ противномъ случаѣ я была-бы злопамятна.

Грифитъ. Этотъ кардиналъ, не смотря на низкое происхожденiе, несомнѣнно былъ созданъ для великой славы съ самой своей колыбели. Онъ былъ ученъ, ума глубокаго и зрѣлаго, чрезвычайно проникательный, краснорѣчивъ и убѣдителенъ, надменный и рѣзкій съ тѣми, кто не любилъ его, но съ людьми, искавшими его дружбы, — кроткій, какъ лѣто. И хотя онъ былъ ненасытно жаждень въ стяжанiи (это, конечно, грѣхъ), но онъ былъ также и необыкновенно щедръ. Вѣковѣчнымъ доказательствомъ этого могутъ служить эти два близнеца науки, — созданные ими при вашемъ содѣйствii, — Ипсвичъ и Оксфордъ, одинъ изъ нихъ, павшій вмѣстѣ съ нимъ, не пожелавшій пережить своего основателя; другой, хотя далеко не совершенный еще, но уже столь славный, столь знаменитый ученостiю, столь увѣренный въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ, что во всемъ христіанствѣ всегда будутъ прославлять его достоинства. Его паденiе только увеличило его счастье, потому что тогда, и только тогда, позналъ онъ блаженство въ ничтожествѣ. И, кромѣ того, къ великой чести его старости, — которую не въ состоянii былъ воздать ему никто, — онъ умеръ въ страхѣ Господнемъ.

Екатерина. Послѣ моей смерти, я не хочу никакого другаго герольда, никакого другаго глашатая дѣяній моей жизни, который-бы защитилъ мою честь отъ клеветы, кромѣ такого честнаго лѣтописца, какъ Грифитъ. Того, кого я ненавидѣла живымъ, ты заставилъ меня твоей благочестивой правдой и скромной искренностью, почтить въ

его могилѣ. Миръ праху его!.. Пациенція, не покидай меня и посади меня ниже; я недолго буду беспокоить тебя... Добрый Грифитъ, скажи музыкантамъ, чтобы они сыграли мнѣ тотъ печальный напѣвъ, который я назвала моимъ погребальнымъ звономъ, въ то время, какъ, сидя, я погружусь въ раздумье о той небесной гармонiи, къ которой я приближаюсь.

Печальная и торжественная музыка.

Грифитъ. Она уснула... Добрая дѣвушка, будемъ сидѣть тихо, чтобы не разбудить ея. Тихе, тихе, милая Пациенція.

Видѣніе. Торжественно выступаютъ одинъ послѣ другаго шесть персонажей въ бѣлыхъ одеждахъ, съ лавровыми вѣнками на головахъ, въ золотыхъ маскахъ на лицахъ, съ лавровыми или пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Сначала они кланяются королевы, потомъ пляшутъ. При нѣкоторыхъ перемѣнахъ фигуръ, первые два персонажа держатъ надъ ея головою узкую гирлянду, въ то время, какъ остальные почтительно преклоняются передъ нею. Послѣ этого первые два передаютъ гирлянду двумъ слѣдующимъ, повторяющимъ то же самое при перемѣнѣ фигуры, держа гирлянду надъ головою королевы. Послѣ этого они передаютъ ту-же гирлянду двумъ послѣднимъ въ томъ-же порядкѣ. Въ это время (какъ-бы по внушенiю свыше) королева обнаруживаетъ знаками свою радость и поднимаетъ руки къ небу. Тогда призраки, продолжая плясать, исчезаютъ, унося съ собой гирлянду. Музыка продолжается.

Екатерина. Духи міра, гдѣ вы? Вы исчезли? Оставили меня за собой въ горести?

Грифитъ. Мы здѣсь, королева.

Екатерина. Не васъ я призываю. Не видали вы никого входящимъ сюда, когда я спала?

Грифитъ. Никого, королева.

Екатерина. Никого? Неужели не видали вы, какъ только-что цѣлое собраніе блаженныхъ созданiй приглашало меня на пиршество? Ихъ лица, свѣтлыя какъ солнца, озаряли меня тысячею лучей. Они предвѣщали мнѣ вѣчное блаженство и приносили мнѣ вѣнецъ, который, я чувствую. Грифитъ, я еще недостойна носить, его но сдѣлаюсь достойна непременно.

Грифитъ. Я счастливъ, королева, что ваше воображенiе лепечетъ такіе прекрасные сны.

Екатерина. Пусть замолкнетъ музыка; она слишкомъ груба и непріятна мнѣ (*Музыка умолкаетъ*).

Пациенція. Не замѣтили-ли вы, какъ ея величество вдругъ измѣнилось? Какъ вытянулось ея лицо! Какая блѣдность! Какъ она холодна! Вгляните на ея глаза.

Грифитъ. Она отходитъ, добрая дѣвушка; будемъ молиться, будемъ молиться!

Пациенція. Да утѣшить ее небо!

Входитъ посланецъ.

Посланецъ. Съ позволенія вашей свѣтлости...

Екатерина. Ты грубіанъ. Неужели мы не заслужили большого почтенія?

Грифитъ. Вы заслуживаете порицанія; зная, что она не желаетъ отказаться отъ своего прежняго величія,—какъ могъ ты такъ грубо держать себя?

Посланецъ. Униженно молю ваше величество простить мнѣ; моя торопливость заставила меня нарушить приличіе. Въ приемной ждетъ днентльмэнъ, присланный къ вашему величеству королемъ.

Екатерина. Введи его, Грифитъ; но этотъ пускай никогда не показывается мнѣ на глаза (*Грифитъ и посланецъ уходятъ*).

Входятъ: Грифитъ и Капуцій.

Екатерина. Если мои слабые глаза не обманываютъ меня, вы посолъ императора, моего царственнаго племянника, и называетесь Капуцій?

Капуцій. Точно такъ, государыня, вашъ покорный слуга.

Екатерина. О, любезный лордъ, времена и титулы теперь странно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ я съ вами познакомилась. Но, прошу васъ, скажите, что вамъ угодно отъ меня?

Капуцій. Государыня, прежде всего, являюсь предложить мои услуги вашему величеству, а затѣмъ король пожелалъ, чтобы я посѣтилъ васъ; онъ сильно опечаленъ вашимъ слабымъ здоровьемъ, онъ посылаетъ вамъ черезъ меня свои царственныя привѣтствія и сердечно умоляетъ васъ поберечь себя.

Екатерина. Мой добрый лордъ, это утѣшеніе является слишкомъ поздно; это нѣчто въ родѣ помилованія послѣ казни. Это сладостное лекарство излечило-бы меня, еслибы явилось во-время, но теперь для меня миновали все утѣшенія, за исключеніемъ молитвъ. Какъ здоровье его величества?

Капуцій. Онъ въ добромъ здоровьи, государыня.

Екатерина. Дай Богъ, чтобы такъ было всегда, и чтобы здоровье его было цвѣтуще и тогда, когда я буду обитать съ червями и когда мое бѣдное имя будетъ

изгнано изъ этого королевства. Пациенція, письмо, которое я просила тебя написать, отправлено?

Пациенція (*подавая письмо*). Нѣтъ королева.

Екатерина. Сэръ, прошу васъ вручить это письмо моему повелителю—королю.

Капуцій. Охотно, государыня.

Екатерина. Въ этомъ письмѣ я поручаю его великодушію плодъ нашей цѣломудренной любви, его молодую дочь. Да снизойдетъ на нее небесная роса, въ видѣ благословеній! Умоляю его дать ей благочестивое воспитаніе (Она молода, благороднаго и кроткаго нрава; надѣюсь, что она будетъ его гордостью). Я прошу его любить ее хоть немножко, въ память матери, которая любила его, Богу извѣстно, съ какою нѣжностью. Затѣмъ я прошу его величество не забыть моихъ несчастныхъ прислужницъ, которыя такъ долго служили мнѣ преданно и въ счастіи, и въ несчастіи. Между ними не найдется ни одной, смѣю утверждать (теперь я не стану лгать), которая-бы, по своимъ добродѣтелямъ, по истинной красотѣ души, по благородству и скромному поведенію не заслуживала справедливаго и добраго мужа, даже и изъ дворянъ. И я увѣрена, онѣ составятъ счастіе своихъ мужей. Моя послѣдняя просьба касается моихъ служителей; они очень бѣдны, но бѣдность никогда немогла отдѣлать ихъ отъ меня; я прошу, чтобы имъ по прежнему уплачивалось жалованье, съ какой-нибудь надбавкой, въ память обо мнѣ. Еслибы небу угодно было продлить мою жизнь и надѣлать меня большими средствами, то мы бы не такъ разстались. Вотъ и все, что содержится въ моемъ письмѣ. А вы, добрый лордъ, во имя того, что вы считаете самымъ дорогимъ на этомъ свѣтѣ, во имя того христіанскаго мира, котораго, конечно, вы желаете всѣмъ отлетающимъ душамъ,—будьте другомъ этихъ бѣдныхъ людей и убѣдите короля воздать мнѣ эту послѣднюю справедливость.

Капуцій. Клянусь небомъ, пусть лучше я потеряю образъ человѣка, если не исполню вашего желанія.

Екатерина. Благодарю васъ, добрый, благородный лордъ. Со смиреніемъ напоминаю его величеству обо мнѣ; скажите ему, что виновница его продолжительныхъ душевныхъ тревогъ готова теперь покинуть міръ. Скажите ему, что, умирая, я благословляла его, ибо я благословлю его... Зрѣніе мое ослабѣваетъ... Прощайте, сэръ... Грифитъ, прощай... Не оставляйте меня еще, Пациенція. Положи меня на постель...

Позови моихъ другихъ прислужницъ. Когда я умру, моя добрая дѣвушка, пусть все будетъ сдѣлано съ честью; осыпьте меня дѣвственными цвѣтами,— пусть весь міръ знаетъ, что я оставалась цѣломудренной женой до самой могилы; набальзамируйте

меня, потомъ выставьте мое тѣло. Хотя и развѣчанная, я должна быть похоронена, какъ королева и какъ дочь короля. Не могу болѣе...

Всѣ уходятъ, уводя Екатерину.

Дѣйствіе пятое.

СЦЕНА I.

Галерея во дворцѣ.

Входятъ: Гардинеръ, епископъ Винчестерскій, передъ нимъ пажъ съ факеломъ, и встрѣчается съ с-ромъ Томасомъ Ловелемъ.

Гардинеръ. Теперь часъ, не правда-ли, мальчикъ?

Пажъ. Часъ только-что пробилъ.

Гардинеръ. Эти часы слѣдовало-бы посвящать только сну, а не увеселе-ніямъ, — это время возстановляетъ наши силы цѣлебнымъ успокоеніемъ, — а не рас-трачивать ихъ по пустому. Доброй ночи, сэръ Томасъ! Куда вы направляетесь такъ поздно?

Ловель. Вы отъ короля, лордъ?

Гардинеръ. Да, отъ короля; я оста-вилъ его играющимъ въ примеро съ гер-цогомъ Соффолкомъ.

Ловель. Мнѣ необходимо его видѣть, прежде чѣмъ онъ ляжетъ спать. Проща-юсь съ вами.

Гардинеръ. Подождите, сэръ Томасъ. Что случилось? Вы, кажется, взволнованы? Если въ этомъ нѣтъ ничего дурного, то дайте мнѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ позднемъ дѣлѣ. Дѣла, которыя (какъ и духи) по народному повѣрью бродятъ по ночамъ, бываютъ болѣе мрачнаго свойства, чѣмъ дѣла, выполняющіяся днемъ.

Ловель. Лордъ, я люблю васъ и смѣю довѣрить вашему уху тайну, гораздо бо-лѣе важную, чѣмъ настоящее дѣло. Коро-лева мучится родами; говорятъ, что ей

угрожаетъ крайняя опасность, и боятся, что она не вынесетъ этихъ родовъ.

Гардинеръ. Отъ всего сердца молю за ожидаемый плодъ; я бы желалъ, чтобы онъ вышелъ во-время и жилъ. Но что касается дерева, сэръ Томасъ, то я бы же-лалъ вырвать его съ корнемъ.

Ловель. Я способенъ, мнѣ кажется, отвѣтить вамъ: аминь! И однако, совѣсть говоритъ мнѣ, что она — доброе созданіе, прелестная женщина, достойная нашихъ лучшихъ пожеланій.

Гардинеръ. Но, сэръ, сэръ... послу-шайте меня, сэръ Томасъ; вы джентльменъ одного со мною образа мыслей, я знаю, что вы обстоятельны и религіозны. И од-нако, позвольте мнѣ сказать вамъ, что изъ всего этого ничего добраго не будетъ. Нѣтъ, сэръ Томасъ, повѣрьте мнѣ, не будетъ, пока Кранмэръ, Кромвель, двѣ руки этой жен-щины, да и она сама не успокоятся въ мо-гилахъ.

Ловель. Вы говорите, сэръ, о двухъ самыхъ выдающихся людяхъ государства. Что касается Кромвеля, то онъ, кромѣ званія хранителя королевскихъ драгоцен-ностей, сдѣланъ еще смотрителемъ архи-вовъ и секретаремъ короля, а затѣмъ, сэръ, онъ находится на дорогѣ новыхъ почестей, которыя будутъ возложены на него време-немъ. Архіепископъ — правая рука и языкъ короля. Но кто осмѣлится сказать противъ него хотя-бы одно слово?

Гардинеръ. Да, да, сэръ Томасъ, есть люди, которые осмѣляются; да и я самъ, я рискнулъ высказать мое мнѣніе о немъ. И, дѣйствительно, именно сегодня, сэръ (могу

вамъ повѣрить это), мнѣ кажется, что я внушилъ лордамъ совѣта убѣжденіе, что онъ (ибо онъ дѣйствительно таковъ, я это знаю, да и они знаютъ), что онъ закоснѣлый еретикъ, чума, заражающая все государство. Они такъ были поражены этимъ, что представили все это королю, а король, выслушавъ нашихъ враговъ (по великой монаршей заботливости своей), предвидя страшныя послѣдствія, которыя были ему указаны нашими соображеніями, приказалъ завтра-же утромъ потребовать его къ отвѣту въ совѣтъ. Это—зловредная трава, сэръ Томасъ; ее необходимо вырвать съ корнемъ. Но я вижу, что слишкомъ долго задержалъ васъ, — вамъ некогда. Доброй ночи, сэръ Томасъ.

просить, чтобы ваше величество помолились за нее.

Король Генрихъ. Что говоришь ты? Какъ? Помолиться за нее? Такъ она мучится родами?

Ловель. Такъ сказала мнѣ одна изъ ея женщинъ и прибавила, что ея страданія такъ велики, что почти каждое усиліе приближаетъ ее къ смерти.

Король Генрихъ. Вѣдная!

Соффолькъ. Будемъ надѣяться, что она разрѣшится благополучно и обрадуетъ ваше величество наследникомъ.

Король Генрихъ. Теперь полночь, Чарльсъ. Отиравляйся, пожалуйста, спать и въ своихъ молитвахъ вспомни о страданіяхъ моей доброй королевы. Оставь меня

Ловель. Тысяча разъ доброй ночи, благородный лордъ. Вашъ покорный слуга.

Гардинеръ уходитъ съ пажемъ.

Въ то время, какъ Ловель собирается выйти, входитъ король съ герцогомъ Соффолькомъ.

Король Генрихъ. Сегодня, Чарльсъ, я нехочу больше играть: я что-то разсѣянъ сегодня; для меня ты слишкомъ силенъ въ этой игрѣ.

Соффолькъ. Государь, я сегодня только въ первый разъ выигралъ у васъ.

Король Генрихъ. Да и то малость, Чарльсъ; когда я внимательно играю, ты низачто у меня не выиграешь. Ну, что, Ловель, какія новости о королевѣ?

Ловель. Я не могъ лично передать ей ваше порученіе, я его передалъ черезъ одну изъ ея прислужницъ, которая возвратилась съ отвѣтомъ, что королева благодаритъ ваше величество съ покорностію и

одного, потому что у меня такія заботы, которыя не любятъ общества.

Соффолькъ. Желаю вашему величеству спокойной ночи и въ своихъ молитвахъ вспомню мою доброю повелительницу.

Король Генрихъ. Доброй ночи, Чарльсъ.

Соффолькъ уходитъ.

Входитъ Антони Денни.

Король Генрихъ. Что, сэръ? Что еще?

Денни. Государь, я привелъ лорда-архіепископа, какъ вы приказывали.

Король Генрихъ. А! Кэнтербери?

Денни. Да, ваше величество.

Король Генрихъ. Такъ, такъ. А гдѣ же онъ, Денни?

Денни. Ожидаетъ приказаній вашего величества.

Король Генрихъ. Приведи его къ намъ (*Денни уходитъ*).

Ловель. Тутъ дѣло касается того, о чемъ говорилъ мнѣ епископъ; я какъ разъ во-время попалъ.

(Денни возвращается съ Кранмэромъ).

Король Генрихъ. Оставьте галерею, (Ловель медлитъ)... Ну, что же? Видѣ я сказалъ... Ступай вонъ! (Ловель и Денни уходятъ).

Кранмэръ. Я перепуганъ... Отчего онъ нахмурилъ такъ брови? Это самое грозное выраженіе его лица... Хорошаго мало.

Король Генрихъ. Ну, что, лордъ? Вы, можетъ быть, желаете узнать, зачѣмъ я послалъ за вами?

Кранмэръ. Мой долгъ—ожидать приказаній вашего величества.

Король Генрихъ. Встаньте, прошу васъ, мой добрый и благородный лордъ Кэнтербери. Пойдемте; мы должны погулять вмѣстѣ. У меня есть кое-что сообщить вамъ. Ну, давайте вашу руку. Да, добрый лордъ, сожалѣю о томъ, что долженъ сказать вамъ. Къ большому моему прискорбію въ послѣднее время я слышалъ много самыхъ тяжкихъ,—повторю, самыхъ тяжкихъ,—жалобъ на васъ; это побудило насъ и нашъ совѣтъ потребовать сегодня васъ къ отвѣту. Однако, для того, чтобы вы могли вполне оправдаться въ взводимыхъ на васъ обвиненіяхъ, необходимо, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему разслѣдованію, чтобы вы призвали къ себѣ терпѣливые и сдѣлались на нѣкоторое время жильцомъ нашего Тоузра. Относительно такого собрата, какъ вы, мы должны такъ поступить, потому что, въ противномъ случаѣ, никто не явится свидѣтелемъ противъ васъ.

Кранмэръ. Покорнѣйше благодарю, ваше величество, и съ истинною радостью пользуюсь этимъ случаемъ окончательно быть провиннымъ, такъ чтобы отдѣлать мое зерно отъ мякины, ибо, я знаю, никого еще не преслѣдовали клеветническіе языки въ большей степени, чѣмъ меня, бѣднаго человѣка.

Король Генрихъ. Встань, добрый Кэнтербери; твоя преданность и твоя честность укоренились въ насъ, твоимъ другъ. Дай мнѣ твою руку, встань. Походимъ, прошу тебя. Да, что ты, въ самомъ дѣлѣ, за человѣкъ? Я думалъ, что вы, лордъ, будете просить меня доставить вамъ очную ставку съ вашими обвинителями и выслушать васъ безъ тюремнаго заключенія.

Кранмэръ. Грозный государь, почва, на которой я стою, это—моя правота и честность. Если онъ оставятъ меня, то я, вмѣстѣ съ моими врагами, стану бы торжествовать надъ собственной моей личностію, которую я не стану бы цѣнить ни

во что, если бы она осталась свободной отъ этихъ двухъ добродѣтелей. Я не боюсь того, что могутъ сказать противъ меня.

Король Генрихъ. Но неужели-же вы не знаете, каково ваше положеніе въ обществѣ и по отношенію ко всѣмъ? Ваши враги многочисленны и сильны; козни ихъ должны соответствовать ихъ силѣ и численности, а не всегда справедливости и правда выходить изъ обвиненія съ оправдательнымъ приговоромъ. Съ какой легкостью развращенныя души могутъ подкупить бездѣльниковъ, готовыхъ свидѣтельствовать противъ васъ! Такіе случаи бывали не разъ. Ваши противники такъ же могущественны, какъ и настойчивы. Не думаете-ли вы, что вы будете счастливы, по отношенію къ лжесвидѣтелямъ, вашего Господа, котораго служителемъ вы состоите, когда онъ еще жилъ на этой развращенной землѣ? Полноте, полноте! Вы считаете, что перескочить черезъ пропасть ничего не стоитъ и неопасно, и ищете, такимъ образомъ, своей собственной гибели.

Кранмэръ. Пусть Богъ и ваше величество защитятъ мою невинность; въ противномъ случаѣ я попаду въ разставленную мнѣ ловушку.

Король Генрихъ. Будьте покойны, ваши враги восторжествуютъ на столько, на сколько я имъ позволю. Не падайте духомъ и утромъ не забудьте предстать передъ ними. Если они рѣшатъ, вслѣдствіе взводимыхъ на васъ обвиненій, подвергнуть васъ тюремному заключенію,—протестуйте противъ такого рѣшенія со всею смѣлостію, смотря по обстоятельствамъ. Если-же ваши протесты не помогутъ, вручите имъ этотъ перстень и сошлитесь на насъ,—такъ и сдѣлайте передъ ними.. Ну, вотъ—теперь онъ, добрый человѣкъ, плачетъ! Клянусь честью, онъ благороднѣйшій человѣкъ! Святая мать Божья! Клянусь, у него искреннее сердце, и нѣтъ души лучше во всемъ моемъ государствѣ. Отправляйтесь домой и сдѣлайте, какъ я вамъ сказалъ (Кранмэръ уходитъ). Слезы душили его голосъ.

Входитъ старая Лэди.

Джентльмэнъ (за сценой). Назадъ! Что вамъ надо?

Лэди. Не пойду назадъ. Вѣсть, которую я приношу, сдѣлаетъ мою дерзость любезностію. Пусть добрые ангелы витаютъ надъ твоей царственной головою и осѣняютъ тебя своими свѣтлыми крыльями!

Король Генрихъ. По твоему лицу я угадываю твою вѣсть. Королева родила? Скажи: да! и мальчика?

Старая лэди. Да, да, мой повелитель,—прелестнаго мальчика! Да благосло-

вить ее Господь теперь, и всегда! Это—дѣвочка, которая въ будущемъ общается много мальчиковъ! Государь, королева желаетъ васъ видѣть, чтобы вы познакомились съ этой новой гостью. Она на васъ похожа, какъ вишенка похожа на вишенку.

Король Генрихъ. Ловель...

Входитъ Ловель.

Ловель. Государь...

Король Генрихъ. Дай ей сто марокъ. Иду къ королевѣ (*Король уходитъ*).

Старая леди. Сто марокъ! За такую вѣсть можно было-бы и больше! Такое вознагражденіе приличествуетъ простому конюху, а не мнѣ. Я хочу больше, или-же обругаю его. Развѣ для такой малости я сказала, что дѣвочка похожа на него? Пусть дастъ больше, или-же я отопрусь отъ своихъ словъ; а теперь—пока горячо, давай ковать желѣзо (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Пріемная передъ залой государственнаго совѣта.

Входятъ: Кранмэръ, служитель, придверникъ и пр.

Кранмэръ. Надѣюсь, что не опоздалъ, и, однако, джентльмэнъ, посланный ко мнѣ совѣтомъ, просилъ меня торопиться. Все заперто? Что-жъ это означаетъ? Эй! Кто сегодня въ должности? Ты вѣдь знаешь меня?

Придверникъ. Да, лордъ; но впустить васъ не могу.

Кранмэръ. Почему?

Придверникъ. Ваша свѣтлость должны ждать, пока васъ позовутъ.

Входитъ докторъ Ботсъ.

Кранмэръ. Прекрасно.

Ботсъ. Подлѣйшая штука! Я очень радъ, что попалъ сюда такъ ксати. Король сейчасъ-же узнаетъ объ этомъ (*Ботсъ уходитъ*).

Кранмэръ (*въ сторону*). Это—Ботсъ, королевскій докторъ. Какъ внимательно онъ посматрѣлъ на меня, когда проходилъ! Молю небо, чтобы этимъ взглядомъ онъ не хотѣлъ проникнуть во всю глубину въ мою немилость! Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, все это съ цѣлью было устроено нѣкоторыми изъ тѣхъ, кто меня ненавидитъ. (Да направитъ Господь ихъ сердца на иной путь. Я никогда не старался возбудить ихъ злобы). Они пожелали унижить меня: въ противномъ случаѣ, имъ было-бы совѣстно заставить меня ждать у дверей. Членъ совѣта, ихъ товарищъ,—и вдругъ среди па-

жей, конюховъ и лакеевъ! Но ихъ приказанія должны быть исполнены! Я буду ждать съ терпѣніемъ.

Въ окнѣ наверху появляются: король и Ботсъ.

Ботсъ. Я покажу вашему величеству самое странное зрѣлище!

Король Генрихъ. Что-же это такое, Ботсъ?

Ботсъ. Я думаю, что подобное зрѣлище ваше величество видѣли уже не разъ.

Король Генрихъ. Да гдѣ, чортъ возьми?

Ботсъ. Вотъ тамъ, государь. Посмотрите на необыкновенное повышеніе его свѣтлости лорда Кэнтербери, который держитъ свой приѣмъ у дверей, среди конюховъ, пажей и лакеевъ!

Король Генрихъ. Да, въ самомъ дѣлѣ! Такъ вотъ какія почести они воздаютъ другъ другу! Хорошо еще, что есть кто-нибудь надъ ними. Я думалъ, что у нихъ найдется настолько честности (или, по крайней мѣрѣ, приличія), чтобы не заставлять человѣка его сана и находящагося въ такой у насъ милости дежурить въ лакейской, въ ожиданіи соизволеній ихъ свѣтлостей,—у дверей, точно посыльного съ пакетами. Клянусь святой Маріей, Ботсъ, это гнусно. Оставимъ его; задернемъ занавѣску. Сейчасъ мы узнаемъ и еще кое-что. (*Скрываются*).

Зало совѣта.

Входятъ: лордъ Канцлеръ, герцогъ Соф-фолькъ, герцогъ Норфолькъ, графъ Соррей, лордъ Камергеръ и Кромвель. Лордъ Канцлеръ садится у верхняго конца стола, на лѣво; нѣсколько выше оставлено пустое мѣсто архіепископа Кэнтерберійскаго. Прочіе члены государственнаго совѣта разсаживаются по порядку, по обѣимъ сторонамъ стола. Кромвель—на нижнемъ концѣ, въ качествѣ секретаря.

Канцлеръ. Приступите къ дѣлу, господни секретарь. По какому дѣлу мы собрались въ совѣтъ?

Кромвель. Съ позволенія вашихъ свѣтлостей, главное дѣло относится къ его свѣтлости, архіепископу Кэнтерберійскому.

Гардинеръ. Извѣщенъ онъ объ этомъ?

Кромвель. Да.

Норфолькъ. А кто ждетъ тамъ?

Придверникъ. Лордъ архіепископъ; онъ уже около получаса ожидаетъ вашихъ приказаній.

Канцлеръ. Пусть войдетъ.

Придверникъ. Ваша свѣтлость можете теперь войти. (*Кранмэръ входитъ и приближается къ столу совѣта*).

Кандлеръ. Мой добрый лордъ-архiepископъ, мнѣ очень жаль, что, сидя здѣсь въ эту минуту, я принужденъ видѣть это мѣсто незанятымъ. Но всѣ мы—люди, слабые по природѣ, приспособляющіеся къ нашему тѣлу. Немного среди насъ ангеловъ... По этой-то именно слабости, по недостатку истинной мудрости, вы, который могли бы быть лучшимъ нашимъ учителемъ, вы сами оказались виновнымъ,—и въ весьма сильной степени,—во-первыхъ, противъ короля, а потомъ противъ его законовъ, наполняя все государство вашими ученіями и ученіями вашихъ капеллановъ (ибо такъ извѣщаютъ насъ), новыми мнѣніями, опасными и ложными, которыя суть не болѣе, какъ ересь, и если эта ересь не будетъ исправлена, то сдѣлается гибельной.

Гардинеръ. И это исправленіе должно быть совершенно немедленно, ибо тѣ, кто укрощаютъ дикихъ лошадей, не водятъ ихъ, чтобъ сдѣлать ихъ спокойными; они сжимаютъ имъ морду крѣпкою уздой и ударяютъ ихъ шпорами, пока онѣ не стануть повиноваться. Если мы станемъ терпѣть (изъ легкомыслія, изъ дѣтской снисходительности, вслѣдствіе уваженія къ чести того или иного человѣка) эту заразительную болѣзнь, то намъ придется проститься со всѣми лекарствами. Каковы же будутъ послѣдствія? Потрясенія, смуты, повсемѣстная испорченность всего государства, какъ это было еще такъ недавно у нашихъ сосѣдей верхней Германіи, горькій опытъ которыхъ еще такъ свѣжъ въ нашей памяти.

Кранмэръ. Добрые лорды, до сихъ поръ, въ теченіи всей моей жизни и моего служенія, я постоянно трудился, и не безъ большихъ усилій, такъ, чтобъ мое ученіе и сильное теченіе моей власти могли идти однимъ надежнымъ путемъ, цѣль котораго—благо. Нѣтъ живого (я говорю это вполне искренно, лорды) человѣка, который бы болѣе ненавидѣлъ, чѣмъ я, какъ по своей совѣсти, такъ и по обязанностямъ, возложеннымъ на меня, всѣхъ нарушителей общественнаго мира. Молю небо, чтобы король никогда не нашелъ сердца менѣе ему преданнаго! Люди, для которыхъ пищею служить зависть и пресмыкающаяся злоба, смѣютъ кусать и самыхъ добродѣтельныхъ. Прошу ваши свѣтлости, чтобы мои обвинители, кто бы они были, были поставлены лицомъ къ лицу со мною и свободно высказали свои обвиненія противъ меня.

Соффолькъ. Нѣтъ, лорды; этого невозможно сдѣлать,—вы членъ государственнаго совѣта и, вслѣдствіе этого, никто не осмѣлится обвинять васъ.

Гардинеръ. Благородный лордъ, такъ какъ насъ ожидаютъ еще болѣе важныя дѣла, то по вашему дѣлу достаточно будетъ нѣсколькихъ словъ. По волѣ его величества и велѣдствіе нашего согласія, ради большого безпристрастія суда, мы должны васъ отправить въ Тоуэръ. Тамъ, снова сдѣлавшись частнымъ лицомъ, вы увидите, съ какою смѣlostью выступятъ противъ васъ обвинители и, я боюсь, въ большемъ количествѣ, чѣмъ вы думаете.

Кранмэръ. Ахъ, мой добрый лордъ Винчестеръ, благодарю васъ. Вы по-прежнему мой добрый другъ; если бы ваши желанія осуществились, то я бы нашелъ въ вашей свѣтлости одновременно и судью, и присяжнаго засѣдателя,—до такой степени вы сострадательны. Я вѣдь вижу цѣль, къ которой вы стремитесь: цѣль эта—моя гибель. Любовь и снисхожденіе, благородный лордъ, идутъ лицу духовному лучше, чѣмъ честолюбіе. Кротостію обращайтесь заблудшія души, не отвергайте ни одну. Что я оправдаюсь, какія бы тяжести вы ни извѣливали на мое терпѣніе,—у меня такъ же мало сомнѣній въ этомъ отношеніи, какъ у васъ мало совѣсти, чтобы ежедневно дѣлать новыя несправедливости. Я бы многое могъ еще сказать, но уваженіе къ вашему сану смиряетъ меня.

Гардинеръ. Лордъ, лордъ, вы—еретикъ; вотъ истинная правда. Лоскъ, покрывающій васъ, позволяетъ видѣть тѣмъ, кто васъ хорошо понимаетъ, одни лишь слова и слабость.

Кромвель. Благородный лордъ Винчестеръ,—съ вашего позволенія, вы слишкомъ рѣзки. Люди такого высокаго сана, если бы они и были виновны, все-таки имѣютъ право на уваженіе, ради того, чѣмъ они когда-то были: жестоко оскорблять падающаго человѣка.

Гардинеръ. Милѣйшій господинъ секретарь, да извинитъ меня ваша честь, но изъ всѣхъ засѣдающихъ у этого стола вы меньше всего можете такъ говорить.

Кромвель. Почему, благородный лордъ?

Гардинеръ. Развѣ мнѣ не извѣстно, что вы одинъ изъ тѣхъ, кто благопріятствуетъ этой новой сентѣ? Вы не совсѣмъ-то чисты.

Кромвиль. Я не чистъ?

Гардинеръ. Не чистъ, повторяю это.

Кромвель. Какъ желать бы я, чтобы вы хоть на половину были такъ же чисты, какъ я. Тогда вы были бы предметомъ молитвъ людей, а не ихъ страха.

Гардинеръ. Я не забуду этихъ дерзкихъ рѣчей.

Кромвель. Но не забывайте также и всего вашего дерзкаго существованія.

Канцлеръ. Это ужъ слишкомъ. Ради приличій, воздержитесь, лорды!

Гардинеръ. Я кончилъ.

Кромвель. И я также.

Канцлеръ. Возвратимся къ вамъ, лордъ; рѣшено,—какъ мнѣ кажется, единогласно,—что вы будете сейчасъ же отведены въ Тоуэръ, гдѣ и останетесь до дальнѣйшихъ повелѣній короля. Согласны вы на это, лорды?

Всѣ. Да, согласны.

редаю его въ руки болѣе благороднаго судьи, въ руки короля, моего повелителя.

Лордъ Канцлеръ. Это—перстень короля!

Соррей. Не поддѣльный?

Соффолькъ. Неподдѣльный перстень. Клянусь небомъ! Я вамъ говорилъ, когда мы двинули этотъ опасный камень, что на насъ-же онъ и упадетъ.

Норфолькъ. Неужели вы думали, лорды, что король даже пальцемъ позволить

Кранмэръ. Такъ у васъ нѣтъ другого снисхожденія для меня? Я, значить, непременно долженъ отправиться въ Тоуэръ?

Гардинеръ. Какого другого снисхожденія можете вы ожидать? Вы удивительно докучливы. Приготовить стражу!

Входитъ стража.

Кранмэръ. Какъ? для меня? стража? Я, какъ измѣнникъ, долженъ идти въ Тоуэръ?

Гардинеръ. Возьмите его и позаботьтесь, чтобы онъ отведенъ былъ въ Тоуэръ.

Кранмэръ. Подождите, добрый лордъ, мнѣ еще надо сказать вамъ нѣскольکو словъ. Взгляните на это, лорды. Въ силу этого перстня, я выхватываю мое дѣло изъ когтей этихъ жестокихъ людей и пе-

притронуться къ этому человѣку?

Камергеръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія. Какъ дорожить онъ его жизнью! Желалъ-бы я выпутаться изъ этого позора.

Кромвель. Предчувствіе говорило мнѣ, что, подбирая доносы и жалобы противъ этого человѣка, котораго честность могутъ ненавидѣть лишь дьяволъ и его поклонники, вы вздули огонь, который сожжетъ васъ. Ну, берегитесь-же теперь!

Входитъ король, гнѣвно на нихъ взгляды-ваетъ и садится.

Гардинеръ. Грозный государь, сколь много должны мы ежечасно благодарить небо за то, что оно даровало намъ такого монарха, не только добраго и мудраго, но и столь преданнаго церкви; монарха, кото-

рый со всѣмъ подобающимъ смиреніемъ ставить церковь вышею цѣлю своего царствованія, который, желая еще болѣе укрѣпить этотъ священный долгъ, въ своей трогательной заботливости самъ становится судьей, чтобы выслушать тяжбу между ею и ея великимъ оскорбителемъ.

Король Генрихъ. Вы всегда славились способностію говорить экспромтомъ похвальные рѣчи, епископъ Винчестерскій. Но знайте, что я пришелъ сюда не съ тѣмъ, чтобы слушать лести; въ моемъ присутствіи она слишкомъ откровенна и нагла и не можетъ скрыть того, что меня возмущаетъ. Вы не обойдете меня. Вы станетесь болонкой и вліяніемъ языка надѣетесь обольстить меня; но, что бы ты ни думалъ обо мнѣ, я увѣренъ, что ты жестокъ и кровожаденъ. (*Кранмэру*). Садись, добрый человѣкъ. А теперь, посмотримъ! Пусть самый дерзкій осмѣлится только погрозить тебѣ хотя-бы однимъ пальцемъ. Клянусь всѣмъ, что есть самаго святого, ему лучше поколѣть съ голоду, чѣмъ подумать, что ты здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

Соррей. Если угодно вашему величеству...

Король Генрихъ. Нѣтъ, сэръ, мнѣ неуютно. Я думалъ, что въ моемъ совѣтѣ есть люди съ пониманіемъ и умомъ, но не вижу ни одного. Прилично-ли, лорды, заставлять этого добраго человѣка (немногіе изъ васъ достойны этого названія), этого честнаго человѣка, точно вшиваго лакея, ожидать у дверей палаты?—его, вашего равнаго! Какой позоръ! Заставляли-ли васъ мои распоряженія забывать до такой степени? Я далъ вамъ власть судить его, какъ члена совѣта, а не какъ конюха. Среди васъ, я вижу, находятся люди, которые, скорѣе изъ чувства злобы, чѣмъ изъ правосудія, были-бы готовы подвергнуть его самому ужасному, еслибы они могли это сдѣлать; но этой власти у васъ никогда не будетъ, пока я живъ!

Лордъ Канцлеръ. Позвольте мнѣ, грозный государь, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе всѣхъ насъ. То, что мы рѣшили относительно его заключенія, было сдѣлано (если только можно повѣрить людямъ) скорѣе, чтобы дать ему возможность оправдаться въ глазахъ цѣлаго свѣта, а вовсе не изъ чувства злобы, въ этомъ я увѣренъ, по крайней мѣрѣ относительно самого себя.

Король Генрихъ. Ну, и прекрасно; уважайте его, опять примите его въ свою среду и будьте къ нему расположены,—онъ этого достоинъ. Скажу еще болѣе: если монархъ можетъ быть обязанъ чѣмъ-либо своему подданному, то именно я, за его

любовь ко мнѣ и службу. Не воздвигайте передо мною новыхъ заботъ и обвините его и будьте ему друзьями, хотя-бы изъ чувства приличія. Лордъ Кэнтербери, у меня есть къ вамъ просьба, въ которой вы мнѣ не можете отказать; заключается она въ томъ, что есть прекрасная маленькая дѣвочка, нуждающаяся въ крещеніи; вы должны быть ея крестнымъ отцомъ и отвѣчать за нее.

Кранмэръ. Величайшій монархъ, нынѣ живущій, могъ бы гордиться подобною честью. Но какъ могу я быть достоинъ этой чести,—я, ничтожный и смиренный подданный вашъ?

Король Генрихъ. Э, полноте, полноте! вамъ бы хотѣлось, конечно, прибереечь ваши ложки. У васъ будутъ два благородныхъ товарища: старая герцогиня Норфолькъ и Маркиза Дорсетъ. Довольны вы? Еще разъ прошу васъ, лордъ Винчестеръ,—обвините и любите этого человѣка.

Гардинеръ. Отъ всего сердца и съ любовью брата.

Кранмэръ. Богъ свидѣтель, что это увѣреніе мнѣ особенно дорого.

Король Генрихъ. Добрый человѣкъ, эти радостныя слезы показываютъ твое сердце. Народная поговорка, я вижу, оправдывается тобою; она говоритъ: „Сдѣлайте лорду Кэнтербери злую штуку, и онъ навсегда будетъ вашимъ другомъ“. Ну, лорды, довольно; мы только попусту теряемъ время; мнѣ бы скорѣе хотѣлось сдѣлать изъ этого малыша христіанку. Я васъ примирилъ теперь, лорды, оставайтесь друзьями. Благодаря этому у меня будетъ больше силы, а вы выиграете въ почетѣ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Дворцовый дворъ.

За сценой шумъ и бѣготня. Входитъ привратникъ и съ нимъ работники.

Привратникъ. Сейчасъ прекратить этотъ шумъ, канальи! Уже не думаете-ли вы, что дворъ—парижскій садъ? Грубые бездѣльники, перестаньте горланить!

Голосъ за сценой. Добрый господинъ привратникъ, я приставленъ къ кладовой.

Привратникъ. Да хоть бы къ вислицѣ ты былъ приставленъ,—все равно висѣть тебѣ на ней, мошенникъ. Мѣсто-ли здѣсь орать? Принеси-ка мнѣ дюжину хорошихъ яблонныхъ палокъ, да покрѣпче; эти—не болѣе, какъ хлыстики для нихъ.

Я тебѣ нацарапаю голову, — будешь помнить. Хочется лишь поглазѣть на крестины, — элю, да пироговъ захотѣлось вамъ, бездѣльники!

Работникъ. Потерпите, сэръ, прошу васъ. Отогнать ихъ отъ дверей такъ же невозможно (если не смести ихъ при помощи пушекъ), какъ заставить спать утромъ перваго мая, — чего никогда не будетъ. Мы скорѣе сдвинемъ съ мѣста церковь святаго Павла, чѣмъ прогонимъ ихъ!

Привратникъ. Какъ они ворвались сюда, вистльникъ?

Работникъ. Не знаю. Какъ наступаетъ приливъ? Все, что могла сдѣлать здоровая дубина въ четыре фута (вотъ посмотрите ея жалкій остатокъ) — сдѣлала и я, не щадя никого.

Привратникъ. Ничего вы, сэръ, не сдѣлали.

Работникъ. Я не Самсонъ, не сэръ Гутъ, не Кольбрандъ, и не могу я ихъ всѣхъ уложить передъ собой; но если я пощадилъ хоть одного изъ тѣхъ, у кого нашлась голова для ломки, молодого или стараго, самца или самку, роконосца или рога-создателя, — то пусть не увижу я никогда бычачьяго хвоста, а на это я не соглашусь даже за корову, да помилуетъ ее Богъ!

Голосъ за сценой. Слышите вы, господинъ привратникъ?

Привратникъ. Сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, господинъ щенокъ. Не отворяй дверей, бездѣльники!

Работникъ. Да что-же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?

Привратникъ. Что я хочу? Да, чтобы ты колотилъ ихъ дюжинами. Развѣ здѣсь Мурфильдсъ, что-ли, чтобы допускать подобныя сборища? Или, можетъ быть, при дворѣ появился какой-нибудь чудотѣйственный индѣецъ съ невиданными инструментами, что женщины такъ осаждаютъ насъ? Да благословить меня Господь! Посмотри только, какой блудъ совершается у воротъ! Собственною христіанской совѣстію клянусь, что одинъ эти крестины народятъ тысячи другихъ крестинъ: тутъ найдешь и отца, и крестника, — все разомъ.

Работникъ. Ну, что жъ? Крестинныхъ ложекъ, можетъ, будетъ больше, сэръ. У самыхъ воротъ стоитъ малый; если судить по лицу, онъ непременно мѣдникъ, потому-что, клянусь честью, въ носу у него по крайней мѣрѣ двадцать собачьихъ дней; а тѣ, которые окружаютъ его, находятся подъ экваторомъ, — другого показанія имъ не полагается. Этого огненнаго дракона я здорово огрѣлъ раза три по головѣ и

три раза его носъ обдавалъ меня пламенемъ; онъ стоитъ тутъ точно мортіра, которая сейчасъ примется бомбардировать насъ. Около него стояла жена мелочного торговца, которая ругала меня до тѣхъ поръ, пока сплюснутая миска не слетѣла съ ея головы, — въ науку за то, что произвела такой страшный пожаръ въ государствѣ. Я какъ-то замахнулся было на метеора, но задѣлъ эту особу, которая завила: „Палокъ“, и вотъ чловѣкъ сорвалъ палочниковъ, — лучшая надежда Срэнда, гдѣ она проживаетъ немедленно явились ей на помощь. Они бросились на меня; я стою твердо; наконецъ, они подошли ко мнѣ на разстояніи какой-нибудь метлы; я продолжаю защищаться. Какъ вдругъ изъ-за нихъ цѣлая стая уличныхъ мальчишекъ выпустила противъ меня такой градъ камней, что я принужденъ былъ спасти свою честь бѣгствомъ и оставить въ ихъ власти укрѣпленіе. Между ними навѣрное былъ дьяволъ.

Привратникъ. Это тѣ самые молодкососы, которые шумятъ въ театрѣ и дерутся изъ-за кусковъ яблока, такъ что никакая публика не въ состояніи выносить ихъ, кромѣ развѣ лишь Скорби Тоуэръ-гилла или членовъ Лэймгоуза, ихъ достойныхъ собратій. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я уже усадилъ въ Limbo Patrum и тамъ, по всей вѣроятности, они пропаяшутъ эти три дня, не считая, конечно, нѣкотораго банкета, въ видѣ розогъ, которымъ на послѣдокъ угостятъ ихъ два сторожа.

Входитъ лордъ Камергеръ.

Камергеръ. Господи, какая толпа! Она все время растетъ; они сбѣгаются сюда со всѣхъ сторонъ, точно мы ярмарку здѣсь устроили! Да гдѣ-же привратники, эти негодные лѣнтяи? Надѣлали вы дѣлъ, ребята: красивую сволочь пропустили въ сюда! Уже не вышли-ли эти пріатели изъ предмѣстій? Конечно, много мѣста останется для дамъ, когда онѣ будутъ возвращаться съ крестинъ!

Привратникъ. Если позволите, ваша свѣтлость, мы вѣдь только люди, и все, что могли мы сдѣлать, не подвергаясь опасности быть растерзанными на куски, мы сдѣлали. Съ ними не справится и цѣлая армія.

Камергеръ. Клянусь жизнью, если король сдѣлаетъ мнѣ выговоръ, я немедленно почешу ваши пятки и напущу на ваши головы порядочную пеню за ваше нерадѣніе. Вы — негодные лѣнтяи; вы опорожняете бочки, вмѣсто того, чтобы занимать своимъ дѣломъ. Слышите? Трубы уже

губятъ, онѣ возвращаются съ крестинъ. Живо! растолкайте толпу, расчистите дорогу, чтобы процессія могла свободно пройти, или-же я вамъ найду забаву на цѣлыхъ два мѣсяца въ Маршалси.

Привратникъ. Дорогу принцессѣ!

Работникъ. Посторонись, верзило, или будешь у меня жаловаться на головную боль.

Привратникъ. Эй, ты, въ камлотѣ, цолой съ рѣшетки, или я тебя посажу на желѣзные спицы!

СЦЕНА IV.

Дворецъ.

Входятъ, играя, трубачи; за ними два ольдермэна, лордъ-мэръ, герольдъ, Кранмэръ, герцогъ Норфолькъ съ маршалскимъ жезломъ, герцогъ Соффолькъ; два лорда несутъ большія чаши на ножкахъ, для крестинныхъ даровъ. За ними четыре лорда, несущіе балдахинъ, подъ которымъ идетъ герцогиня Норфолькъ, крестная мать, съ ребенкомъ, завернутымъ въ богатую мантію. Шлейфъ ея несетъ лэди; за ними слѣдуетъ маркиза Дорсетъ, другая крестная мать, и многія лэди. Процессія проходитъ по сценѣ въ то время, какъ герольдъ говоритъ.

Герольдъ. Небо, по неисповѣдимой добротѣ своей, даруй счастливую и долгую жизнь великой и могущественной принцессѣ Англіи, Елизаветѣ!

Трубы. Входитъ король со свитой.

Кранмэръ (*преклоня коленъ*). А для вашего величества и для нашей доброй королевы — благородныя восприемницы и я ждемъ всяческаго счастья и всяческой радости, которыми когда-либо осчастливилало небо родителя и которыхъ мы найдемъ въ этой прекраснѣйшей принцессѣ!

Король Генрихъ. Благодарю васъ, добрый лордъ-архіепископъ! Какъ ея имя?

Кранмэръ. Елизавета.

Король Генрихъ. Встаньте, лордъ. (*Король цѣлуетъ ребенка*). Съ этимъ поцѣлуемъ прими мое благословеніе. Да хранить тебя Богъ, въ руки Котораго отдаю я твою жизнь!

Кранмэръ. Аминь.

Король Генрихъ. Мои благородныя кумушки, вы ужъ слишкомъ расщедрились. Отъ всего сердца благодарю васъ. То же сдѣлаетъ и эта лэди, когда узнаетъ англійскій языкъ.

Кранмэръ. Позвольте мнѣ, государь, сказать нѣсколько словъ, ибо небо пове-

дѣваетъ мнѣ сдѣлать это въ эту минуту. И да никто не приметъ словъ моихъ за лесть, потому что въ нихъ современемъ найдутъ правду. Это царское дитя (да хранить ее небо), хотя и въ колыбели еще, обѣщаетъ уже этой странѣ тысячи тысячъ благословеній, которыя созрѣютъ съ теченіемъ времени. Она будетъ (но немногіе изъ насъ увидятъ это благо) образцомъ не только монарховъ своего времени, но и тѣхъ, которые будутъ царствовать послѣ нея. Никогда Сава не жаждала больше мудрости и добродѣтели, чѣмъ будетъ жаждать эта чистая душа. Всѣ царственные доблести, которыя вмѣщаютъ въ себѣ эти могущественныя созданія, какъ и всѣ добродѣтели, украшающія добрыхъ, удвоятся въ ней. Истина будетъ питать ее, святые и небесные помыслы будутъ ея совѣтниками. Ее будутъ любить и страшиться. Свои будутъ благославлять ее. Враги вострепещутъ, какъ пробитая нива, и печально поникнутъ головой. Добро будетъ расти вмѣстѣ съ нею. Въ ея дни, каждый будетъ спокойно насыщаться тѣмъ, что подъ своимъ виноградникомъ посѣетъ, и будетъ напѣвать веселыя пѣсни мира всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Бога познаютъ истинно, и тѣ, которые будутъ окружать ее, научатся отъ нея истинному пути чести и этому будутъ обязаны своимъ возвеличеніемъ, а не рожденіемъ. И этотъ миръ не заснетъ вмѣстѣ съ нею. Когда дивная птица, дѣвственный фениксъ, умираетъ, его прахъ родитъ наслѣдника, столь-же дивнаго, какъ и она сама. Подобно этому (когда небо призоветъ ее изъ этой юдоли мрака), она передастъ свои дары наслѣднику, который изъ священнаго праха ея славы возстанетъ, подобно свѣтилу, на ту же высоту славы, какъ и она, и останется на этой высотѣ. Миръ, изобиліе, любовь, истина, страхъ, бывшіе служителями этого избраннаго дитяти, перейдутъ также и къ ея наслѣднику и обвоются вокругъ него, какъ виноградникъ. Повсюду, гдѣ будетъ свѣтитъ свѣтъ солнца, его слава и величіе его имени проникнутъ и образуютъ новые народы. Онъ будетъ процвѣтать какъ горный кедръ, онъ осѣнитъ своимъ огромными вѣтвями всѣ окрестныя долины. Дѣти нашихъ дѣтей увидятъ все это и будутъ благословлять небо.

Король Генрихъ. Ты рассказываешь чудеса.

Кранмэръ. Она будетъ для счастія Англіи, пожилая монархиня, многіе дни увидятъ ее и, однако, ни одинъ изъ этихъ дней не пройдетъ не увѣнчанный какимъ-нибудь великимъ дѣяніемъ. Я бы не ждалъ знать ничего болѣе; но она должна будетъ умереть, — святые будутъ ожидать ее;

дѣвой, незапятнаной лиліей она пройдетъ по землѣ, и весь міръ будетъ оплакивать ее.

Король Генрихъ. О, лордъ-архіепископъ, ты сдѣлалъ меня теперь новымъ человекомъ; до этого благословеннаго дитяти у меня не было ничего: новое радостное предсказаніе такъ обольстило меня, что и тогда, когда я буду на небѣ, я буду желать видѣть, что творить здѣсь это дитя, и буду благословлять моего Создателя. Благодарю васъ всѣхъ. Вамъ, мой добрый лордъ-меръ, и вамъ, добрые ольдермэны, я всѣмъ весьма признателенъ; ваше присутствіе дѣлаетъ мнѣ великую честь, и вы найдете меня благодарнымъ. Возобновите ваше шествіе, лордъ; вы еще должны повидаться съ королевой, и она должна поблагодарить васъ; въ противномъ случаѣ, она заболѣетъ. Сегодня никто не долженъ думать о своихъ домашнихъ дѣлахъ, ибо всѣ должны здѣсь остаться. Этотъ малышъ изъ этого дня сдѣлаетъ праздникъ (*Уходитъ*).

Э П И Л О Г Ѣ.

Десять противъ одного, что эта пьеса не могла поправиться всѣмъ, находящимся здѣсь. Нѣкоторые приходятъ сюда ради отдыха, продремать одно или два дѣйствія; но ихъ-то, боюсь, мы перепугали нашими трубными звуками. Совершенно ясно, что они скажутъ, что пьеса ничего не стоитъ. Другіе приходятъ сюда позабавиться насмѣшками надъ городомъ, а потому воскликнуть: „Какъ это остроумно!“ Но ничего подобнаго мы не сдѣлали, а потому, боюсь, всѣми ожидаемыми похвалами, которыя мы можемъ услышать въ настоящее время объ этой пьесѣ, мы будемъ обязаны снисходительному толкованію добрыхъ женщинъ, потому-что мы изобразили здѣсь одну изъ такихъ женщинъ. Если онѣ улыбнутся и скажутъ „Успѣхъ будетъ!“, то я знаю, что всѣ самые лучшіе мужчины будутъ за насъ, потому-что мы были-бы очень несчастливы, если-бы они сопротивлялись, когда ихъ лэди повелѣваютъ имъ хлопать.

Примѣчанія.

Король Іоаннь.

Стр. 16. „Половиной лица“,—Шекспиръ намекаетъ на худобу лица старшаго своего брата, сравнивая его съ серебрянымъ гротомъ (groat, гроѣтъ, монета въ 4 пенса), на которомъ изображеніе королевскаго лица было сдѣлано въ профиль, такъ что видна была только половина лица, тогда какъ на всѣхъ другихъ монетахъ, вплоть до Генриха VII, головы королей изображались съ полнымъ лицомъ, въ коронахъ, и только мелкія монеты были съ лицами въ профиль.

Стр. 18. Серебряная монета въ три фартинга (фартингъ составлялъ $\frac{1}{4}$ пенса, полушку) была очень мала. На ней изображалась роза рядомъ съ профилемъ королевы Елизаветы. Кругомъ была надпись: „Rosa sine spina“—„роза безъ шиповъ“.

Стр. 18. „Сэръ Нобъ“—общеупотребительное сокращеніе „сэра Роберта“.

Стр. 19. Многие думаютъ, что Плантагенетъ есть фамилія англійскаго королевскаго дома, начиная съ Генриха II, говоритъ Малонъ, тогда какъ, это, по замѣчанію Камдена въ его „Romaines“ 1614 года, совершенно ошибочно. Плантагенетъ была не фамилія, а шутливая кличка, данная внуку Жоффриу, перваго графа Анжу, по поводу посмаго имъ украшенія на шляпѣ изъ шильной травы (planta genista).

Стр. 20. Въ двѣнадцатой пѣснѣ „Поліолобіона“ Драйтонъ рассказываетъ о битвѣ въ присутствіи короля Ательстана между датскимъ великаномъ Кольбрандомъ и знаменитымъ Гюн Варвикомъ. Гигантъ былъ убитъ послѣднимъ.

Стр. 21. „Что такое Филиппъ? Крикъ воробья“. Во времена Шекспира словомъ Филиппъ выражался крикъ воробья. Существуетъ цѣлая поэма Скелтона „Филиппъ Воробей“.

Стр. 21. Базилиско—очень популярная въ старыхъ англійскихъ комедіяхъ личность. О немъ упоминается уже у Нама въ 1596 году. Филиппъ Фолькенбриджъ намекаетъ своими словами на одну сцену глупой драмы „Солиманъ и Перседа“, написанной въ 1599 году, гдѣ клоунъ Пистонъ вскакиваетъ на спину Ва-

зилиско и заставляетъ того говорить все, что задумается ему, Пистону.

Стр. 22. Героическая борьба короля со львомъ была въ средніе вѣка предметомъ множества романовъ. Одинъ изъ хроникеровъ такъ говоритъ объ этой борьбѣ: „Говорятъ, что одинъ левъ былъ посаженъ въ темницу Ричарда, чтобы уничтожить послѣдняго. Левъ открылъ пасть, король глубоко всунулъ въ нее руку и захватилъ сердце льва, котораго и убилъ этимъ. Вотъ почему, говорятъ нѣкоторые, онъ и былъ названъ Ричардомъ Львинымъ сердцемъ“.

Стр. 27. Констанца намекаетъ на намѣны Еленоры первому мужу Людовику VII, когда тотъ былъ въ Святой землѣ. Послѣ изгнанія ее мужемъ и развода съ нимъ она вышла въ 1151 году за Генриха II.

Стр. 27. Эрцгерцогъ Австрійскій, убившій Ричарда Львиное Сердце, носилъ львиную шкуру, принадлежавшую убитому королю.

Стр. 27. Слова короля Филиппа: „Людовикъ, рѣшайте-же, какъ намъ поступить?“ отнесены въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Шекспира къ концу рѣчи Эрцгерцога, который, потерявъ терпѣніе отъ выхлопокъ Пригулка, восклицаетъ: „король Людовикъ, рѣшайте-же“ и т. д. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ отвѣчаетъ на эти слова Дофинъ: „вы, женщины, и вы, безумцы“. Только у Франсуа Виктора Гюго эта реплика приписана королю Филиппу.

Стр. 37. Въмѣсто гражданина города Анжера, являющагося въ этой сценѣ, во многихъ изданіяхъ говорятъ Гьюбертъ.

Стр. 39. Предлагая королямъ Франціи и Англіи поступить по примѣру Іерусалимскихъ мѣтежниковъ, Филиппъ, конечно, указываетъ на то, что враждовавшіе между собою еврейскія партіи соединились во едино при приближеніи общаго врага императора Тита. Малонъ указываетъ на одинъ трудъ, который переведенъ съ еврейскаго и который могъ быть знакомъ Шекспиру; это „Послѣднія времена іудейской республики“, гдѣ указывается на вышеприведенный фактъ.

Стр. 40. „Наконецъ-то остановился“. Эта коротенькая фраза возбудила длиннѣйшую и горячую полемику Джонсонъ читалъ ее: „Here's a flaw“. Беккетъ видѣлъ здѣсь: „Here's a say“.

Мэлонъ и Стивенсъ посвятили ей двѣ страницы, чтобы доказать, что ее нужно читать: „Hog's-a stay“—„вотъ остановка или перерывъ“.

Стр. 13. Волькессенъ, по латыни *Velocassinus*, есть старое название древней французской области Вексинъ (*Vexin*). Часть этой области, называвшаяся Нормандской, съ главнымъ городомъ Жизоромъ, была предметомъ спора между Филиппомъ и Иоанномъ.

Стр. 47. „Что слышалъ этотъ день, чтобы память о немъ вписывать золотыми буквами въ мѣсяцесловъ?“ Въ старинныхъ календаряхъ отмѣчались, между прочими, дни, считавшіеся счастливыми или несчастливыми.

Стр. 48. Въ пьесѣ Шекспира герцога Австрійскій и Виконтъ Лиможскій—одно лицо и потому Констанца смѣшиваетъ ихъ въ своемъ восклицаніи. Въ исторіи же это были двѣ отдѣльныя личности. Леопольдъ герцогъ Австрійскій засадилъ въ темницу въ 1193 г. Ричарда. Видомаръ, виконтъ Лиможскій, былъ владѣтель замка Шалю, передъ которымъ Ричардъ былъ раненъ на смерть стрѣлкою Бертраномъ де Вурдономъ.

Стр. 56. Пригулокъ, по сказаніямъ Голиншеда, убитъ не эрцгерцога, а графа лиможскаго въ 1199 году.

Стр. 72. „Лишать его свободныхъ упражненій“—въ средніе вѣка, необходимыми для хорошаго воспитанія принцевъ и благородныхъ юношей считались военныя упражненія и тому подобное. Вотъ почему Пемброкъ упоминаетъ здѣсь именно о лишеніи Артура тѣлесныхъ упражненій, какъ главной части воспитанія.

Стр. 73. Этотъ Питеръ изъ Помфрета былъ пустынноикомъ, весьма почитаемымъ простымъ народомъ. Хотя, какъ извѣстно, его пророчества сбылись, но несчастный былъ безчеловѣчно привязанъ къ хвостамъ лошадей и въ такомъ видѣ протаскивъ по улицамъ Варгама, а затѣмъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, повидимому, еще болѣе невиннымъ, чѣмъ отецъ, повѣшенъ на висѣлицѣ. Объ этомъ упоминается въ хроникѣ Голиншеда за 1213 годъ.

Стр. 75. О томъ, что явилось на небѣ пять лунъ, рассказываетъ въ своей хроникѣ Голиншедъ: „Первая была на западѣ, вторая на востокѣ, третья на сѣверѣ, четвертая на югѣ, а пятая, окруженная многочисленными звѣздами, посреди ихъ. Эти луны обращались одна вокругъ другой пять или шесть разъ почти въ теченіи часа и потомъ исчезли“.

Стр. 76. Слова короля о рабахъ, принимающихъ дозволеніе за приказаніе—ясный намекъ на случай Дэвисона въ дѣлѣ Маріи Шотландской.

Стр. 77. Голиншедъ пишетъ: „Неизвѣстно навѣрное, какъ погибъ Артуръ, но тѣмъ не менѣе король Иоаннъ, по отношенію къ его гибели, остался въ большомъ подозрѣніи, справедливо или нѣтъ—то навѣрно одному Богу“; французскіе писатели прямо указываютъ на убійство Артура королевемъ Иоанномъ.

Стр. 93. Еще Голиншедъ упоминаетъ по поводу Элеоноры Кобгемъ и ея союзниковъ о восковыхъ изображеніяхъ, представлявшихъ короля: мало-по-малу они растапливались и такъ должна была таять изображаемая ими личность. Въ этомъ способѣ „изводить“ людей вѣрили очень долго наивные люди. Отсюда сравненіе Мэлона.

Стр. 98. Говорятъ, что одинъ монахъ, желая отомстить королю за обидную для себя рѣчь, отравилъ кубокъ съ элемъ, и подавъ его королю, отпилъ самъ съ цѣлью ввести короля въ заблужденіе, послѣ чего вскорѣ умеръ. То-

масть Уайкесъ первый сообщаетъ объ этомъ въ своей „Хроникѣ“, какъ о фактѣ. Согласно-же болѣе достовернымъ даннымъ, Иоаннъ умеръ въ Ньюаркѣ, отъ лихорадки. Голиншедъ, приводя между другими версіями смерти короля и рассказъ объ отравленіи монахомъ, указываетъ, что причиной отравленія послужили не религіозныя взгляды, а притѣсненія страны. Король Иоаннъ царствовалъ съ 1199 по 1216 годъ.

Жизнь и смерть короля Ричарда II.

Стр. 107. (Дѣйствующія лица). Прозвище Болингброкъ было дано Генриху IV по мѣсту его рожденія, *Bolingbroke Castle*, въ графствѣ Линкольнъ. Этотъ замокъ былъ разрушенъ въ 1815 году.

Стр. 114. Изображеніе льва находится въ королевскомъ гербѣ Англіи; изображеніе леопарда—въ гербѣ Норфолка.

Стр. 115. Дворецъ герцоговъ и графовъ Ланкастерскихъ находился на лѣвомъ берегу рѣки Темзы, около нынѣшняго Ватерлооскаго моста. Въ XIII вѣкѣ этотъ замокъ принадлежалъ Петру, графу Савойскому, дядѣ Элеоноры, жены Генриха III. Королева, унаследовавшая этотъ замокъ послѣ смерти графа, оставила его своему второму сыну, Эдмонду, графу Ланкастерскому.

Стр. 115. Вотъ имена семи сыновей Эдуарда: 1) Эдуардъ Вудстокскій, названный *Чернымъ Принцемъ*, отецъ Ричарда II; 2) Вильямъ Готфальдскій; 3) Ливонель, герцогъ Кларенскій; 4) Джонъ Гаунтъ, отецъ Генриха IV; 5) Эдмондъ Ланглей герцогъ Йоркскій; 6) Вильямъ Виндзорскій; 7) Томасъ Вудстокскій, герцогъ Глостерскій, тотъ самый, который въ 1398 году былъ умышленъ по повелѣнію Ричарда II.

Стр. 131. Гаунтъ (*Gaunt*), по англійски, означаетъ тонкій, худощавый, высохшій.

Стр. 132. „Въ этомъ двадцать второмъ году царствованія Ричарда распространился слухъ, что король отдалъ королевство на откупъ (въ аренду) сѣру Вильяму Сируну, сѣру Джону Бюши, сѣру Джону Ваготу и сѣру Генриху Грину.“—Хроника Фабиана.

Стр. 134. Существовало повѣріе, что благодаря заступничеству св. Патрика, никакой ядовитый звѣрь не могъ существовать въ Ирландіи.

Стр. 137. Герцогъ Герефордскій былъ радужно принятъ при французскомъ дворѣ, во время своего изгнанія изъ Англіи. Была даже рѣчь о томъ, чтобы женить его на дочери герцога Беррійскаго, но Ричардъ II воспротивился осуществленію этого проекта.

Стр. 142. Голиншедъ сообщаетъ, что въ этомъ году по всей Англіи лавровыя деревья завяли и, вопреки предположеніямъ людей, снова зацвѣли,—„странное явленіе, которое считалось предвѣстникомъ какого-нибудь печальнаго событія“.

Стр. 156. *Double-fatal yew* (двойно роковое тисовое дерево),—вслѣдствіе, во-первыхъ, вредныхъ свойствъ своихъ листьевъ и, во-вторыхъ, тѣмъ, что изъ этого дерева дѣлается лукъ, смертоносное оружіе.

Стр. 183. *Julius Caesar's ill-erected tower*. Преданіе въ Англіи приписываетъ Юлію Цезарю постройку Лондонскаго Туэра.

Стр. 184. Изабелла Французская, старшая дочь Карла VI, будучи весьма лѣтъ отъ роду

вышла замужъ за короля англійскаго Ричарда II. Въ 1402 году она вторично вышла замужъ за герцога Орлеанскаго. Въ младшая сестра, Екатерина, позднѣе, была также англійской королевой, вышедши замужъ за Генриха V.

Стр. 186. Въ то время въ Англіи было въ обычаѣ, чтобы сейчасъ-же послѣ вѣчанія, въ самой церкви, молодые цѣловались.

Стр. 193. Насмѣшка заключается въ словѣ *beggar*. Намекъ на балладу: „Король и Нищія“.

Стр. 196. Этотъ двоюродный братъ былъ Джонъ, герцогъ Эксетерскій, братъ Ричарда II и мужъ леди Елисаветы, родной сестры Болиброка.

Генрихъ IV.

ЧАСТЬ I.

Стр. 215. „Горячій“. Голлиншедъ говоритъ, что молодой Перси получилъ это прозвище за частое прищипываніе (*for his often pricking*), какъ человѣкъ, рѣдко останавливающійся въ виду дѣла. Шлегель переводитъ это слово буквально: „Горячая шпора“, но слово *Hotspur* означаетъ вообще вспыльчиваго, горячаго; вѣдѣствіе этого и мы переводимъ просто „Горячій“.

Стр. 216. По тогдашнимъ военнымъ законамъ, кто бы ни взялъ плѣнника, могъ располагать имъ свободно.

Стр. 216. „Сей странствующій рыцарь“—строки пѣв. испанскаго романа, который къ концу царствованія Елисаветы сдѣлался въ Англіи почти народнымъ.

Стр. 217. „А кто слаще: она или желтая буйволовая куртка?“ Буйволовые куртки были одеждою служителей шерифовъ, которые водили обыкновенно должниковъ въ тюрьму. Принцъ Генрихъ напоминаетъ Фольстафу, что ему не мудрено попасть въ тюрьму за долги.

Стр. 218. Мясо зайца, по мнѣнію тогдашнихъ ученыхъ, порождало меланхолію. Человѣка грустнаго египтяне изображали на своихъ гіероглифахъ зайцемъ.

Стр. 220. „Если не поможетъ друзьямъ дойти шиллинговъ десять на брата“,—тутъ переводимая игра словъ: слово *real* означаетъ и „королевскій“ и „реаль“, монета, равнявшаяся десяти шиллингамъ.

Стр. 227 Ричардъ II передъ отъѣздомъ въ Ирландію провозгласилъ наследникомъ престола Эдмонта Мортимера, сына Рожера Мортимера, графа Марчскаго, убитаго въ Ирландіи въ 1398 году. Эдмунду было въ то время только семь лѣтъ, и онъ доводился женѣ Перси не братомъ, а племянникомъ.—*Мэлонъ*.

Стр. 233. Созвѣздіе Большой Медвѣдицы было названо „Колесницей Карла“ въ честь Карла Великаго.

Стр. 233. „Все тѣло у меня въ пятнахъ, какъ у лива“.—Намекъ на протонародное мнѣніе, что въ этой рчбѣ водятся блохи.

Стр. 235. Троянцами называли воровъ.

Стр. 236. „Общественная казнь то же, что старая обувь“. Тутъ игра словъ: *ргав*—молоть и *ргей*—грабить.

Стр. 236. Папоротниковое сѣмя, добытое въ ночь на Ивановъ день, по мнѣнію народа, дѣлало человека невидимкой.

Стр. 242. „O, esperance!“ Девизъ рода Перси.

Стр. 243. Харчевня „Свиной Головы“ въ Истчиптѣ, которая, по преданію была мѣстомъ подвиговъ Фольстафа и его шайки сгорѣла въ

1666 г. Отъ этого аданія осталась каменная вывѣска, съ изображеніемъ въ видѣ барельефа головы кабана. Эта вывѣска сохраняется въ музеѣ Лондонской ратуши.

Стр. 243. „Коринтеянинъ“, прозвище посѣтителей домовъ разврата.

Стр. 246. „Kivo“,—восклицаніе посѣтителей тавернъ при попойкахъ. Нѣчто въ родѣ греческаго „Эвоя!“ Вѣроятно, испорченное испанское слово.

Стр. 247. „Въ этомъ хересѣ есть извѣсть“.—Въ хересѣ для крѣпости подмѣшивали извѣсть.

Стр. 249. Ткачи славились какъ любители пѣнія. Большинство ихъ были кальвинисты и потому часто пѣли псалмы.

Стр. 250. Кендаль, городъ въ Вестморлендѣ, славившійся сукнами свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Стр. 251. Въ среднихъ вѣкахъ существовало повѣріе, что дѣвъ, въ качествѣ царя вѣтрѣй, никогда не нападалъ на лицо царской крови.

Стр. 252. „Просвѣщаютъ висьлицу“—слово *choler*—желчь, произносится какъ *collar* ошейники, петля.

Стр. 253. „Эмеймонтъ“.—одинъ изъ четырехъ главныхъ демоновъ.

Стр. 253. Уэльскій крѣкъ—родъ копья или стѣкпы съ крѣкомъ для останавливанія бѣгущихъ.

Стр. 255. „Товомъ царя Камбиза“—насмѣшка надъ пьесой Престона, озаглавленной „Плачевная трагедія, переиначенная съ забавными шутками и содержащая жизнь Камбиза, короля персидскаго“.

Стр. 254. „Сынъ Англіи“,—здѣсь игра со звукомъ словъ: *sin* солнце и *son*—сынъ.

Стр. 253. „Безъ сапогъ, да еще въ непогоду?“—Слова: *bootless*—безуспѣшно и *weather-beaten*—удрученный, въ буквальномъ смыслѣ означаютъ, первое—безъ сапогъ, а второе—избитый въ непогоду. Перси переиначаетъ ихъ въ этомъ смыслѣ.

Стр. 265. „О кротъ и муравь“,—намекъ на предсказаніе, въ которомъ подъ кротомъ подразумѣвался Генрихъ IV, а подъ дракономъ, львомъ и волкомъ, которые должны были раздѣлить крота, Мортимеръ, Глендоверъ и Перси.

Стр. 265. Мерлантъ—астрологъ и чародѣй, жившій въ Англіи въ концѣ пятого столѣтія и славившійся во время Артура и круглого стола.

Стр. 268. „Финсеборгъ“—поле близъ лондонской стѣны, было мѣстомъ прогулки для жителей Лондона въ XVI вѣкѣ.

Стр. 270. За пощечину, данную верховному судѣй, принцъ Генрихъ лишился своего мѣста въ совѣтѣ. Шекспиръ дѣлаетъ тутъ анахронизмъ: обстоятельство это случилось послѣ сраженія при Шорбери.

Стр. 277. Вареный черносливъ былъ обыкновеннымъ блюдомъ въ домахъ разврата.

Стр. 277. Дѣвственницей Маріанной назывался мужчина, изображавшій въ парадныхъ фарсахъ любовницу Робина Гуда.

Стр. 278. „Пусть лошеть мой поясъ“.—Въ поясѣ носили деньги, и потому отъ разрыва его можно было сдѣлать большую потерю.

Стр. 286. Ангель—старая монета.

Стр. 304. „Турокъ Григорій“.—такъ называли папу Григорія VII.

Стр. 307. Отецъ „Горячаго“ такъ же назывался и Генрихъ Перси.

Стр. 308. Уменьшительное Джекъ употребляется часто для выраженія презрѣнія и означаетъ олуха, болвана.

Генрихъ IV.

часть II.

Стр. 325. „Заглавный листокъ“. Въ шекспировское время заглавные листы элегій покрывались черными цѣтотъ.—*Стивенсъ*.

Стр. 330. Корень блѣлой мандалоры состоитъ изъ двухъ шишекъ, похожихъ на голову и животъ, и изъ послѣдней выходятъ два тоненькія корешка въ видѣ ногъ.

Стр. 330. На агатахъ и другихъ камняхъ, употреблявшихся для печатей, вырѣзывались маленькія человѣчскія фигурки.

Стр. 331. Церковь Св. Павла въ Лондонѣ была въ то время сборнымъ мѣстомъ туземцевъ, ложныхъ свидѣтелей и мошенниковъ. Вся рѣчь Фольстафа, въ которой онъ упоминаетъ о церкви Св. Павла, есть не болѣе, какъ перифраза старой англійской поговорки: „Кто пойдетъ въ Вестминстеръ за женой, въ церковь Св. Павла за слугой, а на Смильфильдскій рынокъ за лошадью, добудетъ непотребную, мошенника и клячу“.

Стр. 331. Верховный судья есть никто иной, какъ сэръ Вилламъ Гасконъ, лордъ-великій судья королевской скамьи, который, по преданію, получилъ пощечину отъ принца Уэльскаго, въ то время, какъ засѣдалъ въ судѣ. „Однажды,—говоритъ Голиншедъ,—принцъ ударилъ кулакомъ верховнаго судью въ лицо за то, что этотъ послѣдній посадилъ въ тюрьму одного изъ его товарищей по попойкамъ; и за это принцъ не только немедленно былъ отправленъ судьей въ тюрьму, но лишился также своего мѣста въ советѣ“.

Стр. 334. „Имѣю одно качество воска“.—Въ подлинникѣ тутъ—непереводимая игра словъ: wax—воскъ и wax—рети.

Стр. 334. „Потемнѣвшій ангелъ“. Ангелъ—старинная золотая монета съ изображеніемъ Св. Архангела Михаила; она была въ большомъ употребленіи въ теченіе среднихъ вѣковъ въ Англіи и Франціи.

Стр. 337. Во время волстанія Норсомберленда и Архипепскона, 12 тысячъ французовъ прибыли въ Мильфортскую гавань въ помощь Гленлову.

Стр. 341. „Скорѣе я навалюсь на домового“,—тутъ игра словъ: mare—домовой и mare—кляча, кобыла.

Стр. 347. „Красный ставень харчевни“. Красныя рѣшетки у оконъ замѣняли вывѣски у тавернъ и домовъ разврата.

Стр. 348. „Однажды Алеевъ и проч.“.—Въ этомъ мѣстѣ пажъ смѣшиваетъ головню, съ которой была связана жизнь Мелеагра, сына Алэона, съ изображаемой головней, которую будто бы родила во снѣ Гекуба, беременная Парисомъ.

Стр. 348. Бабье лѣто считается позднимъ лѣтомъ и олицетворяется днемъ Св. Мартина, 11-го ноября,—старикомъ съ юношескими страстями.

Стр. 353. Говоря о томъ, какъ она оплакиваетъ своего супруга, леди Перси намекаетъ на растение розмаринъ, которое было символомъ воспоминаній и потому употреблялось при свадьбахъ и погребеніяхъ.

Стр. 355. Печенныя яблоки по англійски—apple-lohus.

Стр. 356. „Сдѣлаешь проломъ, а тамъ, глядишь, у самого такая рана, что прямо иди къ лекарю“. Въ этомъ мѣстѣ по англійски—непереводимая игра словами: chamber—больница и chambers—маленькія пухи, которыя употреб-

лялись при празднествахъ и въ театрахъ.

Стр. 357. Слово *chater* употреблялось въ шекспировское время вмѣсто *gamaster* и имѣло два значенія: весельчакъ и плутъ. Куикли принимаетъ его въ послѣднемъ значеніи. Кромѣ того этими словами назывались особеннаго рода чиновники, бывшіе въ очень дурной славу у народа. Можетъ быть, Куикли употребляетъ это слово и въ этомъ смыслѣ и ставитъ въ противоположность честному человѣку.

Стр. 359. „Развѣ моя Ирина не со мною?“ Вѣроятно, пародія на какую-нибудь трагедію того времени Ирина—название меча.

Стр. 359. Казнибалы—вмѣсто Ганнибалы.

Стр. 360. „Красавица моя Калиполида!“ Пародія на стихъ изъ драмы *The Battle of Alcazar*, въ которой Мулей Магомедъ подходитъ къ своей женѣ съ кускомъ львиного мяса, воступымъ на мечъ, и говоритъ: „feed then and faint noxt, my fair Calipolis“,—такъ въ-же и не ослабѣвая, моя прекрасная Калиполида“.—Вообще во всей этой сценѣ Пистоль пародируетъ фразы изъ различныхъ произведеній, бывшихъ тогда въ модѣ.

Стр. 361. Тьюксбергская горчица. Тьюксберри городъ въ Голостерширѣ, славившійся своей горчицей.

Стр. 362. „Проглатываетъ салыныя огарки“. Глотаніе разныхъ веществъ, которыя при попойкахъ клали въ горячее вино, было въ болѣе холодъ въ то время въ Англіи. Обыкновенно это было вѣзкомъ, но по временамъ и огарки, которыя, при лѣтѣ за возлюбленную, слѣдовало глотать, не обнаруживая ни малѣйшаго отвращенія.

Стр. 364. „Ты противозаконно торгуешь постомъ мясомъ“. Нѣкоторые изъ законовъ времени Елисаветы и Якова запрещали трактирщикамъ продавать мясо въ посту.

Стр. 371. Скокэнъ, оксфордскій студентъ,—славился своимъ остроуміемъ и поэтому часто былъ приглашаемъ ко двору.

Стр. 378. Артуровы игры (Arthur'shaw)—такъ называлась пантомима, которая ежегодно была представляема въ „Mile and green“, около Лондона компаніей актеровъ, называвшейся „Старинный орденъ принца Артура и рыцарства Круглаго стола“.

Стр. 378. Торбальская ушпа была сборнымъ мѣстомъ мошенниковъ, гулякъ и всякой сволочи.

Стр. 384. „Жестокая расправа съ моимъ братомъ“—намекъ на казнь лорда Скрупа.

Стр. 395. „И скоро буду изъ него печати лѣпить“.—Прежде печатали мягкимъ сыркомъ.

Стр. 403. Въ прежнія времена въ Англіи приписывали раствору золота особенную цѣлебную силу.

Стр. 411. Амурату IV, умершему въ 1596 году, наследовалъ второй его сынъ, Амуратъ, который умертвлялъ всѣхъ своихъ братьевъ, пригласивъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, прежде нежели они узнали о смерти своего отца.

Стр. 115. Кавалерами называли веселыхъ, расточительныхъ повѣсь.

Стр. 417. Кафетуга—король старинной баллады, влюбившійся въ винушу Поелофонъ.

Стр. 418. „Какъ живому испанцу“. То *fig*, или по испански—*higas dag*,—сначала оскорбить, показавъ большой палецъ, просунувъ его между четвертымъ и среднимъ.

Стр. 418. „Деревянный гвоздь“. Въ старинныхъ дверяхъ былъ особенный гвоздь, въ шляпку котораго ударяли колотушкой, когда надо было постучаться.

Генрихъ V.

Стр. 433. „Въ состояніи-ли мы въ нашемъ деревянномъ и тѣсномъ нутѣ?“—Намекъ на театр, въ которомъ „Генрихъ V“ въ первый разъ давался и который по своей круглой формѣ назывался „The globe“.

Стр. 436. Вся рѣчь Архіепископа Кенторбѣрійскаго почти буквальный пересказъ хроники Голиншеда. Въ царствованіе Елизаветы Голиншедъ считался величайшимъ авторитетомъ по исторіи, поэтому и историческія ошибки, встречающіяся въ рѣчи Архіепископа, нужно приписать Голиншеду, а не Шекспиру. Такъ, напримеръ, императоръ Людовикъ Добродушный никогда не имѣлъ сына по названію Карломана; во французскихъ хроникахъ нигдѣ нѣтъ никакой рѣчи о принцессѣ Лингарѣ, правнучкѣ Карла Великаго, наследникомъ которой будто бы считалъ себя Гуго-Капетъ. Не Людовикъ X, а Людовикъ IX имѣлъ бабушкой „прекрасную королеву Изабеллу“. Воспроизводя всѣ эти ошибки, Шекспиръ оказался виновнымъ только въ слишкомъ большой точности: онъ повторилъ только то, что считалъ несомнѣнной исторической истиной.

Стр. 444. Слова Экзетера напоминаютъ слѣдующее мѣсто у Цицерона: „*Ut in fidibus, ad tibis, atque cantu ipso, ac vocibus concentus est quidam tenendus ex distinctis sonis quem immutatum, ac discrepantem aures eruditae ferre non possunt, isque concentus ex dissimilimarum vocum moderatione concors tamen efficitur et congruens: sic ex summis, et infimis, et mediis interjectis ordinibus, ut sonis, moderata ratione civitas consensu dissimilium concitu, et quae harmonia a musicis dicitur in cantu, ea est in civitatis concordia, artissimum atque optimum omni in republica vinculum incolunitatis: quae sine justitia nullo pacto potest*“. По этому поводу Найтъ замѣчаетъ, что это мѣсто изъ Цицерона, столь близко напоминающее стихи Шекспира, извлечено изъ той части трактата „*De Republica*“, которая сохранилась въ сочиненіяхъ блаженнаго Августина. Совершенно естественно возникаетъ вопросъ: Читалъ-ли Шекспиръ этотъ отрывокъ блаженнаго Августина? Изъ всего, что мы знаемъ, „*De Republica*“ Цицерона есть не болѣе, какъ подражаніе „Республикѣ“ Платона; цитированная фраза находится почти цѣликомъ у Платона, и что въ особенности любопытно,—стихи Шекспира въ гораздо болѣе степени проникнуты философій Платона, чѣмъ отрывокъ Цицерона. Стихи: „Потому что члены государства, какъ бы мелко они не дробились, всѣ они отъ самаго крупнаго и до мелкаго, до мельчайшаго должны сохранять полное согласіе и, подобно звукамъ музыки, сливаться въ одинъ общій и стройный хоръ“; и затѣмъ, начало рѣчи Архіепископа: „потому небо и надѣляетъ человѣческое общество разнородными способностями“,—все это есть не болѣе, какъ поэтическое развитіе ученія Платона о триадѣ, образованной изъ трехъ элементовъ въ человѣкѣ и тождественности человѣческаго организма съ организмомъ общества. Найтъ думаетъ, что это сопоставленіе Шекспира, Цицерона и Платона—лучшее доказательство того, что Шекспиръ былъ основательно знакомъ съ римской и греческой литературой, и при томъ въ подлинникъ, такъ какъ въ эпоху Елизаветы ни одно изъ сочиненій Платона не было переведено на англійскій

языкъ, за исключеніемъ перевода одного небольшого „Диалога“, сдѣланнаго Спенсеромъ.

Стр. 446. „Мячи для игры, государь“.—Случай съ отправкой мячей королю англійскому сыномъ французскаго короля Карла VI очень подробно разсказанъ Голиншедомъ. Онъ всегда казался историкамъ неправдоподобнымъ, и многіе считаютъ его выдумкой. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ французскихъ хроникеровъ не упоминаетъ о немъ,—что, конечно, было бы невозможно, еслибы этотъ случай действительно имѣлъ мѣсто. Шекспиръ, въ данномъ случаѣ, довѣрился Голлю и Голиншеду. Необходимо также прибавить, что и драматическая литература, значительно раньше Шекспира, популяризовала его. Онъ, между прочимъ, составляетъ главный эпизодъ въ пьесѣ „Славныя побѣды Генриха V“.

Стр. 450 Ричардъ, графъ Кембриджъ или, иначе, Ричардъ Конингсбернъ, былъ младшимъ сыномъ Эдмонда Лонглей, герцога Йоркскаго, бывшаго отцомъ короля Эдуарда IV.

Стр. 450. „По истинѣ злодѣйское золото“.—Тутъ непереводимая игра словъ: *gilt*—золото и *guilt*—преступленіе.

Стр. 450. „Спокойный переѣздъ“,—т. е. что бы называлъ отъ морской болѣзни.

Стр. 452. Варбасонъ—имя черта, упоминаемаго въ „Виндзорскихъ кумушкахъ“.

Стр. 455. „Снаваго съ нимъ на одной постели“. У Шекспира сказано: сопостельникъ (*bedfellow*). Это названіе, — въ наше время нѣсколько странное и неприличное — было въ шекспировское время очень обыкновеннымъ. Обычай спать вмѣстѣ продолжался до половины XVII столѣтія, если не позже.

Стр. 457. Голиншедъ: „Нѣкоторые разсказываютъ, что Ричардъ, графъ Кембриджскій, вмѣстѣ съ лордомъ Скрупомъ и Томасомъ Греемъ умертвилъ короля не для того, чтобы подслужиться французскому королю, но съ тѣмъ, чтобы посадить на тронъ своего зятя, Эдмонда, графа Марческаго, въ качествѣ наследника Лейонеля, герцога Кларенскаго: этотъ графъ Марчскій, вслѣдствіе нѣкоторыхъ тайныхъ обстоятельствъ, не имѣлъ возможности имѣть потомства; поэтому графъ Кембриджскій былъ увѣренъ, что престолъ перейдетъ къ нему на основаніи правъ его жены—ему и его дѣтямъ отъ нея. Вотъ почему онъ сказалъ, что, имѣя нужду въ деньгахъ, вошелъ въ сношеніе съ королемъ французскимъ, лишь бы только не сознаніемъ въ действительныхъ своихъ планахъ и надеждахъ“.

Стр. 460. „На лонѣ Артура“.—Куикли путаетъ Артура съ Авраамомъ: она хотѣла сказать: на лонѣ Авраама.

Стр. 461. „Да, онъ никогда не терпѣлъ тѣлеснаго“. Куикли путаетъ употребленное мальчикомъ слово *incarnate*—воплощенный, съ *capitation*—тѣлесный цѣвъ.

Стр. 471. „Таскать уголья“.—*Carry coals*—снести всякое оскорбленіе.

Стр. 472. Въ подлинникѣ Джемъ говоритъ по англійски, какъ шотландецъ, а Макморрисъ—какъ ирландецъ.

Стр. 480. „Фортуна относится враждебно къ Вардольфу...“ Шекспиръ зашелъ въ старинныхъ хроникахъ этотъ фактъ, который онъ приписываетъ Вардольфу. И Голиншедъ, и Голль разсказываютъ, что въ то время, какъ англійская армія направлялась къ Кале, какой-то глупый солдатъ укралъ въ одной изъ церквей церковное блюдо, за что его и хотѣли повѣсить.

Стр. 481. „Вы не можете себя представить, какое волшебное дѣйствіе производитъ борода, подстриженная какъ у такого-то генерала“.— Изъ баллады, напечатанной въ *Le prince d'Amour* видно, что прежде обращали большое вниманіе на бороды и что каждое званіе имѣло особенную форму бороды. Такъ, мечевидная борода (*sprada beard*), а равно, какъ кажется, и кинжаловидная (*stillito-beard*) принадлежали исключительно военнымъ.

Стр. 494. „Испанская фи́га“.— Обычай показывать фигу, въ видѣ насмѣшки (*far la fisa*) ведетъ свое начало отъ того, что миланцы, возбунтовавшись противъ Фридриха, позорно выгнали изъ города его супругу, императрицу. Они ее посадили верхомъ на мула по названію *Такора*, такъ что лицо ея было обращено къ хвосту мула. Усмиривши бунтъ, Фридрихъ приказалъ вложить фигу въ заднюю часть Такора и заставить всѣхъ миланцевъ, попавшихся въ плѣнъ, публично вытаскивать фигу зубами; кто не хотѣлъ этого исполнить, немедленно вѣшался; и они были обязаны сказать палачу, который тутъ же стоялъ: „Ессо ла фиса“. Нѣтъ выше оскорбленія для миланца, какъ показать ему фигу. Изъ Италіи пословица: „*far la fisa*“ перешла къ другимъ народамъ, и, въ особенности къ испанцамъ, которые говорятъ: „*dar las higas*“. Выраженіе Пистолы: „испанская фи́га“, по догадкѣ Стивенса, можетъ быть также двусмысленное выраженіе, намекающее на тѣ отравленные фи́ги, которыя въ XVI вѣкѣ были въ большомъ ходу въ Испаніи. Тогда въ Италіи и Испаніи освобождались отъ врага, давъ ему съѣсть отравленную фигу.

Стр. 494. „Только снимутъ колпачекъ, и ея не стало“.— Тутъ непереводимая игра словъ: *bate*—уменьшиться, и охотливого терміна *bate*—хлопать крыльями, что соколъ всегда дѣлаетъ, когда съ него снимаютъ колпакъ.

Стр. 494. „Оболю съ его головы весь порей“.— Во время сраженія при Крессе, бывшаго въ день Св. Давида (1346 г.), уэльсцы, дравшіеся съ необыкновенной храбростію, нарвали въ одномъ изъ садовъ порей и украсили имъ свои шлемы. Въ память этого дня и ихъ подвиговъ вошло послѣ того въ обыкновеніе каждый день Св. Давида убирать шапку пореемъ.

Стр. 501. „Два монастыря... моля о спокойствіи души Ричарда“.—Одинъ изъ этихъ монастырей принадлежалъ Картезіанцамъ и назывался „Виелемъ“, другой—монахамъ ордена Святой Бригиты и назывался „Сіонъ“. Они находились на двухъ противоположныхъ берегахъ Темзы, около королевскаго замка Шинъ, теперь Ричмонда.

Стр. 503. „Ихъ всадники имѣютъ видъ какихъ-то неподвижныхъ подсвѣчниковъ“.—Старымъ подсвѣчникамъ и канделябрамъ придавалась часто форма человѣка въ латахъ съ распростертыми руками, въ которыя вставлялись свѣчи.

Стр. 505. „Нынѣшній день его облагородить“. Генрихъ V запретилъ носить гербовые щиты всѣмъ, кромѣ имѣвшихъ на это наследственное или жалованное право, и тѣхъ, которыя сражались съ нимъ при Азинкурѣ. Кромѣ того, этимъ послѣднимъ отводились еще при всѣхъ торжествахъ и на всѣхъ публичныхъ зрѣлищахъ первыя, почетныя мѣста.

Стр. 507. „Что мы не улетимъ“.— Здѣсь игра словъ: *fly*—улетѣть и обращаться въ бѣгство.

Стр. 507. Герцогъ Йоркскій—тотъ же самый, который въ „Ричардъ II“ названъ герцогомъ Омерль. Его имя было Эдуардъ; онъ былъ стар-

шимъ сыномъ Эдмунда Ланглея, герцога Йоркского, пятаго сына Эдуарда III. Ричардъ, графъ Кембрижскій, появившійся въ четвертой сценѣ „Генриха V“, былъ младшимъ сыномъ этого Эдуарда, герцога Йоркского.

Стр. 508. „*Caleno Custure me!*“ Первая слова ирландской пѣсни („Маленькая дѣвочка моего сердца“). Эти слова Пистоль приводитъ по созвучью словъ „*Quality* и *Callino*, или *Calen*“.

Стр. 509. „Вдесятеро смѣлѣ этого режущаго дьявола“.—Въ средневѣковыхъ „Мистеріяхъ“ дьяволъ игралъ важную роль. У него былъ отвратительный костюмъ, на лицо надѣвалась маска съ громадными глазами, огромнымъ ртомъ и колоссальнымъ носомъ, съ красной бородой. Онъ обыкновенно былъ вооруженъ огромной палкой, которою билъ всѣхъ, кто къ нему подходилъ.

Стр. 528. „Людямъ нравятся ангелы или ихъ сестры, такъ похожіе на нихъ, какъ вы, Катъ“.—Тутъ непереводимая игра словъ: *like*—любить и *like*—походить.

Стр. 529. „Сноровки или ловкости“.—Непереводимая игра словъ: *measure*—старинный танецъ и *measure*—мѣра.

Генрихъ VI.

ЧАСТЬ I.

Стр. 545. Въ первой сценѣ—похороны Генриха V, послѣ которыхъ дѣйствіе сразу переносится, во второй сценѣ, во Францію, къ дофину Карлу и Іоаннѣ д'Аркъ. По историческимъ же даннымъ выходитъ, что отъ первой до второй сцены прошло почти семь лѣтъ, такъ какъ Генрихъ V умеръ 31 августа 1422 г., а Іоанна д'Аркъ вступила въ Орлеанъ въ апрѣлѣ 1429 года. Съ этого то послѣдняго момента собственно и начинается драматическое дѣйствіе 1-й части „Генриха VI“. Первое свиданіе Іоанны съ Карломъ подробно рассказано у Голишѣда и вполне согласно, какъ у Шекспира, съ главными историческими данными. А между тѣмъ въ первомъ изданіи того-же Голишѣда объ Іоаннѣ говорится совершенно противоположное: „Дофинъ ежедневно прилагалъ старанія, какъ бы освободить своихъ друзей въ Орлеанъ. Въ это время чудовищная эсенщина, по имени Божья дѣвственница Іоанна, была приведена къ нему въ Шинонъ, гдѣ онъ жилъ... Голль тоже называетъ ее „чудовищемъ““.

Стр. 546. Въ древности долго держалось убѣжденіе, что можно заклинаніями въ метрической формѣ убивать людей; впоследствии то же думали о животныхъ. При Шекспирѣ англичане думали, наприм., что ирландцы могутъ убивать пѣсями мышей.

Стр. 547. По экземпляру Кольера еще добавлено послѣ слово „яркою“: *Lascionees*.

Стр. 548. Въ старыя времена, во время военныхъ дѣйствій, передъ стрѣлками врывались въ землю колья, которыми защищались они отъ непріятельской кавалеріи.

Стр. 548. Свѣдѣнія объ этомъ сэрѣ Джонѣ Фастольфѣ имѣлись въ „*Treatise on the order of the Garter*“, Антиса; въ „*Supplement to Blomfield's History of Norfolk*“, Паркинса; въ „*Bibliotheca Britannica*“, Таннера.

Стр. 550. „*Jack-out-of-office*“. Это чисто англійское выраженіе „Джекъ безъ мѣста“ мы перевели равнозначущимъ русскимъ выраженіемъ: „при милости на кухнѣ“.

Стр. 550. Въ однихъ изданіяхъ стоитъ: „Я намѣренъ *отправить* (to send)“, по изданію Коллера: „Я намѣренъ *похитить* (to steal)“.

Стр. 550. Марсъ упоминается здѣсь и въ мифологическомъ его значеніи бога войны, и въ астрологическомъ значеніи одной изъ планетъ, управляющихъ событиями.

Стр. 551. „Роулендъ и Оливеръ“—самые знаменитые и доблестные изъ 12-ти паровъ—сподвижниковъ Карла Великаго. Въ древности во французскихъ рыцарскихъ романахъ поэты до того преувеличивали подвиги Ролаанда и Оливье, что даже у англичанъ составила пословица: „отвѣчать Роулендомъ на Оливера“, т. е. ложью на ложь. Извѣстнѣе, напримѣръ, разсказъ, какъ въ ронсевальской долинь Роулендъ ударомъ меча сдѣлалъ брешь въ скаль—„роулендову брешь“.

Стр. 551. „Пригулокъ Орлеанскій“—„Bastard of Orleans“. Въ прежнія времена это выраженіе не было укоромъ. Незаконнорожденные часто не отличались въ правахъ отъ законнорожденныхъ. Вильгельмъ Завоеватель начинаетъ одну изъ своихъ хартій такъ: „Я Вильгельмъ Завоеватель, прозванный Незаконнорожденнымъ“.

Стр. 552. Должно бы стоять, не „девять Сивиллъ“, а „девять сибиллическихъ книгъ предсказаній“.

Стр. 553. „Лѣто Св. Мартына“ равнозначущее съ нашимъ „бабьимъ лѣтомъ“, но его начало наступать позднѣе нашего, въ ноябрѣ, около дня Св. Мартына.

Стр. 554. Предполагаются четыре дочери Филиппа, упоминаемые въ „Двѣнадцати“.

Стр. 555. Темнобурый, какъ и черный пѣтъ, былъ цвѣтомъ печали, траура, и цвѣтомъ ливрей слугъ духовенства.

Стр. 555. „Peel'd“—„очищенный“, „обмупленный“, „скобленный“. Насмѣшка надъ бритой макушкой епископа.

Стр. 555. Публичные дома были прежде въ вѣдѣніи епископа Уинчестерскаго.

Стр. 555. Въ четырехъ миляхъ отъ Дамаска есть холмъ, на которомъ, по преданію, Каинъ будто-бы убилъ Авеля.

Стр. 555. „To beard thee to thy face“—выраженіе, равносильное съ русскими „пачихать тебѣ на бороду“, „вцѣпиться тебѣ въ бороду“, т. е. вообще надругаться, издѣваться.

Стр. 556. „Я созову стражу“—„I'll call for clubs“,—обычное восклицаніе въ старину въ Англіи во время уличныхъ дракъ.

Стр. 556. У Шекспира лорды мѣры обыкновенно изображаются простоватыми людьми, стремящимися къ миролюбію ограниченными стариками.

Стр. 557. Въ хрон. Голлишѣда и Голля одинаково подробно разсказано содержаніе IV сцены, т. е. неудачное обозрѣваніе непріятельскихъ постовъ сквозь желѣзную рѣшетку высокой башни, гдѣ и встрѣчаютъ неожиданный конецъ Томасъ Гаргрэвъ и Уильямъ Гландель.

Стр. 560. Смотри у Титъ Ливія (книга XXII, глава 16) о военной уловкѣ Ганнибала для избѣжанія опасности при помощи прикрѣпленныхъ къ рогамъ быковъ зажженныхъ пучковъ хвороста.

Стр. 562. „Редона была знаменитая развратница. Она приобрѣла своимъ ремесломъ огромныя богатства. Ею была построена одна, небольшая по объему, но замѣчательнѣйшая по законченности, изъ египетскихъ пирамидъ. Она впоследствии была замужемъ за царемъ египетскимъ Псамметихомъ“. Джонсонъ полагаетъ, что дофинъ желаетъ обозвать Жанну Д'Аркъ

потаскушкой, хотя онъ восторженно и громко восклицаетъ ее.

Стр. 563. „Сторожевой дворъ“ (Court of guard),—тоже выраженіе встрѣчается въ „Отелло“, „Антоніи и Клеопатрѣ“ и др., и соответствуетъ новѣйшему выраженію „гауптвахта“.

Стр. 563. Тольботъ, герой, рыцарски доблестный, неустрашимый воинъ, лучше всего описанъ Фуллеромъ и Керкомъ. Особенно славился и былъ страшенъ врагамъ его мечъ съ плохой латинской надписью: „Sum Talboti pro vincere inimicos meos“—(Я есмь Тольботъ, чтобы побѣждать враговъ моихъ). О томъ, что французскія женщины, для острастки дѣтей, говорили, что „идетъ Тольботъ“, говоритъ Эдуардъ Керкъ еще въ 1579 году, Возвращеніе Орлеана, такъ сказать, поэтическая вольность Шекспира; въ дѣйствительности-же, его пораженіе при Патѣ послѣдовало вскорѣ послѣ появленія Іоанны д'Аркъ. Объ этой битвѣ, роковой для англичанъ и для Тольбота, подробно повѣствуютъ оба англійскіе хроникера, а также и французъ Монстреле, называющій Джона Фастольфа „Жаномъ Фаско“. У всѣхъ упоминается о томъ, что этотъ „трусливый воинъ“ былъ лишенъ почетнаго ордена Подвязки за его предательскій поступокъ съ благороднымъ Тольботомъ; при этомъ Монстреле упоминаетъ даже, что главнымъ побудителемъ къ лишенію Фастольфа знаковъ рыцарскаго достоинства былъ старый герцогъ Бедфордъ.

Стр. 569. „Темплъ“—храмъ, какъ священное мѣсто, былъ приближеннымъ, гдѣ укрывались отъ мести, насилія и убійства.

Стр. 572. Отецъ Іорка былъ казненъ за измѣну и самъ онъ не имѣлъ голоса въ парламентъ. Къ этому обстоятельству и относятся слова Коммерсета.

Стр. 578. Епископъ уинчестерскій былъ незаконнымъ сыномъ Джона Гаунта, герцога Ланкастерскаго, и Катерины Сьюинфордъ, впоследствии жены герцога.

Стр. 579. Въ разговорѣ о Римѣ у Шекспира непереводимая игра словъ: епископъ Уинчестерскій говоритъ „Room“, т. е. Римъ, а Іорикъ повторяетъ „Room“ вмѣсто „Rome“, т. е. блужданье, скитанье, бродяжничество, намекая на вѣчныя паломничества въ Римъ.

Стр. 580. „Чернильная строка“—„inkorn mate“. Во времена Шекспира принято было смѣяться надъ книжниками и буквоѣдами, т. е. надъ людьми, которые, не будучи учеными, выдавали себя за таковыхъ.

Стр. 581. Шекспиръ называетъ своего героя,—короля Генриха VI,—еще „дитятей“, когда онъ впервые говоритъ съ вельможами. Въ дѣйствительности, оно такъ и было: ему шелъ лишь пятый годъ, когда возникла и разгорѣлась въ парламентѣ распря Глостера и Бофорда. Голль, между прочимъ, говоритъ, что на третьемъ году своего царствованія, приблизительно около Пасхи, король созвалъ свой высшій парламентъ въ городѣ Уэстминстерѣ. Онъ съ большимъ торжествомъ шествовалъ на статномъ конѣ; и этого ребенка, по его красивой наружности, всѣ сочли настоящимъ изображеніемъ, живымъ портретомъ его благороднаго и славнаго отца, а также и достойнымъ быть его преемникомъ и наследникомъ его правственныхъ добродѣтелей, воинскаго искусства и царственнаго величія. Въ парламентѣ города Лейстера, Бедфордъ, предсѣдательствуя, открыто упрекалъ лордовъ за то, что во время войны они, своими личными распрями и тайной злобой, довели народъ до смуты и почти до

войны. Его слова Шекспиръ вложилъ въ уста юного короля.

Стр. 583—585. Взятіе Руана Иоанной заимствовано изъ описанія взятія Эвре въ 1442 г. у Голиншэда. Смерть старика Бедфорда на полѣ, передъ стѣнами Руана, — плодъ воображенія Шекспира: въ хроникѣ говорится просто, что онъ умеръ въ 1435 г. и что тѣло его было погребено въ соборной церкви Богоматери въ Руанѣ, съ сѣверной стороны отъ главнаго алтаря, подъ дорогимъ, роскошнымъ памятникомъ. Относительно убѣдительнаго краснорѣчія Иоанны съ герцогомъ Бургундскимъ, есть, дѣйствительно, историческія данныя въ видѣ ея письма къ нему въ тотъ самый день, когда состоялась коронація дофина Карла въ Реймсѣ (17-го іюня), въ 1429 г. Это письмо напечатано Барантомъ („Исторія герцоговъ Бургундскихъ“ т. IV, стр. 259). Оригиналъ его находится въ архивахъ г. Лилля.

Стр. 586. Пендрагонъ былъ братъ Аврелія и отецъ короля Артура. Шекспиръ приписалъ Пендрагону одинъ изъ подвиговъ Аврелія, который, по словамъ Голиншэда, „будучи болѣнымъ, велѣлъ нести себя на носилкахъ въ битву, и присутствіемъ своимъ такъ воодушевилъ свой народъ, что, при столкновеніи съ саксами, одержалъ побѣду“.

Стр. 589. Непостоянство французовъ было всегда предметомъ сатиры. Джонсонъ говоритъ: „Я читалъ диссертацию, написанную для доказательства, что указатели направленія вѣтра на нашихъ колокольняхъ въ видѣ пѣтуховъ сдѣланы въ насмѣшку надъ измѣнчивостію въ направленіи французовъ“.

Стр. 590. Король говоритъ Тольботу, что онъ помнитъ его при отцѣ. Здѣсь хронологическая ошибка. Генриху VI было девять мѣсяцевъ во время смерти его отца и онъ не могъ его помнить.

Стр. 593. Коронація Генриха VI въ Парижѣ — исторически вѣрный фактъ, происшедшій въ 1431 году. Въ той-же самой сценѣ Тольботъ получаетъ отъ короля приказаніе выступить въ походъ противъ герцога Бургундскаго. Вся остальная часть этого дѣйствія посвящена событіямъ, которыя совершились лѣтъ двадцать спустя послѣ предыдущихъ. Для описанія ихъ (т. е. главнымъ образомъ свиданія и смерти Тольбота съ его юнымъ сыномъ) Шекспиръ близко придерживался хроники, подробнаго разсказа Голля и краткаго — Голиншэда. „Въ этой битвѣ при Шатильонѣ, 13-го іюля, говоритъ хроникеръ, окончилъ жизнь Джонъ лордъ Тольботъ и изъ своего рода первый лордъ Шрюсбери послѣ того, какъ онъ, въ продолженіи двадцати-четырехъ лѣтъ, и болѣе того, доблестно воевалъ съ большою славой, большою извѣстностью и большими побѣдами“. Тѣло его, — сообщаетъ въ заключеніе Голль, — было брошено на землѣ, но найдено его друзьями и отпозано въ Уитчерчъ, въ Шропширѣ, гдѣ и погребено“.

Стр. 594. Въ изданіи in folio 1623 года, гдѣ впервые была напечатана первая часть Генриха VI, лишенный ордена Подвязки, рыцарь названъ именемъ шекспировскаго героя — Джономъ Фольстафомъ, который, какъ извѣстно, умеръ, по Шекспиру, еще при Генрихѣ V. По хроникѣ же Голиншэда, это историческое лицо, фигурирующее въ 1-й части „Генриха VI“, должно называться сэромъ Джономъ Фастольфомъ. Ошибку, сдѣланную въ in folio 1623 г., т. е. въ изданіи, напечатанномъ послѣ смерти Шекспира, Франсуа Гюго приводитъ, какъ одно изъ доказательствъ, что „Генрихъ VI“ не на-

писанъ, а только исправленъ и то очень небрежно, Шекспиромъ. При этомъ онъ прибавляетъ, что онъ въ своемъ переводѣ счелъ долгомъ исправить ошибку изданія 1623 года „по Голиншэду“, и забываетъ сказать, что эта ошибка исправлена уже давнымъ давно, задолго до его рожденія на свѣтъ, во всѣхъ англійскихъ изданіяхъ Шекспира.

Стр. 599. „Олены, которые тощя“ „gascal-like“. Gascal — буквально значить „негодяй“, „плутъ“, „мошенникъ“. Здѣсь-же употребляется въ смыслѣ охотничьяго выраженія когда gascal, — въ примѣненіи къ оленямъ, равносильно выраженію: „тощій“.

Стр. 602. Сомерсетъ высказываетъ подозрѣніе, что приверженцы Йорка умышленно натолкнули Тольбота на рискованное движеніе, чтобы послѣ его гибели слава и названіе „великій“ достались на долю Йорку.

Стр. 604. Въ концѣ V-й сцены IV-го дѣйствія Тольботъ говоритъ, обращаясь къ сыну, о его близкой смерти, называя ее поэтически затмѣеніемъ. Здѣсь непереводимая игра словъ: сон — сытъ и суп — солнце.

Стр. 605. Со словъ: „въ немъ не кровь Тольбота“ и до конца все это высоко поэтическое мѣсто написано рифмованными стихами, такъ что есть предположеніе, что это діалогъ изъ другой какой-нибудь никогда неконченной поэмы. Такъ предполагалъ Джонсонъ.

Стр. 607. Смерть Тольбота, отнесенная Шекспиромъ къ этому времени, есть историческая ошибка. Первая часть „Генриха IV“ кончается 1445 годомъ, а Тольботъ умеръ въ 1453 году. Эта смерть, по пьесѣ Шекспира, предшествуетъ даже казни Иоанны д'Аркъ, тогда какъ казнь совершилась въ 1429 году.

Стр. 609. „Близкій родственникъ Карла“. Въ изданіи Кольера, вмѣсто „near knit“ (близко стоящій), стоитъ „near kin“, т. е., „близкій родственникъ“.

Стр. 612. Что касается личности Иоанны д'Аркъ, то большинство хроникеровъ склонно считать ее далеко не святою. Напротивъ того: не только англичане Голль и Голиншэдъ, но и французъ Монстрелэ, считаютъ ее колдуньей, а послѣдній даже утверждаетъ, что вся исторія появленія и дѣяній Иоанны была грубымъ, нарочно подстроенымъ обманомъ. Нерѣдко французы, по примѣру Монстрелэ и Вольтера, и до сихъ поръ еще издѣваются надъ нею, не смотря на воздвигнутые ей памятники.

Стр. 612. „Сѣверный монархъ“. Сѣверъ всегда признавался, по преимуществу, жилищемъ злыхъ духовъ. Мильтонъ соединяетъ возмущавшихся ангеловъ на сѣверѣ. „По преданію, — говоритъ Дейсъ, — сѣверный монархъ былъ однимъ изъ четырехъ главныхъ злыхъ духовъ, которыхъ вызывали вѣдьямы и колдуньи. Имъ его было Цимимаръ. Остальныхъ звали: Амонъ — царь востока, Горзонъ — царь юга и Говъ — царь запада. Въ подчиненіи у духовъ-царей были духи-герцоги, прелаты, рыцари, и т. д.“.

Стр. 613. Историческія подробности свиданія и сватовства Сеффолька за Маргариту Шекспиръ заимъ изъ хроники Голиншэда, который довольно подробно говоритъ о номинальномъ величіи Ренне и о его дѣйствительной бѣдности.

Стр. 618. „Получила дворянина“. Тутъ употреблено Шекспиромъ слово „noble“ въ видѣ игры словъ, такъ какъ оно относится и къ монетѣ, и къ благородному происхожденію Иоанны.

Стр. 623. Глостеръ напоминаетъ, что король Генрихъ уже былъ обрученъ съ дочерью графа Арманьяка.

Стр. 624. „Маргарита будетъ королевой, будетъ управлять королевемъ, а я—ею, имъ и всѣмъ королевствомъ“. Эти слова Сеффолька говорятъ, что авторъ, писавшій или переделывавшій эту пьесу, имѣлъ уже въ виду содержаніе второй ея части.

Генрихъ VI.

часть II.

Стр. 633. Тутъ говорится о правахъ, приобрѣтенныхъ вѣчаньемъ, на которомъ Сеффолькъ былъ только представителемъ короля.

Стр. 635. Въ оригиналѣ игра словъ: „Меня“—и имя собственное, и „главное“.

Стр. 635. „А твои дѣйствія въ Ирландіи, братъ Іоркъ“—Ричардъ Плантагенетъ, герцогъ Йоркскій, былъ женатъ на Сесиль Невиль, старшей сестрѣ графа Сольсбери.

Стр. 641. „Сэръ Джонъ!“ Такъ часто титуловали въ тѣ времена духовныхъ лицъ.

Стр. 641. „Ловкій плутъ не нуждается въ посредникахъ“—народная поговорка.

Стр. 647. Только что произнесла герцогиня, что она написала-бы свои десять заповѣдей на лицѣ королевы, какъ тутъ же опять говорится Питеромъ о десяти костяхъ, т. е. о пальцахъ. Эта форма клятвы своими пальцами была очень старою и общепотребительною.

Стр. 643. „Князь Калидонскій“. Согласно сказанію, жизнь Мелеагра, князя Калидонскаго, зависѣла отъ головы, украденной изъ очага Паркъ. Его мать Алеея бросила эту драгоценность въ огонь, и Мелеагръ умеръ въ мукахъ.

Стр. 644. Въ изданіи 1823 года,—говоритъ Франсуа Гюго,—пропущена реплика Генриха VI, подтверждающая слова Глостера относительно Сомерсета, которая необходимо нужна и безъ которой благодарность Сомерсета не имѣетъ смысла. Первый, возстановившій это мѣсто, былъ Теобальдъ, взявъ эту фразу изъ драмы „Первая часть борьбы“... Но король передаетъ Глостеру право рѣшать, а потому тотъ и рѣшилъ. Сомерсетъ-же благодаритъ не его, а короля, какъ главу государства. Большинство англійскихъ изданій вслѣдствіе этого не дѣлаютъ вставки Теобальда.

Стр. 651. „Джонъ“—название сокола.

Стр. 654. Эта сцена была основана на исторіи, рассказанной сэромъ Томасомъ Моромъ, который слышалъ ее отъ своего отца. Имя обманщика не упомянуто. Но онъ былъ схваченъ герцогомъ Гемфри Глостеромъ.

Стр. 656. Согласно хроникамъ, осужденіе Элеоноры на смерть, „за то, что она прибѣгла къ колдовству и искусству вѣдьмъ для гибели короля, на мѣсто котораго хотѣла посадить своего мужа“, совершилось до пріѣзда Маргариты въ Лондонъ.

Стр. 662. Люди низшаго класса общества употребляли въ поединкахъ не оружіе, которыми могли пользоваться одни рыцари и дворяне, а деревянные палки съ прикрѣпленными къ нимъ мѣшками песку. По указанію Симсона на одно мѣсто у Златоуста, оказывается, что это былъ очень древній обычай.

Стр. 664. Сладкое вино изъ Шарнеко, маленькаго селенія близъ Миссабона, было въ большой славъ во времена Шекспира.

Стр. 663. Древній обычай дуэли былъ не похожъ на нашъ: пораженный терялъ не оду жизнь, а и свою репутацію, такъ какъ самое его пораженіе считалось доказательствомъ его виновности. Это былъ истинно „Вожій судъ“.

Стр. 679. Король Генрихъ сравниваетъ Сеффолька съ василискомъ, который, какъ полагали въ тѣ времена, способенъ убивать однимъ взглядомъ.

Стр. 680. Говоря о Троѣ, поэтъ несомнѣнно имѣетъ въ виду Энеиду Виргилія (1-я пѣсня).

Стр. 689. „Уольтеръ“—„Walter“, вѣроятно, производилось, какъ „Water“,—вода. Это объясняетъ слова Сеффолька.

Стр. 690. Существовало повѣріе, что мандрагора вырастаетъ на могилахъ самоубійцъ и казненныхъ, что она, когда ее вырываютъ, издаетъ такіе страшные стоны, что отъ одного ихъ звука умираютъ люди. Вообще, форма корней мандрагоры, напоминавшая въ маленькомъ видѣ человѣческую фигуру, породила въ былые времена цѣлую массу повѣрій.

Стр. 691. На словѣ „Пуль“ въ подлинникѣ игра словъ, такъ какъ Пуль (pool) означаетъ и имя собственное, и „лужу“.

Стр. 694. Возстаніе Кэда, говоритъ Гервинусъ, представленное такимъ пародно-юмористическими чертами, до такой степени подготовлено историческимъ источникомъ, что въ хроникѣ Сентъ-Ольбана мы встрѣчаемъ почти буквально самыя рѣчи заговорщиковъ“.

Стр. 694. „Cade“—„Кэдъ“, боченокъ, куда складываютъ сельди и т. п. Вообще здѣсь масса непереводимой игры словъ.

Стр. 695. Печати къ документамъ въ старыя времена прикладывались на воскъ, и Кэдъ высказываетъ мнѣніе, что отъ нихъ все зло на землѣ.

Стр. 719. Шекспиръ заставляетъ Клиффорда пасть отъ руки Іорка, отступая отъ исторической правды; но этотъ пріемъ встрѣчается у него, когда дѣло идетъ о подготовкѣ сильныхъ характеровъ. Это убійство подготовляетъ читателя къ мнѣнію, которое впоследствии проявляетъ сынъ Клиффорда относительно Іорка и Рютленда; изображая смерть благополучно здравствовавшего Клиффорда, авторъ уже имѣлъ въ виду третью часть „Генриха VI“.

Стр. 719. Медея, бѣжавъ въ Колхиду съ Язономъ, убила своего брата.

Стр. 719. Ричардъ вспоминаетъ здѣсь о предсказаніи относительно Сомерсета, высказанномъ во второй сценѣ второго дѣйствія этой пьесы.

Генрихъ VI.

часть III.

Стр. 735. „Уоррикъ зазвенитъ колокольчиками“—это сравненіе съ соколиной охотой. Въ этой и предыдущихъ двухъ пьесахъ нерѣдко встрѣчаются термины и сравненія, заимствованные у соколиныхъ и другихъ охотниковъ, какъ, напримѣръ, въ 1-й части „Генриха VI“ въ сравненіяхъ Тольботомъ воиновъ съ тощими оленями, во II-й части въ первой сценѣ второго дѣйствія и т. д.

Стр. 736. „Твой отецъ былъ, какъ и ты, герцогомъ Йоркскимъ“. Шекспиръ былъ тутъ введенъ въ заблужденіе старой пьесой. Отецъ Ричарда, герцога Йоркскаго, былъ графъ Кембриджъ и не былъ никогда герцогомъ Йоркскимъ, будучи казненъ еще при жизни своего

старшего брата Эдуарда, герцога Йоркского, убитого въ битвѣ при Азинкурѣ.

Стр. 745. Умерщвление молодого Рютленда производить потирающее поэтическое впечатлѣніе въ хроникѣ Голишпада.

Стр. 748. О томъ, что герцогъ Йоркскій передъ своею смертію въ борьбѣ съ врагами былъ увѣчанъ, въ насмѣшку, бумажной короной, говорится въ хроникахъ, но жестокость Маргариты, мысленная при этомъ, есть вымыселъ поэта.

Стр. 748. „О, тигровое сердце въ женской кожѣ“. Пародія на эту фразу встрѣчается въ посмертномъ письмѣ Грина, адресованномъ къ Марлоу, Лоджу и Пилю и жалующемуся „на вороненка, украсившаго себя ихъ перьями“. Умирающій увѣщаетъ друзей, съ полнымъ раскаяніемъ, оставить всякое сношеніе съ сценическимъ искусствомъ, и говорить между прочимъ: „вы всѣ трое—подлые люди, если мое бдѣніе не послужитъ вамъ урокомъ; потому что этотъ репейникъ ни въ кого такъ крѣпко не вцѣпился, какъ въ меня; я разумію тѣхъ куколъ, которыя говорятъ нашими устами, тѣхъ дураковъ, которыя одѣты цвѣтомъ нашей кожи. Не удивительно-ли, что я, которому всѣ они были обязаны, и вы, которымъ они всѣ также обязаны, всѣ вы будете имъ внезапно оставлены, если придетъ въ то положеніе, въ которомъ я нахожусь теперь. Да, не доверяйте имъ! Потому что между ними есть воронъ, украсившій себя нашими перьями, который прикрылъ свое „тигровое сердце кожей актера“ и воображаетъ, что можетъ выдѣлывать напыщенныя ямы лучше всякаго изъ васъ; онъ, какъ рѣшительный „Иванъ—на всѣ руки мастеръ“, воображаетъ себя единственнымъ, потрясателемъ сцены (Shakoscene) во всей Англіи. О, если бы я могъ упростить васъ дѣлать изъ вашихъ рѣдкихъ дарованій болѣе полезное употребленіе и предоставить этимъ обезьянамъ, стремиться къ достиженію вашего прежняго величія!“

Стр. 752. „Или я, въ самомъ дѣлѣ, вижу три солнца“.—Это намекъ на фактъ, о которомъ мы уже говорили въ прошлой книгѣ. Въ прекрасной долинѣ, близъ креста Мортимера, въ день Обрѣзанія Господня, солнце, говорятъ, представилось графу Марчу, какъ три солнца, которыя внезапно слились въ одно. При этомъ онъ почувствовалъ такой приливъ отваги, что стремительно бросился на враговъ и разбилъ ихъ. По этой причинѣ, говорятъ, онъ взялъ для герба солнце въ полномъ его блескѣ.

Стр. 764. Эта грустная и мягкая рѣчь короля, говоритъ Джонсонъ, удивительно рисуетъ характеръ короля и, какъ неожиданный проблескъ свѣта, даетъ возможность пріятно передохнуть среди шума и ужасовъ битвы, при видѣ сельской невинности и пастушеской тишины.

Стр. 765—765. „Эти два страшныя происшествія взяты поэтомъ для иллюстраціи безчисленныхъ ужасовъ междоусобной войны“, говоритъ Джонсонъ. Въ битвѣ Константина и Максентія Рафаэлемъ введено въ подобномъ же случаѣ одно изъ этихъ явленій.

Стр. 768. „Капитанъ Маргарита“ это историческое названіе королевы Маргариты.

Стр. 781. Народный любимецъ Урикъ, вѣнчатель и уничтожатель королей, — замѣчаетъ Гервинусъ — съ черными, какъ уголь, волосами, суетливый заика, любимецъ и приверженецъ короля, былъ такая личность, которая сама собою вырисовалась и разгнѣвалась подъ перомъ автора. Для тѣхъ зоохматическихъ изображеній

героевъ, надъ которыми смѣялся Гамлетъ, это была самая благодарная роль“.

Стр. 783. „Необлизанный медвѣжонокъ“. По народному повѣрью, медвѣдица придаетъ своему дѣтенышу правильный обликъ, только обликая его.

Стр. 784. Здѣсь говорится объ отцѣ Маргариты въ историческомъ смыслѣ. Вѣднѣе ея отца была часто темой для упрековъ.

Стр. 785. „Я закрылъ глаза на оскорбленіе, нанесенное моей племянницѣ“.—Голишпадъ сообщаетъ: Король, Эдуардъ въ домъ графа Уорика попробовалъ совершить дѣло, которое въ величайшей степени противорѣчило чести графа. Хотѣлъ-ли онъ изнасиловать его дочь, или его племянницу — не знаютъ навѣрное, но вѣрно то, что король Эдуардъ покушался на нѣчто подобное.

Стр. 786. Ивовая вѣтвь или вѣнокъ изъ ивы — символъ покинутой любви.

Стр. 790. Леди Грей была по матери въ родствѣ съ Генрихомъ V.

Стр. 791. „Я была не благороднаго происхожденія“. Ея отецъ былъ сэръ Ричардъ Уодовилль, рыцарь, впоследствии графъ Райверсъ. Ея мать была дочерью графа Сентъ Поля, второго брата короля Генриха V, герцога Bedford, Жакелина, вдовствующая герцогиня Bedford.

Стр. 800. Пророческія слова короля Генриха относятся къ судьбѣ графа Ричмонда, который въ драмѣ „Ричардъ III“ кладетъ конецъ его тираніи. Это предсказаніе заимствовано изъ хроники Голишпада.

Стр. 816. Замокъ Гемсъ. Это былъ замокъ въ Пикардіи, гдѣ въ теченіи многихъ лѣтъ на ходился Оксфордъ.

Стр. 817. Прицазъ называетъ, Ричарда Эакономъ за его уродливость, а поэтъ, согласно его натурѣ дѣлаетъ далаетъ его крайне раздражительнымъ и мстительнымъ.

Стр. 817. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ изображается умерщвление принца Уэльскаго, въ хроникахъ Голя и Голишпада, есть замѣчаніе: „за такое безславное дѣло большая часть участниковъ испила въ позднѣйшіе дни равную чашу вследствие заслуженнаго возмездія и достойнаго наказанія Божія“.

Стр. 822. Двое изъ герцоговъ Сомерсетовъ поплатились своею жизнью за домъ Йорковъ. Первый изъ этихъ благородныхъ воиновъ былъ Эдмондъ, павшій въ битвѣ при Сентъ-Олбасѣ въ 1455. году; второй былъ его сынъ Генрихъ, обезглавленный въ 1493 году, послѣ битвы при Хексхэмѣ. Настоящій же герцогъ Эдмондъ, братъ Генриха, былъ взятъ въ плѣнъ при Тьюксбери, въ 1471 году, и здѣсь обезглавленъ; его же братъ Джонъ въ томъ же сраженіи лишился жизни.

Стр. 822. „Ты проложи дорогу, а ты исполни“. Ричардъ указываетъ на свой лобъ и на свою руку.

„Жизнь и смерть короля Ричарда III“.

Стр. 833. „Наконецъ-то зима нашихъ невзгодъ, благодаря солнцу Йорка“... По словамъ Голишпадовой хроники, передъ сраженіемъ при Мортимерѣ Кресси, рѣшившемъ судьбу дома Йорковъ, Эдварду, графу Маркскому, на шеѣ явились три солнца, постепенно слившіяся въ одно. Предназначеніе это придало Эдварду

такое мужество, что онъ одержалъ блестящую побѣду надъ войскомъ Ланкастерскаго дома. Сдѣлавшись королемъ, Эдвардъ IV, въ память этого событія, помѣстилъ въ своемъ гербѣ изображеніе солнца.

Стр. 834. Наслѣдники короля будутъ убиты кѣмъ-то, чье имя начинается съ буквы Г.—Эдвардъ IV питалъ тайную злобу къ своему брату Георгу, герцогу Клеренсу, такъ какъ, говорить Голиншедъ, было глупое пророчество о томъ, что послѣ короля Эдварда будетъ царствовать человекъ, имя котораго начинается съ буквы Г....

Стр. 835. „Его жена, миледи Грей“... Глостеръ съ пренебреженіемъ называетъ королеву Елизавету, жену Эдварда, миледи Грей, такъ какъ она, до брака съ королемъ, была супругою Джона Грея, привержена дома Ланкастеровъ, убитаго въ сраженіи при Сентъ-Элбенъ въ 1461 г.

Стр. 835. „Почтеннѣйшимъ добрячкомъ Энони Уидвилемъ“... Съ тѣмъ же пренебреженіемъ Глостеръ называетъ и брата королевы Елизаветы—Уидвилемъ, его первоначальной фамиліи, такъ какъ на самомъ дѣлѣ теперь ему принадлежитъ титулъ графа Райверса.

Стр. 836. „Мистриссъ Шоръ“... Анна Шоръ была любимѣйшею фавориткою короля Эдварда.

Стр. 838. „О, бѣдный, холодный, какъ ключъ, обликъ святого короля“... Холоднымъ ключемъ, обыкновенно, останавливали легкія кровотеченія. Poor key—cold figure—считаютъ, очень употребительный у писателей того времени.

Стр. 839. „Раны убитаго Генриха снова раскрываютъ свои помертвѣвшія уста, и изъ нихъ опять сочится кровь“...—Существовало повѣрье, что въ присутствіи убійцы раны убитаго имѣютъ человѣка раскрываются, какъ-бы призывая этимъ небесную кару на преступника. То же самое мнѣніе подтверждаетъ и Іаковъ, король шотландскій, въ своей „Демонологіи“.

Стр. 845. „Удалился въ Кросби“—Кросби былъ великолѣпный дворецъ, сооруженный въ 1466 г и принадлежавшій герцогу Глостеру. Часть его сохранилась до нашихъ дней.

Стр. 847. „Герцогиня Ричмондская едва-ли сказала-бы аминь“... Графиня Ричмондская, съ которою королева была въ не особенно дружескихъ отношеніяхъ, была второй разъ замужемъ за лордомъ Стэвли. Сынъ ея отъ перваго брака Ричмондъ, послѣ смерти Ричарда, царствовалъ въ Англіи, подъ именемъ Генриха VII.

Стр. 851. „Развѣ ты не изгнана подѣ страхомъ смертной казни?“—Присутствіе королевы Маргариты, вдовы Генриха VI, въ настоящей сценѣ, относящейся къ 1477 г.,—вымыселъ, который нуженъ былъ Шекспиру для его творческихъ цѣлей,—сдѣлать Маргариту свидѣтельницей того трагическаго конца, который она, подобно древней Немезидѣ, напроорочила Ричарду, Клеренсу, Елизаветѣ и др. На самомъ же дѣлѣ королева Маргарита бѣжала во Францію послѣ Гексгамскаго сраженія въ 1464 г. и тогда-же ей было объявлено вѣчное изгнаніе. Спустя семь лѣтъ послѣ этого, она высадилась съ войскомъ на берегахъ Англіи, но была схвачена и посажена въ Тоуэръ, гдѣ находилась болѣе 4-хъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ отецъ ея, Рене, король неаполитанскій, выкупилъ ее изъ плѣна и отвезъ во Францію.

Стр. 851. „Когда ты увѣчала его воинственное чело бумажною короной“... Въ сраженіи при Сентъ-Элбенъ, отецъ Глостера, герцогъ Йорскій, былъ захваченъ въ плѣнъ, и по приказанію Маргариты, въ насмѣшку былъ увѣчанъ

короною изъ тряпокъ и бумаги. Въ то-же время былъ убитъ сынъ герцога Йоркскаго—Рютландъ, и Маргарита подала несчастному отцу платокъ, обмоченный въ крови убитаго Рютланда.

Стр. 853. „Отмѣченный съ самаго рожденія, чтобы быть сыномъ ада“.—Устами Маргариты Шекспиръ подтверждаетъ здѣсь то, что говорилось въ хроникѣ Голиншеда о рожденіи Глостера, а хроника передаетъ, что Глостеръ появился на свѣтъ съ горбомъ и прорѣзавшимися уже зубами.

Стр. 859. „Зловѣщій перевозчикъ, о которомъ говорятъ поэты“.—По ученію древнихъ грековъ, души умершихъ перевозилъ черезъ рѣки ада, ведущія въ подземныя царства, старый, грязный перевозчикъ Харонъ.

Стр. 862. „Какой законный составъ присяжныхъ высказалъ суровому судѣй свой приговоръ“.—Во времена Шекспира, для осужденія на смертную казнь требовался единогласный приговоръ двѣнадцати присяжныхъ.

Стр. 863. „Своимъ вѣроломнымъ мечомъ ты распоролъ утробу сына этого государя“.—Клеренсъ, вмѣстѣ съ Эдвардомъ и Ричардомъ, участвовалъ въ убійствѣ Эдварда, принца Валлійскаго, сына Генриха VI.

Стр. 864. „Я утоплю тебя въ бочкѣ съ мальвазіей“.—По исторіи, Клеренсъ былъ утопленъ въ бочкѣ съ мальвазіей. Шекспиръ, очевидно, и здѣсь старается придерживаться преданія.

Стр. 873. „Теперь въ утѣшеніе мнѣ осталось одно зеркало, и то фальшивое“.—Герцогиня подѣ фальшивымъ зеркаломъ подразумеваетъ Глостера.

Стр. 881. „Привѣтствую ваше прибытіе въ Лондонъ, въ вашу королевскую палату“.—Лондону, со времени Нормандскаго нашествія, данъ былъ officialный титулъ—королевской палаты. На большихъ лондонскихъ воротахъ была надпись: Londinium Camera regis.

Стр. 883. „Да избавитъ меня Богъ отъ необходимости нарушить священныя права убійщика“.—Храмы, какъ извѣстно, пользовались правами неприкосновеннаго убійщика. Преступниковъ или вообще укрывавшихся отъ чьего-либо преслѣдованія въ храмѣ—нельзя было схватить насильно.

Стр. 884. „Я словно первобытный Порокъ“.—Порокъ былъ дѣйствующихъ лицомъ въ среднѣвѣковыхъ представленіяхъ (moralities), забавлявшимъ зрителей каламбурами и двусмысленностями.

Стр. 889. „Кабанъ сорвалъ съ него шлемъ“.—Кабанъ былъ знакомъ протектора-Глостера.

Стр. 891. „Лорды, находящіеся теперь въ Помфрѣтѣ“,—т. е. Райверсъ, Вогенъ и Грей, осужденные на казнь Ричардомъ.

Стр. 899. „Эдвардъ казнилъ одного изъ гражданъ“.—Историческій фактъ. Имя этого горожанина было Іокеръ и онъ занимался мелочной торговлей въ Чинсейдѣ.

Стр. 900. „Замокъ Бейнардъ“.—Замокъ этотъ находился въ Лондонѣ, на берегу Темзы. Слѣды фундамента, говорятъ, замѣтны еще до сихъ поръ.

Стр. 900. „Скажите Шау и Пэнкеру“—Докторъ Шау и августинскій монахъ Пэнкеръ были очень популярными проповѣдниками при англійскомъ дворѣ того времени.

Стр. 901. „О помолвкѣ съ лэди Люси и о брачномъ договорѣ, который онъ заключилъ во Франціи“.—Мать Эдварда IV, не желая его брака съ Елизаветой Грей, уговорила лэди Люси, съ которою Эдвардъ имѣлъ связь, объявить, что король помолвленъ съ нею. Что касается

до брачнаго договора, заключеннаго во Франціи, то это намекъ на сватовство короля Эдварда на Вонитъ, сестрѣ французскаго короля Людовика XI.

Стр. 906. „Она завлекла его до наклонной плоскости гнуснаго многоженства“.—Однимъ изъ постановленій Лионскаго собора 1274 г. вторичный бракъ (bigamy) былъ объявленъ позорнымъ и преступнымъ дѣяніемъ.

Стр. 911. „О, если бы золотой обручъ превратился въ расклевное желѣзо“.—Цареубицамъ и другимъ особенно тяжкимъ преступникамъ въ видъ наказанія накладывали на голову расклевную до красна корону.

Стр. 916. „А затѣмъ въ Брэкнокъ“.—Брэкнокъ—былъ замокъ въ Уэльсѣ, принадлежавшій герцогу Вокингэму.

Стр. 971. „Называла тебя... безотцовымъ перечнемъ, разъяснившимъ то, что должно было совершиться во время гнуснаго представленія“.—Такъ называемыя Pageants—были представления аллегорическаго содержанія, безъ рѣчей, нѣчто въ родѣ нашихъ балетовъ. Для лучшаго уразумѣнія содержанія такихъ, бывшихъ въ большой модѣ, представлений, зрителямъ раздавались росписи, на подобіе нашихъ либретто, въ которыхъ помѣченъ былъ порядокъ выходовъ дѣйствующихъ лицъ и краткое изложеніе содержанія пьесы Маргарита, вѣроятно, намекаетъ здѣсь на одну изъ такихъ росписей.

Стр. 924. „Не могу указать ни одного часа, кромѣ того, когда чувство голода заставляло васъ уходить завтракать и тѣмъ избавляло васъ отъ моего присутствія“. Здѣсь небольшое измѣненіе въ нашемъ переводѣ; дословно будетъ такъ: „развѣ часть Гомфрея, одинъ разъ заставившій васъ завтракать не въ моемъ присутствіи“... На это въ „часъ Гомфрея“,—неопытный для русскихъ читателей, имѣетъ множество толкованій. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ намъ кажется слѣдующее: въ Лондонѣ, въ церкви св. Павла, старому герцогу Гомфри воздвигнутъ былъ великолѣпный памятникъ, любоваться которымъ ежедневно приходило такъ много народу, что часть церкви, въ которой находился этотъ памятникъ, получила названіе „Гомфріева гульбища“. Здѣсь всегда можно было встрѣтить знакомыхъ, и потому любители даровыхъ обѣдовъ часто искали здѣсь приглашеній. Такъ образовалась извѣстная англійская поговорка „Humphreys dinner“,—то же значеніе, вѣроятно имѣетъ и употребленное здѣсь Глостеромъ выраженіе—„Humphreys hour“.

Стр. 931. „Клину съ св. Георгомъ и моей подвязкой“. Подвязка—самый уважаемый въ Англіи орденъ, учрежденный 19 января 1350 г. Эдвардомъ III. Патрономъ ордена считается св. Георгъ, а девизомъ служить „Nonny soit, qui mal у реuve“: да будетъ стыдно тому, кто худо подумаетъ,—слова, сказанныя королемъ на балѣ въ предупрежденіе подозрительныхъ толковъ, когда онъ подынял потерянную графиней Салисбери подвязку.

Стр. 945. „Пламя починка синѣетъ“.—Существовало суевѣріе, что синий огонь есть признакъ присутствія духовъ.

Стр. 948. „Диконъ купленъ и проданъ“.—Диколь—старое, простонародное искаженіе имени Ричарда.

Стр. 949. „Дрянной пошлякъ, долго жившій въ Бретани“.—Ричмондъ, въ сраженіи подъ Тьюксбери, былъ взятъ въ плѣнъ и бѣжалъ ко двору Франциска II, герцога Бретанскаго.

Стр. 950. „Я сорвалъ вѣнецъ съ мертваго чела кровожаднаго злодѣя“.—Воевые шлемы коро-

лей обыкновенно увѣнчивались небольшимъ короною.

Генрихъ VIII.

Стр. 961. Пестрый кафтанъ, окаймленный желтымъ галуномъ,—костюмъ театральнаго шута во времена Шекспира.

Стр. 964. Лордъ Эбергетъ былъ женатъ на дочери герцога Вокингэма.

Стр. 964. Гинъ и Ардъ или Ардъ (Guines и Ardres)—два города въ Пикардіи; первый принадлежалъ англичанамъ, а второй французамъ. Долина между ними называлась Ардской.

Стр. 965. Саксонскій рыцарь Бевисъ—герой старой англійской баллады. Его статуя находится у готическихъ воротъ Соутэмптонна. Бевисъ былъ сдѣланъ графомъ Соутэмптонскимъ королемъ Вильгельмомъ Завоевателемъ.

Стр. 966. Кардиналъ Вольсей былъ сыномъ мясника.

Стр. 970. „Никлэсъ Гопкинсъ“. Въ слѣдующей сценѣ онъ названъ Никольсомъ Питомъ. Путаница въ названіяхъ вѣроятно, произошла вслѣдствіе небрежности переписчика.

Стр. 974. „Находясь въ Розѣ“. Роза было названіе дома, принадлежавшаго герцогу Вокингэму. Часть этого дома и теперь еще существуетъ и занята корпораціей портныхъ.

Стр. 975. Герцогъ Вокингэму былъ судимъ, приговоренъ и казненъ въ маѣ 1521 года. Отчетъ о дѣлѣ Вокингэма и о его казни, написанный на искаженномъ французскомъ языкѣ и напечатанный въ 1597 году, находится въ архивахъ англійскаго парламента. Въ концѣ этого отчета находится фраза: „Dieu a sa ame grant mercy—car il fuit tres noble prince et prudent et miroir de tout courtesie“. Замѣчательно, что этотъ экстазъ „зеркало всего возвышеннаго“ почти буквально Шекспиръ примѣнилъ къ Вокингэму въ первой сценѣ второго дѣйствія: „Call him, bounteous Buckingham, the mirror of all courtesy“.

Стр. 976. „Новыя моды, какъ бы онѣ ни были смѣшны, всегда найдутъ послѣдователей“. Въ книгѣ Наша: „Life of Jacke Wilton“, герой этой біографіи говоритъ, между прочимъ, слѣдующее о нѣкоторыхъ французскихъ модахъ при дворѣ Генриха VIII: „Мое перо на шляпѣ было похоже на знамя, развѣвающееся на лбу“.

Стр. 982. „Оказался бы невѣждой, еслибы пригласилъ васъ танцовать, не поцѣловавъ васъ“. Въ XVI столѣтіи кавалеръ обязанъ былъ благодарить свою даму послѣ танцевъ поцѣлуемъ.

Стр. 991. „Испанецъ“—т. е. императоръ.

Стр. 994. „Какого-нибудь Карвоншира“—гористое и бесплодное Уэльское графство.

Стр. 995. „Озираетъ блескомъ весь этотъ островъ“—намокъ на королеву Елизавету, которая была дочерью Анны Болень.

Стр. 996. „Серебряными столбами“,—такіе столбы носились передъ кардиналами.

Стр. 709. „Tanta est ergo te mentis integritas-regina serenissima“,—т. е. „такъ истинно наше расположеніе къ вамъ, свѣтлѣйшая королева“.

Стр. 777. Онъ воскликнулъ: „А!“—привычное восклицаніе короля Генриха VIII.

Стр. 888. „Дразнятъ насъ, точно жаворонковъ, своей шляпой“. Кардинальская шляпа—красная, а для ловли жаворонковъ по време-

намъ употреблялись маленькія зеркала, прикрѣпленные къ красному сукну.

Стр. 1017. „Я испугаю васъ сильнѣе, чѣмъ спугнулъ тебя священный колоколъ“. Т. е. *Sacring bell*—колоколъ, въ который звонятъ, когда выносятъ св. причастіе.

Стр. 1018. „*Ego et Rex meus*“—я и король мой.

Стр. 1019. „*Præmunire*“ вмѣсто *premonere*, т. е. повѣщать, предупреждать имуществу и королевскаго покровительства.

Стр. 1020. „Могила, орошаемая слезами сиротъ“—канцлеръ былъ въ то же время и опекуномъ сиротъ.

Стр. 1022. „Онъ бы не предалъ меня, въ мои годы, беззащитнаго, моимъ врагамъ“, Кавендишъ въ своей „Жизни“ пишетъ между прочимъ: „Хорошо, хорошо, Кингстонъ, сказалъ кардиналъ, я вижу, какъ сочетались вещи противъ меня; если-бы я служилъ Богу также ревностно, какъ я служилъ королю, то онъ не оставилъ бы меня въ то время, когда на головѣ у меня сѣдые волосы“.

Стр. 1025. „Балдахинъ, несомый четырьмя баронами пяти гаваней“.—Эти бароны были установлены королемъ Вильгельмомъ Завоевателемъ, а гавани были: Дувръ, Седвичъ, Рамни, Гейдесъ и Гастингсъ.

Стр. 1035. „Примеро“—игра.

Стр. 1039. „Относительно такого собрата“, т. е. собрата по совѣту, какъ члены его.

Стр. 1042. „Въ окнѣ на верху“. Въ старыхъ англійскихъ замкахъ, главная комната почти всегда была снабжена внутренними окнами на верху, сквозь которое можно было видѣть эту комнату изъ другой, помѣщающейся въ верхнемъ этажѣ. Во многихъ старинныхъ зданіяхъ и теперь еще видны эти внутренніе окна.

Стр. 1043. „Потрясенія, смуты... какъ это было еще такъ недавно у нашихъ сосѣдей верхней Германіи“,—памятны смуты, произведенныя въ Саксоніи учениемъ Мюнцера въ 1521—1522 года.

Стр. 1048. „Приберечь ваши ложки“—старинный обычай, по которому восприемники должны были подарить своему крестнику одну или нѣсколько ложекъ съ изображеніемъ апостоловъ, потому онъ и назывался апостольскими. Богатые дарили двѣнадцать апостоловъ, а бѣдные ограничивались четырьмя евангелистами или только тѣмъ святымъ, котораго имя дано новорожденному. Ложки дарились или серебряныя, или латунныя. Бенъ Джонсонъ въ своей „Армаркѣ Святого Варламоа“ упоминаетъ объ этомъ обычай: „И все это,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ,—въ надеждѣ получить парочку апостольскихъ ложекъ“. Въ жизни Шекспира, написанной Роу, сохранился слѣдующій анекдотъ, характеризующій отношенія Шекспира къ Бенъ Джонсону: Шекспиръ былъ крестнымъ отцомъ одного изъ сыновей Бена Джонсона. На крестины Шекспиръ явился озабоченнымъ и молчаливымъ. Когда Бенъ Джонсонъ спросилъ его, о чемъ онъ думаетъ, то Шекспиръ отвѣчалъ: „Я думаю о томъ, что, собственно, слѣдуетъ подарить тебѣ по поводу сегодняшняго праздника“. На дальнѣйшій вопросъ Бена Джонсона: что-же именно онъ хочетъ подарить, послѣдовалъ отвѣтъ, который состоитъ изъ непереводимой игры словъ: „Дюжину хорошихъ латунныхъ (*latin*) ложекъ, которыя ты долженъ посеребрить (*translate*)“. Такимъ образомъ, Бенъ Джонсонъ, всю жизнь переводившій (*translate*) съ латинскаго (*latin*), получалъ оплату за свои пренебрежительные отывы о произведеніяхъ Шекспира.

Стр. 1048. „Парижскій Садъ“—извѣстный въ то время садъ въ Лондонѣ. Въ Шекспирово время въ „Парижскомъ Саду“ была медвѣжья травля. Парижскимъ опъ былъ названъ въ честь Роберта Парижскаго, который въ царствованіе Ричарда II имѣлъ въ этомъ мѣстѣ садъ и домъ. Это дикое зрѣлище травли медвѣдей было введено въ моду королевой Елисаветой, которая однажды присутствовала на такомъ зрѣлищѣ вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ. Парижскій садъ находился по сосѣдству съ театромъ „Глобусъ“, гдѣ давались пьесы Шекспира. Очень часто ревъ медвѣдей слышался въ самомъ театрѣ и заглушалъ голоса актеровъ, декламировавшихъ стихи Шекспира.

Стр. 1049. „Какъ заставить спать утромъ перваго мая“. Утро перваго мая праздновалось всѣми сословіями, какъ начало весны.

Стр. 1049. „Гдѣ Варвиль и Кольбрандтъ Датчанинъ“—герои рыцарскихъ романовъ среднихъ вѣковъ.

Стр. 1049. „Онъ—непремѣнно мѣдникъ“. Тутъ—непереводимая игра значеніями слова „*brazier*“—мѣдникъ и жаровня.

Стр. 1050. „Силусутая миска“—чепчикъ, похожій на суповую миску.

Стр. 1050. „Палокъ“—обыкновенный призывъ на помощь при дракахъ на улицахъ.

Стр. 1050. „Скорбь Тоуэръ-гилла или членовъ Лэймгоуза“.—Эти намеки до сихъ поръ не выяснены. Докторъ Джонсонъ предполагаетъ, что „Скорбью“ назывался клубъ дуриганъ. Стенли, напротивъ того, думаетъ, что такъ назывался театръ, гдѣ давались народные фарсы, а выраженіе „члены Лэймгоуза“ относится къ актерамъ, разыгрывавшимъ эти фарсы.

Стр. 1051. „Моршальси—тюрьма“.

Стр. 1052. „Сава—царица Савская“.

Стр. 1052. „Наслѣднику“—т. е. Якову II.

Стр. 1052. „Новые народы“—намеки на поселенія и завоеванія въ разныхъ странахъ свѣта.

Стр. 1052. „По мнѣнію доктора Джонсона, все мѣсто, начинающееся словами: „И этотъ міръ не заснетъ вмѣстѣ съ нею“ и оканчивающееся: „ты рассказываешь чудеса“—были вставлены уже въ царствованіе короля Якова II, долго послѣ того, какъ пьеса была оковчена. Стоить только выкинуть ихъ, и вся рѣчь Краммера не потеряетъ ни логичности, ни послѣдовательнаго развитія идей. Если же вставку удержать, то она прерываетъ логическое теченіе мыслей: Краммеръ начинаетъ съ того, что прославляетъ наслѣдника Елизаветы, а кончаетъ тѣмъ, что высказываетъ желаніе не звать ничего о томъ, что она должна умереть. Начинаетъ, радуясь слѣдствію, и кончаетъ, оплакивая причину. Мелонъ дѣлаетъ то же самое замѣчаніе и прибавляетъ, что все это мѣсто было вставлено, по всей вѣроятности, только въ 1613 году, когда Шекспиръ уже оставилъ навсегда театръ, тѣмъ же самымъ писателемъ (можетъ быть, Флетчеромъ), который передѣлалъ и другія мѣста въ „Генрихѣ VIII“.

Стр. 1052. „Когда небо призоветъ ее изъ этой юдоли мрака“.—Стивенсъ замѣтилъ, что эти слова—очевидное подражаніе слѣдующему мѣсту у Лукова,—поэта, которымъ Бенъ Джонсонъ часто вдохновлялся: *Quanto sub nocte jaceret, nostra dies!*...

Содержаніе.

Король Іоаннъ	11
Жизнь и смерть короля Ричарда II	105
Король Генрихъ IV. Часть первая	209
Король Генрихъ IV. Часть вторая	317
Король Генрихъ V	429
Король Генрихъ VI. Часть первая	541
Король Генрихъ VI. Часть вторая	629
Король Генрихъ VI. Часть третья	729
Король Ричардъ III	829
Король Генрихъ VIII	957
Примѣчанія	1057

А. С. РАЗМАЗЕ.

ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

на Красной площади въ Москвѣ.

ОЧЕРКЪ.

Роскошное изданіе на картинной бумагѣ съ 33 фототипіями во весь размѣръ книги (36×28 сант.) и плаватомъ Верхнихъ и Среднихъ рядовъ. Цѣна 3 руб.

В. ПРУСЬ.

ФАРАОНЪ.

Романъ въ 3 частяхъ.

Цѣна 1 рубль 60 копѣекъ.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ.

ПАРИЖЪ.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Б. ПРУСЬ.

ЭМАНСИПАТКИ.

Романъ въ 4-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 60 к.

МАРСЕЛЬ ПРЕВО.

„СИЛЬНЫЯ ДѢВЫ.“

Переводъ съ французск. С. Зелинскаго.
Изданіе 2-е. Кіевъ. 1902 года. Цѣна 1 руб.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ.

ПЛОДОРОДИЕ.

РОМАНЪ.

Переводъ съ французскаго

Цѣна 1 руб. 50 коп.

А. КРУГЛОВЪ.

ПОДЪ КОЛЕСОМЪ ЖИЗНИ.

Повѣсти и рассказы.

Цѣна 1 руб.

А. КРУГЛОВЪ.

СВОИ-ЧУЖІЕ.

Романъ.

Цѣна 1 рубль.

САМУИЛЬ КОПЪРИДЖЪ.

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Поэма въ переводѣ Аполлона Коринфскаго
съ рисунками Густава Дорэ.

Цѣна 1 р. 50 к. Въ роскош. переплетѣ 3 р.

ЖЮЛЬ БУА.

ЖЕНЩИНА БУДУЩАГО.

Переводъ съ французскаго.

Второе изданіе

Спб. 1900 г. Цѣна 60 коп.

СОЧИНЕНІЯ.

В. И. НЕЖИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

По закону. Романъ. Цѣна 1 руб.

Въ снѣгъ. Повѣсть. Съ рис. Чичагова.
Цѣна 1 рубль.

Вѣломорье и Соловки. Воспоминанія и
разказы. Ц. 1 руб. 25 коп.

Контрабандисты. Ром. Съ 86 иллюстр.
Цѣна 2 руб.

П. ЛИНДЕНБЕРГЪ.

БЕРЛИНСКІЙ ДВОРЪ

И

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Геннена.

Цѣна 1 руб.

П. ЛВИНЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Кіевъ, 1896 г.

Цѣна за 10 томовъ 8 руб. Каждый томъ 1 р.

В. ДРЭПЕРЪ.

ИСТОРІЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ.

Подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго.

3-е изд. К. 1901 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

И. П. МЯТЛЕВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Съ портретомъ и біографіей.

Цѣна 1 рубль.

Джеромъ Н. Джеромъ.

ВТРОЕМЪ НА ВЕЛОСИПЕДАХЪ.

Съ иллюстр. Л. Ревенъ-Гилля.

Цѣна 1 руб.

Б. И. ТОКАРСКІЙ.

СПОРТЪ.

Коннозаводство и коневодство.

Цѣна 5 руб.

Джеромъ Н. Джеромъ.

СИНІЕ И ЗЕЛЕНЫЕ НАБРОСКИ.

Цѣна 1 руб.

Дж. С. МИЛЛЬ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Переводъ съ англійск. подъ редакц. прив. доц.
О. И. Остроградскаго.

Цѣна 3 рубля.

МАКСЪ НОРДАУ.

ВЫРОЖДЕНІЕ.

Переводъ съ нѣмецк. съ предисловіемъ В.
Авеенко.

3-е изданіе, К. 1902 г. Цѣна 1 руб.

Коллекція Самоучителей

ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

по методу Туссена и Лангеншейдта, под редакцией Д. Н. Сеславина.

Кому неизвѣстно, какую важную роль въ образованіи человека играетъ знаніе иностранныхъ языковъ? Но изучить основательно тотъ или иной иностранный языкъ возможно лишь двумя способами: или взять хорошаго учителя, или прибѣгнуть къ учебнику. Первый способъ, безъ сомнѣнія, хорошъ, но обходится очень дорого, и потому не всякому доступенъ. Слѣдовательно, большинству приходится прибѣгнуть къ „самоучителю“. Существуетъ множество подобныхъ самоучителей, составленныхъ по разнымъ методамъ, но лучше всѣхъ ихъ пользующіеся всемірной извѣстностью самоучители по „методу Туссена и Лангеншейдта“. Эти два профессора новыхъ языковъ въ Берлинѣ задаліе себѣ создать, на основаніи долговременнаго опыта, такую методику, по которой обучающійся, безъ помощи учителя, могъ бы основательно изучить иностранный языкъ, теоретически, такъ и практически, при чемъ, что особенно важно теорія и практика изучаемаго языка идутъ параллельно, такъ сказать, рука объ руку.

Даваемый этими самоучителями матеріалъ имѣетъ то преимущество, что обучающійся легко разбирается въ немъ, и при томъ разбирается вполне сознательно, осмысленно и, что самое главное, начинается съ перваго же урока читать, писать и говорить на избранномъ иностранномъ языкѣ.

Все изданіе состоитъ изъ 8 томовъ, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ и безукоризненно выполненныхъ какъ въ техническомъ, такъ и въ корректурномъ отношеніи. Вышли изъ печати;

- 1) Самоучитель французскаго языка, въ 2 т. Т. I. изданіе 2-е. Цѣна 3 руб. 50 коп. (законченъ). Т. II. цѣна 3 руб. 50 коп. (законченъ).
- 2) Самоучитель нѣмецкаго языка, въ 2 т. Т. I., Изданіе 2-е цѣна 3 руб. 50 коп. (законченъ). Т. II. цѣна 3 руб. 50 коп.
- 3) Самоучитель англійскаго языка, въ 2 т. Т. I. 3 руб. 50 коп. Т. II. цѣна по подпискѣ 3 руб. (вышелъ вып. 28).
- 4) Самоучитель итальянскаго языка, въ 1 т. Цѣна 3 руб. 50 коп. (законченъ).
- 5) Самоучитель польскаго языка, въ 1 т. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Вышедшіе выпуски выдаются и высылаются подписчикамъ по первому требованію. Пересылка по 50 коп. за каждый томъ.

Самоучитель французскаго языка

по методу ТУССЕНА и ЛАНГЕНШЕЙДТА

упрощенное и сокращенное изд. Сост. Д. Н. Сеславинъ.

1902 года. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Коллекція Карманныхъ Словарей.

Предпринимая изданіе „Коллекціи словарей“, мы имѣли въ виду, по возможности, содѣйствовать, путемъ карманныхъ книжекъ, распространенію въ публикѣ знанія языковъ. Подобныя коллекціи существуютъ въ западно-европейскихъ литературахъ и пользуются очень широкой популярностью. Принятый нами форматъ дѣлаетъ наши книжки настоящими карманными словарями, а мельчайшій шрифтъ и система расположенія лексическаго матеріала даютъ возможность вмѣстятъ въ каждый томикъ 25.000 т. е. всѣ слова любого живого языка, исключая устарѣвшихъ и техническихъ.

Мы далеки отъ мысли, что наши изданія могутъ вполне замѣнить прекрасные полные лексическіе труды, существующіе на русскомъ языкѣ, но смѣемъ думать, что и при наличности послѣднихъ „Коллекція карманныхъ словарей“ можетъ быть полезна, облегчая справки, часто отнимающія очень много времени при обращеніи къ большимъ словарямъ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ.

- 1) Французско-русскій. Составилъ Е. Яковлевъ. Изд. 7-е. Цѣна 60 коп. Одобр. Учен. Ком.
- 2) Нѣмецко-русскій. Составилъ Л. Д. фонъ-Циглеръ. Изд. 6-е. Цѣна 60 к. Одобр. Уч. Ком.
- 3) Англійско-русскій. Изданіе 2-е. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ. Составилъ Э. Гюкинъ. Кіевъ, 1900 г. Цѣна 60 коп.
- 4) Латинско-русскій. Составилъ Гомицкий. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ. Кіевъ, 1898 года. Цѣна 60 коп.
- 5) Русско-французскій. Составилъ П. Г. Спивоковъ. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ. Изданіе 4-е. Кіевъ, 1903 г. Цѣна 60 коп.
- 6) Русско-нѣмецкій. Составилъ Левенсонъ. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ. Изданіе 3-е. Кіевъ. 1901 г. Цѣна 60 коп.
- 7) Русско-англійскій. Составилъ Д. Сеславинъ. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ. Кіевъ, 1901 г. Цѣна 60 коп.

Русско-французско-нѣмецко-англійскій техническій словарь. Составилъ Н. Мазуренко. СПб., 1902 г. Цѣна 70 коп.

Словарь Иностранныхъ Словъ

наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ.

Сост. Н. Гавкинъ. Изданіе 20-е. (90,000—100,000). Кіевъ, 1903 года. Цѣна 60 коп. въ перепл. 75 к.

Составленный Н. Гавкинымъ, „Карманный словарь иностранныхъ словъ“ является въ настоящее время самымъ распространеннымъ, благодаря своему удобному формату, своей дешевизнѣ, а главное-той массѣ словъ и значеній, которые въ немъ помѣщены, тѣмъ онъ почти не отличается отъ большихъ и сравнительно дорогихъ изданій.

Словарь этотъ въ теченіе 7—8 лѣтъ разошелся въ количествѣ 100,000 экзем.

ПОСТУПИЛА въ ПРОДАЖУ

Исторія Малой Россіи.

Сочиненіе Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

Съ девятнадцатью портретами, пятью рисунками, двадцатью шестью раскрашенными изображеніями Малороссіянъ и Малороссіянокъ въ старинныхъ одеждахъ, планомъ Берестеческаго сраженія, снимками подписей разныхъ Гетмановъ и Предводителей Казаковъ, и съ картою, представляющей Малороссію подъ владѣніемъ Польскимъ въ началѣ XV II вѣка.

Изданіе четвертое.

Среди цѣлаго ряда трудовъ покойнаго исторіографа Д. Н. Бантышъ-Каменскаго особеннаго вниманія заслуживаетъ „Исторія Малороссіи“, являющаяся плодомъ долготѣлныхъ архивныхъ занятій, производившихся въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ Архивѣ Черниговскаго Губернскаго Правленія и другихъ мѣстахъ, куда Д. Н., какъ лицо съ высокимъ положеніемъ, имѣлъ свободный доступъ.

Сочиненіе это дѣлится на три части. Первая содержитъ въ себѣ древнюю исторію: отъ водворенія славянъ до поступленія сего края въ 1654 году, подъ владычество Россійскихъ Самодержцевъ; вторая и третья—новую: отъ присоединенія къ Россіи до уничтоженія гетманства.

Ни одинъ изъ позднѣйшихъ писателей-историковъ не обратилъ своего вниманія на этотъ край, столь богатый бытовыми и историческими воспоминаніями. Жизнь этого народа представляетъ собой вѣковой подвигъ: постоянную и неутомимую борьбу за свободу и вольность, выражавшуюся въ войнахъ съ татарами и поляками. Какой свѣжестью, какой мощью вѣетъ съ этихъ страницъ геройской борьбы, гдѣ люди охотно жертвовали жизнью для достиженія завѣтной мечты—свободы.

Сочиненіе Бантышъ-Каменскаго пополняетъ этотъ пробѣлъ въ исторіи Малороссіи. Близкое знакомство съ краемъ и его преданіями, историческими и литературными памятниками, во время продолжительнаго служенія тамъ, дало ему возможность написать свою „Исторію“ въ такомъ полномъ и законченномъ видѣ, что она и по настоящее время является цѣннымъ и почти единственнымъ трудомъ въ этомъ родѣ.

Въ виду того, что последнее третье изданіе все разошлось и стало библиографическою рѣдкостью, мы рѣшили выпустить новое четвертое изданіе трудовъ покойнаго автора.

Для приданія „Исторіи Малороссіи“ возможно болѣе изящнаго вида, всѣ портреты Гетмановъ изготовлены въ художественно-артистическомъ заведеніи Брюкмана въ Мюнхенѣ. Рисунки одежды исполнены красками на отдельныхъ таблицахъ. Все изданіе отпечатано въ одномъ компактномъ томѣ, содержащемъ 40 печатныхъ листовъ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Открыта подписка

на

Полное Общеизвестное Собрание Сочинений Артура Шнитцлера.

Въ одномъ томѣ большого формата, съ портретомъ автора.

Цѣна по подпискѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Помысленныя въ настоящемъ изданіи пьесы въ нашемъ переводе были поставлены въ театрахъ „Соловцовъ“ (въ Кіевѣ), въ Харьковѣ и Саратовѣ.

Модный вѣнскій писатель, недавно выступившій на литературномъ поприщѣ, Артуръ Шнитцлеръ сразу завоевалъ симпатіи всего общества.

Слава Шнитцлера, какъ писателя и драматурга, разнеслась далеко за предѣлы литературныхъ кружковъ г. Вѣны и объясняется рѣдкимъ художественнымъ дарованіемъ.

Произведенія Шнитцлера немногочисленны, но по сюжету полны такого захватывающаго интереса, написаны такимъ живымъ и образнымъ языкомъ, типы такъ художественно обрисованы, выбраны такіе психологическіе моменты, что, кажется, будто сама жизнь внушила ихъ ему.

Если и находятъ, что Шнитцлеръ, иногда, довольно реально выражаетъ свои мысли, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ это такъ лѣгко, изящно, съ такимъ блескомъ остроумія, часто переходящаго въ ѣдкую сатиру, что охотно прощаешь ему это направленіе. Да это, впрочемъ, можно сказать только о его первыхъ произведеніяхъ, такъ какъ въ послѣднее время въ немъ произошелъ переломъ и онъ чаще останавливается на моральныхъ качествахъ человѣка.

Преобладающей литературной формой произведеній Шнитцлера являются драма и новелла, какъ дающія больше простора личности автора.

Профессоръ И. А. Сикорскій.

Сборникъ научно-литературныхъ статей.

По вопросамъ общественной психологіи, воспитанія и нервно-психической гигиены, въ 5-ти томахъ.

Кіевъ, 1900 г. Цѣна за всѣ 5 томовъ 5 р.

Научно-литературные труды проф. И. А. Сикорскаго появлялись въ свѣтъ то отдѣльными изданіями, то въ видѣ журнальныхъ статей въ медицинскихъ, педагогическихъ и философскихъ журналахъ въ Россіи и за границей.

Приступая къ изданію этихъ трудовъ, издатель руководился отчасти непрекращающимся спросомъ на нихъ, болѣе же всего — желаніемъ положить начало изданію тѣхъ научно-литературныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ, которые по содержанію своему касаются вопросовъ жизни и имѣютъ общественный интересъ, независимо отъ научнаго. Не входя, впрочемъ, въ обсужденіе этой стороны дѣла, мы исполняемъ нашъ издательскій долгъ въ отношеніи трудовъ проф. И. А. Сикорскаго, печатая, почти полностью все, что вышло въ свѣтъ изъ-подъ его пера, за исключеніемъ статей имѣющихъ чисто специальное — психіатрическое или медицинское значеніе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Полное Общедоступное Собрание Сочинений Гергарда Гауптмана.

Въ одномъ томѣ большого формата, съ портретомъ автора.

Переводъ и вступительная статья Г-на Григорьева. Цѣна по подпискѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Въ настоящее изданіе войдутъ драмы: „ТКАЧИ“ и
„БѢДНЫЙ ГЕНРИХЪ“.

Гергардъ Гауптманъ является въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ писателей Германіи. Принадлежа къ натуралистической школѣ, Гауптманъ, въ своихъ произведеніяхъ по силѣ, детальной и разработкѣ сюжета, оставляетъ за собою лучшихъ современныхъ писателей, въ томъ числѣ Зудермана, а также и Ибсена, послѣдователемъ котораго онъ считается.

Первымъ произведеніемъ Гауптмана, доставившимъ ему литературную извѣстность, считается драма „Передъ восходомъ солнца“, вызвавшая своимъ „крайне рѣзкимъ реализмомъ“ цѣлую бурю.

Затѣмъ слѣдуютъ: драма „Праздникъ Примиренія“, рассказы „Стрѣлочникъ Тилль“ и „Апостолъ“.

Въ слѣдующей пьесѣ „Одинокіе“, написанной въ 1890 году, Гауптманъ во взглядахъ на любовь и бракъ, приближается къ воззрѣніямъ графа Л. Н. Толстого.

Начиная съ 1893 года Гауптманъ выступаетъ съ пьесами „Ганеле“, „Потонувшій Колоколь“, и др. которыя благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ не перестаютъ появляться на всѣхъ сценахъ Европы. Полное правды изображеніе дѣйствительности соединяется въ этихъ произведеніяхъ съ романтическимъ идеализмомъ въ своеобразное цѣлое.

Въ послѣднихъ своихъ драмахъ: „Извозчикъ Гентшель“ и „Михаилъ Крамеръ“, Гауптманъ является превосходнымъ знатокомъ нравовъ, тонкимъ психологомъ и вдумчивымъ социологомъ.

„Самое цѣнное въ разностороннемъ дарованіи любимаго нѣмецкаго драматурга-то, что намъ всегда дороже въ человѣкѣ, а особенно въ художникѣ: неутомимая жажда правды. Жизнь кажется ему безконечно серьезнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, и онъ не отрываетъ отъ нея своего дѣятельно пытливаго взгляда. О чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ говоритъ о самомъ важномъ въ жизни, о ея неразрѣшимыхъ загадкахъ и противорѣчіяхъ, о ея цѣли, о ея смыслѣ.“

Кромѣ перечисленныхъ уже пьесъ въ наше изданіе войдетъ много другихъ произведеній: „Коллега Крамптонъ“, „Бобровая шуба“, „Флоріанъ Гейеръ“ и др., пользующихся въ Германіи, благодаря своимъ литературнымъ достоинствамъ, большимъ успѣхомъ, но распространяться о которыхъ намъ не даютъ границы этой замѣтки.

Новое роскошно иллюстрированное изданіе!

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА.

Въ одномъ томѣ большого формата, крупной печати. Много гравюръ большого формата лучшихъ иностранныхъ художниковъ. Оригинальная обложка извѣстнаго художника Н. Каразина, исполненная въ нѣсколько красокъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Имя Ганса Андерсена хорошо извѣстно всѣмъ и каждому и не нуждается въ рекомендаціи. Художественное творчество Андерсена, главнымъ образомъ, выразилось въ составленіи сказокъ. Въ сказкахъ этихъ перемѣшались вмѣстѣ и пылкая фантазія, и остроуміе, и увлекательное, живое изложеніе, доступное пониманію самыхъ маленькихъ дѣтей.

Недаромъ-же сказки Андерсена, съ давнихъ поръ, стали самыми излюбленными сказками и съ такой охотой читаются не только дѣтьми, но даже и взрослыми.

Роскошные рисунки, заимствованные изъ лучшихъ заграничныхъ изданій дополняютъ наше изданіе и ставятъ его очень высоко въ ряду художественныхъ изданій.

ДЖЕРОМЪ Н. ДЖЕРОМЪ.

„ПРАЗДНЫЯ МЫСЛИ ДѢТЯМЪ.“

Цѣна 50 копѣекъ.

ЕЯ КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА.

Изъ дневника г-жи Позднышевой. Изд. 4-е.

Цѣна 50 коп.

БЕРТОЛЬДЪ АУЭРБАХЪ.

НА ВЫСОТѢ.

Перев. съ нѣм. К., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

HAWELOCK ELLIS.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА.

Общедоступ. антрополог. изслѣдов. Переводъ съ англ. д-ра А. М. Гринберга, подъ ред. проф. И. А. Синорскаго.

Кіевъ. Цѣна 1 рубль.

А. С. РАЗМАДЗЕ.

ВОЛГА

Отъ Нижняго Новгорода до Астрахани.

Цѣна 5 руб. 50 коп.

М. СТОЛЯРОВЪ.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ НОВЕЛЛИСТЫ.

Чеховъ, Горькій, Короленко и Гаршинъ (съ портр.)

Цѣна 50 копѣекъ.

БОЛЕСЛАВЪ ПРУСЪ.

МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

Полные и подробные каталоги съ оглавленіемъ, отзывами и проспектами высылаются по первому требованію бесплатно.

Д-ръ Т. РИБО.

профессоръ въ Collège de France и редакторъ журнала Revue philosophique.

ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВЪ.

Цѣна 1 руб.

Э. ОЖЕШКО.

ДНЕВНИКЪ ВАЦЛАВЫ

романъ въ 2-хъ томахъ.

Томъ I. Цѣна 1 руб.

Дневникъ Вацлавы т. II;

BENE NATI и др. разск.

Цѣна 1 руб.

Э. ОЖЕШКО.

МАРТЪ.

Романъ въ частяхъ

Цѣна 1 руб.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Съ портрет. и статью о Лермонтовѣ

К. И. Арабакина.

Изданіе 2-е Съ рисун. Михайлова, по эскиз. худ. Броня; съ приб. всѣхъ юн.шеск. пронав. Въ изящ. перепл. съ зол. тисн. 1 руб. 50 коп.

В. Л. МИХНЕВИЧЪ.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

Историческія типы.

Цѣна 1 руб. 25 копѣекъ.

Избранные произведения Шекспира

71521 K17-4934
D-2789

